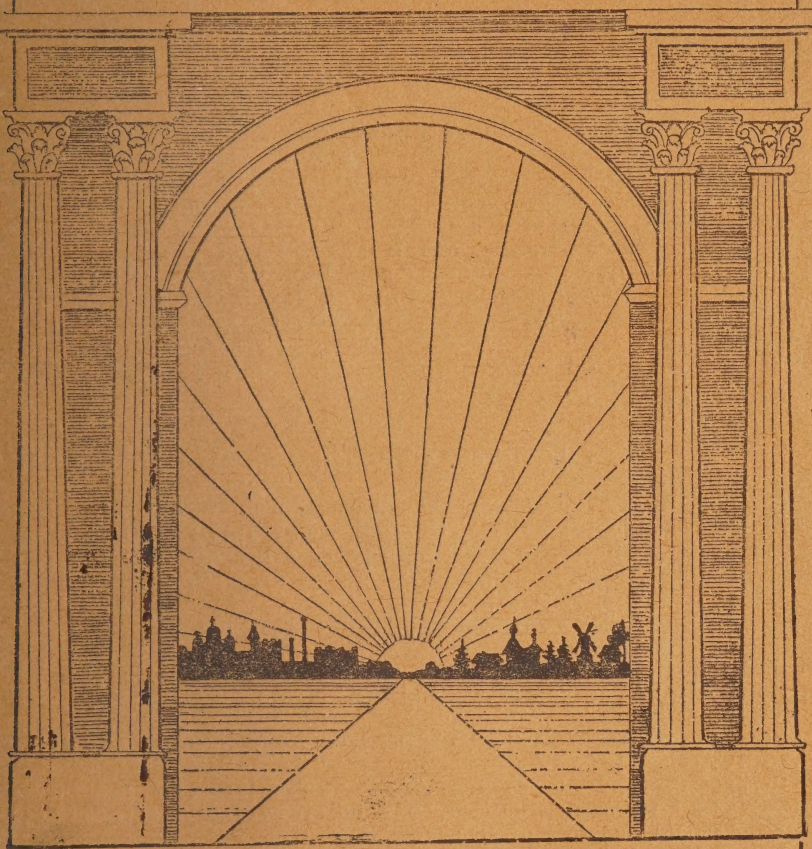
HF1401
.K865
1919
CH.2

ТРУДЫ
ПЕТРОГРАДСКАГО КООПЕРАТИВНАГО ИНСТИТУТА
УЧРЕЖД. ОБЩ. ОЛТ. ЗАК. ДЛЯ ПОТРЕБИТ. ОБЩ.



Проф. І. М. КУЛИШЕР.

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ, ч. II.

СОБСТВЕННЫЯ ИЗДАНІЯ ИЗДАТЕЛЬСТВ „КООПЕРАЦІЯ".

Звездочкой* выделены издания Общества Оптовы Закупок для потребительных обществ; курсивом- популярная литература.

I-a. Теория кооперации.

1. Левин, Э. Н. Кооператив, как потребительное хозяйство—критическ этюд. Библ. Вестн. Кооп., 1918 г., 35 стр. 75 коп.
2. Орлов, Н. А. Кооператив в работе (Правдивая страничка из истор вымышленного потребит. об-ва), 1918 г., 1 руб. 70 коп.
3. Пекарский, В. Ф. Нормальная экономика. Вып. 1, изд. 2-е 15 р.
4. Его-же. Нормальная экономика. Вып. II. Кооперативная организац распределения товаров. (Теория потреб. кооперации) 1917 154 стр. 3 руб. 25 коп. (распр.) печатается 2-е издание.
5. Хейсин, М. Л. *Письма к потребителям. 6-ое исправленное издан 1917 г., 22 стр. 60 коп. (распр).*

I-b. История кооперации.

6. Фроммет, Б. Р. Социалистические и кооперативные идеалы петрашевц в сороковых годах (Библ. «Вестн. Кооп.»), 1918 г., 22 стр. 75 ко
7. Хейсин, М. Л. Потребительская кооперация в Бельгии. 1918 г. 2 руб

I-c. Разные вопросы кооперации.

8. Брянский, Н. Г. Освобожденный труд. 1918 г. ц. 3 руб.
9. Гайдебуров, В. П. Земельная теснота, раздел земли и кооперац 1917 г. 56 стр. 1 руб.
10. Его-же. Социальная природа прибыли (К теории кооперации), 1918 108 стр. 2 руб. 25 коп.
11. Пекарский, В. Ф. К вопросу о нашей экономической политике связи с кооперацией (Программа практическ. социалистическ. р боты 1917 г.) 15 стр. 40 коп.
12. Его-же. Торговая реклама, конкуренции и потребительския общест 1918 г., 24 стр. 55 коп.
13. Тахтарев, К. М. Социология 1918 г. 3 р. 95 к.
14. Туган-Барановский, М. И. проф. — Социализм, как положительн учение. 1918 г., 123 стр. 3 руб. 50 коп., — 4 р.
15. Фроммет, Б. Р.—Кооперативное воспитание детей и возрождение чел вечества, 1918 г., 1 руб. 75 коп.
16. Фурье, Ш. Преступления капитализма. Пер. Е. С. Кондратьевой, п редакцией и с предисловием Б. Р. Фроммета, 1918 г. 3 руб.

EAST-WEST FEATURES SERVICE
P. O. Box 8867
Washington, D. C. 20003

Труды Петроградского Кооперативного Института учр. Общ. Оптов. закупок для потребит. обществ.

Проф. І. М. Кулишер.

ee HF1401
C .K865
1919
ch.2

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ.

Часть вторая.

OSNOVNYE VOPROSY
mezhdunarodnoi
torgovoi politiki

Издательское Товарищество Кооперативных Союзов
„КООПЕРАЦИЯ".
Петроград, Литейный 49, кв. 8.—Тел. 168-11.
1919.

10-я Государственная Типография, в Главном Адмиралтействе.

ПРЕДИСЛОВЬЕ.

Вторая часть книги началась печатаньем еще до выхода первой части и могла выйти раньше, если бы не произошло задержки из за новой орфографии. Было предъявлено требованье печатать дальше обязательно по новому правописанью, и несмотря на указанья, что не только первая часть, но и свыше десяти листов второй уже отпечатаны по старому способу, да и самая книга не предназначена ни для низшей ни для средней школы, — начальство не сочло возможным отказаться от своего распоряженья. Пришлось подчиниться и с середины 13-го листа (начиная с гл. 6-ой, стр. 203-ей) пустить в ход новую орфографию. Перед читателем приходится извиниться, но ни автор и, ни издательство не повинны.

Все это вызвало не только остановку в работах типографии, но и досадные опечатки, ибо вниманье было поглощено основной проблемой правописанья [1]). Отчасти в связи с указанными обстоятельствами пришлось отказаться от двух глав, уже готовых для набора, и таким образом, немного сократить объем книги (предполагаемая глава об аграрных пошлинах и глава относительно возврата пошлин и временного безпошлинного привоза не вошла в книгу).

Ко второй части книги приложен предметный указатель для обоих частей.

Декабрь 1918 года.

---

[1]) Особенно досадно повторенье на стр. 65 — первые $2^1/_2$ стр. сверху: от слов «Есть и другое» до «для посторон» надо просто вычеркнуть. На стр. 107 к подзаголовку главы III, «Идея таможенных союзов до войны» надо прибавить — «Всероссийский таможенный союз». На стр. 131 внизу за словами «что с ними станет» (стр. 5 снизу) начинается новая II главка (II) словами «В то время, как другие государства».

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Торговые договоры и право наиболѣе благопріятствуемой державы.

А. Принципъ наибольшаго благопріятствованія и принципъ компенсаціи.

Кромѣ общихъ сочиненій, указанныхъ въ гл. II и въ особенн. въ гл. VIII ч. I, слѣдующія **спеціальныя работы о правѣ наибольшаго благопріятствованія. Bonnet.** La clause de la nation la plus favorisée. 1900. **Lehr.** La clause de la nation la plus favorisée et la persistance de ses effets. (Revue de Droit International. T. XXV. 1893). Его-же. La clause de la nation la plus favorisée spécialement d'après les règles en vigueur en Angleterre et aux Etats-Unis. (Revue de Droit International. 2-e série. T. XII. 1910). **Visser.** La clause de «la nation la plus favorisée» dans les traités de commerce. (Revue de Droit International. 2-e serié. T. IV. 1902). **Cavaretta.** La clausola della nazione piu favorita. 1906. Stanley Kuhl **Hornbeck.** The most favoured nation clause in commercial treaties, its fonction in theory and in practice and its relation to tarif policies. 1910. **Stone.** Most-favoured-nation treatment between Germany and the United States. 1906. (North American Review. T. 182. 1906). **Herod.** Favored Nation Treatment. 1901. **Arndt.** Die Zweckmässigkeit des Systems der Meistbegünstigung. 1901. **Melle.** Die Meistbegünstigungsklausel (Holzendorfs Handbuch. III. 1881). **Schraut.** System der Handelsverträge und der Meistbegünstigung. 1884. **Glier.** Die Meistbegünstigungsklausel. 1905. **Borchardt.** Entwickelungsgeschichte der Meistbegünstigung im Handelsvertragssystem. 1906. **Teubern.** Die Meistbegünstigungsklausel in den internationalen Handelsverträgen. 1913. **Horstmann.** Handelsverträge und Meistbegünstigung. 1916. **Wolf.** Vorzugsbehandlung im Rahmen der Meistbegünstigung. (Festgabe für Fr. Neumann. 1905). **Trescher.** Vorzugszölle. 1908. **Я. Д. Маковскій.** Условіе наибольшаго благопріятствованія въ торговыхъ договорахъ. 1917.

Paul **Muller.** L'article 11 du traité de Francfort. (Journal des Economistes. 1888). **Oncken.** L'article onze du traité de paix de Francfort (Revue d'economie politique. 1892). **Mages.** Des consequences de l'article 11 du traité de Francfort. 1911. **Sartorius von Waltershausen.** Der Paragraph elf des Frankfurter Friedens. 1915.

Jastrow. Die mitteleuropäische Zollannäherung und die Meistbegünstigung. 1915. **Schüller.** Meistbegünstigung und Vorzugszölle. 1916. (Schriften des Vereins für Socialpolitik. B. 155. T. I.). **Schumacher.** Meistbegünstigung und Zollunterscheidung. 1916. (Тамъ же). **Schilder.** Mitteleuropa und die Meistbegünstigungsfrage. 1917.

I.

«Произведенія почвы и промышленности Россіи, ввозимыя въ Германію, — говорится въ нашемъ торговомъ договорѣ съ Германіей 1904 г. — и произведенія почвы и промышленности Германіи, ввозимыя въ Россію,... ни въ какомъ случаѣ, ни подъ какимъ предлогомъ не будутъ подвергаться болѣе высокимъ или инымъ пошлинамъ, сборамъ, прямымъ или косвеннымъ налогамъ, а равно подлежать дополнительнымъ пошлинамъ или запрещенію къ привозу, кои не распространялись бы на однородныя произведенія всякой другой страны».

Это постановленіе именуется оговоркой о правѣ наиболѣе благопріятствуемой державы (la clause de la nation la plus favorisée, most-favoured treatment, Meistbegünstigungsklausel). Она здѣсь, какъ обыкновенно бываетъ, взаимная (произведенія Россіи въ Германіи, а германскія — въ Россіи) и въ отрицательной формѣ («не будутъ подвергаться инымъ» и т. д.). А для вѣрности въ томъ же договорѣ прибавлена еще и положительная сторона: «соотвѣтственно сему, всякая льгота и преимущество, всякое пониженіе ввозныхъ пошлинъ, значащееся въ общемъ или договорномъ тарифахъ, предоставленное одной изъ договаривающихся сторонъ третьей державѣ безъ срока или на время, распространяются немедленно, безусловно, безъ ограниченій и безвозмездно на произведенія почвы и промышленности другой стороны».

«Немедленно, безусловно, безъ ограниченій и безвозмездно» — это характерныя особенности принципа наибольшаго благопріятствованія. Всѣ льготы, выгоды, преимущества, уже дарованныя, или тѣ, которыя будутъ дарованы кому-либо иному, распространяются на договаривающуюся сторону «immédiatement et sans compensation», «gratuitement», «sans condition», «immediately and without condition», «sofort und ohne weiteres» — какъ гласитъ эта формула въ различныхъ трактатахъ.

Россія въ 1893 г. заключила торговый договоръ съ Франціей, получивъ отъ нея право наибольшаго благопріятствованія и предоставивъ ей таковое. Затѣмъ, два года спустя, Франція по трактату съ Швейцаріей понизила пошлины по

29 статьямъ своего тарифа, напр. сократила обложеніе пиленаго лѣса, сыра, конденсированнаго молока, бумажныхъ тканей. Всѣ эти пониженія, въ силу наибольшаго благопріятствованія, тотчасъ же распространились и на Россію и нѣкоторыя изъ нихъ имѣли для Россіи крупное значеніе. Россіи не пришлось для этого входить въ какія-либо новыя соглашенія съ Франціей, вести съ ней переговоры, просить для себя того же, что дано было Швейцаріи. Нѣтъ, для полученія всѣхъ этихъ выгодъ оказалось достаточнымъ существованія прежняго франко-русскаго договора, снабженнаго своеобразнымъ аппаратомъ, именуемымъ правомъ наиболѣе благопріятствуемой державы. Этотъ инструментъ отличается тѣмъ свойствомъ, что, подобно магниту, притягиваетъ къ себѣ всѣ льготы и преимущества, которыя получаетъ какая бы то ни было иная держава, гдѣ бы она ни находилась, въ Европѣ, Америкѣ или иной части свѣта, и въ чемъ бы ни заключались тѣ выгоды, которыя она себѣ выговорила.

Гдѣ-то въ Южной Америкѣ двѣ державы, Бразилія и Перу, договариваются относительно пошлинъ, которыя они будутъ взимать другъ у друга; но Бразилія предоставила когда-то права наибольшаго благопріятствованія Португаліи, и немедленно же всѣ дарованныя Перу выгоды перебрасываются за океанъ, въ Европу. Португалія оказывается обладательницей выгодъ, о которыхъ она, быть можетъ, и не думала. Ее снабдила этими дарами волшебная фея, именуемая наибольшимъ благопріятствованіемъ.

Каждая страна заключаетъ рядъ договоровъ и вездѣ вносится та же оговорка. Австро-Венгрія въ началѣ новаго столѣтія признала наиболѣе благопріятствуемой державой и Россію, и Англію, и Швейцарію, и Бельгію, и рядъ другихъ странъ. И поэтому уступки, которыя она сдѣлала Италіи, сразу распространились на нихъ всѣхъ. Подобно электрическому току, они прошли по всей Европѣ, незримыми нитями связали всѣ страны, поставили ихъ всѣхъ въ равное положеніе на австрійскомъ рынкѣ. Италія выговорила себѣ рядъ уступокъ, но она не воспользовалась ими одна, не оказалась монополисткой. Международная конкурренція этого не потер-

*

пѣла бы. Это значило бы устранить всѣ другія страны изъ австрійскаго рынка, предоставить снабженіе Австро-Венгріи соломенными шляпами, бочарными издѣліями, обувью, различными товарами изъ стекла, мрамора, алебастра, оливковымъ масломъ и т. д. одной Италіи, ибо на всѣ эти товары, по договору съ Италіей, были установлены пониженныя ставки.

Это было бы немыслимо, означало бы переворотъ въ міровой торговлѣ, переворотъ, которымъ долженъ былъ бы сопровождаться каждый новый договоръ между двумя странами. Принципъ наибольшаго благопріятствованія предупреждаетъ такія потрясенія, устраняетъ захватъ того или другого рынка одной страной и вытѣсненіе изъ нея всѣхъ прочихъ. Этотъ принципъ является, слѣдовательно, необходимымъ условіемъ развитія международной торговли, основой всякаго мірового обмѣна. Онъ ставитъ всѣхъ конкуррентовъ въ равное положеніе, никому не даетъ преимуществъ передъ другими, никого не снабжаетъ исключительными привилегіями. Всѣ одинаковы, всѣ могутъ бороться, соперничать на равныхъ условіяхъ, ceteris paribus, равнымъ оружіемъ. Нельзя запрещать вывоза русскаго хлѣба во Францію, не запретивъ въ то же время и американскаго, румынскаго, остъ-индскаго; нельзя повысить пошлины на англійскія машины въ Италіи, не повысивъ ихъ на тѣ же машины германскаго, американскаго и всякаго иного происхожденія. Полное равенство, нѣтъ любимыхъ и нелюбимыхъ дѣтей, нѣтъ сыновей и пасынковъ.

Въ 1891—92 г. г. Германія заключила рядъ торговыхъ договоровъ съ Австріей, Бельгіей, Швейцаріей, Италіей; одновременно послѣдовали трактаты Австро-Венгріи со всѣми этими странами. Но можно ли говорить — спрашиваетъ Sombart — о какомъ то особенно тѣсномъ сближеніи между этими пятью державами? Вѣдь существуетъ наибольшее благопріятствованіе, которымъ напр. та же Германія связана и съ прочими европейскими государствами, напр. съ Швеціей, Нидерландами, Франціей и т. д. Въ силу этого, они нисколько не дальше для Германіи, чѣмъ Австрія или Швейцарія, и Швейцарія или Австрія вовсе не ближе ей, чѣмъ Швеція или

Нидерланды. Всѣ они стянуты однимъ и тѣмъ же поясомъ наибольшаго благопріятствованія, всѣ находятся въ равномъ положеніи.

Таковъ европейскій принципъ, положенный въ основу торговыхъ договоровъ, проходящій красной нитью чрезъ всѣ современные международные трактаты. Но есть еще иной — американскій. Хотя онъ именуется иногда «условнымъ наибольшимъ благопріятствованіемъ» (bedingte Meistbegünstigung), но въ дѣйствительности ничего общаго съ «благопріятствованіемъ» вообще не имѣетъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ договорѣ Россіи съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами 1832 г. читаемъ: если одна изъ договаривающихся сторонъ предоставитъ впослѣдствіи другимъ націямъ какое-либо преимущество, то съ того же момента оно распространяется и на другую сторону. Казалось бы, до сихъ поръ все хорошо— полное равенство, хотя о немедленномъ и безвозмездномъ полученіи тѣхъ же правъ уже нѣтъ рѣчи. Но дальше трактатъ продолжаетъ: «причемъ каждая сторона будетъ пользоваться онымъ (преимуществомъ, даваемымъ какой-либо державѣ) безвозмездно, если то преимущество будетъ дано безусловнымъ образомъ, или съ предоставленіемъ равныхъ выгодъ, если оно будетъ условное». Такъ какъ преимущества, даваемыя кому-либо даромъ, въ сношеніяхъ между государствами встрѣчаются столь же рѣдко, какъ въ отношеніяхъ между людьми, то первый слу́чай превращается въ фразу, не имѣющую реальнаго значенія.

Вся суть во второмъ — не «если», а «такъ какъ» преимущество дается другой сторонѣ условно, т. е. при заключеніи съ нею договора, подъ условіемъ выгодъ, получаемыхъ отъ нея, то другія страны ихъ не получатъ, если также не предоставятъ равныхъ льготъ. Иначе говоря, Россія сдѣлала уступки Соединеннымъ Штатамъ, а потомъ Соединенные Штаты предоставляютъ новыя выгоды Франціи. Но Россіи они не даются. Ей нужно предварительно еще разъ предоставить какой-либо эквивалентъ американской республикѣ. Поэтому система эта именуется принципомъ эквивалента, компенсаціи, иногда и принципомъ взаимности (reciprocité), хотя это названіе, какъ и именованіе условнымъ наибольшимъ благопріятствованіемъ,

способно лишь ввести въ заблужденіе: о взаимности мы говоримъ, когда обѣ стороны предоставляютъ другъ другу равныя права — они могутъ установить взаимно наибольшее благопріятствованіе, могутъ и ограничиться взаимнымъ примѣненіемъ системы эквивалента.

Это принципъ — «do ut des», принципъ коммерческій, какъ его называютъ. Уступками пользуется не всякій, а только тотъ, кто за это заплатитъ. Каждую льготу надо купить, вымѣнять, нужно для этого вступать въ новое соглашеніе. Нѣтъ того талисмана въ видѣ наибольшаго благопріятствованія, въ силу котораго всякая выгода, предоставляемая какой-либо странѣ, въ тотъ же моментъ подносится и данной державѣ.

Соединенные Штаты вовсе не имѣютъ въ виду — по ихъ словамъ, — дифференціацію пошлинъ; рѣчь идетъ лишь о компенсаціи — выгода за выгоду. И все же это значитъ отсутствіе равенства, дифференціація. Вмѣсто одного, одинаковаго для всѣхъ, тарифа, множественность тарифовъ, многотарифная система; одна страна получаетъ такія уступки, другая иныя, третья опять преимущества, которыхъ не имѣетъ ни первая, ни вторая. Получается тарифъ всевозможныхъ оттѣнковъ, цвѣтовъ, комбинацій, тарифъ разныхъ сортовъ, разной цѣнности, въ зависимости отъ того, что уплатилъ тотъ или другой контрагентъ. Кто больше далъ, тому предоставлены и болѣе цѣнныя, болѣе выгодныя уступки. Но обладаніе болѣе значительными преимуществами равносильно болѣе выгодному положенію на данномъ рынкѣ, такому положенію, при которомъ есть полная возможность уничтожить всѣхъ другихъ конкурентовъ, пользующихся меньшими правами. Это важный козырь, много очковъ впередъ въ международной борьбѣ. И, главное, — козырь заранѣе неизвѣстный, который можно пустить всегда въ ходъ. Россія заключила договоръ съ Соединенными Штатами, не получивъ права наибольшаго благопріятствованія. Имѣетъ ли она какую-либо гарантію въ томъ, что всѣ выговоренныя ею льготы, за которыя она сдѣлала съ своей стороны уступки Америкѣ, не станутъ иллюзорными и весь договоръ не потеряетъ всякій смыслъ и всякую цѣнность

для нея, вслѣдствіе того, что нѣсколько мѣсяцевъ спустя какая-либо иная страна получитъ еще большія льготы, будетъ платить въ Америкѣ еще болѣе низкія пошлины? Къ чему тогда самый договоръ, зачѣмъ вся система международныхъ трактатовъ, если всякій новый договоръ можетъ уничтожить смыслъ всѣхъ предыдущихъ? Наибольшее благопріятствованіе есть своего рода страхованіе отъ такого рода убытковъ, а система эквивалента уничтожаетъ эту гарантію, упраздняетъ ее въ корнѣ, ставитъ контрагента въ худшее положеніе, по сравненію съ другими, въ положеніе не наиболѣе, а «наименѣе благопріятствуемой державы».

Придерживаясь этой «прогрессивной», «раціональной» системы, Соединенные Штаты и сами попадали и попадаютъ въ такое непріятное положеніе, когда другимъ странамъ дается больше, чѣмъ имѣютъ они. Германія въ декабрѣ 1910 г. предоставила американской республикѣ весь свой договорный тарифъ, т. е. все, что она ранѣе дала другимъ странамъ, но новыя льготы, впослѣдствіи установленныя Германіей въ договорахъ съ Японіей, Португаліей и Швеціей 1911 года, прошли мимо Америки — она не могла на нихъ претендовать. Франція же, при заключеніи договора въ томъ же 1910 году, ограничила американскую республику даже въ пользованіи преимуществами, которыя уже къ тому времени были даны другимъ странамъ, не согласилась распространить на нее даже весь свой автономный (минимальный, см. ч. I, гл. IX) тарифъ. Америка вынуждена была пойти на такое умаленіе своихъ правъ — принципъ эквивалента большаго не могъ ей дать.

Договоръ можетъ вообще ограничиваться однимъ лишь перечисленіемъ взаимно устанавливаемыхъ въ пользу контрагента выгодъ — на такіе-то товары ставки понижаются, на такіе-то вовсе отмѣняются, на такіе-то закрѣпляются и т. д. И больше ничего — никакихъ дополненій на случай, если третьи державы получатъ большія выгоды. Ихъ какъ бы не существуетъ; въ качествѣ возможныхъ конкурентовъ они игнорируются — есть только двѣ договаривающіяся стороны, остальное безразлично. Эту систему можно назвать нолевой, системой умолчанія, системой отсутствія предупредительныхъ

мѣръ на случай, если конкуренты получатъ больше. Въ одномъ договорѣ Россіи съ Пруссіей (1825 г.) дѣло даже не ограничивается такимъ отрицательнымъ моментомъ, а, во избѣжаніе всякихъ сомнѣній, прибавлено, что на льготы, предоставленныя третьимъ державамъ въ договорахъ, которые заключены или будутъ заключены, договаривающіяся стороны претендовать не могутъ. Заранѣе, слѣдовательно, предупреждаютъ: то, что получатъ другіе, тебя не касается. Но если ссылаться на эти льготы нельзя, то, конечно, можно заключить новый договоръ, можно выговорить, купить себѣ новыми уступками и то, что получили другія государства. Этому никто не препятствуетъ.

Ровно столько же, сколько фигура умолчанія, ничего не говорящая о томъ случаѣ, когда другимъ дается больше, гарантируетъ и система эквивалента. И тамъ ни на какія выгоды, дарованныя другимъ, нельзя претендовать, нельзя на этомъ основаніи ничего требовать. Но вымѣнять ихъ можно за соотвѣтствующій эквивалентъ. Но что значитъ «соотвѣтствующій»? Значитъ ли это, что равноправіе достижимо, стоитъ только пожелать его, что и при этой системѣ возможенъ единый тарифъ вмѣсто дифференціаціи пошлинъ?

Да, онъ возможенъ, но не необходимъ, не обязателенъ. Все зависитъ не отъ желанія покупателя, не отъ той страны, которая хочетъ воспользоваться тѣми же выгодами, что и другія, а отъ продавца, отъ того, признаетъ ли онъ предлагаемый эквивалентъ достаточнымъ, соотвѣтствующимъ, или потребуетъ прибавки. Если Соединенные Штаты понизили пошлины на французскіе товары взамѣнъ извѣстныхъ льготъ, полученныхъ отъ Франціи, то какія выгоды должна имъ предоставить Россія, чтобы воспользоваться этими пониженіями? «Выходъ изъ положенія труденъ потому, что нельзя изобрѣсти такой математической формулы, при помощи которой можно было бы легко и безошибочно находить неизвѣстное, т. е. точную безошибочную компенсацію». (Маковскій, стр. 23). Иначе говоря, разъ нѣтъ международнаго трибунала, третейскаго суда, который опредѣлялъ бы размѣръ эквивалента, устанавливалъ бы понятіе «соотвѣтствующаго» въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, то все зависитъ отъ пони-

жающей пошлины страны, въ данномъ случаѣ отъ Соединенныхъ Штатовъ. Она можетъ заломить такую цѣну за эту льготу, что фактически сдѣлаетъ ее недостижимой, лишитъ возможности ее пріобрѣсти.

II.

Оговорка наибольшаго благопріятствованія появилась въ торговыхъ договорахъ сравнительно поздно. Исходной точкой въ исторіи торговли было не стремленіе бороться съ конкурентами равнымъ оружіемъ, на равныхъ основаніяхъ, а желаніе вообще не допускать никакой конкуренціи. Торговлю на данномъ рынкѣ надо было захватить для себя, для купцовъ своего племени, купцы другихъ національностей, дѣлавшіе попытки проникнуть туда же, изгонялись, ихъ корабли пускались ко дну, ихъ товары истреблялись. Подъ знакомъ такой исключительной монополіи развивалась торговля въ теченіе многихъ столѣтій. Гдѣ тутъ было мѣсто наибольшему благопріятствованію! Коль скоро же приходилось терпѣть конкурентовъ, дѣло шло не о равномъ съ ними положеніи, а о полученіи особыхъ выгодъ, которыя имъ ни подъ какимъ видомъ не должны были быть даны. Себѣ—все, другимъ ничего. Естественнымъ считалось, что болѣе слабые въ политическомъ и экономическомъ отношеніи города и племена довольствуются меньшими льготами, чѣмъ болѣе сильные конкуренты ихъ. Однимъ предоставляется право торговать въ розницу, другимъ нѣтъ; одни могутъ вывозить и такіе товары, которые другимъ запрещены, пользоваться собственными вѣсами и т. д. Такое исключительное положеніе занимали напр. въ средніе вѣка ганзейцы въ Англіи, Фландріи, Новгородѣ, Скандинавскихъ странахъ, венеціанцы и генуэзцы въ странахъ Востока. На островѣ Кипрѣ купцы крупнѣйшихъ торговыхъ націй-Венеціи и Генуи (въ XIV—XV ст.) изъяты отъ уплаты пошлинъ (привозныхъ и вывозныхъ), тогда какъ другіе итальянцы, а также провансальцы, каталонцы, платятъ ихъ въ размѣрѣ 2 проц., а всѣ остальные купцы подлежатъ пошлинѣ въ 4 проц. цѣны товара, да еще вносятъ особый

сборъ на борьбу съ пиратами и на поддержаніе безопасности на морѣ [1]).

Еще въ XVI вѣкѣ, когда страны Востока попали въ руки османъ, господствовалъ въ торговлѣ европейцевъ съ этими странами принципъ исключительныхъ монополій — противоположность идеѣ наибольшаго благопріятствованія. Договоръ или капитуляція, заключенная въ 1535 г. между Франціей и султаномъ Солиманомъ, опредѣляла, что вся торговля должна происходить подъ французскимъ или венеціанскимъ флагомъ. Но новыя торговыя державы — Голландія и Англія не могли на это пойти, и они добивались привилегій въ торговлѣ съ Турціей. Они хотѣли, конечно, большаго, чѣмъ получили французы, но не могли этого достигнуть — султанъ, находившійся въ дружбѣ съ Франціей, не могъ этого выполнить. Тогда они настаивали, по крайней мѣрѣ, на предоставленіи имъ тѣхъ же правъ, и Франція, скрѣпя сердце, вынуждена была на это согласиться, отказаться отъ своего исключительнаго положенія. Въ 1675 г. Англія и въ 1680 г. Нидерланды, въ силу капитуляцій, пріобрѣли тѣ же права. Такъ впервые получилась система равенства, равныхъ для всѣхъ льготъ,— исходная точка принципа наибольшаго благопріятствованія.

Въ XVII ст. торговое соперничество ведетъ къ войнамъ, преимущества добываются оружіемъ, но такимъ же путемъ или угрозами примѣнить силу достигаются нерѣдко равныя съ другими странами права. Въ результатѣ новыя страны приравниваются къ тѣмъ, которыя уже раньше заключили договоръ и получили тѣ или другія выгоды. Такъ напр., англичане въ 1661 г. выговариваютъ себѣ въ Даніи тѣ же льготы, которыми тамъ пользовались голландцы, а два года спустя, тѣ же права распространяются на французовъ.

Голландцы, англичане, французы — всѣ они добиваются одинаковыхъ правъ въ Испаніи и Португаліи, въ Скандинавскихъ государствахъ и т. д. Эти три торговыхъ народа, къ которымъ иногда присоединяются и ганзейскіе города, уже

---

[1]) См. обо всемъ этомъ въ моихъ «Лекціяхъ по исторіи экономич. быта», изд. 5-ое.

тогда были заинтересованы въ томъ, чтобы ни одинъ изъ нихъ не пользовался большими правами, чѣмъ другой или третій, и имъ удавалось осуществить этотъ принципъ равноправія.

Это былъ первый шагъ на пути къ наибольшему благопріятствованію, но это еще не было осуществленіе наибольшаго благопріятствованія. Послѣднее заключается въ предусмотрительности относительно возможныхъ будущихъ льготъ, даруемыхъ кому-либо, а этого здѣсь еще нѣтъ. Каждая изъ этихъ странъ желала получить то, что уже принадлежало другимъ торговымъ народамъ, но эти другіе народы вѣдь могли впослѣдствіи расширить свои права Что же происходило въ этомъ случаѣ? Приходилось, очевидно, заключать новый договоръ, если вообще контрагентъ соглашался на это, а до тѣхъ поръ страна находилась въ убыткѣ. Въ Испаніи первыми по времени, получившими торговыя выгоды, были англичане, затѣмъ къ нимъ были приравнены голландцы, а еще позже ганзейцы. Но такъ какъ эти народы получили не только то же, что англичане, но и новыя выгоды, то Великобританія вынуждена была въ 1665 г. настаивать на заключеніи новаго договора съ Испаніей, чтобы пользоваться снова равнымъ положеніемъ съ Голландіей и Ганзой. Если бы она при этомъ еще болѣе расширила свои права, то Голландіи и ганзейскимъ городамъ пришлось бы въ свою очередь вступить въ новое соглашеніе съ Испаніей. И такъ могло бы идти до безконечности, могъ бы получиться кругъ, въ которомъ вращались бы эти страны, не говоря уже о томъ, что въ этотъ кругъ могли войти и новыя государства съ еще большими преимуществами въ торговлѣ съ той же Испаніей. Для устраненія этой возможности въ испанско-нидерландскомъ договорѣ 1667 г. говорится: подданные обоихъ государствъ должны пользоваться тѣми же преимуществами, которыя предоставлены въ настоящемъ или были бы предоставлены въ будущемъ «Христіаннѣйшему (французскому) королю, Ганзейскимъ городамъ или *любому другому* королевству или государству въ такой же широкой, полной и полезной мѣрѣ, какъ если бы они были спеціально установлены или включены въ настоящій трактатъ».

Здѣсь предусмотрѣно и будущее, предусмотрѣны всѣ страны, которымъ могутъ быть даны выгоды, и прибавлено: какъ если бы эти льготы содержались въ самомъ договорѣ. Исходная точка, слѣдовательно, та, что каждая страна можетъ претендовать лишь на то, что ей спеціально дано; льготы, даруемыя другимъ державамъ, ея не касаются—формула умолчанія, о которой рѣчь была выше. Чтобы имѣть право и на эти выгоды (какъ въ данномъ случаѣ), нужно не только оговорить это особо но и представить себѣ извѣстную фикцію, что эти преимущества будто бы включены въ самый договоръ, что въ тотъ моментъ, когда Испанія даетъ новыя выгоды Франціи, она беретъ трактатъ, съ Голландіей ранѣе заключенный, и вписываетъ туда добавочныя статьи.

А затѣмъ дѣло упрощается. Вмѣсто того, чтобы приравнивать договаривающуюся сторону ко всякому иному государству, получающему тѣ или другія права, ее приравниваютъ къ тому, которое пользуется въ каждый данный моментъ наибольшими льготами; этого было вполнѣ достаточно. По французски же слова: «страна, пользующаяся наибольшими выгодами», выражалось фразой: «la nation la plus favorisée», что переводилось у насъ сначала «наивяще фаворизованная нація», а затѣмъ «наиболѣе благопріятствуемая держава». Къ этой державѣ приравнивался контрагентъ или попросту признавался наиболѣе благопріятствуемымъ, получалъ право наибольшаго благопріятствованія.

Тотъ же постепенный ходъ развитія находимъ и въ Россіи. Въ конвенціи Россіи съ городомъ Любекомъ въ 1713 г. послѣдній приравнивается къ англичанамъ и голландцамъ, наиболѣе важнымъ торговымъ державамъ: «такую же вольность, которую прочія націи, яко Англичане и Голландцы въ продажѣ и покупкѣ, въ вывозѣ и привозѣ товаровъ и въ пошлинахъ имѣютъ позволить» (см. Я. Д. Маковскій). Вслѣдъ за этимъ въ томъ же году Россія обѣщала Данцигу «такія же вольность и привилегію, какія даны донынѣ городамъ Любеку и Гамбургу и прочимъ дружескимъ націямъ, или каковы впредь они получить могутъ». Здѣсь Данцигъ получаетъ не только то, что другіе ганзейскіе города, но и то, что предоставляется какой-

либо иной дружественной державѣ. И, наконецъ, въ конвенціи съ тѣмъ же Данцигомъ, заключенной 4 года спустя, уже говорится только о «прочихъ дружескихъ народахъ съ его Велико-Царскимъ Величествомъ въ тѣснѣйшей дружбѣ находящихся». Дружественные народы и обозначаетъ въ данномъ случаѣ, тѣ, которымъ предоставлены наибольшія льготы, народы наиболѣе благопріятствуемые.

И терминъ этотъ встрѣчается уже въ XVII вѣкѣ. Въ договорѣ Испаніи съ Нидерландами 1609 г. еще говорится, что подданные ихъ, торгуя въ ихъ странахъ, не будутъ платить большихъ пошлинъ, чѣмъ туземные жители или союзники, подлежащіе наименьшему обложенію — les moins chargés. Напротивъ, въ англо-шведскомъ трактатѣ 1661 г. читаемъ, что подданные обоихъ королей будутъ пользоваться полной свободой посѣщать ихъ страны и торговать въ нихъ, уплачивая обычныя пошлины наравнѣ съ иностранцами, наиболѣе благопріятствуемыми — sur le pied des étrangers qui sont les plus favorisés. Въ Россіи однимъ изъ первыхъ, содержащихъ этотъ терминъ, является договоръ съ Англіей 1734 г., согласно которому (ст. 28) «обоихъ странъ подданные въ ихъ областяхъ всегда, яко наилучше фаворизованной народъ, трактованы и почитаны быть имѣютъ».

Но все это были только первые случаи примѣненія новаго принципа. Онъ распространялся не сразу, еще долго преобладала старая система. Тамъ, гдѣ можно было, гдѣ то или другое государство имѣло достаточно силы, оно настаивало на исключительныхъ правахъ, не распространяемыхъ на другихъ, или же добивалось этого въ обмѣнъ на какія-либо особыя льготы; ему давались монопольныя права, а, слѣдовательно, прочія державы уже не могли воспользоваться правомъ наибольшаго благопріятствованія. Такъ, по Метуэнскому договору 1703 г., королева Великобританіи обязуется «никогда — будетъ ли миръ или война между королевствомъ британскимъ и французскимъ — за португальскія вина не требовать подъ именемъ пошлины или налога или подъ какимъ бы то ни было другимъ титуломъ, прямо или косвенно, болѣе, чѣмъ потребуютъ съ такого же количества или мѣры французскаго вина, съ вычетомъ или

скидкой третьей части пошлины или налога». Въ случаѣ же, если бы эта скидка была измѣнена или уменьшена, «то Его Священное Величество король Португаліи вправѣ снова запретить сукна и прочія британскія шерстяныя мануфактуры». (см. мои Лекціи по исторіи экономич. быта, 5-ое изд., стр. 353). Эта дифференціація англійскихъ пошлинъ на вино, предоставленіе Португаліи всегда на одну треть меньшихъ пошлинъ, чѣмъ уплачивали французскія вина, просуществовала въ теченіе свыше столѣтія. Только въ 1830 г. англичане денонсировали (прекратили) договоръ, что составляло ихъ право; они вѣдь въ любой моментъ могли отмѣнить преимущества для португальскихъ винъ, лишаясь вмѣстѣ съ тѣмъ права ввоза своего сукна въ Португалію. Но послѣдняго имъ теперь уже опасаться нечего было: обстоятельства измѣнились, и Португалія, несмотря на отмѣну договора, и не думала мѣшать имъ привозить свое сукно, наравнѣ съ матеріями изъ другихъ странъ.

Неудивительно послѣ этого, если и въ тѣхъ договорахъ, гдѣ уже встрѣчается принципъ наибольшаго благопріятствованія, послѣдній нерѣдко распространяется лишь на будущее время, относится лишь къ тѣмъ правамъ, которыя въ будущемъ получатъ третьи державы («privileges which shall be hereafter granted»; «aucune nation n'obtiendra à l'avenir par aucun nouveau traité quelque préférence»), напротивъ, не касается тѣхъ льготъ, которыя уже ранѣе, до заключенія даннаго договора, предоставлены какимъ-либо государствамъ: послѣдніе во многихъ случаяхъ выговаривали себѣ исключительныя преимущества, и предоставленіе этихъ льготъ другимъ державамъ означало бы нарушеніе прежнихъ договоровъ («sans contrevenir aux traités de commerce antérieurs»). Таковъ напр. договоръ 1766 г., въ которомъ португальскій король предоставляетъ Даніи пользованіе «всѣми возможными правами, изъятіями, привилегіями и преимуществами, но *безъ нарушенія предыдущихъ торговыхъ трактатовъ*, заключенныхъ съ другими державами (ст. 1), на будущее же время онъ обязуется, «что никакая другая нація не получитъ *въ будущемъ* путемъ новаго трактата какого-либо предпочтенія передъ датчанами».

Въ иззѣстномъ Эденскомъ договорѣ, состоявшемся въ 1786 г. между Франціей и Англіей, съ обѣихъ сторонъ были сдѣланы исключенія, подъ вліяніямъ болѣе раннихъ трактатовъ, снабженныхъ особыми привилегіями: Англія исключила изъ наибольшаго благопріятствованія французскія вина, въ силу упомянутаго Метуэнскаго договора (привилегія Португаліи), Францію же заставилъ сдѣлать оговорку Pacte de Famille 1761 г., заключенный между Бурбонами, носившими корону во Франціи, Испаніи, и Сициліи — подданнымъ этихъ трехъ державъ взаимно гарантируются особыя льготы.

Но и помимо этого наибольшее благопріятствованіе находилось въ эту эпоху еще въ зачаточномъ состояніи.

Поскольку вообще встрѣчаемъ его, оно не только въ XVII вѣкѣ, но и въ XVIII ст. относится ко всему, чему угодно, но только не къ центральному вопросу, не къ таможеннымъ пошлинамъ—въ эпоху автономныхъ тарифовъэто было вполнѣ естественно и понятно. Наибольшее благопріятствованіе примѣняется къ праву купцовъ пріѣзжать, перевозить товары, покупать и арендовать дома, нанимать прикащиковъ, матросовъ и ко многому другому. Пошлины же остаются по прежнему различныя, для одной страны они больше, для другой меньше или даже вовсе отсутствуютъ. У насъ въ первой половинѣ XVII ст. различались нѣмцы вообще и нѣмцы свейскіе (т. е. шведскіе)— первые платили 2 алтына съ рубля, вторые — одинъ, а съ англичанъ «всякихъ пошлинъ имати есми не велѣли». Точно также въ концѣ XVII ст. французамъ дозволялось пріѣзжать въ Архангельскъ съ платою пошлинъ по Новоторговому уставу и по 5 золотыхъ съ каждаго корабля, пруссакамъ разрѣшена торговля съ платежомъ «достойной» пошлины, а шведамъ — «вольная и безпошлинная торговля».

Но положеніе не измѣнилось и въ XVIII ст., не измѣнилось даже тогда, когда во второй половинѣ его Россія заключила съ западно-европейскими государствами рядъ трактатовъ «о дружбѣ и торговлѣ», въ которыхъ говорится — беремъ для примѣра договоръ съ Даніей 1782 г. — что «россійскіе подданные въ Даніи, а датскіе подданные въ Россіи будутъ всегда почитаемы народами наиболѣе благопріятствуемыми, и обѣ высокія дого-

варивающіяся стороны обязываются дозволять обоюднымъ подданнымъ вспоможеніе, облегченіе и выгоды торговыя, какія естественно отъ такого преимущества происходить могутъ, дабы колико возможно распространять и приводить въ цвѣтущее состояніе торговлю россійскихъ подданныхъ въ Даніи, а датскихъ въ Россіи» (ст. III). Слѣдовательно, рѣчь идетъ о наибольшемъ благопріятствованіи. Но дальше ст. V, въ которой трактуется о таможенныхъ пошлинахъ, гласитъ: «обѣихъ высокихъ договаривающихся сторонъ купечествующіе подданные имѣютъ платить съ товаровъ своихъ пошлины и поборы, опредѣленные во взаимныхъ областяхъ тарифами, дѣйствующими, или впредь будущими». Такъ что въ этомъ случаѣ ни о какомъ наибольшемъ благопріятствованіи не упоминается; датчане подлежатъ въ Россіи (и русскіе въ Даніи) общему тарифу и на нихъ не распространяются особыя уступки, которыя получили бы другія державы.

То же содержится и въ другихъ торговыхъ договорахъ, заключенныхъ Россіей въ концѣ XVIII ст., — съ Австріей, Франціей, Португаліей, королевствомъ Обѣихъ Сицилій. Повсюду читаемъ о дарованіи подданнымъ обоихъ государствъ «правъ свободности и изъятій, каковыми пользуются вящще благопріятствуемые европейскіе народы», и «выгодъ, коими торговля ихъ можетъ распространяться и процвѣтать въ Имперіи Нашей». Повсюду упоминается о томъ, что «коммерціи имѣютъ свободно и безпомѣшательно», «какъ на землѣ, такъ и водою учреждены быть» и подданные «таковыя привилегіи и пользы въ своемъ купечествѣ получать, какія дружебнѣйшимъ народамъ въ оныхъ позволены». Но въ то же время, коль скоро дѣло заходитъ объ уплатѣ пошлинъ, тѣ же подданные подлежатъ «обыкновеннымъ пошлинамъ», «тарифамъ настоящимъ или будущимъ», «тарифамъ нынѣ дѣйствующимъ или впредь быть имѣющимъ». О полученіи же скидокъ въ пошлинахъ, дѣлаемыхъ въ пользу другихъ государствъ, ничего не упоминается.

Въ дѣйствительности Россія дѣлала въ этихъ же трактатахъ различныя уступки взамѣнъ льготъ, предоставляемыхъ ей данной страной, но этихъ пониженныхъ пошлинъ и не думала

распространять на другія государства, съ которыми были уже заключены договоры. Такъ напр., въ русско-австрійскомъ договорѣ 1785 г. говорится, что «къ вящщему поспѣшествованію подданныхъ Его Величества Императора, повелѣваемъ съ венгерскихъ винъ брать пошлины впредь не болѣе 4 руб. 50 коп. съ оксофта въ шесть анкеровъ» (ст. VI). Та же уступка включена въ послѣдующіе договоры съ Обѣими Сициліями и Португаліей, относящіеся къ 1787 году. А это было бы совершенно излишне, если бы эти страны пользовались въ отношеніи пошлинъ наибольшимъ благопріятствованіемъ.

Сомнѣнія вызываетъ лишь «трактатъ между Англійскимъ и Россійскимъ Дворами о дружбѣ и взаимной между обѣихъ державъ коммерціи» 1734 года. Въ этомъ договорѣ имѣется прежде всего общее положеніе о наибольшемъ благопріятствованіи. А въ другихъ мѣстахъ трактата поясняется точнѣе: «подданнымъ имѣетъ быть позволена совершенно свободная навигація и купечество во всѣхъ ихъ, въ Европѣ лежащихъ областяхъ, гдѣ нынѣ навигація и купечество другому которому народу позволено, или впредь позволено быть можетъ» (не касается, конечно, колоній). Русскіе купцы въ Великобританіи и англійскіе въ Россіи имѣютъ право торговать и «домы строить, покупать и наймовать и оные паки продавать» въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ «которому нибудь другому народу позволено есть». и. т. д. Наконецъ (ст. 10), «подданнымъ обѣихъ высокодоговаривающихся сторонъ не надлежитъ съ привозныхъ и вывозныхъ товаровъ своихъ болѣе пошлинъ платить, почему другихъ народовъ подданные тамо платятъ». Хотя на первый взглядъ въ этомъ трактатѣ — въ отличіе отъ упомянутыхъ — право наибольшаго благопріятствованія распространяется и на таможенныя пошлины (какъ эта ст. 10 истолковывается обыкновенно), но повидимому болѣе правильно утвержденіе Я. Д. Маковскаго, согласно которому и здѣсь дается право лишь на общія тарифныя ставки, но не на какія-либо скидки съ послѣднихъ, дѣлаемыя въ пользу другихъ государствъ. И тутъ имѣется въ виду право уплаты тѣхъ «обыкновенныхъ пошлинъ», которыя упоминаются въ русско-шведскомъ договорѣ 1743 г.; право «не болѣе пошлинъ платить», чѣмъ

другіе народы, означаетъ тоже, что платить пошлины по общимъ «тарифамъ, дѣйствующимъ или впредь будущимъ», какъ говорится въ другихъ (упомянутыхъ выше) трактатахъ, заключенныхъ Россіей.

Это предположеніе подтверждается и тѣмъ, что, несмотря на русско-англійскій договоръ 1734 года, англичане не воспользовались сдѣланнымъ позже въ пользу другихъ государствъ пониженіемъ въ 25 проц. въ пошлинахъ съ товаровъ, идущихъ чрезъ черноморскіе и азовскіе порты. Для Австріи была сдѣлана эта сбавка въ 1785 г. (ст. VII), для Франціи въ 1786 г., на Англію же она была распространена лишь послѣ того, какъ Англія заключила новый договоръ съ Россіей въ 1793 году. Очевидно, при существованіи наибольшаго благопріятствованія Англія немедленно же воспользовалась бы этимъ преимуществомъ, не прибѣгая къ какому бы то ни было новому соглашенію.

Но такъ какъ попытки истолковать всѣ эти договоры иначе, въ наиболѣе выгодномъ для себя смыслѣ, несомнѣнно дѣлались различными государствами, а Россія не имѣла ни малѣйшаго намѣренія измѣнить своей системѣ, то она въ одномъ изъ договоровъ заявила объ этомъ во всеуслышаніе, такъ, чтобы не оставалось никакихъ сомнѣній, издала свой манифестъ, прокламацію, въ которой излагала свою программу торговой политики. По формѣ это относилось къ одной лишь странѣ, съ которой заключенъ былъ договоръ. Но по смыслу Россія обращалась и ко всѣмъ другимъ, мысленно имѣла въ виду и прочія государства, съ которыми находилась въ договорныхъ отношеніяхъ. «Въ разсужденіи ввоза товаровъ — читаемъ въ уже упомянутомъ трактатѣ съ Пруссіей 1825 г. — поступаемо будетъ на основаніи общихъ тарифныхъ постановленій, кои будутъ существовать въ каждомъ государствѣ въ продолженіе дѣйствія настоящей конвенціи. Напротивъ же никто не можетъ имѣть права на особенныя условія, содержащіяся въ частныхъ конвенціяхъ, которыя заключены уже или впредь заключены будутъ одною изъ договаривающихся сторонъ съ какою-либо постороннею державою» (ст. X).

Это сказано ясно, рѣшительно и безповоротно. Есть общій тарифъ и есть особыя условія. Право на общій тарифъ, свобода отъ какихъ-либо дополнительныхъ, чрезвычайныхъ сборовъ принадлежитъ всякому — оно вытекаетъ изъ самаго заключенія договора, составляетъ цѣль договора. Иначе обстоитъ дѣло съ особыми уступками, предоставляемыми опредѣленнымъ странамъ. Для полученія ихъ мало одного заключенія договора, нужно нѣчто большее — надо получить право наибольшаго благопріятствованія. А послѣдняго то Россія въ эту эпоху не признавала еще, совсѣмъ не желая дѣлать себѣ затрудненій въ установленіи тѣхъ или иныхъ льготъ для различныхъ государствъ, не считая себя обязанной ставить ихъ всѣхъ въ равное положеніе.

Но такой же точки зрѣнія придерживались, повидимому, и западно-европейскія государства. Не равенство, а дифференціація являлась принципомъ торговой политики того времени, борьба изъ-за полученія большихъ преимуществъ, чѣмъ тѣ, которыми пользовались другіе. Торговые договоры разсматривались какъ средство, которымъ одинъ народъ старается перехитрить другой (Justi), какъ способъ добыть для себя преимущества у другого народа, не давая ему какихъ-либо равноцѣнныхъ льготъ съ своей стороны (Mably).

Правда, мы находимъ въ XVIII ст. въ отдѣльныхъ случаяхъ и договоры, примѣняющіе инструментъ, именуемый наибольшимъ благопріятствованіемъ, и къ таможеннымъ пошлинамъ. Таковы напр. договоры, заключенные Франціей съ Гамбургомъ въ 1769 г. и съ Мекленбургомъ въ 1779 г., въ которыхъ говорится, что товары французскіе и ея колоній, «привозимые оттуда на французскихъ судахъ, не будутъ платить ни иныхъ, ни болѣе высокихъ пошлинъ, чѣмъ произведенія почвы и промышленности того же рода, привозимые на судахъ какой-либо иной иностранной и наиболѣе благопріятствуемой державы». Однако — въ противоположность утвержденію Glier'a — такіе договоры, содержащіе дѣйствительное наибольшее благопріятствованіе, составляютъ въ XVIII ст. рѣдкое исключеніе.

*

Въ первыя два десятилѣтія XIX вѣка число ихъ больше. Но — по справедливому замѣчанію Borchardt'a — даже и въ этихъ случаяхъ остается открытымъ вопросъ, дѣйствительно ли наибольшее благопріятствованіе обезпечивало равноправіе въ отношеніи размѣра пошлинъ, выговоренныхъ спеціальными договорами. Не шла ли и здѣсь рѣчь о томъ же, о чемъ говорится въ заключаемыхъ Россіей въ эту эпоху трактатахъ — о правѣ на равный общій тарифъ, не предупреждается ли и здѣсь возможность установленія для той или другой страны тѣхъ многочисленныхъ дополнительныхъ пошлинъ (surtaxes), которыя взимались въ эту эпоху въ случаѣ привоза товаровъ подъ иностраннымъ флагомъ (surtaxes de pavillon), привоза ихъ не прямымъ путемъ, а изъ европейской гавани (surtaxes d'entrepôt) и многихъ другихъ, которыми столь богата первая половина XIX вѣка? Въ приведенныхъ договорахъ именно подчеркивается уплата равныхъ пошлинъ, независимо отъ того, на судахъ какой націи товары привезены. И не заботилось ли каждое государство не столько о нуждахъ контрагента въ смыслѣ предоставленія ему тѣхъ же правъ, что и прочимъ, сколько о своей свободѣ предоставить, въ случаѣ желанія, тѣ же преимущества, которыя оно дало данной странѣ, и другимъ государствамъ? Въ договорѣ Англіи съ королевствомъ Обѣихъ Сицилій 1816 г., гдѣ Англія ранѣе пользовалась исключительными привилегіями, подчеркивается, что, понижая въ пользу Англіи пошлины на 10 проц. и предоставляя ей право наибольшаго благопріятствованія, «въ томъ числѣ и въ отношеніи таможенныхъ пошлинъ», Сицилія не лишаетъ себя тѣмъ самымъ права «сдѣлать тѣ же скидки въ пошлинахъ какъ своимъ подданнымъ, такъ и всякой другой державѣ». Но такая монополизація рынка отдѣльными державами была и въ другихъ случаяхъ настолько жива, что контрагенты вынуждены были сохранять за собой право сдѣланныя данной странѣ уступки «распространить на третьи державы или даже примѣнить ихъ ко всѣмъ странамъ» (договоръ между Таможеннымъ Союзомъ и Нидерландами 1839 г., однородный между Бельгіей и Испаніей 1842 г. и др.).

Мірового рынка еще не было, не существовало еще ни желѣзныхъ дорогъ, ни заокеанскаго пароходства, объединившихъ весь міръ въ одно цѣлое, невольно связывавшихъ отдѣльныя страны и части свѣта между собой. Конкуренція не достигла еще крайнихъ предѣловъ, при которыхъ каждый, хотя бы самый незначительный, моментъ облегчалъ одной странѣ побѣду надъ другой. При такихъ условіяхъ можно было игнорировать различіе въ преимуществахъ, предоставляемыхъ отдѣльнымъ государствамъ на томъ или другомъ рынкѣ, выговоренныя какой-либо страной спеціальныя выгоды въ размѣрѣ пошлинъ. Важнѣе было обезпечить себѣ элементарныя права въ области торговли, то, что именовалось liberum commercium (liberté pleine et entière du commerce, freedom of commerce), разрѣшеніе подданнымъ — какъ у насъ говорится — «во всѣхъ пристаняхъ, городахъ и рейдахъ, гдѣ плаванье и торговля невозбранны, покупать, продавать и провозить водой и сухимъ путемъ товары, коихъ привозъ или внутренній торгъ, также и вывозъ не запрещены», «быть судимыми безъ замедленія, на основаніи существующихъ законовъ», и во всемъ этомъ занимать положеніе «наипаче доброхотствующихъ націй», «наиболѣе облегченныхъ народовъ» или «самыхъ благопріятствуемыхъ народовъ» — какъ выражаются русскіе трактаты о торговлѣ и мореплаваніи XVIII вѣка.

III.

Въ эту эпоху, когда принципъ наибольшаго благопріятствованія еще только медленно и постепенно пробивалъ себѣ дорогу, когда онъ съ трудомъ отыскивалъ себѣ адекватнаго выраженія, мало по малу выливался въ опредѣленную форму, но еще не пріобрѣлъ устойчивости,—въ это время Новый Свѣтъ выдвинулъ свою систему эквивалента или компенсаціи. Едва достигнувъ совершеннолѣтія, молодая заокеанская республика рѣшительно заявила о своемъ нежеланіи поставить при заключеніи торговыхъ договоровъ контрагентовъ въ равныя съ третьими державами условія; она требовала за каждую льготу, даваемую какому-либо государству, и отъ всѣхъ другихъ, буде и они желаютъ ее получить, немедленной и соотвѣтствующей уплаты.

Въ противоположность осторожному проникновенію принципа равноправія въ видѣ права наибольшаго благопріятствованія въ международныя сношенія европейскихъ странъ, американская система сразу въ законченномъ видѣ съ шумомъ ворвалась въ міровое хозяйство, рѣшительно прокладывая себѣ путь вездѣ и повсюду. Не только тамъ, гдѣ она нашла еще никѣмъ незанятое мѣсто, она немедленно захватила его—въ Соединенныхъ Штатахъ, которые заключали въ концѣ 70-хъ и въ 80-хъ годахъ XVIII ст. свои первые договоры въ качествѣ самостоятельнаго государства. Франція, Нидерланды, Швеція, Пруссія, а затѣмъ въ XIX ст. и другія страны, въ томъ числѣ Россія, вынуждены были, вступая въ торговыя соглашенія съ Соединенными Штатами, признать эту новую формулу, подчиниться ей. Нѣтъ, новый принципъ простеръ свои притязанія далеко за эти предѣлы, сталъ захватывать территоріи, уже отмѣченныя наибольшимъ благопріятствованіемъ въ качествѣ своихъ владѣній. Система эквивалента перебросилась изъ Соединенныхъ Штатовъ въ другія страны Америки—Сѣверной, Центральной и Южной. Договоры Бразиліи съ Франціей 1826 г. и съ Австріей 1827 г. еще построены по типу наибольшаго благопріятствованія. Напротивъ, та же Бразилія въ трактахъ съ Даніей и Нидерландами слѣдующихъ лѣтъ примѣняетъ принципъ компенсаціи. И затѣмъ, послѣдній пріобрѣтаетъ сплошной характеръ: въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годахъ XIX вѣка всѣ американскія государства—Перу, Венецуэла, Эквадоръ, Санъ-Доминго какъ въ договорахъ между собою, такъ и съ европейскими державами признаютъ исключительно новую, провозглашенную Соединенными Штатами, идею эквивалента.

Но послѣдняя стала дѣлать и дальнѣйшія завоеванія, шагъ за шагомъ подчинять своей власти и Старый Свѣтъ. Первоначально европейцы еще пробовали бороться, отстаивая свою прежнюю точку зрѣнія даже при заключеніи договоровъ съ Соединенными Штатами. Но эту позицію они вскорѣ вынуждены были оставить; одна только Швейцарія могла въ 1850 г. хвалиться тѣмъ, что заставила заатлантическую республику принять формулу наибольшаго благопріятствованія.

Всѣ остальные вынуждены были признать себя побѣжденными. Но у себя дома они, казалось бы, могли думать и дѣлать по своему, по старой системѣ. На самомъ дѣлѣ принципъ эквивалента вторгается и въ трактаты, заключаемые между собою европейскими державами. Съ 30-хъ годовъ XIX ст. обнаруживается поворотъ въ этомъ направленіи, и въ теченіе трехъ десятилѣтій до 1860 г. господствуетъ эта система; лишь спорадически встрѣчаются договоры, не знающіе ея. Австрія, Бельгія, Пруссія, Франція, королевство Обѣихъ Сицилій—всѣ они приняли новую формулу, отрицающую равенство конкурентовъ. Ее стала проводить и Россія въ договорахъ не только съ Америкой, но и съ Западной Европой (съ Нидерландами 1846 г., съ Франціей 1846 и 1857 г. г., съ Бельгіей 1850 и 1858 г. г., съ Греціей 1850 г., съ Португаліей 1851 г., съ Австріей 1860 г.); только русско-британскій договоръ 1859 г. построенъ на принципѣ наибольшаго благопріятствованія.

Чѣмъ объясняется столь быстрый и скоропалительный переворотъ въ торговой политикѣ? Отчего такая измѣна принципу наибольшаго благопріятствованія? Очевидно, причина—прежде всего въ слабости положенія, занимаемаго послѣднимъ въ эпоху появленія его противника за океаномъ, причина въ томъ, что онъ находился еще въ зачаточномъ состояніи, въ процессѣ формированія, не получивъ еще опредѣленнаго и ясно выраженнаго облика. Во многихъ договорахъ еще умалчивалось о томъ, что̀ будетъ, если другія страны получатъ новыя, бо́льшія льготы; въ другихъ гарантировалось равное положеніе съ другими державами въ торговлѣ вообще, но не въ области таможенныхъ пошлинъ и правилъ. На эту самую важную область наибольшее благопріятствованіе еще не успѣло вполнѣ распространиться. Оно захватывало ее лишь по краямъ, все остальное еще не было занято, и системѣ эквивалента нетрудно было именно тутъ утвердиться, предоставляя контрагенту скидки въ пошлинахъ, сдѣланныя другой державѣ, лишь за плату соотвѣтствующими льготами съ его стороны.

Этой цѣли тѣмъ легче было добиться принципу эквивалента, что основнымъ требованіямъ, предъявляемымъ въ эту эпоху къ системѣ наибольшаго благопріятствованія, и онъ

удовлетворялъ; и онъ могъ выполнить главныя задачи, которыя ставила торговая политика того времени. Они заключались въ недопущеніи исключительныхъ преимуществъ для какой-либо страны, такихъ выгодъ, какими не могутъ воспользоваться другія. Они состояли, далѣе, въ отказѣ отъ какихъ-либо спеціальныхъ, дополнительныхъ сборовъ къ основному тарифу, не взимаемыхъ съ другихъ контрагентовъ. Для этого годилась, однако, и система эквивалента.

Первое она гарантировала постановленіемъ, что за эквивалентъ всякій можетъ получить тѣ же преимущества, слѣдовательно, они для него не закрыты, ему стоитъ лишь пожелать ихъ. Соединенные Штаты — читаемъ въ одномъ договорѣ — «желаютъ жить въ мирѣ и согласіи со всѣми народами земного шара и быть со всѣми на одинаково дружественной ногѣ, почему они (взаимно) обѣщаютъ не давать какой-либо особой выгоды въ отношеніи торговли и мореплаваній другимъ народамъ, которая не распространялась бы немедленно на договаривающуюся сторону за извѣстную компенсацію». Исключительныя привилегіи тѣмъ самымъ отмѣнялись сразу, уничтожались однимъ ударомъ. Второе требованіе—отказъ отъ спеціальныхъ сборовъ—устанавливалось принципомъ, что общій тарифъ, тотъ тарифъ, который безвозмездно дается всѣмъ, распространяется безъ особой платы и на контрагента; слѣдовательно, особо повышенныхъ пошлинъ или спеціальныхъ прибавокъ ни для кого нельзя вводить, это было бы нарушеніемъ договора. Что же касается спеціальныхъ льготъ въ смыслѣ пониженныхъ таможенныхъ пошлинъ, предоставляемыхъ третьимъ державамъ, то о нихъ вѣдь въ договорахъ того времени обычно умалчивалось; и вотъ тутъ то пустое мѣсто занялъ принципъ эквивалента, замѣнившій неизвѣстность, неопредѣленность того, что должно произойти въ этомъ случаѣ, яснымъ и точнымъ указаніемъ — и эти льготы можно получить, но за опредѣленную компенсацію.

Однако, это послѣднее правило уже отклоняло прежнюю торговую политику отъ принятаго ею направленія. Вмѣсто дальнѣйшаго движенія по тому же пути къ осуществленію принципа наибольшаго благопріятствованія, получилось рѣз-

кое движеніе въ сторону. До извѣстныхъ предѣловъ система эквивалента шла параллельно наибольшему благопріятствованію, но затѣмъ, почти достигнувъ того пункта, до котораго успѣла дойти послѣдняя, вмѣсто того, чтобы идти дальше впередъ, сворачивала въ сторону и приводила къ совершенно иной цѣли. Постепенно проводимая идея равноправія всѣхъ государствъ, идея равнаго для всѣхъ общаго тарифа, недопустимости особыхъ привилегій или спеціальныхъ сборовъ, идея распространенія преимуществъ по торговлѣ, даваемыхъ однимъ, и на другихъ, — эта идея не завершалась примѣненіемъ послѣднихъ и въ области таможенныхъ пошлинъ на всѣхъ въ одинаковой мѣрѣ. Вмѣсто нея появилось нѣчто иное, на первый взглядъ почти не отличавшееся отъ нея, на самомъ же дѣлѣ заимствованное изъ совершенно иной сферы, обнаруживавшее совсѣмъ другое направленіе въ торговой политикѣ.

Смѣшать оба эти института въ тѣ времена было нетрудно, не только въ виду неопредѣленности и неоформленности мысли о наибольшемъ благопріятствованіи, но и вслѣдствіе той формы, которую принимало постановленіе о компенсаціи. Обыкновенно въ заключаемыхъ Соединенными Штатами договорахъ говорилось сначала, что «привозимые товары будутъ подлежать только тѣмъ пошлинамъ, которыя взимаются съ произведеній почвы или промышленности всякаго иного государства» (беремъ ст. 6 нашего трактата съ Америкой 1832 г.), — казалось бы, наибольшее благопріятствованіе въ чистѣйшемъ видѣ. Но затѣмъ слѣдуетъ въ томъ же договорѣ (въ приведенномъ случаѣ ст. 11): «если одна изъ договаривающихся сторонъ предоставитъ впослѣдствіи другимъ націямъ какое-либо по торговлѣ или мореплаванію особое преимущество, то съ того же времени сіе же преимущество будетъ предоставлено и другой сторонѣ, такъ что она будетъ пользоваться онымъ безвозмездно, если то преимущество будетъ дано безусловнымъ образомъ, или съ предоставленіемъ равныхъ выгодъ, если оно будетъ условное» (en accordant la même compensation, si la concession est conditionelle) — принципъ эквивалента.

Какъ примирить такое противорѣчіе? Американскіе писатели (Herod, Stone), а за ними и нѣкоторые другіе (Glier,

Teubern) толкуютъ первую статью въ смыслѣ обязательности распространенія на всѣхъ общаго тарифа, недопустимости примѣненія къ товарамъ контрагента болѣе высокихъ ставокъ, чѣмъ содержащіяся въ общемъ тарифѣ; вторая же статья трактуетъ объ особыхъ льготахъ (particular favours in navigation or commerce), которыя можно получить лишь за соотвѣтствующую компенсацію. Такое объясненіе даетъ наиболѣе удобный выходъ изъ противорѣчія. Но неясность все же не исчезаетъ вполнѣ, получается все таки двуликій янусъ, однимъ окомъ обращенный къ наибольшему благопріятствованію, другимъ — по направленію къ эквивалентности. Такая двойственность должна была вводить въ заблужденіе приверженцевъ перваго принципа, казаться имъ осуществленіемъ системы наибольшаго благопріятствованія и вызывать у нихъ разочарованіе, когда оказывалось, что, въ силу другой статьи того же договора, необходимо предоставленіе эквивалента.

Еще болѣе вводила въ заблужденіе и еще болѣе обезпечивала внѣдреніе системы компенсаціи другая содержащаяся въ американскихъ трактатахъ форма ея, при которой включалась только первая изъ приведенныхъ статей: «будутъ взиматься лишь тѣ таможенные сборы и въ не большемъ размѣрѣ, какіе и въ какомъ размѣрѣ установлены для наиболѣе благопріятствуемыхъ націй». Въ дальнѣйшихъ статьяхъ никакихъ ограниченій не содержится (напр. въ трактатахъ Соединенныхъ Штатовъ съ Нидерландами 1782 г., съ Франціей 1803 г., съ Великобританіей 1794 и 1815 г.г.). Европа не имѣла, казалось бы, ни малѣйшаго основанія сомнѣваться въ томъ, что она получила здѣсь у Новаго Свѣта полнѣйшее наибольшее благопріятствованіе. Но иначе смотрѣли на дѣло американцы. Если бы рѣчь шла дѣйствительно о наибольшемъ благопріятствованіи — заявляли они — то было бы прибавлено: пользуется тѣми же пониженіями или преимуществами «немедленно, безвозмездно и безусловно». А разъ этого нѣтъ, то очевидно льготы даются лишь возмездно и условно. Европа противопоставляла такому узкому пониманію Америки свое, распространительное — пока не говорится объ условности, надо исходить изъ безусловности. О послѣдней нѣтъ надоб-

ности особо упоминать, это и такъ понятно. Но большею частью Америкѣ удавалось настоять на своемъ; Англія, напр., несмотря на протестъ, вынуждена была согласиться на толкованіе Соединенныхъ Штатовъ.

Мало того, европейскія государства не только пошли на такое пониманіе, но и сами стали примѣнять упомянутую выше двойственную формулу, заимствованную въ Америкѣ, гдѣ въ одной статьѣ говорится о наибольшемъ благопріятствованіи, а во второй объ эквивалентности; такое выраженіе система компенсаціи принимаетъ и въ трактатахъ, заключенныхъ Россіей съ Бельгіей въ 1850 и 1858 г.г. (ст. 7 и 13), съ Франціей въ 1846 г. и т. д.

Дѣло доходило до того, что въ нѣкоторыхъ договорахъ принципъ компенсаціи провозглашался въ качествѣ всеобщаго, обязательнаго вообще въ международныхъ сношеніяхъ; онъ устанавливался не только для даннаго контрагента, но и для прочихъ, съ которыми могутъ быть заключены въ будущемъ торговые договоры. Въ договорѣ Бельгіи съ Нидерландами 1846 г., Бельгіи съ Сардиніей 1851 г. и т. д. читаемъ, что «пониженіе пошлинъ, устанавливаемое сторонами въ настоящемъ трактатѣ, можетъ быть распространено на *третьи державы* лишь за соотвѣтствующій эквивалентъ». Рѣчь идетъ, слѣдовательно, уже не о правахъ договаривающихся сторонъ, а о совершенно постороннихъ державахъ, казалось бы, не имѣющихъ никакого отношенія къ данному договору. Контрагенты боятся, какъ бы другіе не получили даромъ того, за что они сами сдѣлали уступки, стараются предупредить такое «расточительное» предоставленіе льготъ; иначе говоря, примѣненіе принципа наибольшаго благопріятствованія становится и въ будущихъ договорахъ невозможнымъ — ему отрѣзанъ путь. Подобно тому, какъ прежде исключительная привилегія, выговоренная какой-либо страной въ свою пользу, лишала возможности на будущее время дать тѣ же права другимъ, такъ приведенное допущеніе распространенія льготы лишь за эквивалентъ, исключало возможность предоставленія въ будущемъ тѣхъ же правъ другимъ безъ эквивалента съ ихъ стороны. Тамъ — полное запрещеніе дать другому то, что самъ

получилъ, здѣсь—условное запрещеніе, обусловленное уплатой. Могла ли Испанія будущими договорами распространить на другія страны тѣ исключительныя привилегіи, которыя она установила въ пользу Франціи и Сициліи, въ силу трактата 1761 г.? Могла ли Бельгія послѣ договора съ Нидерландами 1846 г. предоставить кому-либо безъ эквивалента тѣ преимущества, которыя получили Нидерланды?

Казалось бы, американскій принципъ, успѣвшій уже европеизироваться, торжествовалъ полную побѣду, сумѣлъ себѣ обезпечить путемъ такого рода договоровъ господство и на будущее время—пока они дѣйствовали, наибольшее благопріятствованіе было немыслимо. И все же роль его въ исторіи торговой политики была невелика. Она была незначительна по той простой причинѣ, что эквивалента можно было требовать лишь за преимущества, предоставленныя какой-либо другой странѣ. А тамъ, гдѣ преимуществъ не было, гдѣ уступокъ никому не дѣлалось, тамъ вообще никакая система не могла примѣняться, ни система наибольшаго благопріятствованія, ни принципъ эквивалента. Тамъ не приходилось спорить изъ-за того, можетъ ли контрагентъ получить эти выгоды безвозмездно или лишь за компенсацію — выгодъ вообще не было. Въ первую половину XIX ст. мы почти не находимъ такихъ договоровъ, гдѣ содержались бы уступки въ смыслѣ пониженія пошлинъ, имѣемъ почти сплошь автономные тарифы (см. ч. I, стр. 205). Франція напр. заключила тарифные договоры въ первой половинѣ XIX ст. всего съ пятью государствами (въ томъ числѣ съ Техасомъ и Боливіей), и каждый разъ дѣлала уступки всего по нѣсколькимъ статьямъ. Какую выгоду отъ этого могли получить третьи державы, въ случаѣ распространенія на нихъ тѣхъ же льготъ? Чѣмъ же тутъ можно было поживиться?

Когда же, начиная съ 1860 года, со знаменитаго Кобденскаго трактата, наступила эра многочисленныхъ торговыхъ договоровъ съ многими и многими уступками, содержавшимися въ каждомъ договорѣ, эра тарифныхъ договоровъ и конвенціонныхъ тарифовъ, когда выгода отъ полученія этихъ уступокъ, дѣлаемыхъ третьимъ державамъ, стала крайне велика,

могла доставлять чуть ли не ежегодно все новыя и новыя пониженія пошлинъ по десяткамъ статей, — тогда каждое государство старалось уже получать всю эту прибыль безъ соотвѣтствующей уплаты, но и въ свою очередь соглашалось давать ее безъ разбора всѣмъ и каждому, не требуя отъ нихъ ничего. Иначе говоря, вмѣстѣ съ наступленіемъ эры торговыхъ договоровъ, имѣющихъ характеръ тарифныхъ договоровъ кончилось торжество принципа эквивалента и наступилъ періодъ почти безраздѣльнаго господства вплоть до настоящаго времени системы наибольшаго благопріятствованія, системы полученія тѣхъ же льготъ «немедленно», «безусловно» и «безвозмездно».

Кобденскій договоръ, родоначальникъ фритредерства на континентѣ Европы, водрузилъ и знамя наибольшаго благопріятствованія, подъ которое въ теченіе ближайшаго десятилѣтія стекаются одинъ за другимъ народы Европы, а затѣмъ и другихъ частей свѣта. Но это отреченіе отъ старой вѣры—отъ принципа компенсаціи, совершилось, конечно, не сразу. Необходимо было постепенно подготовиться къ перевороту, освоиться съ новыми идеями.

Въ 50-хъ годахъ мы и находимъ рядъ такихъ договоровъ, являющихся мостомъ отъ стараго порядка къ новому. Въ нихъ еще имѣется система компенсаціи, но она касается не всѣхъ привозимыхъ товаровъ, а только части ихъ, тогда какъ для другихъ уже не требуется предоставленія каждый разъ новаго спеціальнаго эквивалента. На рядъ товаровъ въ самомъ договорѣ закрѣплены ставки — ихъ нельзя повысить въ будущемъ. Было бы безсмыслицей, если бы послѣ заключенія договора та же страна могла эти ставки еще болѣе понизить для третьей державы — какой смыслъ имѣло бы тогда закрѣпленіе ихъ? Поэтому въ договорѣ между Сардиніей и Бельгіей 1851 г. (ст. 22) для этихъ «поименованныхъ» товаровъ вводится право наибольшаго благопріятствованія: болѣе значительныя выгоды, выговоренныя третьей державой, «немедленно распространяются на другую сторону».

Здѣсь уже повѣяло новымъ духомъ. Конечно, наибольшее благопріятствованіе здѣсь примѣняется къ тарифнымъ ставкамъ

еще въ ограниченныхъ размѣрахъ, но во всякомъ случаѣ оно примѣняется, оно извѣстно, а это крайне существенно. Хотя списокъ поименованныхъ товаровъ невеликъ, но все же они подлежатъ «чистому» наибольшему благопріятствованію, а не «условному» или «ограниченному», равносильному системѣ эквивалента До сихъ поръ этого не знали, не представляли себѣ, какъ можно «даромъ» давать льготы. Съ теченіемъ времени это должно было измѣниться, по мѣрѣ того, какъ договоры стали касаться не однихъ только правъ иностранцевъ жить и торговать въ той или другой странѣ и т. д., и лишь въ видѣ исключенія размѣра таможенныхъ ставокъ и свободы привоза тѣхъ или другихъ товаровъ, но также тарифа, вносящаго по многимъ статьямъ его пониженія и освобожденія.

Такъ, вмѣстѣ съ первыми трактатами, содержащими тарифныя ставки, появляется и необходимый спутникъ послѣднихъ— наибольшее благопріятствованіе, придающее реальную цѣнность выговореннымъ ставкамъ. Это былъ, однако, лишь первый шагъ, первая ласточка, за которой должны были послѣдовать другія. Оставалась еще другая группа — непоименованные въ тарифѣ товары. Правда, этимъ товарамъ контрагентъ очевидно не придавалъ первостепеннаго значенія, такъ какъ не закрѣпилъ за собой опредѣленныхъ пошлинъ, но все же и тутъ конкуррентъ, получившій болѣе низкія пошлины, по мѣрѣ того, какъ ширился и распространялся международный обмѣнъ, могъ его выбить изъ занятой позиціи.

Это почувствовала Франція послѣ заключеннаго ею въ 1850 году трактата съ Сардинскимъ правительствомъ, во главѣ котораго стоялъ знаменитый Кавуръ. Упомянутые въ договорѣ товары находились подъ защитой наибольшаго благопріятствованія, прочіе же не были охранены. Кавуръ въ свою очередь получилъ уступки у Франціи, но впослѣдствіи рѣшилъ, что этого мало и потребовалъ новыхъ пониженій — сбавки пошлинъ на мелкій скотъ и фрукты. Когда же Франція отказала ему въ новыхъ требованіяхъ, онъ продѣлалъ слѣдующій маневръ. Онъ сдѣлалъ въ пользу Бельгіи рядъ скидокъ въ 30—50 проц. на непоименованные во французскомъ договорѣ товары, и въ результатѣ Франція въ отношеніи многихъ предметовъ своего

вывоза на сардинскомъ рынкѣ очутилась въ худшемъ положеніи, чѣмъ Бельгія. Мало того, Кавуръ въ томъ же году предоставилъ сдѣланныя въ пользу Бельгіи уступки и другимъ странамъ—Великобританіи и Германскому Таможенному Союзу за тарифныя скидки съ ихъ стороны. У Франціи появилось уже три опасныхъ конкурента на сардинскомъ рынкѣ, лучше вооруженныхъ, чѣмъ она — ея экспорту въ Сардинію грозило крушеніе. Это былъ «ножъ въ спину» Франціи. Волей-неволей ей пришлось пойти на новыя уступки въ пользу Сардиніи. «Кавуръ приставилъ ей дуло къ виску: пониженныя пошлины на сардинскихъ овецъ и козъ и на сардинскіе фрукты,—не то французскіе фабрикаты останутся за дверьми». Франція понизила ставки на эти товары и тогда получила тѣ же льготы, которыми пользовалась Бельгія и кромѣ того пониженіе пошлинъ на шелковыя ткани и иныя издѣлія изъ шелка, которыми опять-таки Бельгія, Великобританія, Таможенный Союзъ, несмотря на только что заключенные договоры, воспользоваться не могли, такъ какъ эти товары не входили въ число поименованныхъ въ договорахъ предметовъ.

Тотъ фактъ, что Кавуръ сумѣлъ почти что силой заставить Францію исполнить его требованія, пуская въ ходъ систему эквивалента, «тонко нюансируя» наибольшее благопріятствованіе, приводитъ въ восхищеніе Glier'a (р. 140, 143): какіе «блестящіе результаты могутъ быть достигнуты включеніемъ этого условія въ торговые договоры!» Достойнымъ подражанія находитъ такой образъ дѣйствія и Я. Д. Маковскій (стр. 128), становясь на точку зрѣнія побѣдителя—Сардиніи, и забывъ о положеніи Франціи, которая была застигнута врасплохъ (почему Jastrow находитъ именно этотъ примѣръ весьма отталкивающимъ). Правда, Франція могла сдѣлать уступки, но это не всегда возможно безъ ущерба для страны, иначе вообще вся система таможенныхъ пошлинъ не имѣла бы смысла, превращалась бы въ комедію.

Не надо забывать и того, что тарифныя пониженія Кавура въ пользу Бельгіи, Великобританіи, Таможеннаго Союза распространялись на изрядное количество всевозможныхъ товаровъ, металловъ и издѣлій изъ нихъ, бумажныхъ, шерстя-

ныхъ и льняныхъ пряжи и тканей всякаго рода, произведеній изъ стекла и бумаги, касались сахара, кожъ и кожевенныхъ товаровъ и т. д. Это были несомнѣнно наиболѣе важныя промышленныя издѣлія того времени, фигурировавшія въ международномъ обмѣнѣ. Идя въ этомъ направленіи дальше, необходимо было бы постепенно включать въ число «поименованныхъ» товаровъ почти всѣ нынѣшніе предметы экспорта. Но это значило бы сдѣлать договоръ совершенно неудобочитаемымъ, раздуть его на много сотенъ статей. Не проще ли было въ отношеніи всѣхъ статей, по которымъ не закрѣплены ставки, просто установить равенство съ прочими державами— наибольшее благопріятствованіе? Послѣднее, будучи вызвано— какъ мы видѣли—появленіемъ тарифныхъ ставокъ въ разныхъ трактатахъ, стало необходимымъ въ качествѣ постановленія, охватывающаго всѣ товары, по мѣрѣ удлиненія и усложненія таможенныхъ тарифовъ. Громоздкость ихъ дѣлала немыслимымъ перечисленіе товаровъ, подлежащихъ праву наибольшаго благопріятствованія — пришлось огульно распространить его на все и вся. Тѣмъ болѣе, что могли появиться новыя отрасли промышленности и экспорта, которыхъ предвидѣть, а тѣмъ болѣе перечислить никто не могъ, такъ что они ужъ никакъ не могли попасть въ «поименованные» товары — для нихъ иного исхода не было.

Слѣдовательно, Кавура можно разсматривать и съ совершенно иной точки зрѣнія, чѣмъ это дѣлаютъ приведенные авторы — какъ родоначальника принципа наибольшаго благопріятствованія, какъ примѣнившаго тѣ начала, послѣдовательное проведеніе которыхъ должно было повести къ изгнанію системы эквивалента изъ международнаго оборота.

Дальнѣйшій шагъ въ томъ же направленіи составляетъ англо-французскій (Кобденскій) договоръ 1860 г., въ которомъ число такихъ поименованныхъ статей еще болѣе велико, столь велико, что въ сущности уже все попадаетъ въ рубрику наибольшаго благопріятствованія, почему въ дополнительной конвенціи къ этому трактату рѣшено было поступить проще — распространить это право на всѣ статьи тарифа, не перечисляя каждую въ отдѣльности.

Настаивала на этомъ Англія, провозвѣстница началъ свободной торговли. Она уже и раньше, ведя борьбу съ протекціонизмомъ, боролась, сколько могла, и съ системой компенсаціи и добилась своей цѣли. Въ трактатахъ съ Ганновером 1844 г., съ королевствомъ Обѣихъ Сицилій 1845 г., съ Швейцаріей 1855 г., съ Россіей 1859 г. — вездѣ выговорено равноправіе, безъ всякихъ ограниченій, безъ дополнительныхъ платежей.

Эта система равноправія всѣхъ государствъ, система всеобщности, равенства тарифовъ для всѣхъ и каждаго находилась въ тѣсной связи съ идеалами свободной торговли, съ универсальнымъ характеромъ фритредерской политики. Наибольшее благопріятствованіе облегчало борьбу съ протекціонизмомъ, закрѣпляло результаты, достигнутые въ этой области. Каждая уступка въ договорѣ пробивала брешь въ таможенной стѣнѣ, а наибольшее благопріятствованіе являлось тѣмъ рычагомъ, при помощи котораго эта брешь расширялась, распространялась по всей стѣнѣ, давая возможность понизить ее на всемъ протяженіи, сорвать цѣликомъ извѣстную верхнюю часть ея. Затѣмъ другой договоръ снова вырывалъ кусокъ этой стѣны, но уже въ другомъ мѣстѣ, наибольшее же благопріятствованіе опять выравнивало высоту всей стѣны, нивеллировало ее по наиболѣе низкому мѣсту.

Такъ постепенно при помощи этихъ двухъ инструментовъ-скидокъ и наибольшаго благопріятствованія срывались тѣ укрѣпленія, которыми успѣли забаррикадироваться европейскія государства въ предыдущую эпоху.

Для Англіи такое равенство со всѣми другими странами на всякомъ рынкѣ являлось условіемъ дальнѣйшаго процвѣтанія ея промышленности — при прочихъ равныхъ условіяхъ ея, далеко обогнавшей континентъ, индустріи былъ обезпеченъ полный успѣхъ. Послѣдовавшія за ней въ смыслѣ фритредерства страны континента Европы быстро усвоили на ряду съ другими идеями и этотъ принципъ. Они поняли послѣдній именно въ смыслѣ составной части фритредерской доктрины и стали пользоваться имъ широко и обильно, разсматривая безусловное и безвозмездное наибольшее благопріятствованіе

какъ ту естественную формулу, по поводу включенія которой не можетъ быть никакихъ сомнѣній, которая составляетъ необходимую часть всякаго акта, именуемаго торговымъ договоромъ.

Около 400 статей охватилъ Кобденскій договоръ 1860 г.— упразднилъ запрещенія привоза, понизилъ пошлины до 30% съ цѣны и болѣе, — получить такое богатство было уже весьма выгодно. Слѣдующій трактатъ, заключенный Франціей съ Бельгіей въ 1861 г., снабдилъ Бельгію всѣмъ этимъ и далъе й еще рядъ спеціально выговоренныхъ льготъ, которыя немедленно присвоила себѣ и Англія въ силу предыдущаго трактата. Годъ спустя, новый договоръ Франціи съ Германскимъ Таможеннымъ Союзомъ освободилъ во Франціи отъ пошлинъ рядъ предметовъ сырья, привозимыхъ изъ Германіи, далъ ей пониженныя ставки на другіе матеріалы, какъ и на фабрикаты и т. д., а, слѣдовательно, снабдилъ ими и контрагентовъ предшествующихъ договоровъ — Англію и Бельгію. При четвертомъ договорѣ, заключенномъ Франціей, уже заработалъ кромѣ этихъ двухъ державъ еще и Таможенный Союзъ. Итакъ все далѣе и далѣе; каждый разъ присоединялись все новыя звенья, цѣпь росла и ширилась, охватывая постепенно всѣ страны Европы и перекрещиваясь съ другими цѣпями, ибо контрагенты Франціи — Бельгія, Италія, Австрія и т. д. въ свою очередь дѣлали новыя уступки разнымъ странамъ и скрѣпляли ихъ наибольшимъ благопріятствованіемъ.

Съ точки зрѣнія идей свободной торговли эта система являлась единственно-мыслимой, другой не было и не могло быть; сама справедливость требовала единаго равнаго для всѣхъ мірового рынка. Но за двумя десятилѣтіями ярко сіявшаго фритредерскаго ученія наступила эра протекціонизма, послѣдній одерживалъ побѣду за побѣдой. И все же свѣтъ наибольшаго благопріятствованія не закатился. Его, правда, не превозносили болѣе, а мечтали о томъ, какъ бы легче всего отъ него избавиться, не давать другимъ даровыхъ премій, требовать кассоваго расчета, уплаты наличными за всякую уступку, не открывая широкаго кредита на будущее время въ видѣ возможности полученія черезъ третьи державы все новыхъ и новыхъ льготъ.

Но благоразуміе заставляло усумниться въ возможности такого шага, удерживало отъ опаснаго эксперимента, который могъ наиболѣе пагубно отразиться на самомъ авторѣ его. За Англіей выступали на міровомъ рынкѣ Германія, Франція и другія страны, т. е. тѣ именно государства, для которыхъ аггрессивный протекціонизмъ сталъ новымъ символомъ вѣры въ экономической жизни. Но доведеніе его до крайнихъ предѣловъ, да еще снабженіе новыхъ тарифовъ системой эквивалента грозило повернуть дуло противъ нихъ же самихъ, поразить въ самое сердце ихъ экспортъ, которому нуженъ былъ широкій открытый рынокъ, грозило снабдить ихъ конкуррентовъ такимъ оружіемъ, какого они были лишены. Ибо ясно было, что, отказывая контрагентамъ въ «наивной» космополитической системѣ наибольшаго благопріятствованія, они нашли бы въ свою очередь передъ собой закрытыя двери.

Конечно, въ эпоху протекціонизма, наибольшее благопріятствованіе уже не сметало таможенныя стѣны, но оно все же до извѣстныхъ предѣловъ препятствовало ихъ возрастанію, задерживало, замедляло ихъ ростъ не въ одномъ только мѣстѣ, а на протяженіи всего мірового рынка. И даже въ эту, столь далекую и чуждую либеральнымъ идеаламъ, эпоху равное съ прочими положеніе на міровомъ рынкѣ оцѣнивалось весьма высоко. Пошлины могутъ быть велики, тарифы весьма аггрессивны, но они все же равны для всѣхъ, а это уже въ сильной стѣпени понижаетъ ихъ остроту — они направлены однимъ и тѣмъ же остріемъ противъ всѣхъ. Когда Франція въ 1892 г. заявила, что она больше не намѣрена допускать вмѣшательства въ свою таможенную политику,—кто хочетъ пускай беретъ ея тарифъ въ такомъ видѣ, какъ онъ есть, а кто не хочетъ, пусть самъ пеняетъ на себя (см. ч. I. Гл. IX)— она все же считала необходимымъ прибавить, что право наибольшаго благопріятствованія она предоставляетъ всѣмъ и каждому, обидъ она никому не наноситъ, неравнаго отношенія не признаетъ. Въ результатѣ всѣ многочисленные торговые договоры, заключенные самыми различными государствами, и теперь крѣпко спаяны между собою наибольшимъ благопріятствованіемъ.

*

Такъ что наибольшее благопріятствованіе вовсе не есть придатокъ къ фритредерской системѣ, который долженъ раздѣлить участь ея, отойти въ вѣчность вмѣстѣ съ ней, какъ утверждаютъ нѣкоторые авторы (Pradier-Fodéré. VI, 399. Lehr. T. 42, p. 665. Trescher. p. 173 и др.). Напротивъ, оно— «естественный результатъ, вытекающій изъ условій, которыми вызывается заключеніе торговыхъ договоровъ, изъ цѣли договаривающихся обезпечить свои интересы и на будущее время. Если одинъ изъ контрагентовъ предоставляетъ другимъ странамъ впослѣдствіи новыя, бо́льшія выгоды, онъ тѣмъ самымъ наноситъ ущербъ другому контрагенту, и послѣдній вправѣ протестовать, заявить, что условія договора измѣнены, что цѣнность его умалена, что совершено злоупотребленіе». (Funck-Brentano et Sorel. p. 163).

Первоначально новой системѣ приходилось еще расчищать себѣ мѣсто, отсѣкать старыя наслоенія въ торговыхъ договорахъ. Въ упомянутой выше «льняной конвенціи» между Франціей и Бельгіей 1842 г. (см. ч. I, стр. 209) имѣлись еще исключительныя привилегіи — для этихъ товаровъ на франко-бельгійской границѣ пошлины должны быть всегда ниже, чѣмъ на прочихъ границахъ какъ Франціи, такъ и Бельгіи,— чѣмъ весьма былъ обиженъ Германскій Таможенный Союзъ. Но онъ, въ свою очередь, въ 1853 г. установилъ пониженный барьеръ на австрійской границѣ — Zwischenzollinie — и притомъ не для немногихъ, какъ тамъ, а для весьма большого числа товаровъ (см. ч. I, стр. 208). Другимъ странамъ эти льготы не причитались.

Эти исключительныя привилегіи имѣли впрочемъ уже иной характеръ, чѣмъ привилегіи прежнихъ эпохъ, рѣчь шла — какъ мы видѣли — о постепенномъ образованіи таможенныхъ союзовъ, франко-бельгійскаго и германско-австрійскаго; эти нити мало по малу должны были закрѣплять сближеніе, все прочнѣе и прочнѣе связывать страны. Это былъ путь къ новой мечтѣ, къ новому идеалу. Но все же исключительныя привилегіи были налицо, а эпоха фритредерства не могла ихъ терпѣть. Наибольшее благопріятствованіе въ договорахъ

1861 и 1862 г. г. однимъ ударомъ разрушило всѣ надежды, прекратило ихъ жизнь — оно не допускало особыхъ преимуществъ въ пользу отдѣльныхъ государствъ, даже воодушевленныхъ столь высокими цѣлями, оно не терпѣло большей близости съ однимъ, чѣмъ со всѣми прочими.

А затѣмъ началась борьба съ принципомъ компенсаціи, но борьба уже не трудная. Старая система быстро, безъ боя сдавала свои позиціи, атмосфера слишкомъ невыгодна была для нея. Всякій новый или возобновляемый договоръ содержалъ уже новое правило, и только тѣ трактаты, которые продолжали дѣйствовать съ давнихъ временъ, не подвергались пересмотру, сохраняли еще старую оговорку, такъ какъ не было повода выбросить ее за бортъ. Но число такихъ ветерановъ періода 1830—50 г. г. сокращалось все болѣе и болѣе, а это означально постепенное вымираніе стараго догмата.

Одна лишь Россія изъ европейскихъ странъ первоначально не обратила на новый принципъ должнаго вниманія. Россія продолжала еще хранить старыя традиціи принципа эквивалента въ то время, когда другія государства уже поставили на немъ крестъ, какъ можно усмотрѣть изъ нашихъ договоровъ съ Австріей 1860 г., съ Италіей 1863 г., съ Швейцаріей 1872 г. Вообще вѣдь въ эпоху, когда въ Западной Европѣ торговые договоры посыпались дождемъ, Россія—какъ мы видѣли—держалась въ сторонѣ отъ этого движенія. Кромѣ этихъ трехъ договоровъ стараго типа она заключила въ періодъ 1860—1890 г. г. торговые трактаты только съ Франціей, Испаніей, Румыніей и Турціей, да съ нѣсколькими не европейскими государствами (Перу, Конго, Китай). Въ этихъ договорахъ уже примѣнялся принципъ наибольшаго благопріятствованія, но договоровъ такихъ было мало, такъ что Россія по общему правилу, правами наиболѣе благопріятствуемой державы не пользовалась. Еще въ 1890 году дѣйствовало у насъ много старыхъ договоровъ, содержавшихъ правило о компенсаціи (съ Австро-Венгріей Бельгіей, Италіей, Нидерландами, Швейцаріей, Португаліей), а съ Германіей вообще не имѣлось договора. А потому, когда Германія въ 1892 г., установила на хлѣбъ пошлину (въ общемъ

пошлину (въ общемъ тарифѣ) въ 5 мар. за 100 килогр. а затѣмъ, по договору въ Австріей и съ другими государствами, понизила ее до $3^1/_2$ мар., эта уступка прошла мимо Россіи, какъ не являвшейся наиболѣе благопріятствуемой. Русскій хлѣбъ облагался теперь въ Германіи на 7,6 коп. зол. или на 12 коп. кредит. болѣе, чѣмъ хлѣбъ другихъ государствъ. А эта разница равнялась приблизительно стоимости перевозки нашего зерна на разстояніи 500 верстъ. Такъ что районъ, изъ котораго возможна была перевозка, чрезвычайно сокращался — область экспорта суживалась на цѣлыхъ 500 верстъ.

Россія вскорѣ поняла свою ошибку, сообразила, что она сама себѣ нанесла глубокую рану. Теперь уже при заключеніи договора, въ 1894 г. Россія настаивала прежде всего и во что бы то ни стало на правѣ наибольшаго благопріятствованія, на «обезпеченіи русскими товарами равноправности съ товарами другихъ странъ, въ особенности въ виду той роли, которую имѣетъ европейскій рынокъ для нашихъ сельскохозяйственныхъ произведеній». Въ періодъ 1893—1896 г. г. Россія вообще спѣшила наверстать потерянное — заключить и рядъ другихъ договоровъ (съ Франціей, Австро-Венгріей, Даніей, Португаліей, Румыніей, Сербіей, Болгаріей), вездѣ и повсюду выговаривая себѣ право наиболѣе благопріятствуемой державы и въ свою очередь признавая его за всѣми другими.

И въ слѣдующій періодъ русскихъ торговыхъ договоровъ 1904—1909 г. г., къ которымъ относятся 11 заключенныхъ нами трактатовъ, принципъ этотъ безраздѣльно господствуетъ. У насъ сохранилось, правда, четыре договора отъ старыхъ временъ, гдѣ говорится еще объ эквивалентѣ,—договоры съ Голландіей, Бельгіей, Греціей и Швейцаріей; но сила идеи наибольшаго благопріятствованія настолько велика, она настолько общепризнана, что даже въ этихъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ никакой обязанности распространять на контрагента всякую льготу, это въ дѣйствительности дѣлается. Жизнь сильнѣе формулъ, даже закрѣпленныхъ на бумагѣ, но не идущихъ въ уровень съ требованіями мірового рынка. Практика превратила эти, какъ и другіе договоры, построенные на

принципѣ эквивалента, въ трактаты съ наибольшимъ благопріятствованіемъ [1]).

Сопротивляемость старой системы оказалась, такимъ образомъ, минимальной. Это выразилось и въ томъ, что она не только исчезла изъ обихода европейскихъ державъ въ ихъ отношеніяхъ между собою, но что Европа заставила и государства Центральной и Южной Америки подчиниться европейской точкѣ зрѣнія. Въ послѣднія десятилѣтія прошлаго вѣка и въ первое десятилѣтіе нынѣшняго столѣтія этими государствами (Венецуэлой, Аргентиной, Чили, Перу, Колумбіей, Гондурасомъ, Санъ-Сальвадоромъ, а также Мексикой) заключено свыше 40 торговыхъ договоровъ съ Европой и вездѣ занимаетъ почетное мѣсто оговорка наибольшаго благопріятствованія. Такъ что ни огромное вліяніе Соединенныхъ Штатовъ въ области торговой политики американскихъ государствъ, ни сближеніе между Штатами и испанской Америкой, ни идея панамериканизма не могли удержать другія американскія страны отъ предпочтенія догмату Соединенныхъ Штаговъ европейской системы. Они приняли послѣднюю не только тамъ, гдѣ имъ, очевидно, не подъ силу было бороться противъ нея, при заключеніи договоровъ съ европейскими государствами, но стали ее включать и въ договоры, гдѣ ужъ, казалось бы, никакого давленія въ этомъ отношеніи быть не могло. Наибольшее благопріятствованіе находимъ въ торговыхъ соглашеніяхъ между Санъ-Сальвадоромъ и Венецуэлой, между Чили и Боливіей, между Мексикой и Санъ-Доминго, между Мексикою и Никарагуа.

---

[1]) Ограниченія находимъ лишь въ нѣкоторыхъ договорахъ, заключенныхъ Испаніей и Португаліей. Такъ, въ русско-испанскомъ соглашеніи 1895 г. о возобновленіи торговаго modus vivendi, говорится о «взаимномъ предоставленіи своихъ минимальныхъ тарифовъ со всѣми пониженіями, которыя представлены третьимъ державамъ», о распространеніи же льготъ, которыя въ будущемъ получатъ третьи державы, ничего не упоминается. Въ конвенціи, заключенной нами съ Португаліей въ 1895 г., установлено (ст. 5), что право наибольшаго благопріятствованія распространяется только на товары, по которымъ взаимно сдѣланы уступки или закрѣплены пошлины (тарифы А. и В.), и кромѣ того на небольшую группу особо перечисленныхъ товаровъ (таблицы А. и В.), такъ что всѣхъ прочихъ товаровъ это право не касается.

Въ связи съ этимъ и характерный элементъ права наибольшаго благопріятствованія—взаимность, двусторонность его, получилъ болѣе рѣзкое выраженіе. Экзотическія страны еще до недавняго времени играли пассивную роль — они давали, но не получали. Отъ нихъ европейцы всегда, даже въ эпоху господства системы эквивалента требовали себѣ права наибольшаго благопріятствованія. Они снабжали европейцевъ равноправіемъ, наибольшимъ благопріятствованіемъ, всякой европейской націи отводили то же, что и прочимъ. Но сами они, не будучи народами коммерческими и не имѣя возможности претендовать на равныя съ цивилизованными націями права, не добивались правъ наиболѣе благопріятствуемой державы. Получалось одностороннее положеніе. Турція, Абиссинія, Марокко, Тунисъ, Триполи, Занзибаръ,—всѣ они въ первой половинѣ минувшаго вѣка шли на такую одностороннюю комбинацію. А съ середины вѣка ихъ примѣру послѣдовали и появившіеся вновь на европейской сценѣ и заключавшіе договоры народы Азіи—Сіамъ, Корея, Китай, Японія. Одностороннее наибольшее благопріятствованіе въ частности содержатъ русско-китайскій и русско-японскій договоры 1858 года. Послѣдующія десятилѣтія создали и тутъ двусторонность—договоры съ Европой на основѣ взаимнаго наибольшаго благопріятствованія. Такая перемѣна являлась показателемъ не только постепеннаго активнаго участія этихъ новыхъ народовъ въ международномъ товарообмѣнѣ, но и признанія за ними совершеннолѣтія. Японія, войдя въ число культурныхъ странъ, съ 90-хъ годовъ уже пользуется равноправіемъ, въ качествѣ общаго правила, а не только въ видѣ исключенія.

Одни только Соединенные Штаты цѣпко держатся за свое изобрѣтеніе — систему эквивалента. Они продолжаютъ на свой ладъ толковать старинные, но еще не прекратившіеся, трактаты, они заключаютъ и новые на тѣхъ же основаніяхъ. Впрочемъ, убытки отъ этого для Европы не велики. Соединенные Штаты вообще не склонны къ тарифнымъ уступкамъ. Въ 1899—1900 г.г. правительство сдѣлало попытку заключить рядъ договоровъ на основѣ тарифныхъ пониженій (съ Франціей, Великобританіей, Даніей и т. д.), но верхняя

палата отказалась ихъ ратифицировать. А если такъ, то какой прокъ получился бы для Европы отъ признанія заокеанской республикой наибольшаго благопріятствованія, кому нужно право на льготы, разъ льготъ вообще нѣтъ [1])?

---

[1]) Характерно, что тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ одностороннемъ соглашеніи, гдѣ Соединенные Штаты только получаютъ, но другой сторонѣ ничего не даютъ, они до сихъ поръ выговаривали себѣ наибольшее благопріятствованіе а вовсе не придерживались принципа эквивалента. Какъ это вяжется съ ихъ системой?

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Торговые договоры и право наиболѣе благопріятствуемой державы.

(Продолженіе).

Б. Современное положеніе вопроса и Брестскій миръ.

I.

Зданіе наибольшаго благопріятствованія стоитъ крѣпко, оно стояло. по крайней мѣрѣ, крѣпко наканунѣ міровой войны. Правда, Соединенные Штаты отказывались войти въ него, стояли за оградой. Но ущерба отъ этого для другихъ народовъ пока было мало. Имѣлась, впрочемъ, опасность другого рода—Соединенные Штаты вели давно уже усиленную агитацію противъ европейской доктрины, подкапывались подъ нее. И зараза проникала чрезъ океанъ. Въ европейскихъ парламентахъ стали раздаваться грозныя рѣчи, громившія знаменитую «оговорку», какъ нежизнеспособную, обманчивую, вредную. Противъ нея выступалъ еще въ 1875 г. германскій центральный промышленный союзъ (Соболевъ, стр. 36); ею возмущались въ 80-хъ годахъ французскіе сельскіе хозяева, когда пониженная въ пользу нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ пошлина на мясо, присвоенная въ силу этого принципа Соединенными Штатами, дала имъ возможность наводнить привезеннымъ въ пароходахъ-холодильникахъ мясомъ парижскій рынокъ и вызвать кризисъ на немъ (Lamy. p. 28). Сильную агитацію вела противъ наибольшаго благопріятствованія Румынія, рѣшивъ при возобновленіи торговыхъ договоровъ въ 1891 году непремѣнно покончить съ нимъ, какъ и вообще обойтись безъ тарифныхъ договоровъ. Но уступки, сдѣланныя въ этомъ именно году Германіей Австріи въ пошлинахъ на хлѣбъ, удержали ее отъ этого необдуманнаго шага; Румынія увидѣла, что наибольшее благопріятствованіе, гораздо лучше, чѣмъ та слава, которой оно пользуется».

А славу эту создавали и всячески поддерживали именно американцы, и американскіе государственные дѣятели и политики и американскіе писатели — Herod, Stone, Stanwood, Moore, Hornbeck. Это вызвало отпоръ американцамъ, но такой, который нанесъ еще гораздо больше вреда наибольшему благопріятствованію, чѣмъ образъ дѣйствія Америки. Если одни боролись съ Новымъ Свѣтомъ, отстаивая свою вѣру (американцамъ рѣшительно возражаютъ Teubern, Oppenheim, Intern. Law. I. p. 611. Westlake. I. p. 281), то другіе отреклись отъ нея, рѣшивъ бороться съ Америкой тѣмъ же оружіемъ. Poinsard, Glier, Vosberg-Reckow, Sartorius von Waltershausen,— всѣ они готовы пожертвовать наибольшимъ благопріятствованіемъ, лишь бы только не давать этого права Соединеннымъ Штатамъ и Аргентинѣ, приверженцамъ системы компенсаціи. Въ виду этого, руки должны быть развязаны — каждая страна должна быть свободна въ своихъ дѣйствіяхъ, дѣлать уступки, кому желаетъ, и на товары, на которые желаетъ. Въ результатѣ у нихъ получается отрицаніе этого принципа вообще, не только въ примѣненіи къ Америкѣ. Рѣшительную борьбу ведетъ противъ него и Trescher, доказывая вредъ, наносимый имъ тѣмъ, кто его придерживается, вредъ тѣмъ большій, что— это утверждаетъ и Schüller — другія государства, по его словамъ, вовсе не считаютъ нужнымъ придерживаться оговорки, молиться этому божку давно отжившей торговой политики.

Такимъ образомъ, хотя заокеанская республика и находилась до сихъ поръ въ блестящемъ одиночествѣ, тѣмъ не менѣе ея образъ дѣйствія, заставляя Европу защищаться, отражается и на ея взглядахъ, ея духъ проникаетъ и въ Европу, ядъ просачивается и по эту сторону океана и подбирается къ старой европейской системѣ, которая оказывается чрезмѣрно либеральной, разъ Америка примѣняетъ совершенно иныя средства. Пока разрушительныя дѣйствія его еще не обнаружились въ жизни — они выразились лишь въ агитаціи, которая велась въ литературѣ. Но послѣдняя ведется планомѣрно и умѣло. Противники не выступали съ поднятымъ забраломъ въ открытомъ полѣ, они осторожно вели подкопъ, наносили удары изъ-за угла. Они вовсе не отрицали вели-

чія и блеска системы наибольшаго благопріятствованія, они совѣтовали лишь нѣсколько видоизмѣнить ее, послушаться совѣтовъ мудрыхъ американцевъ. Зданіе помѣстительно, удобно, на крѣпкомъ фундаментѣ, но только оно немного устарѣло— его надо нѣсколько перестроить, кое-что обновить, кое гдѣ ремонтировать. А между тѣмъ за океаномъ—рядомъ съ фонографомъ и грамофономъ—появились и въ этой области изобрѣтенія, болѣе современныя, идеи, провѣренныя опытомъ— американскіе зодчіе могли бы внести новую струю въ жизнь европейской системы. Понятіе наибольшаго благопріятствованія, видите ли, «неясно», надо ему дать болѣе «точную» формулировку, объяснить, что льготы, которыя возмездно получаютъ другія страны, не охватываются этой формулой. (Hornbeck. Lehr. T. 42, p. 667). Такъ что система компенсаціи явится лишь нѣкоторой поправкой къ ней. Она дастъ возможность добиться того же, но скорѣе и легче.

Протекціонисты прикрываются овечьей шкурой и заявляютъ, что и они хотятъ пониженія пошлинъ, но наибольшее благопріятствованіе достигаетъ этой ихъ завѣтной, якобы, мечты, весьма неполно, система же эквивалента ведетъ къ цѣли прямымъ путемъ. Нерѣдко сторонники послѣдней заявляютъ даже, что на наибольшее благопріятствованіе въ сущности никто и не думаетъ покушаться—его надо сохранить, но только внести маленькую поправку: сдѣлать наибольшее благопріятствованіе условнымъ, индивидуализировать его. Слѣдовательно, оно остается въ силѣ... но только условное наибольшее благопріятствованіе или индивидуализированное по отдѣльнымъ странамъ есть полная противоположность наибольшему благопріятствованію; это система эквивалента, скрывающагося подъ инымъ, обманывающимъ читателя, терминомъ. Небольшая прибавка мѣняетъ весь смыслъ. Въ безусловности, во всеобщности вся сила наибольшаго благопріятствованія. Отнимите ее, и оно становится немощнымъ, хилымъ, безплоднымъ.

Что же ставится въ вину принципу наибольшаго благопріятствованія? Какіе у него находятъ пороки? Почему слѣдуетъ ему предпочесть систему эквивалента или компенсаціи? Да потому—говорятъ противники первой— что всякая льгота,

даваемая одной странѣ, немедленно и безвозмездно распространяется и на всѣ другія страны, т. е. возстаютъ противъ необходимаго вывода изъ принципа наибольшаго благопріятствованія, противъ наиболѣе характернаго результата его, ибо онъ въ свою очередь чреватъ—по ихъ мнѣнію—весьма вредными послѣдствіями.

Прежде всего — говорятъ они — получается расточительность. Они хотятъ отдать государство подъ опеку за отказъ отъ своихъ правъ, за раздариваніе выгодъ и уступокъ направо и налѣво, и достойному и недостойному, и тому, кто возвращаетъ подарокъ, и тому, кто ни на шагъ не идетъ навстрѣчу. Государство ограничиваетъ свой суверенитетъ, свою волю—оно не можетъ по своему выбору одарить одного и лишить другого, связываетъ себѣ руки и на будущее время, не можетъ сблизиться съ однимъ, дать ему преимущества черезъ головы другихъ; всѣ для него должны быть одинаково близки и одинаково далеки, свѣтъ и тѣни поровну распредѣляются между всѣми. А отсюда получается и несправедливость: государство дѣлаетъ уступки одному, который ему за это платитъ, отвѣчаетъ взаимностью, а всѣ другіе ихъ подхватываютъ, получаютъ даромъ, извлекаютъ выгоду изъ того, что для нихъ вовсе не предназначено. Гдѣ же тутъ справедливость? Гдѣ же равенство! Равенство состояло бы, наоборотъ, въ томъ, что всякій платилъ бы столько же, какъ и всѣ другіе.

Предоставляя выгоды данной странѣ, мы вынуждены при этой системѣ всегда считаться съ тѣмъ, что «вдругъ непрошенный гость, пользуясь длинной ложкой наибольшаго благопріятствованія, влѣзетъ въ нашу миску и начнетъ ѣсть супъ, который мы въ сущности сварили для другого» (Glier. p. 364). Выходъ изъ этого положенія одинъ: отказаться отъ такого, въ этическомъ отношеніи, быть можетъ, весьма похвальнаго, но съ дѣловой точки зрѣнія совсѣмъ неумѣстнаго «идеализма». Его надо замѣнить «реалистической» системой равноправія въ смыслѣ услуги—возмездія, полученія и уплаты, равноцѣнности услугъ, трезвымъ коммерческимъ принципомъ эквивалента, господствующимъ во всѣхъ (другихъ) областяхъ экономической жизни.

Но правильно ли это? Можно ли прежде всего говорить объ ограниченіи суверенитета, когда государство добровольно, въ интересахъ своего же населенія, отказывается отъ опредѣленныхъ принадлежащихъ ему правъ, находя такой отказъ для себя выгоднымъ? И при томъ отказывается не навсегда, а на опредѣленный срокъ — на 10—12 лѣтъ, не болѣе, пока не денонсированъ договоръ. Если это есть умаленіе суверенитета, то имъ является, очевидно, вообще всякое заключеніе договора, такъ какъ всякій договоръ ограничиваетъ волю государства на опредѣленный срокъ. Но государство соглашается на такое ограниченіе — вступаетъ въ соглашеніе съ другими державами и дѣлаетъ это потому, что они въ свою очередь связываютъ себя, берутъ на себя обязательства, выгодныя для него.

Въ этой двусторонности обязательства, заключается въ частности выгодность принципа наибольшаго благопріятствованія для обѣихъ сторонъ. Въ получаемомъ отъ другой стороны правѣ наибольшаго благопріятствованія и состоитъ тотъ эквивалентъ, который пріобрѣтаетъ договаривающееся государство, такъ что ни о какомъ подаркѣ не можетъ быть и рѣчи.

Въ 1904 году Россія заключила торговый договоръ съ Германіей, предоставляя ей право наибольшаго благопріятствованія— и тѣмъ самымъ уступки, сдѣланныя Россіей впослѣдствіи, въ 1905 г. по 86 статьямъ Франціи, а затѣмъ въ 1906 и 1907 г. г. Австро-Венгріи и Италіи, автоматически перекинулись на Германію. Но получила ли ихъ Германія даромъ? Дѣйствительно ли она ничего не уплатила за нихъ? Вѣдь Россія въ свою очередь была признана Германіей наиболѣе благопріятствуемой державой. А изъ этого она извлекла многообразныя выгоды. Такъ напр., въ русско-германскомъ договорѣ не было предусмотрѣно никакихъ скидокъ съ пошлинъ на кукурузу, и Россіи пришлось бы уплачивать при импортѣ кукурузы въ Германію 5 мар. съ тонны, если бы о ней не позаботились Сербія, Румынія и Болгарія, выговорившія себѣ пошлину въ 3 марки. Они то сами воспользовались этой льготой весьма мало — Болгарія и Сербія ввезли въ Германію послѣ 1904 года минимальное количество кукурузы (съ 1913 г. первая на 1,3 милл. мар., вторая — на 0,2 милл.), и даже Румынія импортировала

(въ 1913 г.) только на 1,1 мил. мар. Напротивъ, Россія въ томъ же году снабдила Германію кукурузой на 10 милл. мар., такъ что она, благодаря праву наибольшаго благопріятствованія, нажилась болѣе, чѣмъ кто-либо, на скидкѣ въ 40% съ первоначальной ставки.

Другія страны — Бельгія, Австро-Венгрія и Италія, дали намъ возможность уплачивать за картофель вмѣсто $2^1/_2$ мар. за тонну всего 1 мар., т. е. на 60 проц. меньше, причемъ Россія въ 1911 г. импортировала въ Германію картофель на гораздо большую сумму, чѣмъ эти три страны, добившіяся пониженныхъ ставокъ, вмѣстѣ взятыя. И такихъ случаевъ, гдѣ другія государства поработали за насъ, можно было бы привести еще много. Свѣжая свинина, телячьи кожи, дубовое еерево и т. д.,— все это примѣры того, какъ Германія, предоставивъ выгоды другимъ странамъ, дала возможность Россіи использовать ихъ гораздо лучше, чѣмъ это сдѣлали тѣ, кто настуивалъ на этихъ уступкахъ. Любопытенъ и случай съ калошами. Въ 1904 г., заключая договоръ съ нами, Германія не пожелала понизить свою пошлину на калоши въ 100 мар., и первые два года Россіи пришлось платить эту ставку. Но затѣмъ въ 1906 г. Германія вступила въ соглашеніе съ Швеціей и вынуждена была, по ея требованію, предоставить ей пониженную ставку на калоши въ 80 мар. Что же получилось въ результатѣ? Отказавши сначала Россіи, Германія, два года спустя, дала ей эту скидку черезъ посредство Швеціи. И Швеція оказалась дѣйствительно благодѣтельницей для насъ: дала намъ возможность стать главнымъ импортеромъ калошъ въ Германію. Въ 1913 г. изъ 1,3 милл. мар. импортированныхъ калошъ 886 тысячъ или ровно двѣ трети составили русскія калоши, тогда какъ шведскія—всего четвертую часть германскаго ввоза.

Итакъ, Германія вовсе не даромъ получила право наибольшаго благопріятствованія — она поживилась на насъ, на томъ, что мы дали другимъ странамъ, но и мы не оказались въ проигрышѣ, и мы могли пожинать плоды того, что не сѣяли. Но было бы въ то же время несправедливо обвинять насъ въ томъ, что мы присвоили себѣ результаты труда другихъ дер-

жавъ, заключавшихъ договоры съ Германіей. Если въ приведенныхъ случаяхъ Россія воспользовалась льготами, установленными Германіей для другихъ странъ, то можно найти и обратные случаи, когда Россія добилась у Германіи пониженныхъ пошлинъ на тѣ или другіе товары, но привозили эти товары другія страны. Напр. сѣмена злаковъ безпошлинно ввозили не мы и не Италія, хотя свободу отъ обложенія получили Россія и Италія — а Великобританія и Соединенные Штаты, льняное сѣмя ввозила Аргентина, рѣдьку — Индія, приготовленное мясо — Данія, орѣховое дерево необработанное — Франція, распиленное вдоль — Америка, лиственный лѣсъ — западная Африка и т. д.

Во многихъ изъ этихъ и другихъ случаевъ наибольшее благопріятствованіе сдѣлало истинно-доброе дѣло — оказало помощь такимъ странамъ, которыя, имѣя чисто-фискальный тарифъ, какъ Англія, или полу-фискальный, подобно Нидерландамъ, не могли бы въ свою пользу ничего купить, и безъ этого института были бы глубоко обижены и обойдены.

Что же слѣдуетъ изъ всего этого? То, что каждое государство въ однихъ случаяхъ пріобрѣтаетъ льготы для себя, въ другихъ случаяхъ—для другихъ странъ; то, что каждое государство одни льготы пріобрѣтаетъ за плату, другія даромъ — путемъ наибольшаго благопріятствованія; то, что каждое государство, дѣлая подарки другимъ, получаетъ и подарки отъ нихъ. А если изъ двухъ лицъ оба подносятъ другъ другу подарки, то эти предметы уже перестаютъ быть подарками— изъ двухъ безвозмездныхъ сдѣлокъ образуется одна возмездная, пріобрѣтаемому соотвѣтствуетъ получаемое, эквивалентъ. Или иначе—разъ каждый заботится о другихъ, то, очевидно, господствуетъ принципъ кооперації — одинъ за всѣхъ и всѣ за одного. Можно ли говорить о раздариваніи правъ и льготъ, о надѣленіи всѣхъ и всякаго подарками, когда всѣ находятся въ такомъ положеніи надѣляющаго и надѣляемаго? И если жаловаться на осыпаніе милостями и праваго и виноватаго, и достойнаго и недостойнаго, то не попадетъ ли въ категорію недостойныхъ и виноватыхъ рядомъ съ Соединенными Штатами, не желающими дѣлать уступокъ, и Англія, не

могущая ихъ сдѣлать, въ виду своего чисто-фискальнаго тарифа? И не окажутся ли правыми и достойными тѣ страны, которыя повысили свои пошлины до огромныхъ размѣровъ, подобно Германіи, Австріи, Италіи, Россіи, а затѣмъ, чтобы пріобрѣсти льготы, охотно дѣлаютъ скидки, и во многихъ случаяхъ псевдо-скидки, такъ какъ они сами не намѣрены сохранить свои первоначальныя ставки, зная, что въ этомъ случаѣ они не получатъ нужнаго имъ товара.

Конечно, на практикѣ одна сторона можетъ гораздо больше выиграть, чѣмъ другая. Предоставленіе другъ другу наибольшаго благопріятствованія «сравнимо съ обмѣномъ чековыми книжками: какъ бланки будутъ заполнены, это зависитъ отъ размѣровъ будущаго текущаго счета. Послѣдній равенъ нулю, если оба государства придерживаются автономной политики, онъ достигаетъ максимума при осуществленіи принципа свободной торговли» (Sartorius, p. 31). Одинъ изъ контрагентовъ въ теченіе срока дѣйствія договора усердно заключаетъ трактаты, дѣлаетъ многочисленныя и значительныя уступки третьимъ державамъ, другой же всячески сторонится тарифныхъ договоровъ, избѣгаетъ давать какія либо преимущества другимъ странамъ. Тогда послѣдній, ничего не давая своему контрагенту, въ то же время извлекаетъ отъ него всѣ тѣ выгоды, которыя тотъ предоставилъ третьимъ государствамъ, быть можетъ, въ свою очередь, за значительныя уступки съ ихъ стороны. Такой контрагентъ сидитъ сложа руки и только регистрируетъ тѣ выгоды, которыя каждый разъ валятся ему съ неба.

Такой упрекъ ставили Франціи въ 90-хъ годахъ: «Европа, заключая договоры, работала на Францію» (Luzzati), которая почти никому никакихъ уступокъ не дѣлала. Особенно возмущалась этимъ Германія, обвиняя Францію въ «злобной политикѣ», направленной къ тому, чтобы Германія ничего не получила, такъ что для послѣдней наибольшее благопріятствованіе являлось пустымъ звукомъ, тогда какъ Германія заключила многочисленные тарифные договоры; другія страны заплатили ей за это, Франціи же все привалило даромъ. Но только забываютъ прибавить, что въ предшествую-

щее десятилѣтіе 1880—1890 г.г. дѣло обстояло какъ разъ наоборотъ. Дающей являлась Франція, которая сдѣлала различнымъ странамъ всевозможныя уступки, получающей же была Германія, соглашавшаяся—какъ мы видѣли (ч. I, стр. 222)—лишь на незначительныя скидки со своего общаго тарифа и клавшая себѣ въ карманъ все, что выговаривали себѣ другія страны у Франціи. Другія страны торговались изъ-за уступокъ, и каждый разъ, когда они приходили къ соглашенію, Германія пускала въ ходъ инструментъ, именуемый наибольшимъ благопріятствованіемъ, и старалась реализовать пониженныя для другихъ пошлины путемъ расширенія своего экспорта въ данную страну. Германія до 1892 года «питалась плодами дерева, котораго она не сажала. Существовала поэтому опасность, что въ одну прекрасную ночь это дерево рухнетъ и исчезнутъ плоды, которыми Германія безвозмездно до сихъ поръ пользовалась». Утверждаютъ даже, что такой «недостойный Германіи образъ дѣйствій» являлся главной причиной того, что Франція послѣ истеченія срока торговыхъ договоровъ въ 1892 г. стала отмежевываться отъ другихъ государствъ, не желая дѣлать подарковъ Германіи.

Столь же слабымъ оружіемъ противъ принципа наибольшаго благопріятствованія является и ссылка на то, что въ теченіе перваго десятилѣтія XX вѣка Германія заключала весьма мало тарифныхъ договоровъ, тогда какъ Россія дѣлала много уступокъ, такъ что Германія нажилась на нашъ счетъ. «Мы ставили ее въ особенно благопріятныя условія, тогда какъ она насъ ставила въ особенно неблагопріятныя условія». (Леонтьевъ). На самомъ дѣлѣ кромѣ Германіи мы заключили тарифные договоры еще съ четырьмя европейскими державами, тогда какъ 6 странъ получили только право наибольшаго благопріятствованія, такъ что Германія въ этихъ случаяхъ ничего не выиграла. Если же она вообще заработала на насъ въ эту эпоху, то главнымъ образомъ прямымъ путемъ, а не обходнымъ, ибо наибольшее количество сдѣланныхъ нами въ эти годы пониженій совершено по договору съ Германіей, тогда какъ Австрія и Франція воспользовались гораздо меньшимъ числомъ выгодъ, Италія же и Португалія добились лишь ми-

нимальныхъ уступокъ, такъ что рикошетомъ, благодаря ихъ дѣятельности, Германія много не перехватила. А въ то же время и она съ своей стороны, на основаніи ряда трактатовъ (12), сильно измѣнила свой тарифъ, сдѣлавъ многочисленныя скидки въ пользу Австро-Венгріи, Италіи, Бельгіи, Балканскихъ государствъ, которыя — какъ мы видѣли выше — имѣли крупное значеніе для Россіи.

Но допустимъ даже, что при сравненіи актива и пассива сальдо окажется въ пользу Германіи, и это еще ничего не доказываетъ. И тутъ нельзя выхватывать одинъ періодъ, игнорируя всѣ прочіе, ибо получится неправильное, одностороннее освѣщеніе. Возьмемъ, напр., 80-ые годы—картина сразу мѣняется. Россія не признаетъ договорнаго принципа, строитъ свой все болѣе и болѣе повышаемый тарифъ на автономныхъ началахъ, но въ то же время обладаетъ цѣннымъ инструментомъ въ видѣ наибольшаго благопріятствованія, установленнаго въ договорѣ съ Франціей въ 1874 году. Это даетъ Россіи возможность присваивать себѣ всѣ разнообразныя выгоды, которыя Франція предоставила различнымъ странамъ. Если же мы не могли въ началѣ 90-хъ годовъ немедленно заполучить себѣ то, что Германія дала другимъ, въ видѣ, напр., важнѣйшихъ для насъ пошлинъ на хлѣбъ, то это случилось по собственной винѣ нашей—мы не желали стѣснять себя торговыми договорами, не обмѣнялись съ Германіей наибольшимъ благопріятствованіемъ и въ результатѣ жестоко поплатились.

Такимъ образомъ, эквивалентъ имѣется вовсе не при одной только системѣ эквивалента. И система наибольшаго благопріятствованія построена на принципѣ предоставленія взаимныхъ выгодъ, на принципѣ эквивалента, но только эквивалента общаго, а не спеціальнаго, эквивалента въ томъ смыслѣ, что каждая страна выигрываетъ отъ тѣхъ льготъ, которыя предоставляетъ контрагентъ третьимъ державамъ, но платитъ за это не немедленно и не каждый разъ отдѣльно, а огульно, въ свою очередь распространяя на контрагента льготы, которыя она сдѣлала за опредѣленныя уступки другимъ странамъ. Система же компенсаціи построена на спе-

*

ціальномъ вознагражденіи, почему ее и называютъ «торгашеской» системой, при которой не дѣлается ни одного шага безъ немедленнаго полученія платежа.

Однако, ошибочно было бы думать, что при такомъ вознагражденіи за каждую отдѣльную уступку, при такомъ взвѣшиваніи и измѣреніи каждой выгоды, получается большее соотвѣтствіе между предоставленными и получаемыми выгодами, что въ этомъ случаѣ создается обмѣнъ равноцѣнностей. Принципъ компенсаціи впервые примѣняется въ области судоходства. Въ XVIII ст. не допускался привозъ товаровъ на иностранныхъ судахъ, въ началѣ же XIX ст. то или другое государство заявляло о своей готовности открыть доступъ судамъ другой державы, если послѣдняя сдѣлается то же самое въ отношеніи ея судовъ; оно соглашалось освободить суда контрагента отъ всякихъ дополнительныхъ пошлинъ или иныхъ сборовъ въ томъ случаѣ, если тотъ же режимъ будетъ установленъ въ отношеніи его судовъ. При такихъ условіяхъ обѣ стороны предоставляли другъ другу одни и тѣ же выгоды, совершенно одинаковыя права. Правда, на практикѣ и въ этихъ случаяхъ значеніе ихъ было не равновелико. Англія, при своемъ грандіозномъ торговомъ флотѣ, парусами и трубами котораго были покрыты всѣ моря, могла, конечно, расчитывать отъ допущенія ея судовъ въ Россію и отъ освобожденія ихъ отъ дополнительныхъ сборовъ на гораздо большія выгоды, чѣмъ Россія, бѣдная тоннажемъ, отъ полученія тѣхъ же правъ для своихъ судовъ въ Англіи. Но, по крайней мѣрѣ, формально въ сферѣ судоходства принципъ компенсаціи создавалъ равенство. Когда же онъ былъ распространенъ на область таможенныхъ пошлинъ, то о равенствѣ уже не могло быть рѣчи. Когда Сардинія напр., въ 1851 г. заключила торговый договоръ съ Бельгіей — беремъ одинъ изъ первыхъ тарифныхъ договоровъ,— то едва ли она могла заявить, что, требуя пониженія пошлинъ на южные плоды, вина, оливковое масло и т. д., она готова сдѣлать съ своей стороны такія же уступки Бельгіи на тѣ же товары и въ томъ же размѣрѣ. Такое предложеніе было бы насмѣшкой надъ Бельгіей: она ввозила въ Сардинію не фрукты и вина, а металлы и шерстяныя издѣлія. Нужны были уже не рав-

ныя, а равноцѣнныя выгоды, такія выгоды, которыя представляли бы равное значеніе для обѣихъ договаривающихся сторонъ.

Но какъ опредѣлить ихъ сравнительную цѣнность? Въ частныхъ торговыхъ сдѣлкахъ цѣнность получаемаго и отдаваемаго выражается въ деньгахъ, такъ что установить соотношеніе между ними нетрудно. Но какъ быть въ области международныхъ соглашеній? Какой здѣсь примѣнить масштабъ, къ какому знаменателю свести предоставляемыя сторонами другъ другу выгоды? При заключеніи русско-германскаго договора 1894 года было исчислено, что Россія, вслѣдствіе сдѣланныхъ ею уступокъ, теряетъ (по расчету привоза въ Россію изъ Германіи и другихъ странъ) на пошлинахъ за привозимые изъ Германіи товары 2 1/2 милл. руб. зол., а если включить и ввозъ прочихъ странъ (пользующихся въ Россіи наибольшимъ благопріятствованіемъ), то всего до 6 мил. руб. зол. Точно также и таможенный доходъ Германіи долженъ сократиться, вслѣдствіе этого договора, на 6,123 милл. руб. зол. Слѣдовательно, потери обоихъ государствъ одинаковы, — но это потери казны на пошлинахъ, да и то лишь въ предположеніи сохраненія существующихъ оборотовъ торговли. Каковы же выгоды и потери каждой страны въ экономическомъ отношеніи, — объ этомъ можно съ извѣстной, хотя также, конечно, лишь приблизительной, точностью судить только впослѣдствіи, на основаніи хотя бы статистики привоза и вывоза за слѣдующій послѣ заключенія договора періодъ. Въ моментъ же совершенія договора всѣ предположенія въ большей или меньшей степени гадательны. Никакого баланса прибылей и убытковъ получить невозможно.

А въ то же время примѣненіе принципа спеціальнаго эквивалента по формулѣ—за каждую выгоду немедленная уплата, заставляетъ каждую страну со внимательностью обсерваторіи непрерывно слѣдить за всѣми колебаніями въ области торговыхъ уступокъ, отмѣчать всякую перемѣну, совершившуюся въ этомъ отношеніи на земномъ шарѣ и какъ только появится на горизонтѣ какое-либо новое преимущество, могущее имѣть для нея значеніе, немедленно предлагать свои услуги, вкладывать предлагаемыя компенсаціи.

Правда, иногда утверждаютъ, что наибольшее благопріятствованіе — орудіе могучихъ и сильныхъ; оно дѣлаетъ богатыхъ еще богаче, бѣднымъ же ничего не даетъ. Крѣпко стоящія страны и отрасли промышленности, благодаря ему, еще болѣе укрѣпляются, слабымъ же въ промышленномъ отношеніи странамъ перепадаютъ лишь крохи съ ихъ стола. Примѣръ — австрійско-швейцарскіе договоры. Эти страны «вытаскивали каштаны изъ огня» для Германіи, Великобританіи, Франціи и т. д., которыя путемъ наибольшаго благопріятствованія обезпечивали себѣ львиную долю въ снабженіи австрійскаго и швейцарскаго рынковъ.

Конечно, какъ система равенства, наибольшее благопріятствованіе даетъ возможность болѣе сильнымъ въ экономическомъ отношеніи одерживать побѣду надъ конкуррентами и противъ этого столь же неосновательно было бы бороться, какъ противъ того, что болѣе талантливые въ жизни оттѣсняютъ прочихъ. Если при ввозѣ въ свои предѣлы можно привѣсить лучшимъ и болѣе дешевымъ товарамъ тяжелыя гири въ видѣ пошлинъ, чтобы уравнить ихъ съ собственнымъ производствомъ, то на міровомъ рынкѣ невозможно созданіе такого искусственнаго равенства. Система компенсаціи измѣнить это не въ состояніи, она можетъ лишь еще болѣе ухудшить положеніе болѣе слабыхъ, такъ какъ сильные всегда будутъ имѣть, чѣмъ заплатить за льготу; но гдѣ взять мелкимъ и слабо развитымъ странамъ объекты для компенсаціи, которые они могли бы бросить на вѣсы? Къ ихъ естественной слабости можетъ еще присоединиться умаленіе ихъ правъ и создаться совершенно безвыходное положеніе. А такъ все, что порѣшили между собой великіе, перепадаетъ и малымъ, которые используютъ полученное въ предѣлахъ своихъ силъ.

Принципъ наибольшаго благопріятствованія обвиняли и въ другомъ преступленіи: въ томъ, что онъ является врагомъ тарифныхъ договоровъ, сокращаетъ до минимума скидки въ таможенныхъ тарифахъ. Когда всякая выгода, получаемая однимъ за уступку, дается десяти и двадцати даромъ, то у нихъ, само собой разумѣется, исчезаетъ всякій стимулъ дѣлать

со своей стороны уступки, какъ это было бы, если бы каждую такую выгоду надо было купить, т. е. при системѣ эквивалента или компенсаціи. Мало того, въ послѣднемъ случаѣ это были бы выгоды индивидуальнаго характера, которыя каждое государство пріобрѣтало бы для себя самого, а вовсе не для всѣхъ другихъ. А такія выгоды цѣнятся гораздо выше, чѣмъ уступки, которыя немедленно же раздаются всѣмъ и каждому. Государство готово помириться съ меньшими уступками, лишь бы конкурренты платили еще больше, это для него выгоднѣе, чѣмъ болѣе низкія, но равныя для всѣхъ пошлины. Ибо это вѣдь привилегіи, которыя цѣнятся за свою рѣдкость, за недоступность другимъ. Въ свою очередь, и дающая такую привилегію страна гораздо легче соглашается на льготу, если она знаетъ, что давая ее друзьямъ, она не поднесетъ подарка и тѣмъ, съ которыми она находится, быть можетъ, въ натянутыхъ отношеніяхъ.

Однако для всей этой аргументаціи характерно то, что она построена на основѣ исключительныхъ привилегій въ пользу отдѣльныхъ государствъ — въ этомъ случаѣ ихъ высоко цѣнитъ за рѣдкость получающій, въ этомъ случаѣ ихъ охотно даетъ отчуждающій. Это несомѣнно правильно. Пошлина на хлѣбъ въ $3^1/_2$ мар., которую Соединенные Штаты и Румынія платили въ 1891 г. въ Германіи въ то самое время, когда русское зерно облагалось 5 марками, была для нихъ, конечно, гораздо выгоднѣе, чѣмъ если бы, допустимъ, и для нихъ и для Россіи ставка была понижена до 2 марокъ. Послѣ заключенія договора съ Швейцаріей въ 1891 г. Австрія заявляла, что для экспорта ея сельскохозяйственныхъ продуктовъ включеніе Италіи, а затѣмъ въ 1895 г. и Франціи въ число государствъ, пользующихся въ Швейцаріи наибольшимъ благопріятствованіемъ, понизило цѣнность этого трактата до минимума: «не мы стали поставщиками на швейцарскомъ рынкѣ, а наши сосѣди». Франція жаловалась въ 90-хъ годахъ, что Россія не дѣлаетъ ей различныхъ уступокъ лишь потому, что не желаетъ, чтобы ихъ получила Германія, въ силу наибольшаго благопріятствованія, а Швейцарія въ своемъ отказѣ понизить различныя ставки по требованію Франціи, прямо заявляла въ 1895 г.,

что отъ нихъ гораздо больше, чѣмъ Франція, выиграли бы Германія, Бельгія и Англія.

Противъ всего этого нельзя ничего возразить. Но только необходимо напомнить, что тѣ выгоды, которыя получаются при такого рода индивидуальныхъ уступкахъ, вовсе не равноцѣнны тѣмъ льготамъ, которыя имѣютъ универсальный характеръ. При системѣ эквивалента каждое государство получитъ, быть можетъ, гораздо больше отъ своего контрагента и дастъ ему гораздо больше, чѣмъ при господствѣ принципа наибольшаго благопріятствованія. Но оно получаетъ и даетъ гораздо больше лишь въ видѣ непосредственныхъ уступокъ, косвенно же, черезъ посредство другихъ странъ, оно ничего не пріобрѣтаетъ и не уступаетъ. А между тѣмъ необходимо учитывать выгоды и того и другого рода, ибо наибольшее благопріятствованіе снабжаетъ каждаго огромнымъ количествомъ косвенно полученныхъ льготъ, тѣхъ преимуществъ, которыя предназначались для опредѣленнаго государства, но были присвоены и всѣми остальными. Если же мы подведемъ общій балансъ, подсчитаемъ выгоды того и другого порядка, то плюсъ несомнѣнно окажется на сторонѣ наибольшаго благопріятствованія, сальдо получится въ его пользу. Вѣдь каждая льгота въ первомъ случаѣ по своей цѣнности равна единицѣ, такъ какъ касается лишь даннаго опредѣленнаго государства, тогда какъ во второмъ случаѣ она выразится въ цифрѣ 20 — 25 или 30 — 35 по числу государствъ, пользующихся правомъ наибольшаго благопріятствованія и, слѣдовательно, пріобрѣтающихъ ее. Такъ что необходимо, чтобы число заключаемыхъ договоровъ и число дѣлаемыхъ въ нихъ уступокъ ужъ очень сильно возросло, только тогда система эквивалента дастъ большій результатъ въ смыслѣ скидокъ въ тарифахъ, чѣмъ примѣненіе оговорки наибольшаго благопріятствованія, при которой каждая ставка размножается въ большомъ количествѣ экземпляровъ.

Вообще трудно думать, чтобы та политика протекціонизма, которая одерживала побѣду за побѣдой въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, могла быть сколько-нибудь поколеблена при помощи столь слабаго, столь медленно дѣйствующаго и имѣющаго столь ограниченное примѣненіе принципа, какъ компенсація. Въ

эпоху фритредерства 60-хъ годовъ система наибольшаго благопріятствованія оказалась весьма удачнымъ средствомъ для пониженія таможенныхъ барьеровъ, для борьбы съ протекціонизмомъ. Если же впослѣдствіи даже принципъ наибольшаго благопріятствованія, немедленно распространяющій всякую выгоду, испрашиваемую однимъ, по всему свѣту, не въ состояніи былъ задержать усиливающагося роста протекціонизма, если даже это дальнобойное орудіе не могло воспрепятствовать возведенію протекціонистскихъ стѣнъ, отмежевывающихъ страны другъ отъ друга, — то въ силахъ ли бороться съ ними столь несовершенное оружіе, какъ компенсація, столь плохо отточенное, дѣйствіе котораго ограничивается предѣлами одного государства?

Наибольшее благопріятствованіе, по мнѣнію противниковъ его, тормозило развитіе системы торговыхъ договоровъ еще и по другой причинѣ. Договоры заключались на 10—12 лѣтъ и, казалось бы, должны были создавать извѣстную устойчивость и опредѣленность въ международныхъ экономическихъ сношеніяхъ. Но все это нарушалось прикрѣпленнымъ къ нимъ аппаратомъ въ видѣ наибольшаго благопріятствованія. При послѣднемъ всякій договоръ при заключеніи его «представляетъ собою бѣлый листъ бумаги, содержаніе же его опредѣлется впослѣдствіи, и не волей договаривающихся сторонъ, а рѣшеніемъ третьихъ державъ». Каждый новый трактатъ «бьетъ по тѣмъ странамъ, которыя его вовсе не заключали» (Pradier-Fodéré IV. p. 395). Трактатъ Россіи съ Германіей ничего Россіи не выясняетъ; Россія не знаетъ, что она получитъ отъ Германіи, ибо каждый новый договоръ, заключаемый Германіей съ той или другой страной, измѣняетъ наше положеніе на нѣмецкомъ рынкѣ, производитъ переворотъ въ нашей торговлѣ.

Но какія это могутъ быть измѣненія, способныя нанести намъ ущербъ? Германія можетъ понизить ставки для другихъ державъ; для насъ это будетъ только выгодно. Можетъ ли она ихъ повысить до истеченія договора съ Россіей? Можетъ, но лишь въ томъ случаѣ, если мы не закрѣпимъ за собой соотвѣтствующихъ ставокъ тарифа. Иначе говоря, потрясенія угрожаютъ нашей торговлѣ только въ томъ случаѣ, если мы

сами не признаемъ системы тарифныхъ договоровъ или если мы не настолько предусмотрительны, чтобы зафиксировать пошлины на существенные для насъ товары. Отъ такой близорукости мы, конечно, пострадаемъ. Но наибольшее благопріятствованіе тутъ ни причемъ и нѣтъ основанія сваливать на него вину за собственныя ошибки.

Такіе случаи дѣйствительно знаетъ исторія. Когда въ 1888 г. произошелъ разрывъ торговыхъ сношеній между Франціей и Италіей, совершилось слѣдующее. На многіе товары, по которымъ Франція сдѣлала уступки Италіи, какъ напр. рисъ, перья, химическіе продукты, парфюмерія, музыкальные инструменты, сразу повысились ставки и не только для Италіи, но и для всѣхъ прочихъ странъ, ибо всѣ они пользовались прежде пониженнымъ тарифомъ и притомъ не непосредственно, а косвенно—на нихъ отражались, въ силу наибольшаго благопріятствованія, выгоды, полученныя Италіей, а теперь этихъ льготъ не стало. Или другой случай. При заключеніи швейцарско-испанскаго договора Швейцарія весьма и весьма расчитывала на ту богатую добычу, которая должна ей привалить, благодаря праву наибольшаго благопріятствованія, отъ одновременно заключаемаго между Испаніей и Германіей трактата. Все, что Испанія вынуждена будетъ дать Германіи, получитъ тотчасъ же и она, Швейцарія; такъ что ей самой нѣтъ основанія особенно заботиться о своихъ выгодахъ, можно довольствоваться меньшими уступками въ собственномъ договорѣ, разъ обогатиться можно будетъ при помощи чужого договора. Но велико было разочарованіе Швейцаріи, когда переговоры между Германіей и Испаніей были прерваны и началась таможенная война между этими странами: Швейцарія очутилась ни съ чѣмъ.

Впрочемъ именно эта тарифная война могла доставить Швейцаріи гораздо большія выгоды—лучшее доказательство того, какъ въ области торговой политики и помимо наибольшаго благопріятствованія совершенно посторонніе для данной страны факты, дѣйствія другихъ странъ, ее, казалось бы вовсе не затрагивающія, рѣшаютъ ея судьбу, доставляютъ ей богатства, на которыя она вовсе не расчитывала, подарки, о

которыхъ она не могла мечтать. Германія и Австрія напр.— какъ мы видѣли (см. ч. I гл. IX) — сильно разбогатѣли отъ таможенной войны между Франціей и Швейцаріей, происходившей въ 90-хъ годахъ. Но въ данномъ случаѣ и этого не свершилось—Швейцарія правда имѣла возможность во время таможенной войны замѣнить германскіе продукты на испанскомъ рынкѣ своими, благо она производила однородные товары, но экономическій застой Испаніи въ началѣ 90-хъ годовъ и ампутація ея колоній, гдѣ имѣлся выгодный сбытъ, лишили Швейцарію и этой возможности; для нея получился одинъ убытокъ.

Любопытный фактъ произошелъ и въ 1872 году, когда Франція сдѣлала попытку возстановленія таможеннаго сбора съ товаровъ, привозимыхъ на иностранныхъ судахъ черезъ иностранныя гавани (intercourse indirect). Почти всѣ государства были свободны отъ этого сбора, однако, въ заключенныхъ ими договорахъ такой статьи въ данный моментъ уже не имѣлось. Она содержалась въ одномъ только французско-австрійскомъ трактатѣ 1866 г. и лишь до тѣхъ поръ, пока дѣйствовалъ послѣдній, и они могли грѣться его лучами, въ силу наибольшаго благопріятствованія. Франція и обратилась къ Австріи, прося ее избавить отъ этого пункта договора, причемъ сохраняла свободу отъ сбора для судоходства по Средиземному морю, прочія же моря не имѣли значенія для Австріи. Надо думать, что, при отсутствіи наибольшаго благопріятствованія, Австрія пошла бы на это, но при существовавшихъ условіяхъ весьма испугалась Германія—новый сборъ могъ нанести ущербъ ея заокеанскому судоходству, затрудняя привозъ товаровъ на Гамбургъ и Бременъ во Францію. Бисмаркъ отправилъ телеграмму австрійскому правительству, настаивая на томъ, чтобы Австрія отказала въ просьбѣ и послѣдняя выполнила его требованіе. Сборъ не могъ быть возстановленъ.

Но какой выводъ можно сдѣлать изъ этихъ фактовъ? Тотъ, что отраженіе исчезаетъ, коль скоро потухъ свѣтъ, его производящій, что пользоваться тѣнью дерева можно лишь до тѣхъ поръ, пока владѣлецъ не срубилъ его, а онъ можетъ

это сдѣлать въ любое время. Но вопросъ въ томъ, былъ ли бы созданъ въ этихъ случаяхъ самостоятельный источникъ свѣта, если бы не было возможности пользоваться отраженіемъ, было ли бы посажено каждымъ свое дерево, тѣнью котораго онъ можетъ пользоваться по своему усмотрѣнію. Добивались ли бы — при замѣнѣ права наибольшаго благопріятствованія системой компенсаціи—всѣ государства, заинтересованныя въ сбытѣ во Францію, тѣхъ же льготъ, какія получила у нея Италія, и добились ли бы они этихъ уступокъ? Если да, то, конечно, они ничего не потеряли бы послѣ разрыва между Франціей и Италіей. Но этого могло не быть. Франція могла не признать предлагаемую ими плату «соотвѣтствующей». А въ этомъ случаѣ разница получилась бы лишь та, что они не воспользовались бы всѣми этими уступками ни до, ни послѣ прекращенія франко-итальянскаго договора, тогда какъ право наибольшаго благопріятствованія обезпечило ихъ, по крайней мѣрѣ, на первый періодъ. Равнымъ образомъ, дозволено будетъ усумниться въ томъ, состоялся ли бы вообще швейцарско-испанскій трактатъ, если бы Швейцарія настаивала на всѣхъ дѣхъ требованіяхъ, которыя она расчитывала реализовать, благодаря предстоявшему испанско-германскому торговому боговору.

Еще болѣе яркій примѣръ—современная великая война. Она однимъ ударомъ прекратила всѣ торговые договоры между воюющими странами, а тѣмъ самымъ отняла все то, что косвеннымъ путемъ, благодаря этимъ договорамъ, имѣли союзныя или нейтральныя государства. Прекратились договоры Россіи съ Германіей и Австро-Венгріей, Германіи съ Италіей, Австріи съ Италіей и т. д., а отъ этого пострадали нейтральныя страны — Швейцарія, Нидерланды, Швеція и т. д.: они не пользуются прежними льготами при импортѣ ни въ Германію, ни въ Россію, ни въ другія воюющія страны. Пострадали еще болѣе Англія, Франція, Соединенные Штаты на русскомъ рынкѣ: когда отпали сдѣланныя нами уступки въ пользу Германіи, то ихъ товары стали платить пошлины по повышенному общему тарифу. Правда, и тутъ убыткамъ отъ повышенныхъ ставокъ надо противопоставить барышъ

отъ монополіи, отъ отсутствія конкурентовъ въ лицѣ Англіи и Франціи на австрійскомъ рынкѣ (выгода для Швейцаріи), въ видѣ Германіи и Австріи на русскомъ и итальянскомъ рынкахъ (выгода для Англіи, Франціи, Америки) и. т. д. Плюсъ былъ бы гораздо больше минуса, если бы... не та же міровая война, парализовавшая международный обмѣнъ, сократившая его до минимума. Но лѣсъ рубятъ — щепки летятъ. Станетъ ли вообще кто-либо вести счетъ столь мелкихъ прибылей и убытковъ во время великаго мірового пожара, уничтожившаго много милліардовъ всевозможныхъ цѣнностей? Можно ли при такомъ потрясеніи всего міра, когда вся прежняя экономическая жизнь взлетѣла на воздухъ, говорить о такихъ сравнительныхъ мелочахъ, какъ выгоды, вслѣдствіе отсутствія конкурентовъ на томъ или другомъ рынкѣ или потери, вслѣдствіе исчезновенія льготъ, установленныхъ прежде въ пользу воюющихъ державъ? Да и вообще такой всемірный потопъ не повторяется ежедневно, и какъ бы ужасны результаты его ни были, нельзя же исходить изъ такихъ переворотовъ, когда рѣчь идетъ о преимуществахъ или недостаткахъ той или другой системы торговыхъ соглашеній.

Вообще говоря, извѣстная неопредѣленность, конечно, имѣется при дѣйствіи принципа наибольшаго благопріятствованія, должна получиться, разъ договаривающіяся страны устанавливаютъ лишь форму, а содержаніе даютъ третьи государства, должна быть во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда судьба страны зависитъ отъ рѣшеній, принимаемыхъ не ею, а другими странами, безъ ея участія. Но—какъ мы видимъ—это происходитъ только тогда, когда нарушено согласіе между другими государствами, когда они не могутъ придти къ соглашенію или когда имъ нанесенъ ущербъ. И можно ли такого рода неопредѣленность сравнить съ тѣми постоянными и непрорывными колебаніями въ торговыхъ расчетахъ, которыя создаются, вслѣдствіе вѣчно существующей опасности быть вытѣсненнымъ изъ того или другого рынка, вслѣдствіе полученія инымъ государствомъ болѣе значительныхъ льготъ? Тамъ отдѣльные случаи, когда ставки оказываются повышенными, въ силу разрыва между двумя странами, здѣсь—еже-

дневно возникающая возможность, что только что заключенный, быть можетъ, купленный цѣной большихъ уступокъ, договоръ, сведется на—нѣтъ, потеряетъ всякій смыслъ, такъ такъ конкуренту дано больше, у него въ рукахъ очутился непредвидѣнный козырь. Вѣдь это значитъ жить постоянно на вулканѣ, не имѣть минуты спокойствія—ежечасно всѣ расчеты могутъ оказаться перечеркнутыми, опрокинутыми, договоръ можетъ быть дѣйствительно превращенъ «въ бѣлый листъ бумаги», на которомъ исчезли всѣ полученныя льготы.

То аннулированіе всѣхъ съ великимъ трудомъ добытыхъ выгодъ, которое ставитъ въ вину наибольшему благопріятствованію Lehr (р. 664), на самомъ дѣлѣ именно наступаетъ, коль скоро отнятъ этотъ щитъ, защищающій отъ всякихъ, возможныхъ въ силу договоровъ третьихъ странъ, случайностей. Недаромъ даже многіе противники наибольшаго благопріятствованія, усматривающіе въ немъ умаленіе самостоятельности государства (напр. Blondel), говорятъ о трудности примирить послѣднюю съ обезпеченіемъ торговли мѣрами предосторожности, въ цѣляхъ извѣстной устойчивости, тѣсно связанной съ наибольшимъ благопріятствованіемъ. Если при наибольшемъ благопріятствованіи «непрошенный гость влѣзаетъ ложкой въ супъ, сваренный для другого», то все же здѣсь имѣется общая трапеза, въ которой всѣ участвуютъ, причемъ каждый, по очереди, ставитъ то или другое блюдо, потребляемое всѣми сообща, тогда какъ при системѣ компенсаціи тотъ, для кого приготовленъ обѣдъ, рискуетъ, что попросту въ любой моментъ его оттѣснятъ отъ стола другіе и займутъ его мѣсто. А это, конечно, гораздо хуже, чѣмъ ѣсть изъ общаго котла, дѣлить пищу съ другими.

Подводя итогъ сказанному, мы не можемъ, конечно, не признать, что и система наибольшаго благопріятствованія, какъ и всякій другой созданный людьми институтъ, не лишена недостатковъ. Со слабостями ея приходится мириться, безъ нихъ цѣль недостижима.

Но эти недостатки несущественны, по сравненію съ выдающимися достоинствами этого учрежденія, этого плода вѣковой культуры. Широкій просторъ торговлѣ, равное для всѣхъ право,—вотъ глубокая универсальная идея наибольшаго благо-

пріятствованія, этой ясной, прозрачной и устойчивой системы, рѣзко отдѣляющей ее отъ путаницы многочисленныхъ дифференціальныхъ пошлинъ и тарифовъ, «нарушающихъ самую сущность торговыхъ договоровъ—ихъ мирный характеръ» (Funck-Brentano et Sorel. p. 163), отъ узкаго эгоизма, характернаго для системы эквивалента. Всѣ эти блестящія качества создали справедливую славу этой системѣ, обезпечили ей господство во всемъ мірѣ.

Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что никакихъ поправокъ и починокъ въ наибольшемъ благопріятствованіи не требуется; какъ и всякій сложный инструментъ, оно требуетъ періодическаго ремонта, въ немъ возможны дальнѣйшія усовершенствованія. До сихъ поръ, правда, изобрѣтателей, которые выступали бы съ проектами усовершенствованій въ этой области, было весьма немного. Поскольку же такого рода предложенія появлялись, они далеко не всегда составляютъ шагъ впередъ, дальнѣйшее развитіе основной идеи, составляющей зерно права наибольшаго благопріятствованія, напротивъ, нерѣдко вводятъ въ него чуждыя и даже прямо противорѣчащіе ему элементы.

Таково напр. предложеніе Borgius'a «разложить на отдѣльныя волокна», размельчить и раздробить это право такимъ образомъ, чтобы оно касалось не всего тарифа какъ единаго цѣлаго, а лишь отдѣльныхъ статей его. При заключеніи договора каждая сторона указываетъ другой на тѣ ставки, которыя не понижены и не закрѣплены въ ея пользу — эти ставки само собою разумѣется находятся подъ покровомъ наибольшаго благопріятствованія—и которыя она желаетъ снабдить этой гарантіей. Въ этомъ случаѣ подсчитывается по статистическимъ даннымъ цѣнность ея привоза соотвѣтствующихъ товаровъ за послѣдніе годы и опредѣляется, на основаніитак ого масштаба, какую стоимость для каждой стороны составляетъ наибольшее благопріятствованіе въ данномъ случаѣ. Производится подсчетъ и та страна, у которой окажется плюсъ, должна будетъ покрыть его, заплатить предоставленіемъ новыхъ пониженій контрагенту. Borgius находитъ, что въ этомъ случаѣ Германія въ состояніи

предоставлять нѣкоторыя особыя льготы тѣмъ или другимъ государствамъ, не нарушая въ общемъ и цѣломъ принципа наибольшаго благопріятствованія.

Но онъ весьма ошибается. Если право наибольшаго благопріятствованія будетъ eo ipso примѣняться лишь къ тѣмъ статьямъ, которыя понижены или закрѣплены въ пользу контрагента, на прочія же распространяться не будетъ, поскольку это не оговорено въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, то получится возвращеніе къ тому періоду, когда господствовала смѣшанная форма изъ системы наибольшаго благопріятствованія и принципа эквивалента, когда первая постепенно стала вытѣснять послѣднюю изъ занятыхъ ею позицій; теперь ей придется вновь вернуться къ этому первобытному состоянію, отказываясь въ значительной мѣрѣ отъ своихъ владѣній въ пользу принципа компенсацій, страдающаго столь крупными пороками. Но и поскольку въ отдѣльныхъ случаяхъ наибольшее благопріятствованіе будетъ признано, оно, въ случаѣ принятія предложенія Borgius'a, является предметомъ купли-продажи, оно продается и покупается въ розницу, по каждой отдѣльной статьѣ тарифа, причемъ вѣсами является столь несовершенный приборъ, какъ статистика привоза за послѣдніе годы, которая внѣ связи съ другими обстоятельствами (процентъ привоза даннаго товара въ привозѣ вообще въ страну, сравненіе съ привозомъ того же товара изъ другихъ странъ и т. д.) еще мало доказываетъ. Вылитый изъ одного куска, цѣльный по своему характеру, институтъ наибольшаго благопріятствованія дѣйствительно раздробляется, размалывается и растирается на мелкія частицы и тѣмъ самымъ теряетъ всякую цѣнность, создавая лишь сложную систему многочисленныхъ дифференціальныхъ тарифовъ.

Есть и предложенія иного рода: оставить самый принципъ въ неприкосновенности, но примѣнять тактику, которою государства пользуются вообще при заключеніи договоровъ.

Дается совѣтъ: при надѣленіи уступками и при полученіи ихъ не дѣйствовать въ слѣпую, а дѣлать строгій выборъ, учитывать ихъ результаты, степень ихъ выгодности для посторон-

Есть и другое предложеніе: при заключеніи договоровъ считаться съ тѣмъ, какія взаимныя уступки могутъ оказаться выгодными для постороннихъ государствъ (Horstmann, Fontana-Russo). Не слѣдуетъ давать того, что контрагенту безразлично или имѣетъ для него мало значенія, но что способно облагодѣтельствовать третьихъ лицъ. Нельзя просить для себя такихъ льготъ, которыя гораздо лучше, чѣмъ я, используетъ мой конкурентъ, такъ что на данномъ рынкѣ соотношеніе силъ можетъ измѣниться даже въ его пользу.

Франція напр., должна отказаться отъ уступокъ въ свою пользу въ пошлинахъ на суконныя матеріи для мужскихъ платьевъ, ибо Англія сильнѣе ея въ этой отрасли, но требовать пониженныхъ ставокъ на шерстяныя ткани для дамскихъ нарядовъ, такъ какъ здѣсь преимущество на ея сторонѣ. Англіи при заключеніи трактата съ Италіей не рекомендуется добиваться льготъ ни на динамо-машинахъ, такъ какъ они составляютъ спеціальность Германіи, ни на ткацкихъ станкахъ, въ виду болѣе выгодныхъ условій выдѣлки ихъ въ Швейцаріи, тогда какъ экспортъ машинъ иного рода, въ производствѣ которыхъ Англія занимаетъ первое мѣсто, она должна обезпечить себѣ возможно низкимъ тарифомъ.

И отъ этихъ совѣтовъ приходится отказаться: при выполненіи ихъ принципъ остался бы въ цѣлости, но сущность дѣла могла бы сильно пострадать. Наибольшее благопріятствованіе могло бы въ дѣйствительности оказаться тѣмъ, чѣмъ противники его именуютъ — врагомъ тарифныхъ договоровъ, свести уступки до минимума, или, по крайней мѣрѣ, значительно сократить ихъ. Самоограниченіе просителя могло бы нарушить диктуемое необходимостью требованіе возможнаго пониженія тарифныхъ ставокъ при заключеніи договоровъ. И тогда возникалъ бы вопросъ: не лучше ли давать каждому опредѣленныя льготы, не распространяя ихъ на другихъ, но зато давать въ большемъ числѣ, чѣмъ снабжать ими всѣхъ, но въ минимальномъ количествѣ, оглядываясь каждый разъ назадъ — не перепадетъ ли что-либо изъ плодовъ ихъ и другимъ. Количественная выгода для мірового хозяйства въ

его цѣломъ могла бы въ этомъ случаѣ оказаться на сторонѣ системы компенсаціи.

Изъ приведеннаго видно уже, какъ не слѣдуетъ поступать, какія поправки и починки не улучшаютъ дѣло, а только портятъ его. Но нѣтъ ли такого пути, при которомъ ни цѣльность системы не страдаетъ, ни политика торговыхъ договоровъ не мѣняетъ своего курса? Нельзя ли, напр., измѣнить лишь внѣшній моментъ, порядокъ заключенія торговыхъ договоровъ, время ихъ вступленія въ силу и прекращенія? Такая перемѣна, касаясь несущественнаго для самой политики торговыхъ договоровъ обстоятельства, слѣдовательно, не мѣняя ея характера, все же съ точки зрѣнія системы наибольшаго благопріятствованія вовсе не является столь пустячной, какъ могло бы показаться на первый взглядъ. При обсужденіи проекта договора съ Японіей въ германскомъ рейхстагѣ Дельбрюкъ (въ 1911 г.) обратилъ вниманіе на то, что при заключеніи торговыхъ договоровъ съ одними государствами, другія державы, съ которыми еще предстоитъ войти въ соглашеніе, уже заранѣе учитываютъ наибольшее благопріятствованіе; впослѣдствіи же, когда доходитъ до нихъ очередь, они отказываются включить въ предъявляемый имъ счетъ пріобрѣтенныя уже ранѣе, на основаніи наибольшаго благопріятствованія, льготы, не желаютъ платить за нихъ, а это затрудняетъ торговые договоры, въ особенности же выгодные договоры [1]). Съ другой стороны, тѣ уступки, на которыя мы не идемъ при заключеніи договора съ данной страной, она нерѣдко все-таки получаетъ впослѣдствіи, и не только вообще получаетъ, но даже пріобрѣтаетъ даромъ, когда мы вступаемъ въ соглашеніе съ какимъ-либо инымъ государствомъ, такъ что наши расчеты и предположенія идутъ на смарку.

Поэтому Дельбрюкъ (а за нимъ Horstmann и др.) выдвигаютъ основное положеніе: одновременность заключенія и пре-

[1]) Любопытно, что Австрія до сихъ поръ не можетъ забыть Германіи того, что въ 1904 г., при заключеніи торговаго договора, Германія заставила ее дать компенсацію взамѣнъ уступки въ пошлинахъ на ячмень, тогда какъ послѣ этого тѣ же пошлины были понижены въ силу торговаго договора между Россіей и Германіей, такъ что Австрія могла бы, на основаніи права наибольшаго благопріятствованія, получить ихъ даромъ.

кращенія договоровъ съ возможно большимъ числомъ государствъ. Тогда исчезаетъ и прошлое и будущее, есть только настоящее: льготъ, предоставленныхъ другимъ государствамъ въ прошломъ, которыми контрагентъ уже воспользовался, нѣтъ, такъ какъ всѣ договоры прекратились, исчезли, заключаются новые. Льготъ, которыя получатъ другія страны впослѣдствіи и которыя можно и себѣ присвоить, также нѣтъ, ибо всѣ договоры заключаются въ данный моментъ, всѣ одновременно появляются на свѣтъ. Слѣдовательно, всѣ выгоды, получаемыя и отдаваемыя, на лицо, они тутъ же лежатъ предъ каждымъ государствомъ, иныхъ нѣтъ, не было и не будетъ. Получающая уступки страна ясно видитъ, что ей дается, въ договорѣ ли ею заключаемомъ, или въ другихъ договорахъ—его ровесникахъ. Раздающая скидки страна не менѣе ясно подсчитываетъ, что она даетъ каждому контрагенту непосредственно или чрезъ одновременно возникающіе договоры съ другими державами. Первой нетрудно учесть, что она можетъ заплатить за совокупность льготъ, второй—предъявить счетъ на общую сумму дѣлаемыхъ уступокъ.

Конечно, преувеличивать значеніе этой поправки не слѣдуетъ. И теперь большинство договоровъ заключается одновременно или почти одновременно — имѣются періоды, когда массами, цѣлыми пачками, какъ бы возвращаются старые договоры и зарождаются новые. Ихъ можно еще болѣе сблизить по времени, какъ это дѣлала Германія по время упомянутыхъ «Декабрьскихъ» договоровъ, но полнаго совпаденія достичь едва ли мыслимо — всегда останутся нѣкоторые запоздавшіе трактаты, такіе, которые по времени своего рожденія не будутъ совпадать съ даннымъ поколѣніемъ договоровъ. И учитывать выгоды, получаемыя каждой стороной прямо и косвенно мыслимо, но заставить ее заплатить уже гораздо труднѣе. Что сдѣлаетъ тогда Англія съ ея фискальнымъ тарифомъ, въ какомъ положеніи очутятся слабыя страны, вродѣ Швейцаріи, которыя могутъ оказаться неплатежеспособными при такомъ торгѣ?

II.

Противники наибольшаго благопріятствованія не только намѣрены свергнуть его съ пьедестала, они заявляютъ, что

положеніе его и такъ уже шаткое: въ немъ уже столько трещинъ, что оно все равно долго держаться не въ состояніи, съ нимъ уже давно не церемонятся. Прецедентовъ уже много. Имѣются они и въ смыслѣ исключенія различныхъ товаровъ, способовъ транспорта и т. д., которые не покрываются наибольшимъ благопріятствованіемъ—это ограниченія по содержанію. Имѣются они и въ видѣ странъ, которыя объявляются стоящими внѣ наибольшаго благопріятствованія, выше его, получаютъ спеціальныя льготы—это ограниченія по объему. А если прецедентовъ сколько угодно, то съ какой стати воздерживаться, стѣснять себя, наносить себѣ ущербъ, лишь бы сохранить видимость равенства въ международномъ оборотѣ? Господство уже давно принадлежитъ не однообразнымъ, равнымъ для всѣхъ, тарифамъ, а дифференціальнымъ, отдѣляющимъ овецъ отъ козлищъ.

Такъ ли это? Дѣйствительно ли побѣда одержана дифференціальными пошлинами и на нихъ покоится современный міровой обмѣнъ?

Въ доказательство того, что самый принципъ въ дѣйствительности нарушенъ, приводятъ такого рода факты — ограниченія по объему (географическія). Португалія уже въ теченіе столѣтія вноситъ въ договоры ограниченія, въ силу которыхъ государства, пользующіяся наибольшимъ благопріятствованіемъ, не имѣютъ права на тѣ выгоды, которыя она предоставляетъ испанскимъ и бразильскимъ товарамъ. Это постановленіе повторяется и въ новѣйшихъ договорахъ, заключенныхъ Португаліей. Напр., въ 1904 г Португалія вступила въ соглашеніе съ Швеціей, причемъ послѣдняя въ свою очередь установила исключеніе изъ наибольшаго благопріятствованія въ отношеніи Норвегіи и Даніи — на даруемыя имъ льготы наиболѣе благопріятствуемыя націи не могутъ претендовать. Любопытно, однако, что въ дѣйствительности ни бразильскіе товары въ Португаліи, ни норвежскіе или датскіе въ Швеціи не пользуются какими-либо преимуществами. Все это установлено лишь на всякій случай или, вѣрнѣе, было когда то установлено и по старой памяти до сихъ поръ повторяется въ трактатахъ, переходитъ по наслѣдству изъ одного въ другой.

Такая оговорка встрѣчалась и въ нашихъ договорахъ относительно особыхъ льготъ, предоставляемыхъ Россіей Швеціи и Норвегіи, пока Брестскій миръ ее не выбросилъ.

Немногимъ больше доказываютъ и американскіе договоры. Въ трактатахъ, заключенныхъ европейскими державами со странами Центральной Америки — Гватемалой, Гондурасомъ, Никарагуа и др. — читаемъ, что права наиболѣе благопріятствуемой державы не включаютъ государствъ Центральной Америки, такъ какъ послѣднія не разсматриваютъ другъ друга въ качествѣ иностранныхъ державъ въ строгомъ смыслѣ слова. Южно-американскія республики придерживаются такого же принципа—Бразилія, Аргентина, Парагвай, Уругвай сохраняютъ за собой право предоставлять другъ другу особыя льготы, на которыя другія страны не могутъ претендовать до тѣхъ поръ, пока какая-либо третья держава ихъ не получила. Россія напр., можетъ ихъ требовать себѣ лишь въ томъ случаѣ, если они дарованы хотя бы одному изъ европейскихъ, сѣверо-американскихъ и т. д. государствъ. Временно такія уступки дѣлались американскими государствами въ пользу сосѣднихъ странъ, касаясь однако лишь предметовъ мѣстнаго произрастанія или производства, такъ что для Европы и ея произведеній они не могли имѣть значенія. Но изъ этихъ льготъ сохранились лишь нѣкоторыя, другія вскорѣ были снова упразднены. Въ результатѣ Trescher (p. 148), посвящающій особую главу анализу такого рода «нарушеній» принципа наибольшаго благопріятствованія, которымъ онъ придаетъ значеніе, вынужденъ самъ же признать, что «эта глава въ общемъ даетъ весьма скудный урожай. Имѣется всего нѣсколько государствъ на всемъ земномъ шарѣ, открывающихъ доступъ на свою таможенную территорію произведеніямъ граничащихъ съ ними странъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ прочимъ. Во всѣхъ же другихъ странахъ границы такъ же закрыты для ближняго, какъ и для наиболѣе отдаленнаго. И именно въ послѣднее время частью снесенныя таможенныя стѣны снова возстановлены».

Ссылаются и на другого рода примѣръ ограниченій наибольшаго благопріятствованія въ географическомъ отношеніи.

Согласно § 11 Франкфуртскаго мира, заключеннаго между Франціей и Германіей въ 1871 г., оба эти государства взаимно предоставляютъ другъ другу всякую льготу, устанавливаемую ими въ пользу одной изъ слѣдующихъ державъ: Великобританіи, Бельгіи, Голландіи, Швейцаріи, Австріи и Россіи, тогда какъ преимуществъ, касающихся другихъ странъ, они безвозмездно не даютъ. Но ограниченіе здѣсь имѣетъ чисто формальный характеръ: всѣ важнѣйшіе конкурренты Франціи и Германіи перечислены, льготы же, даруемыя другимъ странамъ, ихъ мало безпокоятъ. На практикѣ же этотъ знаменитый параграфъ толкуется распространительно. Казалось бы, если Франція сдѣлаетъ уступку Италіи, то Германія претендовать на нее не можетъ — Италія не упомянута въ договорѣ. Однако, Франція предоставляетъ право наибольшаго благопріятствованія другимъ странамъ безъ всякаго ограниченія, и поэтому льгота въ пользу Италіи немедленно распространяется на Россію, Австрію, Швейцарію и т. д., а разъ какая-либо изъ этихъ странъ ее получила, то тотчасъ же она принадлежитъ и Германіи. Такъ рикошетомъ черезъ другія страны тѣ же преимущества попадаютъ въ Германію.

Есть, наконецъ, и случаи, когда въ договорѣ изъяты изъ дѣйствія наибольшаго благопріятствованія отдѣльные товары — ограниченія по содержанію. Таково постановленіе относительно пошлинъ на шелкъ и шелковыя издѣлія, содержащееся въ договорѣ между Франціей и Италіей 1898 г.; обѣ стороны отказались отъ льготъ на эти товары, которыя получатъ другія государства, почему Франція не могла воспользоваться пониженными Италіей въ пользу Швейцаріи пошлинами на шелкъ и шелковыя ткани. По итальянско-испанскому договору 1914 г. наибольшое благопріятствованіе не распространяется на вино, привозимое въ ту или другую страну, кромѣ лишь итальянскихъ винъ — марсала, мальвазія и вермутъ и испанскихъ — хереса, таррогона и малаги — они подлежатъ наименьшему тарифу. Но такіе факты случайны и единичны и касаются немногихъ отдѣльныхъ товаровъ.

Словомъ, на основаніи такого рода данныхъ никто не станетъ утверждать, что система наибольшаго благопріятствованія «продыравлена»; имѣется нѣсколько маленькихъ дырочекъ, которыя даже трудно различить простымъ глазомъ, самая же ткань цѣла, нисколько не попорчена.

Но, можетъ быть, она только съ виду кажется такой, на самомъ же дѣлѣ крѣпость ея весьма проблематична? Быть можетъ, тѣ, кому невыгодно давать «даровыя преміи», ихъ только обѣщаютъ, въ дѣйствительности же обманываютъ довѣрчивыхъ контрагентовъ, даютъ имъ нѣчто фальсифицированное, суженное по содержанію и объему?

Въ отличіе отъ приведенныхъ выше открытыхъ нарушеній принципа наибольшаго благопріятствованія, въ пользу того, что основы его подтачиваются, приводится длинный списокъ фактовъ. «Многочисленность и во многихъ случаяхъ успѣшность попытокъ обойти безусловное, неограниченное наибольшее благопріятствованіе, при внѣшей нетронутости и цѣлости его, свидѣтельствуетъ о внутренней слабости и малой пригодности этого института» (Schilder. Mitteleur. und die Meistbegünst. p. 33), о томъ, что это зданіе, которое давно необходимо перестроить, уже сама жизнь разрушаетъ, что оно и само незамѣтно разваливается.

Счетъ предъявляется обширный, но прежде чѣмъ платить, надо провѣрить его, и тогда окажется, что рядъ статей изъ него необходимо исключить, такъ какъ онѣ попали сюда по недоразумѣнію.

Причемъ тутъ, напр., обвиненіе въ томъ, что каботажное судоходство (т. е. между портами того же государства) иностраннымъ судамъ обычно запрещено? Какое отношеніе это имѣетъ къ наибольшему благопріятствованію? Вѣдь послѣднее гарантируетъ положеніе равное съ другими державами, а не съ собственными подданными, здѣсь же запрещеніе касается всѣхъ иностранныхъ судовъ, не говоря уже о томъ, что оно имѣетъ явный, а не тайный характеръ, содержится въ самыхъ договорахъ, слѣдовательно, никакое право никѣмъ не обходится.

Или предпочтеніе, оказываемое тѣмъ или другимъ государствамъ при казенныхъ поставкахъ. Англія, напр., при сооруженіи

трамваевъ, портовъ, кабелей, газовыхъ заводовъ и т. д. обращается обычно къ колоніямъ и послѣднія смотрятъ на такія поставки какъ на свое законное право; нарушеніе послѣдняго вызываетъ и въ метрополіи и въ колоніяхъ сильнѣйшее возмущеніе. Но создается ли вслѣдствіе этого «своего рода незримая таможенная граница», которая затрудняетъ проникновеніе товаровъ изъ другихъ странъ? Сколько бы они ни претендовали на наибольшее благопріятствованіе, оно имъ дастъ весьма мало. Несомнѣнно, что въ этомъ случаѣ это право имъ мало поможетъ, ибо оно гарантируетъ равное положеніе только въ опредѣленныхъ областяхъ (таможенной, желѣзнодорожной, торговаго судоходства, права пріобрѣтенія недвижимости и производства торговли и промысловъ), но отнюдь не во всей жизни и дѣятельности даннаго государства. Иначе говорилось бы, что ни въ какомъ отношеніи государство не можетъ оказывать другимъ государствамъ предпочтенія передъ контрагентомъ. Но до такого всеобъемлющаго права наибольшаго благопріятствованія пока еще никто не доходилъ и едва ли какое-либо государство согласилось бы закабалить себя подобнымъ образомъ, устанавливать столь растяжимое и неопредѣленное правило, при которомъ на каждомъ шагу оно могло бы быть обвинено въ нарушеніи своихъ обязательствъ. [1])

Болѣе основательно утвержденіе, что наибольшее благопріятствованіе нарушается дополнительными сборами съ товаровъ, привозимыхъ подъ иностраннымъ флагомъ или чрезъ иностранныя гавани, или по сухопутной границѣ. Но все это было и относится къ области минувшаго, лишь окаменѣвшіе остатки въ отдѣльныхъ случаяхъ еще сохранились (см. объ этомъ ниже, прибавленіе къ гл. II).

---

[1]) Только Брестскимъ мирнымъ договоромъ установлено крайне двусмысленное правило, согласно которому принципъ наибольшаго благопріятствованія распространяется и на операціи, производимыя монополіями одной изъ договаривающихся сторонъ, по отношенію къ покупателямъ или къ поставщикамъ другой стороны при установленіи цѣнъ или въ другихъ дѣловыхъ сношеніяхъ. (II. 2. п е.).

Обширную группу составляютъ тѣ замѣчающіеся, якобы, обходы—суженіе въ объемѣ — которые выражаются въ преференціальныхъ тарифахъ, устанавливаемыхъ колоніями въ пользу метрополіи и наоборотъ, или колоніями той же страны между собою (см. ч. I, стр. 272). Но кто и когда могъ думать, что колоніи приравниваются къ иностраннымъ державамъ, что связь между Англіей и Австраліей или Южной Африкой, или — до прошлаго года — отношеніе между Россіей и Финляндіей равнозначущи отношенію Англіи или Россіи къ Швейцаріи, Италіи или Германіи? Лучшимъ потвержденіемъ того, что преференціальныя пошлины въ пользу метрополіи или колоній ничего не нарушаютъ и никого не обижаютъ, является тотъ фактъ, что одна только Германія сочла нужнымъ заявить протестъ противъ установленія Канадой особо пониженнаго тарифа въ пользу Англіи, другимъ же государствамъ и въ голову не приходило, что здѣсь совершается «прорывъ» ихъ права наиболѣе благопріятствуемой державы. А близость между колоніями — даже вполнѣ самостоятельными британскими колоніями, и метрополіей блестяще доказана тѣмъ, что на англо-французскомъ фронтѣ сражаются бокъ-о-бокъ съ европейскими войсками и австралійцы, и канадцы, и племена всѣхъ цвѣтовъ Индіи, африканскихъ колоній и т. д. Въ спорныхъ же случаяхъ особая оговорка включалась въ самые трактаты съ европейскими державами, какъ это сдѣлала Франція въ отношеніи Туниса. Напр., согласно декларацiи 1896 г. о распространеніи на Тунисское регентство дѣйствія договоровъ, заключенныхъ между Россіей и Франціей, «почитается условленнымъ, что положеніе наиболѣе благопріятствуемой страны въ Тунисѣ не подразумѣваетъ положенія Франціи» [1]).

---

[1]) Да и среди колоній имѣются такія, какъ напр., та же Канада, которыя придерживаются принципа эквивалента, такъ что къ нимъ вообще претензія о нарушеніи наибольшаго благопріятствованія не примѣнима — Канада же вовсе не держала низшаго тарифа для одной Англіи, а готова была дать его и другимъ державамъ, нарушая тѣмъ самымъ принципъ преференціальности (см. ч. I, стр. 273).

Иной характеръ имѣетъ образъ дѣйствія Соединенныхъ Штатовъ, ихъ требованіе отъ Гавайскихъ острововъ особыхъ выгодъ для себя, хотя ни въ какихъ трактатахъ нѣтъ особой оговорки о преференціальныхъ пошлинахъ въ пользу Соединенныхъ Штатовъ. Когда Россія, Великобританія, Германія запротестовали, то американская республика отвѣтила, что примѣненіе преимущественной системы объясняется въ данномъ случаѣ «особыми, вызванными географической близостью, условіями». Но такое нарушеніе права наибольшаго благопріятствованія особо отмѣчается въ исторіи его, какъ рѣдкое исключеніе, и его нельзя ставить на одну доску съ преференціальными пошлинами въ обмѣнѣ между Европой и колоніями.

Въ преференціальныхъ тарифахъ противники наибольшаго благопріятствованія усматриваютъ не простой обходъ послѣдняго, а обходъ въ квадратѣ и въ кубѣ, нарушеніе квалифицированное. Во всѣхъ другихъ случаяхъ третьей, державѣ попросту не дается того, что ей, якобы, принадлежитъ по праву наибольшаго благопріятствованія немедленно и безусловно; но если она пожелаетъ, она можетъ вымѣнять эти льготы, ей нисколько не возбраняется добыть себѣ возмездно тѣ же права. Слѣдовательно, наибольшее благопріятствованіе, которое такъ превозносится, лишь подмѣнено «единственно правильнымъ» принципомъ эквивалента. Здѣсь дѣло обстоитъ хуже: третьи державы вообще никакого отношенія къ льготамъ, предоставляемымъ колоніями или въ пользу колоній, не имѣютъ и имѣть не могутъ. Создается исключительная монополія вродѣ тѣхъ, которыя существовали въ оныя времена, въ эпоху до наибольшаго благопріятствованія. Появляются привилегированныя и прочія страны, государства перваго и второго разряда. Возможно ли терпѣть подобную несправедливость, такое положеніе, когда имѣются льготы въ пользу однихъ, на которыя другіе не только не могутъ немедленно и безвозмездно претендовать, какъ гласитъ наибольшее благопріятствованіе, но которыя имъ вообще недоступны ни за какую плату?

Однако, что хотятъ этимъ доказать противники наибольшаго благопріятствованія? Необходимость сбросить старую

ветошь наибольшаго благопріятствованія и замѣнить ее новой и чистой системой эквивалента? Но они незамѣтно самихъ же себя бьютъ, и больно бьютъ. Преференціальныя пошлины съ такимъ же успѣхомъ нарушаютъ и принципъ возмездности, составляютъ въ равной мѣрѣ исключеніе изъ обѣихъ системъ. Возмездность предполагаетъ возможность купить тѣ же льготы, которыя даны метрополіи или колоніямъ. Но здѣсь именно этого нѣтъ. Колоніи или метрополія находятся внѣ горизонта прочихъ державъ, выдѣлены въ особую категорію и другія страны сравниться съ ними ни подъ какимъ видомъ не могутъ. А если такъ, то причемъ тутъ наибольшее благопріятствованіе? Обозначаютъ ли преференціальные тарифы засореніе именно этого принципа, внесеніе спеціально въ него какихъ либо постороннихъ примѣсей?

Особенно комичная картина получается, когда далѣе въ списокъ «обходовъ» включаются... Соединенные Штаты. «Обходы» здѣсь — истинное выраженіе ихъ системы, дифференцирующей отдѣльныя страны въ таможенномъ отношеніи. Это вовсе не обходы, а общее правило. Соединенные Штаты всѣмъ своимъ существомъ нарушаютъ принципъ наибольшаго благопріятствованія. А тутъ и эту поборницу системы эквивалента зачисляютъ туда же, и она должна доказывать, что наибольшаго благопріятствованія въ чистомъ видѣ болѣе не существуетъ. Да, она дѣйствительно свидѣтельствуетъ о томъ, что есть страна, которая его не признаетъ Но вѣдь рѣчь идетъ о другихъ странахъ, которыя стоятъ на почвѣ этой системы, но, якобы, что то обходятъ, нарушаютъ, кого то обманываютъ.

Послѣднюю и наиболѣе существенную группу составляютъ тѣ случаи, когда наибольшее благопріятствованіе сталкивается съ мѣрами санитарнаго характера въ отношеніи привоза изъ опредѣленныхъ странъ, съ постановленіями о пограничномъ обмѣнѣ и, наконецъ, со спеціализаціей тарифовъ.

Германія и Австрія (см. ч. I, стр. 59) широко примѣняли въ послѣднее время запрещенія привоза русскаго, американскаго, сербскаго и т. д. скота и мяса, въ виду

опасности — такъ оправдывались — занесенія повальныхъ болѣзней скота. При такихъ условіяхъ наибольшее благопріятствованіе, конечно, превращалось въ насмѣшку: повышать пошлины на скотъ и на мясо нельзя, а вовсе запрещать привозъ ихъ можно.

Пограничный обмѣнъ между сосѣдними странами обыкновенно ставится въ особо льготныя условія [1]). Но подъ этимъ названіемъ, касающимся торговли пограничныхъ жителей, дѣлались попытки провести пониженное обложеніе для опредѣленнаго государства. Такъ, напр., Австро-Венгрія подсунула въ договоръ съ Италіей 1891 г. особую «оговорку о пошлинахъ на итальянское вино» подъ видомъ «псевдо-пограничной льготы». Франція и запротестовала противъ такого спеціальнаго покровительства итальянскимъ винамъ, не касающагося винъ изъ другихъ странъ, и Австріи пришлось откупиться признаніемъ преференціальныхъ пошлинъ для французскихъ винъ въ Тунисѣ; по истеченіи срока договора съ Италіей въ 1903 г., Австрія вынуждена была уже отказаться отъ подобнаго «толкованія» пограничнаго обмѣна, но Италія согласилась пожертвовать своей исключительной привилегіей лишь взамѣнъ значительныхъ уступокъ въ договорѣ. Другой случай: послѣ признанія независимости Болгаріи Санъ-Стефанскимъ договоромъ 1878 г. сохранились преференціальныя пошлины въ торговыхъ сношеніяхъ между ней и Турціей, въ качествѣ остатка прежняго состоянія, когда обѣ страны составляли одну таможенную территорію. Но послѣ окончательнаго признанія суверенитета Болгаріи въ 1908 г. великія державы, въ особенности Россія, отказались примириться съ такимъ положеніемъ, — всякая связь между этими странами вѣдь прекратилась. Дѣйствительно, болгарско-турецкимъ договоромъ

[1]) Брестскимъ миромъ (Торг. дог., ст. 11) сохранено постановленіе относительно допустимости льготъ въ пользу пограничныхъ государствъ для облегченія мѣстнаго обмѣна въ предѣлахъ полосы въ 15 килом. Допускаются по прежнему и льготы въ пользу жителей Архангельской губерніи. Напротивъ, Россія не можетъ предоставить болѣе особыхъ льготъ по привозу или вывозу сѣверному и восточному побережью Азіатской Россіи (Сибири) — въ договорѣ 1904 г. это допускалось. Отмѣнены и особые тарифы въ пользу сосѣднихъ азіатскихъ государствъ (см. ниже, стр. 95).

1911 г. преференціальныя пошлины сведены къ немногимъ постановленіямъ, которыя являются «истинными пограничными льготами».

Легче всего разрушить принципъ наибольшаго благопріятствованія, свести его къ нолю, и притомъ такъ, что никто слова сказать не можетъ, путемъ спеціализаціи тарифовъ. При выработкѣ тарифа 1902 г. Германія желала во что бы то ни стало установить льготу для швейцарскихъ быковъ, но такъ, чтобы Франція для своего рогатаго скота ею не воспользовалась. Прямо и открыто сдѣлать это немыслимо было— Франціи принадлежало право наибольшаго благопріятствованія. Что же Германія дѣлаетъ? Она вноситъ въ тарифъ двѣ ставки—одну, повышенную, для быковъ вообще, другую же, болѣе низкую, для тѣхъ быковъ, «которые паслись не менѣе трехъ мѣсяцевъ на высотѣ не ниже 300 метровъ и которые имѣютъ морду съ черными пятнами и конецъ хвоста краснаго цвѣта». Можно-ли точнѣе и детальнѣе описать швейцарскій скотъ? А въ то же время формально права Франціи нисколько не нарушены — самое слово «Франція» не упоминается. Лошади облагаются по германскому тарифу, пониженному втрое, если они чисто-фламандской, брабантской или норичѐской породы, т.-е. если они привозятся изъ Бельгіи или Австро-Венгріи. Пониженная пошлина установлена для нѣкоторыхъ сортовъ сыра—пармезана, страхино, горгонцола, иначе говоря, для сыровъ итальянскихъ, для винъ «типа Марсала» въ бочкахъ (т.-е. сицилійскихъ). И здѣсь никакого формальнаго нарушенія правъ наибольшаго благопріятствованія нѣтъ, такъ какъ нѣтъ дифференціаціи пошлинъ въ зависимости отъ того, откуда привозятся товары; различіе установлено лишь по сортамъ и видамъ ихъ, но въ результатѣ, конечно, Франція отъ этого страдаетъ.

Это стремленіе обидѣть ее обнаруживается и въ повышенныхъ пошлинахъ на легкія сорта шелковыхъ тканей, въ тройномъ обложеніи вѣеровъ, сдѣланныхъ цѣликомъ или частью изъ страусовыхъ перьевъ (по сравненію съ прочими вѣерами), и т. д. Между тѣмъ или другимъ товаромъ, привозимымъ изъ Россіи или Италіи, и товаромъ французскимъ различіе

минимальное, едва замѣтное, различіе въ упаковкѣ, цвѣтѣ или какихъ-либо иныхъ совершенно несущественныхъ признакахъ. Но оно было достаточно для того, чтобы французскій товаръ облагался по совершенно иной статьѣ. Въ германско-японскомъ трактатѣ 1911 г. обложены по пониженному тарифу «habutae» — шелковыя ткани, изготовляемыя безъ всякой примѣси искусственнаго шелка или шелковыхъ охлопьевъ, вытканныя съ обѣихъ сторонъ крѣпкими каймами и соотвѣтствующія опредѣленнымъ прилагаемымъ образцамъ. И это было направлено противъ Франціи — какъ могли другія страны, кромѣ Японіи, выдѣлывать ткани «по установленнымъ образцамъ»? Въ Японіи такого рода ткани съ крѣпкими кантами и изъ чистаго шелка составляютъ обычное явленіе, въ Европѣ же обыкновенно примѣшиваются шелковыя хлопья, причемъ для качества тканей это обстоятельство имѣетъ весьма мало значенія [1]).

Французскіе писатели (Augier. p. 105. Lamy. p. 159. Arnauné.) возмущались коварнымъ образомъ дѣйствія Германіи, но они сами же вынуждены были признать, что Германія въ этомъ отношеніи шла по пути, уже ранѣе проложенному Франціей (Lamy. p. 97). Послѣдняя въ соглашеніи съ Швейцаріей 1895 г. старалась путемъ спеціализаціи построить свой тарифъ такимъ образомъ, чтобы льготы получались лишь для товаровъ швейцарскаго происхожденія (напр. для различныхъ шелковыхъ тканей), прочія же страны не могли бы ими воспользоваться [2]).

---

[1]) Нѣмецкіе и австрійскіе экономисты совѣтуютъ при выработкѣ будущихъ тарифовъ всячески примѣнять принципъ «индивидуализированія, дифференцированія, спеціализированія или рафинированія» (см. напр. Battaglia, p. 83).

[2]) Впослѣдствіи настолько боялись такого рода обходовъ, что, несмотря на существованіе общаго права наибольшаго благопріятствованія, установленнаго въ договорахъ, по поводу отдѣльныхъ статей тарифа, гдѣ могъ быть совершенъ какой-либо обходъ, вносились спеціальныя правила и оговорки. Такъ, напр., въ п. 2. ст. 6 русско-французскаго договора 1906 г. говорится, что «льготы, могущія быть предоставленными третьему государству относительно пошлинъ или таможенныхъ правилъ для апельсиновъ, лимоновъ и померанцевъ, будутъ распространены на тѣ же фрукты французскаго происхожденія»: Однородное германское постановленіе имѣется въ русско-германскомъ договорѣ 1904 г. къ ст. 28 тарифа. «Льготы, могущія быть предо-

Конечно, здѣсь положеніе исключительное. Со времени Франкфуртскаго мира 1871 г. (пресловутая одиннадцатая статья) Франція и Германія были скованы тяжелой цѣпью «вѣчнаго» наибольшаго благопріятствованія, и всѣ ихъ помышленія были направлены къ тому, какъ бы эту неразрывную цѣпь поворачивать такъ, чтобы другая сторона возможно меньше выигрывала. Открыто ничего сдѣлать нельзя было— разорвать цѣпь немыслимо было, это сдѣлала лишь міровая война; приходилось идти на уловки, и каждая сторона старалась перехитрить другую, не давая другимъ державамъ уступокъ, которыя противникъ могъ бы перехватить, дифференцируя и спеціализируя тарифъ до крайности, изобрѣтая новую номенклатуру въ тарифѣ, лишь бы только досадить сосѣду. Хотя французы до сихъ поръ называютъ ст. 11 франкфуртскаго мира «вторымъ Седаномъ», свидѣтельствующимъ о дальновидности Бисмарка, который лишилъ Францію возможности даже незначительнаго «реванша» въ области торговой политики, — но въ настоящее время выяснено (см. Mages, Oncken, Sartorius), что иниціаторомъ «безконечнаго» наибольшаго благопріятствованія въ Франкфуртскомъ мирѣ являлась не Германія — какъ можно было думать — а Франція.

Послѣдняя всячески отбивалась отъ навязываемаго ей Германіей возстановленія тарифнаго договора, срокъ котораго истекалъ лишь въ 1876 г., заявляя, что нельзя одновременно и облагать Францію контрибуціей и лишать ее возможности уплатить послѣднюю, поднять свои пошлины для этой цѣли. Когда же это весьма не понравилось Бисмарку, опасавшемуся дифференцированія нѣмецкихъ товаровъ — «лучше война пушками, чѣмъ таможенная война», — то французы предложили компромиссъ: пресловутый параграфъ вѣчнаго наибольшаго благопріятствованія, разъ навсегда отрѣзывающій

ставлены третьему государству относительно пошлинъ или таможенныхъ правилъ, относящихся къ какому-либо изъ пунктовъ и литеръ ст. 28-ой (вина виноградныя, ягодныя и фруктовыя), будутъ въ равной мѣрѣ распространяться на вина германскаго происхожденія, относящіяся къ тѣмъ же пунктамъ и литерамъ настоящей статьи». Въ сущности это и такъ ясно, но — у страха глаза велики.

возможность таможенной войны съ Германіей. Бисмаркъ пошелъ на это, не принуждая Франціи къ тарифу, а довольствуясь однимъ наибольшимъ благопріятствованіемъ, сознавая, что одной силой нельзя создать дружественныхъ торговыхъ сношеній между двумя націями, что нарушеніе интересовъ цѣлаго народа и посягательство на его чувства и его суверенныя права — плохой фундаментъ для мира и мирнаго товарообмѣна между сосѣдями.

Но такъ поступалъ Бисмаркъ, не такъ поступаетъ нынѣшняя Германія. «Родственныя по крови государства подготовляютъ себѣ возможности для будущаго, объявляютъ во всякомъ случаѣ всему свѣту, что они одна семья, что они чувствуютъ себя таковой, хотя пока эти заявленія и остаются платоническими, стоятъ лишь на бумагѣ, имѣютъ характеръ лишь манифестаціи...» — заявлялъ Wolf (Festgaben für Neumann. p. 316). «Система преференціальныхъ пошлинъ въ предѣлахъ наибольшаго благопріятствованія» — эти крылатыя слова (Wolf'a) употреблялись еще до войны тѣми, кто мечталъ о единой Центральной Европѣ, о германско-австрійскомъ и иномъ таможенномъ сближеніи съ Германіей во главѣ (см. ниже). Война превратила ихъ въ основную программу: наибольшее благопріятствованіе необходимо Германіи, какъ воздухъ— безъ него германскій экспортъ не можетъ жить и дышать, значитъ, этотъ принципъ долженъ неуклонно проводиться, Германія должна стоять на стражѣ его, охранять какъ великое изобрѣтеніе человѣческой культуры. Но таможенный союзъ покоится на особыхъ льготахъ, не доступныхъ другимъ. Стало быть, наибольшее благопріятствованіе—какъ это, быть можетъ, ни грустно — должно примѣняться съ исключеніями, какъ институтъ, всегда допускавшій и допускающій отклоненія, дающій возможность снабжать однихъ и лишать другихъ. Слѣдовательно, Германіи—полное равноправіе на всѣхъ рынкахъ, но въ предѣлахъ Германіи — равенство не для всѣхъ. Ей наибольшее благопріятствованіе въ его настоящемъ, истинномъ, неподдѣльномъ видѣ, другимъ «по необходимости», — и не только врагамъ, но и нейтральнымъ — уменьшенная порція, пониженное наибольшее благопріятствованіе, если оно вообще въ такомъ видѣ еще заслуживаетъ этого громкаго названія.

Но сказать было легче, чѣмъ сдѣлать. Задача была трудная; трудно было отстоять наибольшее благопріятствованіе вообще, еще труднѣе въ новой измѣненной — вѣрнѣе, искаженной формѣ.

Едва раздались первые выстрѣлы, какъ повсюду заговорили о германскомъ «экономическомъ засильѣ», — о тѣхъ цѣпкихъ щупальцахъ, которыя ея торговля протянула по всѣму свѣту въ цѣляхъ мірового господства. Міръ долженъ въ будущемъ расколоться надвое, образовавъ какъ бы два замкнутыхъ, не сообщающихся между собою сосуда: одинъ — союзныя страны, другой — Германія и ея адепты. Сближеніе между союзниками, взаимопомощь, содѣйствіе развитію производительныхъ силъ, экономическому возрожденію послѣ войны, и изолированіе Германіи, устраненіе ея товаровъ, изгнаніе ея изъ мірового рынка. И главное средство — лишеніе Германіи наибольшаго благопріятствованія, т. е. того, что до сихъ поръ давалось всѣмъ и каждому, на что всѣ народы могли расчитывать, иначе говоря, гражданская смерть, остракизмъ, исключеніе изъ общенія народовъ.

Весьма усердствовали въ частности у насъ. Россія не должна быть болѣе «колоніей» Германіи, «наши природныя богатства не должны служить удобреніемъ для почвы, на которой пышнымъ цвѣтомъ распустится нѣмецкая культура», необходимо скорѣйшее «раскрѣпощеніе» русскаго рынка отъ германскихъ товаровъ. И главное средство: рядомъ съ автономнымъ, «толковымъ» тарифомъ, созданнымъ безъ посторонняго вмѣшательства (см. ч. I, стр. 281 и сл.), — опять-таки отказъ отъ системы наибольшаго благопріятствованія, недостаточно эластичной, снабжающей Германію тѣми выгодами, которыя мы вовсе не желаемъ ей дать, сохраняя ихъ для нашихъ союзниковъ и нейтральныхъ державъ. Правда, раздавались и другіе голоса, находившіе вообще такую политику изолированія Германіи близорукой, основанной на чувствѣ, а не на разумѣ, и въ частности отстаивавшіе наибольшее благопріятствованіе: оно нужно намъ самимъ, какъ рыбѣ вода, нашъ хлѣбный экспортъ не можетъ существовать безъ равноправія на другихъ рынкахъ, ему грозятъ отвѣтныя

репрессіи, а при автономномъ (минимальномъ) тарифѣ мы все равно уступокъ раздавать не будемъ, такъ что Германія безвозмездно поживиться ничѣмъ не въ состояніи будетъ. Но большинство настаивало на томъ, что надо, пользуясь уроками прошлаго, «отвернуться» отъ наибольшаго благопріятствованія, обратиться къ системѣ «взаимства», къ «новому» американскому принципу, который осторожно, нѣжно называли «условнымъ», «ограниченнымъ» наибольшимъ благопріятствованіемъ, надо вообще отказать Германіи въ равноправіи, «лишить ее всѣхъ правъ и преимуществъ», установить для нея особый, исключительный тарифъ (см. «Вопросы внѣшней торговой политики въ русской повременной печати» Изд. Мин. Торг. 1916).

Принципъ — не давать Германіи наибольшаго благопріятствованія рѣзко проведенъ въ постановленіяхъ Парижской экономической конференціи 1916 года. Ст. 2-я «мѣръ переходнаго времени» гласитъ. «Такъ какъ война уничтожила всѣ торговые договоры между союзниками и непріятельскими державами и такъ какъ крайне существенно, чтобы во время періода экономическаго возрожденія, который долженъ наступить послѣ войны, свобода союзниковъ не ограничивалась претензіями непріятельскихъ державъ, вытекающими изъ права наибольшаго благопріятствованія, то союзники рѣшили, что выгоды наибольшаго благопріятствованія не могутъ быть предоставляемы непріятельскимъ державамъ въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ. Союзники обязуются обезпечить другъ другу въ теченіе этого срока и насколько это только представляется возможнымъ, могущіе ихъ вознаградить рынки сбыта въ томъ случаѣ, если невыгодныя послѣдствія для ихъ торговли проистекутъ отъ примѣненія обязательства, обусловленнаго въ предыдущемъ параграфѣ».

Слѣдовательно, на переходное, послѣ-военное, время для Германіи наибольшаго благопріятствованія не существуетъ. Никто не въ правѣ снабжать ее этой формулой, она примѣняется только къ союзникамъ и нейтральнымъ; для Германіи она умерла. Приговоръ несомнѣнно жестокій, и не только Германіи и ея союзникамъ, но и принципу наиболь-

шаго благопріятствованія, который ничего подобнаго никогда не испытывалъ, ничѣмъ не заслужилъ такого обиднаго отношенія, въ сущности обозначающаго аннулированіе, ликвидацію его, ибо равноправіе въ корнѣ истреблялось, замѣнялось дифференціаціей. Тѣмъ болѣе, что — союзники на это расчитывали — Германія можетъ сдѣлать въ свою очередь непріятность другимъ — отвѣтить тѣмъ-же нарушеніемъ наибольшаго благопріятствованія, внести своихъ враговъ въ черный списокъ лишенныхъ его, и для нѣкоторыхъ враговъ ея, въ особенности «аграрныхъ», какъ Россія, это можетъ привести къ весьма плачевнымъ результатамъ. Тогда другіе — согласно приведенному — придутъ ей на помощь, дадутъ компенсаціи, обезпечатъ ей сбытъ такъ или иначе — какъ, оставалось открытымъ — лишь-бы только никто не вздумалъ нарушить уговора и путемъ сепаратнаго трактата, дающаго Германіи наибольшее благопріятствованіе, выговорить себѣ особыя выгоды. Такое нарушеніе приравнивалось чуть-ли не къ измѣнѣ, къ заключенію сепаратнаго міра [1]).

Такъ что союзники ставили лишеніе Германіи наибольшаго благопріятствованія въ центръ всей своей будущей экономической политики, въ основу борьбы съ ней, выдвигали какъ наиболѣе сильное оружіе. Асквитъ подчеркивалъ, что это, исходившее отъ Англіи, предложеніе было единогласно принято конференціей. Неудивительно, что и Германія, отвѣчая на планы союзниковъ, двинулась въ первую голову именно противъ этого мѣста, ибо опасность шла именно отсюда, — означала «лишеніе огня и воды», грозила «задушить» нѣмецкій экспортъ, подорвать основы ея благополучія, и такъ ослабленныя «великимъ кровопусканіемъ». Говорить, что такое нарушеніе равноправія въ области международнаго обмѣна, что такое объявленіе внѣ закона есть

---

[1]) Лондонская торговая палата даже выработала вскорѣ послѣ Парижской конференціи проектъ таможеннаго тарифа для Англіи въ видѣ пошлинъ съ цѣны по тремъ категоріямъ — наименьшій для Британской Имперіи и для союзныхъ странъ, общій, вдвое большій, для нейтральныхъ странъ, и, наконецъ, третій, втрое увеличенный, по сравненію съ первымъ, для враждебныхъ государствъ.

*

насмѣшка надъ человѣчествомъ и его идеалами, — было недостаточно; больше Германія расчитывала на то, что союзники перессорятся, ихъ интересы разойдутся въ разныя стороны и принципъ компенсаціи — несмотря на систему Англіи: «мы платимъ за все» — не поможетъ, не всякаго вознаградитъ.

Но положеніе Германіи именно въ данномъ случаѣ было особенно неудобное, положеніе, изъ котораго трудно было выбраться. Трудно было ей выбраться потому, что она же первая подавала поводъ къ упраздненію наибольшаго благопріятствованія, сама-же готова была нарушить эту систему въ интересахъ Австро-Венгріи путемъ образованія таможеннаго союза Центральной Европы. Она первая отказывала другимъ державамъ въ томъ, что давала или сулила Австро-Венгріи. На какое-же равноправіе она сама могла при такихъ условіяхъ надѣяться?

Дѣлалась ссылка на таможенный союзъ. Но она еще вовсе не рѣшаетъ дѣла. Таможенные союзы бываютъ разные (см. ниже, гл. III), и далеко не всякое образованіе, именующее себя таможеннымъ союзамъ, даетъ право членамъ его ставить другъ друга въ особое положеніе. Тамъ, гдѣ имѣется полный союзъ, цѣльная таможенная унія, гдѣ два государства образуютъ въ экономическомъ отношеніи нѣчто новое, третье, — тамъ, само собою разумѣется, претензіи третьихъ державъ, основанныя на правѣ наибольшаго благопріятствованія, безосновательны и безпочвенны и таможенный союзъ можетъ лишь отвѣчать на протесты другихъ полнымъ игнорированіемъ. Но тѣмъ болѣе правы они, когда на сцену появляется неполный союзъ, «союзоидное» образованіе, простое сближеніе двухъ или нѣсколькихъ государствъ съ сохраненіемъ самостоятельной таможенной черты (Zwischenzollinie, droits intermdiaéires) и таможенныхъ территорій и съ установленіемъ пониженныхъ преференціальныхъ пошлинъ въ пользу дружественной державы. На такія пошлинныя сокращенія въ правѣ претендовать всякое государство, признаваемое наиболѣе благопріятствуемой державой; льгота въ пользу одного становится здѣсь обидой, наносимой другому, нарушеніемъ предоставленнаго ему по договору права установленіемъ наибольшаго благопріятствованія высшаго и низшаго разряда.

Когда съ образованіемъ въ 1867 г. Сѣверо-Германскаго союза былъ возобновленъ таможенный союзъ сѣвера съ южно-германскими государствами, Наполеонъ III сослался на торговый договоръ Франціи съ германскимъ таможеннымъ союзомъ, заключавшій оговорку о наибольшемъ благопріятствованіи, и потребовалъ себѣ того-же свободнаго безпошлиннаго прохода, который былъ предоставленъ Сѣверо-Германскимъ союзомъ провенансамъ Баваріи, Бадена и Вюртемберга. Но онъ получилъ рѣшительный отказъ, и вынужденъ былъ на этомъ успокоиться. Франціи въ свою очередь было предъявлено подобное требованіе, когда она въ 1865 г. заключила таможенную унію съ княжествомъ Монако, включивъ послѣднее въ таможенную черту Франціи. Въ силу ст. 4 соглашенія между Франціей и Монако, монакскія суда въ французскихъ гаваняхъ приравниваются къ французскимъ. Италія, Швеція и Норвегія, Нидерланды и Германскій Таможенный союзъ выступили, напоминая о томъ, что у нихъ имѣются соглашенія съ Франціей относительно судоходства а въ послѣднихъ въ свою очередь содержится оговорка наибольшаго благопріятствованія. Поэтому ихъ суда должны пользоваться во Франціи равными съ монакскими судами льготами. И Франція на это также не пошла: соглашеніе съ Монако — отвѣчала она — имѣетъ цѣлью въ отношеніи всѣхъ морскихъ и торговыхъ операцій продвинуть французскую границу вплоть до границъ княжества; съ точки зрѣнія таможенной нынѣ существуютъ только французскія гавани, управляемыя французскими законами — отсюда равноправное положеніе французскаго и монакскаго флага въ этихъ портахъ.

Во избѣжаніе недоразумѣній, впослѣдствіи въ нѣкоторые договоры стали включать примѣчаніе относительно таможенныхъ союзовъ. Въ однихъ случаяхъ это касается уже существующихъ союзовъ: «не будутъ почитаться нарушеніемъ настоящаго договора обязательства, налагаемыя на одну изъ сторонъ, условіями таможеннаго союза (union douanière), а именно, льготы, предоставленныя въ силу такого союза Австро-Венгріею княжеству Лихтенштейнскому и Босніи и Герцеговинѣ» (договоръ Россіи съ Австріей 1906 г., ст. 3). «Со-

глашенія (arrangements), послѣдовавшія между Франціей, съ одной стороны, и Монако и Туниссскимъ Беемъ, съ другой, не могутъ считаться нарушеніемъ договора «(Русско-Французскій договоръ 1905 г., дополн. ст. I). Или же предусматривается возможность въ будущемъ таможенныхъ союзовъ: допускаются особыя льготы, «вытекающія изъ условій таможеннаго союза, заключеннаго или имѣющаго быть заключеннымъ одною изъ договаривающихся сторонъ съ какимъ либо третьимъ государствомъ» (Русско-Болгарскій договоръ 1905 г., ст. 10, Русско-Сербскій договоръ 1907 г., ст. 10).

Но рѣчь идетъ только о случаяхъ полнаго таможеннаго единенія, объ «union douanière», «Zollverein», но не о болѣе слабыхъ формахъ сближенія съ сохраненіемъ промежуточной таможенной черты (alliance douanière, Zollannäherung, Zollbündnis, Zollverband).

Schippel напрасно обвиняетъ своихъ со-товарищей по (соціалъ-демократической) партіи, что они, «будучи готовы принципіально взять фритредерскимъ штурмомъ всѣ небесныя твердыни, въ то же время стонутъ: невозможно, когда надо открыть двери торговополитическаго амбара». Положеніе получается дѣйствительно сложное, почти неразрѣшимое: или нанести смертельный ударъ наибольшему благопріятствованію, ограничить его примѣненіе почти до полнаго отказа отъ этой системы, или похоронить мысль о Центральной Европѣ, о германско-австрійско-венгерскомъ сближеніи на основѣ преференціальныхъ пошлинъ.

Сыръ-боръ загорается каждый разъ именно изъ-за Австро-Венгріи и ея сближенія съ Германіей. Еще до 1851 г. Австрія, признавъ Сардинію наиболѣе благопріятствуемой державой, заключила договоръ съ Моденой, который объявила таможеннымъ союзомъ, чтобы Сардинія изъ него не извлекла выгодъ. Когда же обманъ былъ разоблаченъ, Австрія заявила на протестъ Сардиніи, что нѣтъ точнаго опредѣленія таможеннаго союза и она вправѣ понимать его въ такомъ именно смыслѣ. Но совѣсть ея была не чиста и ей пришлось подчиниться требованіямъ державъ и отказаться отъ этого мнимаго таможеннаго союза.

Въ 1885 г., когда Кальноки выступилъ съ предложеніемъ австро-германскаго сближенія, Бисмаркъ, не обнаруживавшій никакого сочувствія его планамъ, сослался на то, что принципъ наибольшаго благопріятствованія запрещаетъ это. Программа Кальноки была поддержана и разобрана въ книгѣ Matlekowits'a (1891 г.), доказывавшаго, что преференціальный тарифъ ничьихъ правъ не нарушаетъ. Если между Австріей и Венгріей возродятся таможенныя заставы — говорилъ онъ, — хотя и не столь высокія, конечно, какъ на внѣшней границѣ, то могутъ ли третьи державы, ссылаясь на свое право наибольшаго благопріятствованія, требовать себѣ тѣхъ же пониженныхъ пошлинъ? Конечно, нѣтъ. «А если дѣло обстоитъ такъ, коль скоро таможенный союзъ (полный) слабѣетъ, то почему должно быть иначе, когда таможенный союзъ (неполный) возникаетъ?» Но тонкій аргументъ Matlekowits'a былъ опровергнутъ. Тамъ государство выступаетъ въ торговыхъ договорахъ съ третьими державами какъ единое цѣлое и внутреннія дѣла его не касаются ихъ, какъ имъ нѣтъ дѣла до сооруженія внутреннихъ сборовъ или таможенъ во всякой иной странѣ. Здѣсь нарушаются ихъ пріобрѣтенныя права, выговоренныя съ каждой отдѣльной страной, входящей въ новый, но не полный союзъ.

Matlekowits остался въ единственномъ числѣ: communis opinio (Bonnet, Veillkowich, Bosc, Schraut, Melle, Francke, Paasche. Oncken и др.) не было на его сторонѣ.

Теперь вмѣстѣ съ лозунгомъ — единая Центральная Европа, тотъ же вопросъ снова выплылъ на поверхность, и снова отвѣтъ получается тотъ же. Отдѣльные авторы (Schilder, Schüller, Battaglia) снова изъ силъ выбиваются: если — говорятъ они — большее, т. е. полный союзъ, допустимъ (съ точки зрѣнія наибольшаго благопріятствованія), то во сколько разъ болѣе возможно меньшее — неполный союзъ съ промежуточной таможенной линіей и преференціальными пошлинами,—выводъ a maiori ad minus (отъ большаго къ меньшему). Полный союзъ наноситъ гораздо большій ущербъ третьимъ державамъ, чѣмъ преференціальныя пошлины — тамъ они платятъ всю пошлину, другія же ничего, здѣсь

они платятъ все, но и другія несутъ часть пошлины, большую или меньшую. Почему же тотъ ущербъ они готовы нести, не претендуя на свое право наибольшаго благопріятствованія, а этотъ, гораздо меньшій, вызываетъ съ ихъ стороны возмущеніе?

Но суть въ томъ, что при полномъ таможенномъ союзѣ образуется новое юридическое лицо, котораго и касается теперь наибольшее благопріятствованіе, тогда какъ прежнія таможенныя территоріи поглощены имъ; исчезли, стало быть, и ихъ права и обязанности, въ томъ числѣ вытекающія изъ предоставленнаго ими права наибольшаго благопріятствованія, старые долги прекратились. Иной принципъ давалъ бы возможность пользоваться знаменитой оговоркой, чтобы внѣдриться, влѣзть, пробраться во всякій таможенный союзъ, заключенный другими государствами, освободить свои товары отъ какихъ бы то ни было пошлинъ только потому, что другія страны слились въ единое таможенное цѣлое. Такіе полные союзы — новыя личности — можно сравнить съ пріобрѣтеніемъ новыхъ территорій послѣ войны, только здѣсь экономическая, а не политическая аннексія. Можно ли съ нею, съ полнымъ сліяніемъ всѣхъ экономическихъ интересовъ двухъ странъ, гдѣ обѣ стороны пріобрѣтаютъ крупныя выгоды, но и несутъ не менѣе крупныя жертвы, ставить наравнѣ простыя льготы, даваемыя дружественной державѣ?

Но вѣдь можно обойти это препятствіе, ускользнуть отъ неудобствъ, связанныхъ съ неполнымъ союзомъ, обративъ его въ полный. Это можно сдѣлать, подмѣнивъ названіе; обманы и въ международной области мыслимы, но — какъ мы видѣли — на такой позиціи трудно удержаться долго. Съ другой стороны, можно не только назвать, но и дѣйствительно правдиво прибѣгнуть къ полному союзу. Но это уже не такъ просто, и едва ли государства, которыя, очевидно, изъ весьма вѣскихъ соображеній, считаютъ необходимымъ сохранить пограничную таможенную черту между собою, пожертвуютъ ею и сольются вмѣстѣ лишь для того, чтобы третья держава не извлекла никакихъ выгодъ, не воспользовалась тѣми льготами, которыя они при неполномъ союзѣ предоставили бы другъ другу. Можно ли думать, напр., чтобы Австро-Венгрія, будучи въ здравомъ умѣ

и твердой памяти, и сознавая, что при полномъ союзѣ съ Германіей ей придется распрощаться со своей промышленностью, которую нѣмцы вгонятъ въ гробъ, — чтобы она изъ вражды къ Франціи, Англіи и Россіи, стараясь ихъ лишить права наибольшаго благопріятствованія, пошла все таки на полную отмѣну таможенной черты на германской границѣ? Вѣдь это было бы безумiемъ, напоминало бы того богача, который, будучи рѣшительнымъ противникомъ прогрессивнаго подоходнаго налога, усматривая въ немъ экспропріацію, уничтожаетъ свое имущество, чтобы не имѣть никакого дохода и не подлежать, слѣдовательно, уплатѣ налога.

Большинство нѣмецкихъ, австрійскихъ и венгерскихъ авторовъ не скрываетъ отъ себя, что простое сближеніе лишаетъ эти страны той свободы дѣйствія, которую гарантируетъ полный таможенный союзъ (Jastrow, Herkner, Phillipovich, Gothein, Horstmann, Eulenburg, Roghé и др.), почему многіе изъ нихъ (напр. Horstmann. p. 188. Gothein. p. 36. Roghé. p. 417, 421 и др.) рѣшительно высказываются противъ сближенія въ формѣ преференціальныхъ пошлинъ въ пользу Австро-Венгріи или во всякомъ случаѣ (какъ напр. Herkner въ Schmollers Jahrbuch. 1916. p. 560) относятся къ такого рода проектамъ весьма скептически. Другіе (напр. Keller въ Schmollers Jahrbuch. 1915. p. 880. Dub. Тамъ же. p. 1384). полагаютъ, что съ прекращеніемъ Франкфуртскаго мира это препятствіе убрано, но сознаютъ, что такія льготы означаютъ отказъ отъ безусловнаго наибольшаго благопріятствованія, не давая себѣ отчета въ вытекающихъ изъ этого огромныхъ послѣдствіяхъ. Наконецъ, нѣкоторые экономисты (Wolf, Schilder, Schüller, Schumacher, Battaglia), не усматриваютъ въ преференціальномъ австро-германскомъ тарифѣ никакого вызова, брошеннаго всѣмъ другимъ государствамъ [1]). И тутъ то они пускаютъ въ ходъ приведенное выше доказательство, киваютъ на другія страны. Наибольшее благопріятствованіе — заявляютъ они — и до сихъ поръ вовсе не являлось тѣмъ идоломъ, передъ

[1]) Сочиненія названныхъ здѣсь авторовъ указаны въ литературѣ слѣдующей главы.

которымъ преклонялись бы, ради котораго отказывались бы отъ другихъ выгодъ, не было той заповѣдью, которую надо свято чтить, которую бы всѣ исполняли. Но ссылка весьма слаба; утвержденіе, что наибольшее благопріятствованіе не можетъ стоять превыше всего, можетъ служить аргументомъ будущей торговой политики, но позиція тѣхъ, кто примѣняетъ его къ прошлому, какъ мы видѣли, не выдерживаетъ критики, основана на смѣшеніи колоній съ самостоятельными государствами, на обобщеніи отдѣльныхъ случайныхъ фактовъ.

Наибольшее благопріятствованіе покоится на трехъ положеніяхъ, на трехъ столпахъ: во 1-хъ, *немедленное, безусловное* и *безвозмездное* предоставленіе выгодъ, даваемыхъ другимъ (безъ эквивалента), далѣе, предоставленіе *всѣхъ* выгодъ, какъ уже данныхъ, такъ и даваемыхъ въ *будущемъ* другимъ (содержаніе), и, наконецъ, предоставленіе каждому выгодъ, даваемыхъ *всѣмъ* другимъ (объемъ). Первыя два обязательныхъ условія Германія соблюдаетъ, третье (объемъ) — рѣзко нарушаетъ, вноситъ принципъ дифференціаціи, подрубая тѣмъ самымъ одинъ изъ устоевъ наибольшаго благопріятствованія. До сихъ поръ во второмъ и третьемъ пунктѣ (нарушеніе перваго означаетъ переходъ къ американской системѣ эквивалента) появлялись небольшія, чуть замѣтныя прорѣхи, которыя не могли затронуть самой ткани (во второмъ — отдѣльные товары, въ третьемъ—не имѣющія значенія страны). Теперь Германія властной рукой разрываетъ ее на части, оставляя отъ нея одни обрывки, остатки, печальныя воспоминанія. Формально принципъ остается въ цѣлости, но исключенія по объему настолько велики, существенны и вѣски, что остается одна внѣшняя видимость — внутри пустота.

Сознавая это, чувствуя слабость своей позиціи, недостаточность ссылки на то, что равноправіе уже и такъ нарушено и они идутъ лишь дальше по проторенной дорогѣ, не довольствуясь, далѣе, и — въ сущности противорѣчащимъ этому — аргументомъ «отъ большаго къ меньшему», многіе нѣмецкіе авторы дополняютъ всю эту массу разсужденій главнымъ и основнымъ правомъ сильнаго: разъ не помогаютъ доказательства, разъ они не достаточны, то просто навязать и врагамъ и

нейтральнымъ странамъ свою волю, заставить ихъ признать исключеніе въ пользу союзниковъ.

Вообще, разъ рѣчь заходитъ о томъ, какъ все-таки добиться своего, то большинство авторовъ—на карту вѣдь поставлена Центральная Европа—не стѣсняется: надо бороться во что бы то ни стало съ измышленіями, продиктованными злой волей, желаніемъ задушить въ колыбели новую исполинскую таможенную территорію. Они прямо разсматриваютъ теорію международнаго права, какъ служанку господствующихъ экономическихъ интересовъ; а интересы эти мѣняются—прежде господствовали одни, для которыхъ преференціальныя пошлины были невыгодны, теперь выступили на первый планъ другіе—германско-австрійскіе, которые нуждаются въ оправданіи преференціальныхъ пошлинъ. «Если война въ жизни современныхъ народовъ вообще можетъ быть хотя бы въ слабой степени оправдана съ точки зрѣнія міровой исторіи, то миссія ея состоитъ въ томъ, чтобы заставить интересы, которые въ мирное время невозможно было осилить, подчиниться желѣзному суду исторіи, который является послѣдней инстанціей для всѣхъ, инымъ путемъ неразрѣшимыхъ, столкновеній интересовъ, и тѣмъ самымъ указать и пробить теченію хозяйственной жизни новое русло. Потомъ уже не явится особымъ искусствомъ найти для такихъ новообразованій въ области торговой политики покрывающую ихъ правовую формулу, менѣе всего это явится невозможнымъ или опаснымъ для тѣхъ, кто только выиграетъ отъ этого». (Schippel. Sozial. Monatshefte. 1916. I. p. 17).

Уже здѣсь рѣчь идетъ не только о прикрываніи новой теоріей своихъ дѣйствій, хотя бы неправомѣрныхъ, но и о кулачной силѣ, которая разрѣшаетъ конфликты. Яснѣе то же выражается словами, что торговые договоры съ воюющими странами прекратились, а каковы будутъ новыя соглашенія,—это рѣшитъ сила оружія; въ случаѣ побѣды, побѣжденныхъ можно будетъ заставить, а нейтральные слишкомъ слабы, чтобы разговаривать съ побѣдителями. Всѣ опасенія отвѣтныхъ репрессій—послѣднія создаютъ нервное настроеніе въ этомъ вопросѣ у нѣмецкихъ промышленниковъ—являются не болѣе

какъ «ночными призраками, исчезающими съ разсвѣтомъ». Весь вопросъ составляетъ ничто иное, какъ «Eine Interessen- und Machtfrage». (Battaglia. p. 473., а также Schilder, Schüller и др.).

«Усмотрятъ ли другія государства въ такомъ ограниченномъ наибольшемъ благопріятствованіи что-либо такое, что имъ не понравится, этотъ вопросъ мы можемъ предоставить будущему. Великія міровыя событія нельзя третировать какъ пѣшки. Если Германія и Австро-Венгрія въ этой міровой войнѣ окончательно побѣдятъ или даже только сохранятъ свое могущество и свою независимость, то никто не можетъ вмѣшиваться въ то, какъ они намѣрены взаимно урегулировать свою будущую торговую политику». (Sartorius. Der Paragraph 11 des Frankf. Friedens. p. 44).

Да, совершенно вѣрно, третьимъ державамъ не приходится спорить. Но вѣдь и они въ свою очередь могутъ такимъ же путемъ сблизиться — установить другъ другу льготы, предъ которыми Германіи придется, съ своей стороны, покорно склонить голову. Безъ сомнѣнія — прибавятъ нѣмцы — но только въ томъ случаѣ, если они побѣдятъ или, по крайней мѣрѣ, сохранятъ «свое могущество и свою независимость». А если нѣтъ? Тогда они будутъ терпѣть преференціальныя австро-германскія пошлины, сами же будутъ примѣнять къ Германіи наибольшее благопріятствованіе въ наиболѣе полномъ и неограниченномъ, наиболѣе чистомъ и прозрачномъ его видѣ.

Это уже случилось съ Россіей въ силу Брестскаго мира. Съ формальной стороны все обстоитъ прекрасно—полнѣйшее равноправіе. Въ отличіе отъ таможеннаго тарифа, закрѣпленнаго полностью для одной лишь Россіи и на болѣе продолжительный срокъ, чѣмъ для Германіи (ея конвенціонный тарифъ 1904 г.)—см. ч. I, стр. 288—здѣсь срокъ одинъ и тотъ же для обѣихъ сторонъ [1]).

---

*) Предположеніе объ установленіи вѣчнаго наибольшаго благопріятствованія, какъ во Франкфуртскомъ мирѣ, было съ самаго начала отвергнуто въ Германіи, но въ первоначальныхъ требованіяхъ, предъявленныхъ Россіи, это право было установлено на 20-ти лѣтній срокъ, впослѣдствіи же сокращено до 31-го декабря 1925 г., съ обязанностью предупрежденія за три года.

(до 31-го декабря 1925 г.) и содержаніе права наибольшаго благопріятствованія одинаковое, хотя оно и расширено нѣмцами на новыя области хозяйства (опять-таки для обѣихъ сторонъ), въ своихъ интересахъ, но далеко не къ выгодѣ Россіи (прил. 2. п. 2) [1]). Наконецъ, и по объему съ внѣшней стороны сохранена полнѣйшая взаимность (прил. 2. п. 4): «Россія не заявитъ притязаній на преимущества, которыя Германія предоставитъ Австро-Венгріи или другой, связанной съ ней таможеннымъ союзомъ странѣ, граничащей или непосредственно съ Германіей, или съ другой страной, состоящей съ ней или съ Австро-Венгріей въ таможенномъ союзѣ». Но и Германія, въ свою очередь: «не заявитъ притязаній на преимущества, которыя Россія предоставитъ другой, связанной съ ней таможеннымъ союзомъ странѣ, граничащей или непосредственно съ Россіей или съ другой состоящей съ ней въ таможенномъ союзѣ страной» [2]). Здѣсь замѣчательна оговорка: «граничащей или непосредственно» съ Россіей (или съ Германіей) или граничащей съ другой, состоящей съ Россіей (или съ Германіей) въ таможенномъ союзѣ, страной. Это блестящій замыселъ, дѣлающій честь нѣмецкой изобрѣтательности. Обойти такимъ путемъ равенство сторонъ, полностью устанавливая его на бумагѣ, формально оказать всякое уваженіе побѣжденной Россіи, въ дѣйствительности же обобрать ее самымъ рѣшительнымъ образомъ, — на это не всякій способенъ.

---

[1]) Кромѣ прежняго права наибольшаго благопріятствованія, касающагося таможенныхъ пошлинъ, торговаго судоходства, акціонерныхъ обществъ, пріобрѣтенія и владѣнія движимостью и недвижимостью и вообще правъ и привилегій, которыми пользуются подданные другихъ странъ (все это содержалось въ договорѣ 1914 г.) имѣется еще прибавка (ст. 2 приб. 2, п. в.) относительно казенныхъ или находящихся подъ контролемъ государства монополій при установленіи цѣнъ или другихъ дѣловыхъ сношеній и другая прибавка (п. е) объ эмигрантахъ и эмигрантскихъ посредникахъ. Первая можетъ заставить насъ всякій заказъ, дѣлаемый за границей, предоставить частью нѣмцамъ, вторая — отдаетъ дѣло эмиграціи въ Америку всецѣло въ руки Германіи.

[2]) То же постановленіе содержится и въ договорѣ Россіи съ Австро-Венгріей. Оно имѣется въ томъ же видѣ и въ договорѣ Украйны съ Германіей и Австро-Венгріей.

Въ самомъ дѣлѣ: что означаютъ эти слова о «непосредственно граничащей или граничащей со страной», съ которой уже имѣется таможенный союзъ? Это значитъ: полная свобода для Германіи устанавливать «экономическое сближеніе» буквально съ любымъ государствомъ и давать ему особыя льготы въ области привозныхъ, вывозныхъ, транзитныхъ пошлинъ, судоходства, желѣзнодорожныхъ тарифовъ и т. д., отнимая фактически у Россіи права наибольшаго благопріятствованія. Германія лежитъ въ центрѣ Европы: съ одной стороны ея—Австро-Венгрія, съ другой — Швейцарія, съ третьей — Бельгія, Нидерланды, съ четвертой — Польша. А затѣмъ идутъ сосѣди ея сосѣдей, съ которыми уже будетъ заключенъ союзъ, такъ что и ихъ можно включить въ число получающихъ преференціальныя пошлины: сосѣди союзника ея, Австро-Венгріи,—Болгарія, Сербія, Румынія, Турція, сосѣди Швейцаріи — Италія, дальше Испанія и такъ до безконечности. Вся Европа. А Россія будетъ стоять поодаль и молчать. Германія, пользуясь тарифной автономіей (см. ч. I, стр. 284 и сл.), построитъ высокій общій протекціонный тарифъ, быть можетъ, введетъ на переходное время вывозныя пошлины, а затѣмъ основательно понизитъ ставки въ пользу тѣхъ сосѣдей или сосѣдей своихъ сосѣдей, съ которыми она устроила таможенный союзъ, Россія же «не заявитъ притязаній» на эти преимущества.

Наибольшее благопріятствованіе при широкомъ охватѣ такихъ, входящихъ въ союзъ, странъ можетъ обратиться въ пустой звукъ, мало того, въ прямую насмѣшку — на бумагѣ оно есть, въ жизни его нѣтъ. Но если даже Центральная Европа далеко не пойдетъ, если ей будутъ положены предѣлы, то и одной Австро-Венгріи, пожалуй еще Болгаріи и Турціи, довольно будетъ, чтобы при помощи этой «невинной», безобидной, построенной на «равноправіи» формулый наибольшаго благопріятствованія подрѣзать крылья русскому экспорту, который и безъ того никогда высоко не леталъ — вѣдь это аграрные конкуренты наши, они вооружаются, выдвигаются далеко впереди насъ. Намъ чуть ли не силой навязывается болѣе высокій тарифъ, чѣмъ тотъ, который предназначенъ

для нихъ, не говоря уже объ особыхъ льготахъ для Австро-Венгріи и другихъ союзниковъ Германіи въ области желѣзнодорожнаго и рѣчного транспорта, которыя также могутъ съ успѣхомъ появиться. На ближайшее же время есть и другая возможность — отрѣзать импортъ въ Россію нужныхъ ей товаровъ, снабдивъ въ то же время своихъ сосѣдей всѣмъ, что имъ понадобится и что они пожелаютъ.

А съ другой стороны — «непосредственно граничащія» съ Россіей страны. Кто это? Китай, Корея, Персія, Турція — та самая Азія, куда бы Германія желала насъ сплавить, къ которой она усматриваетъ тяготѣніе и устремленіе Россіи, въ лучшемъ случаѣ Японія, да еще разодранныя части когда то великой Россіи — Финляндія, Литва, Украйна, Прибалтійскій край, быть можетъ, и Польша [1]). Вотъ съ кѣмъ намъ дозволено заключить таможенный союзъ — на льготы для нихъ Германія претендовать не станетъ. Впрочемъ, даже тутъ не обошлось безъ новыхъ стѣсненій и ограниченій для насъ. Въ ст. 11 русско-германскаго торговаго договора 1904 г. говорилось, что наибольшее благопріятствованіе не касается «тѣхъ постановленій, кои относятся или будутъ относиться до торговли съ сосѣдними съ Россіею азіатскими государствами и владѣніями». Нынѣ соотвѣтствующая прибавка исключена [2]) — Германія требуетъ себѣ даже выгодъ, предоставляемыхъ нами Персіи, Китаю или Кореѣ, ея товары должны оплачиваться тѣми же пошлинами, развѣ что мы заключимъ таможенные союзы съ нашими азіатскими сосѣдями на основѣ преференціальныхъ пошлинъ — единственный исходъ!

Это возможно, но невозможно — въ этомъ то вся суть — таможенное сближеніе Россіи ни съ Великобританіей, ни съ Фран-

---

[1]) Конечно, если со стороны Германіи не будетъ препятствій. Въ первоначальномъ проектѣ договора Германія исходила изъ такого таможеннаго объединенія русскихъ областей и прямо говорилось о льготахъ которыя Россія предоставитъ «самостоятельнымъ государствамъ, образовавшимся изъ русскаго государства», теперь и эти области подведены подъ общій принципъ граничащихъ съ нами державъ.

[2]) Въ первоначальномъ проектѣ Брестскаго мира Германія еще сохранила это постановленіе и лишь впослѣдствіи исключила его.

ціей, ни съ Италіей, ни съ Америкой. Почему невозможно? Да только потому, что...они не сосѣди и не сосѣди сосѣдей, уже заключившихъ союзъ. Какая въ этомъ логика? Почему Россія не можетъ образовать таможенный союзъ черезъ голову Германіи съ Франціей и Бельгіей, почему отдѣленіе моремъ — ничѣмъ инымъ — отъ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ лишаетъ ее права предоставить имъ особыя льготы? Неужели географическое расположеніе можетъ рѣшать такого рода вопросы экономическаго характера? Но тогда и Соединенные Штаты были правы, требуя себѣ особыхъ преимуществъ на Гавайскихъ островахъ, «въ силу особой географической близости».

Какъ бы то ни было, правдой ли или кривдой, но дѣло сдѣлано. Брестскій міръ, создавъ искусственно придуманныя, явно невыполнимыя для насъ условія, запретилъ намъ устанавливать преимущества, которыми Германія не можетъ пользоваться — что и требовалось доказать.

Германія ловкимъ маневромъ достигла своей цѣли-сумѣла обойти всѣ мели и рифы и благополучно войти въ гавань. Сохранено полное, безвозмездное, безусловное наибольшее благопріятствованіе--не американское, размельченное и раздробленное, а настоящее европейское; сохранено—но только для нея. Ограничено, обставлено исключеніями, фактически упразднено наибольшее благопріятствованіе—для Россіи. Наиболѣе важно послѣднее, отнятіе у насъ этого права, дифференцированіе, превращеніе въ паріевъ на германскомъ рынкѣ; фактически въ данный моментъ менѣе существенно (ибо при полученномъ нынѣ тарифѣ мы никакихъ льготъ другимъ державамъ дѣлать не можемъ), но принципіально важно присвоеніе этого права полностью себѣ, одностороннее овладѣніе имъ, безъ взаимности, въ свою пользу.

Съ наибольшимъ благопріятствованіемъ Германія обошлась, такимъ образомъ, весьма круто. До сихъ поръ--какъ мы видѣли — всѣ попытки испортить, зачернить этотъ широкій, яркій, граненный принципъ, безъ котораго мы не мыслимъ въ настоящее время торговаго договора и договоръ для насъ не договоръ, — всѣ попытки разбивались объ его сильную,

крѣпкую структуру. На словахъ не только многіе авторы и политическіе дѣятели рѣшали его судьбу но и Парижская конференція объявила ему смертный приговоръ. Ничѣмъ инымъ нельзя назвать исключеніе Германіи и ея союзниковъ изъ числа странъ, пользующихся этимъ правомъ, хотя — и это существенно — участники конференціи, покушаясь на принципъ наибольшаго благопріятствованія, ждали того, что и Германія такъ же поступитъ, что и они въ свою очередь утратятъ это право. Германія подхватила вызовъ своихъ враговъ, подняла брошенную ей перчатку и, въ отличіе отъ нихъ, подкрѣпивъ свои дѣйствія всѣмъ ученымъ аппаратомъ аргументовъ, ссылаясь къ тому же на крайнюю необходимость и придавъ ограниченію «безобидную» равноправную форму, — достигла своей цѣли, притомъ элиминировавъ репрессіи противной стороны, заранѣе въ корнѣ вырвавъ всякую мысль сближенія Россіи съ другими странами. Германіи удалось исказить самую сущность наибольшаго благопріятствованія, «въ угоду мѣняющимся интересамъ», создать такое положеніе, когда этотъ тонкій инструментъ сталъ издавать грубые, фальшивые звуки, когда этотъ институтъ, по существу своему построенный на взаимности, двусторонности, сталъ одностороннимъ, давая одному все, другому—ничего, когда онъ, глубоко проникнутый идеей равенства всѣхъ на одномъ и томъ же рынкѣ, сталъ средствомъ дифференцированія выгодъ, исключенія однихъ, въ интересахъ другихъ, когда наконецъ, онъ, выраженіе справедливости, оказался орудіемъ насилія и принужденія въ рукахъ побѣдителя.

Но какою степенью прочности и крѣпости будетъ отличаться тотъ товарообмѣнъ, который построенъ на такомъ фундаментѣ? Знаменитая одиннадцатая статья Франкфуртскаго мира была продиктована желаніемъ пойти навстрѣчу побѣжденной Франціи, сдѣлать возможнымъ спокойный, не вызывающій никакого озлобленія, никакихъ чувствъ обиды, торговый обмѣнъ между сосѣдями—къ этому стремился великій Бисмаркъ. А къ чему стремятся маленькіе бисмарки своимъ отдѣломъ шестымъ Брестскаго мира?

Прибавленіе къ гл. II.

Дифференціальныя пошлины.

Было время, когда таможенные тарифы пестрѣли дифференціальными пошлинами, когда самое представленіе о единой однообразной ставкѣ для того или другого товара было чуждо государству, показалось бы чѣмъ то страннымъ, непонятнымъ. Ставки полагались различныя, въ зависимости отъ того, какимъ путемъ и способомъ шелъ товаръ, откуда онъ былъ привезенъ или куда вывозился и т. д. Но отъ этой старинной дифференціаціи въ настоящее время остались лишь слабые пережитки, сохранились лишь блѣдные намеки на господствовавшую когда то пеструю систему ставокъ.

Родоначальникомъ является знаменитый Навигаціонный актъ Кромвеля 1651 г., дополненный законами 1660 и 1665 г.г. Тамъ находимъ и дозволеніе привозить иностранные товары только на англійскихъ судахъ или на судахъ страны происхожденія, причемъ въ послѣднемъ случаѣ взимается дополнительный сборъ; тамъ содержится и обязательность привоза товаровъ изъ колоній исключительно на британскихъ судахъ, и притомъ непремѣнно непосредственно, а не чрезъ какой-либо европейскій портъ. Надо было сокрушить могущество Голландіи, лишить ее роли посредника между Англіей и другими странами, уничтоживъ ея мореплаваніе, замѣнивъ ея флагъ англійскимъ. За актомъ Кромвеля послѣдовала цѣлая серія навигаціонныхъ актовъ— въ Испаніи, Швеціи, Франціи и другихъ странахъ. Всѣ эти потомки акта Кромвеля содержатъ тѣ же родовые признаки, копируютъ его постановленія о національномъ флагѣ, о непосредственномъ привозѣ, о колоніяхъ. И имъ приходилось бороться съ Нидерландами, но въ еще большей мѣрѣ съ самой Англіей, успѣвшей уже въ XVIII ст. занять мѣсто своей учительницы— Голландіи, приходилось заботиться о своемъ мореплаваніи, о своей торговлѣ, т. е. прежде всего морской, ибо къ ней сводился международный обмѣнъ до появленія желѣзныхъ дорогъ.

Напротивъ, Англія уже скоро перестала нуждаться въ этихъ искусственныхъ средствахъ. Съ какой стати было запрещать привозъ и вывозъ подъ иностраннымъ флагомъ, когда британскій флагъ и такъ развѣвался на всѣхъ моряхъ и океанахъ? Нужно ли было бороться съ иностранными распредѣлительными пунктами, когда эту роль въ дѣйствительности выполняли Лондонъ и Ливерпуль, разъ заокеанскіе грузы шли чрезъ эти порты въ Европу и здѣсь были центральные рынки?

По мѣрѣ того, какъ совершался этотъ переворотъ, Англія смягчала запрещенія, замѣняла ихъ постепенно спеціальными сборами для отдѣльныхъ національностей, товаровъ, видовъ транспорта. За ней и тутъ послѣдовали другія страны — запрещенія превращаются въ надбавку на флагъ (surtaxe de pavillon) для товаровъ, привозимыхъ на иностранныхъ судахъ, въ надбавку на разгрузку (въ европейской гавани) (surtaxe d'entrepôt) для товаровъ (изъ колоній), идущихъ чрезъ другіе европейскіе порты. Впрочемъ эта замѣна была нерѣдко фикціей—она въ сущности почти не смягчала прежняго запрещенія. Во Франціи, напр., иностранный хлопокъ (не изъ французскихъ колоній) облагался пошлиной въ 20 фр., а если былъ привезенъ изъ европейской гавани, то въ полтора раза выше, въ 30 фр., если на иностранныхъ судахъ — въ 35 фр. Перецъ, привозимый на судахъ подъ иностраннымъ флагомъ, уплачивалъ въ началѣ XIX фр. 220 проц. своей цѣнности.

Наконецъ, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ Англія совершенно упраздняетъ оба дополнительныхъ сбора (послѣдніе остатки уничтожены въ 1849 и 1850 г. г.). Surtaxe de pavillon вынуждены отмѣнить и другія государства, чтобы добиться той же уступки отъ Англіи; путемъ такого взаимнаго признанія равенства иностраннаго флага съ національнымъ онъ повсюду вымираетъ, исчезаетъ окончательно въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, хотя Франція еще въ 70-хъ годахъ сдѣлала попытку, правда безуспѣшную, возстановить этотъ сборъ (см. стр.) Въ Соединенныхъ Штатахъ правда еще и новѣйшій тарифъ Ундервуда 1913 г. дѣлаетъ скидку товарамъ, идущимъ на судахъ респу-

блики или странъ, пользующихся равноправіемъ съ американскимъ флагомъ. Но эта статья противорѣчитъ дѣйствующимъ трактатамъ и потому признана непримѣнимой.

Для поощренія національнаго судоходства примѣняются теперь иныя средства — не тормозить чужой флагъ, запрещать и стѣснять его, а покровительствовать своему: памятуя, что «le commerce suit le pavillon», государство выдаетъ субсидіи и преміи пароходнымъ обществамъ; Франція, напр., практикуетъ это въ широкихъ размѣрахъ.

И surtaxe d'entrepôt сталъ исчезать, но здѣсь затрудненія были больше: Франція, Германія, Австрія и т. д. не хотѣли мириться съ ролью Лондона и Ливерпуля, Антверпена и Роттердама въ качествѣ центральныхъ рынковъ для колоніальныхъ товаровъ, желая направлять ихъ непосредственно въ свои порты. Но такая искусственная мѣра заставлять товары идти опредѣленнымъ путемъ, хотя бы пріобрѣтеніе ихъ въ промежуточныхъ центрахъ было гораздо выгоднѣе, вызывала теперь уже протесты. Въ Германіи появился въ 80-хъ гг. проектъ ввести «Unterscheidungszoll» для развитія непосредственныхъ сношеній между германскими портами и заокеанскими странами. Но онъ едва-ли заставилъ бы нѣмецкихъ купцовъ закупать заокеанскіе продукты изъ первыхъ рукъ, когда выгоднѣе ихъ пріобрѣтать въ Лондонѣ, Гаврѣ или Роттердамѣ, гдѣ имѣется международный рынокъ различныхъ товаровъ. А если-бы купцы все-же пошли на эту убыточную операцію, то пострадали-бы болѣе всего мелкія суда, совершающія рейсы между германскими и европейскими портами — они потеряли бы свой заработокъ. Проектъ не прошелъ.

Во Франціи сохранились и до сихъ поръ surtaxes d'entrepôt на различные заокеанскіе товары, — по тарифу 1910 г. они плотятъ обыкновенно со 100 килогр. 3 фр. 60 дополнительнаго сбора, если идутъ на другіе европейскіе порты. Дополнительныя пошлины взимаются и съ европейскихъ товаровъ, если они привезены не изъ той страны, гдѣ производятся (surtaxe d'origine). Есть дифференціальныя ставки и въ Испаніи (тарифъ 1901 г.): надбавки по 12 группамъ

товаровъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда товары привезены на судахъ, не заходящихъ въ какую-либо иную европейскую гавань.

Особое вниманіе обращается и до сихъ поръ на сношенія съ колоніями; послѣднимъ дѣлаются уступки въ пошлинахъ, но только подъ условіемъ привоза товаровъ прямымъ путемъ въ метрополію, — остатокъ отъ старинныхъ запретовъ для колоній вообще экспортировать куда-бы то ни было, кромѣ метрополіи. Благодаря такому требованію, Португалія направляетъ значительную часть вывоза своихъ колоній на свои порты, а продукты французскихъ колоній вывозятся во Францію, тамъ подвергаются переработкѣ и уже оттуда направляются въ другія европейскія страны.

Своеобразное постановленіе имѣется въ Соединенныхъ Штатахъ — 10 проц. прибавка на товары, которые, не будучи произведеніями сосѣдней страны, въ дѣйствительности привозятся оттуда. Рѣчь идетъ, очевидно, о привозѣ европейскихъ товаровъ изъ Канады (у Соединенныхъ Штатовъ есть вообще только два сосѣда — Канада и Мексика). Но и это постановленіе осталось мертвой буквой.

Оно содержитъ въ себѣ уже и новый признакъ — границу, чрезъ которую идетъ товаръ.

Разъ заокеанскіе товары не должны идти на другіе европейскіе порты, то тѣмъ болѣе они не могутъ привозиться сушей, т.-е. не только чрезъ другіе порты, но еще и транзитомъ чрезъ другія страны. Отсюда дополнительные сборы съ товаровъ, привозимыхъ по сухопутной границѣ, въ особенности заокеанскихъ. Франція до 1848 г. запрещала привозъ хлопка сушей, а затѣмъ установила на такой хлопокъ повышенную пошлину. Нидерланды только въ тарифѣ 1850 г. упразднили различіе между пошлинами въ зависимости отъ того, привозятся-ли товары моремъ или сушей.

Такой характеръ имѣютъ еще и въ настоящее время въ Австріи пониженныя ставки на колоніальные товары—кофе, чай, какао, пряности, привозимые чрезъ морскую границу, — въ интересахъ развитія своего мореплаванія. Австрія добилась своей цѣли — раньше $^5/_6$ всего привозимаго кофе попа-

дали чрезъ иностранныя гавани, прежде всего Гамбургъ и Бременъ, теперь — всего десятая часть идетъ чрезъ сухопутную границу. Нѣмецкія гавани вытѣснены Тріестомъ и Фіуме [1]).

Дифференціація пошлинъ этого рода проводилась и у насъ [2]) но послѣдовательностью, выдержанностью принципа она не отличалась, напротивъ, русская политика постоянно колебалась, мѣняя свои взгляды и направленія.

Первоначально въ XVIII ст. рѣчь шла о поощреніи судоходства. Подражая навигаціоннымъ актамъ, стали дѣлать уступку въ пошлинѣ для русскихъ купцовъ, торгующихъ на своихъ судахъ, ($^1/_3$ при вывозѣ и $^1/_4$ при ввозѣ), но при условіи, чтобы не менѣе половины матросовъ были русскоподданными, — условіе для насъ не выполнимое: гдѣ было набрать столько русскихъ матросовъ? Льготу вскорѣ упразднили. Зато въ концѣ XVIII ст. рѣшили, что сухопутный привозъ наноситъ ущербъ морскому и поэтому въ 1789 г. первый вообще запретили для шелковыхъ, шерстяныхъ, бумажныхъ тканей и для напитковъ, а въ 1797 г. введены пониженныя вывозныя пошлины на хлѣбъ въ зернѣ, муку и крупу при экспортѣ моремъ.

Но вскорѣ обнаруживается крутой поворотъ — въ 1816 и 1819 г.г. тѣ же предметы обложены при морскомъ пути въ 2 — 4 раза выше, чѣмъ они платятъ на сухопутныхъ таможняхъ. И съ тѣхъ поръ идетъ такое поощреніе сухопутной торговли какъ въ угоду Пруссіи [3]), такъ и для борьбы съ кон-

---

[1]) Австрія пошла дальше и ввела дифференціацію и для европейскихъ продуктовъ — для вина, идущаго сушей, но это уже означало покровительства Италіи въ ущербъ Франціи: первая можетъ воспользоваться морскимъ путемъ, для второй это невыгодно, такъ что приходится платить повышенныя ставки на сухопутной границѣ.

[2]) Въ XVIII ст. и въ началѣ XIX у насъ вообще привозъ и вывозъ дозволяется лишь на нѣкоторые порты и судоходныя границы; по тарифамъ 1816, 1819, 1822 и 1841 г. г. для многихъ товаровъ вывозъ разрѣшенъ лишь по 8 портамъ и 4 сухопутнымъ таможнямъ.

[3]) Въ товремя (по даннымъ 1846 — 48 г.г.) привозъ изъ Германіи составлялъ всего 16 проц. нашего импорта, изъ Англіи же — 29 проц., т. е. почти вдвое. Спустя полвѣка положеніе было уже обратное: (въ 1896 — 97 г.г.) германскій привозъ 32, 4 проц.; англійскій — 18, 8 проц. (Покровскій. Исторія и статистика внѣшней торговли, стр. XXXVIII).

трабандой, особенно процвѣтавшей на западной границѣ — пониженіе пошлинъ всегда считалось лучшимъ средствомъ борьбы съ нею. Привозъ чугуна и желѣза моремъ въ 1822 г. вообще запрещенъ и даже въ 1857 г. дозволенъ лишь на Одессу — опасались проникновенія дешеваго англійскаго чугуна чрезъ прочіе порты Чернаго и Азовскаго морей.

Впрочемъ при составленіи тарифа 1857 г. уже сообразили, что такая дифференціація приводитъ лишь къ искусственному отклоненію грузовъ отъ морского пути и къ тому, что суда приходятъ съ балластомъ, и число такихъ ставокъ, повышенныхъ для морскихъ грузовъ, сокращено съ 136, по тарифу 1850 г., до 63 въ тарифѣ 1857 г.; все же для громоздкихъ и малоцѣнныхъ товаровъ сохраненіе ихъ оправдывается тѣмъ, что привозъ ихъ сушей обходится дороже, чѣмъ моремъ и поэтому имъ надо дать льготу въ первомъ случаѣ. Очевидно, и тутъ желаніе угодить Пруссіи, товарамъ которой было бы трудно конкуррировать съ идущими моремъ англійскими. Только тарифъ 1868 г. упразднилъ этотъ образъ дѣйствія (лишь для привоза сахара сохранена дифференціація до 1893 г., для привоза инструментовъ до 1876 г., для вывоза тряпокъ до 1891 г.).

Послѣ этого наша торговая политика дѣлаетъ новый поворотъ: не довольствуясь уравненіемъ морскихъ грузовъ съ сухопутными, она даетъ даже преимущества морскому привозу, по сравненію съ импортомъ по сухопутной границѣ, возвращаясь, слѣдовательно, къ идеямъ XVIII ст. Эта система примѣнена къ хлопку въ 1887 г.; въ томъ же году чугунъ обложенъ при ввозѣ моремъ въ 25 к. съ пуда, сушей — 30 к., (въ 1891 г. повышенъ до 30 и 35 к. зол. или 45 и 52½ коп. кредитн.). Обложеніе чугуна построено на желаніи обезпечить уральскому чугуну центральной промышленный районъ. Привозимый моремъ чугунъ ему не былъ опасенъ — и при пошлинѣ въ 25 к. онъ не могъ дойти до внутреннихъ губерній: расходы перевозки были слишкомъ велики, уральскій же чугунъ въ свою очередь не могъ добыть себѣ рынка на югѣ и у Балтійскаго моря (въ прибалтійскихъ

мѣстностяхъ передѣлочные заводы работали на привозномъ чугунѣ), такъ что сферы вліянія уральскаго и привозимаго моремъ товара разграничивались; напротивъ между сухопутнымъ, идущимъ изъ Германіи, чугуномъ и уральскимъ могла возникнуть борьба изъ-за московскаго рынка; повышенная пошлина гарантировала побѣду послѣднему.

Тотъ же московскій промышленный районъ охранялся высокими пошлинами на каменный уголь: этотъ рынокъ надо было отдать донецкому топливу. Поэтому съ самаго начала введенія пошлины на каменный уголь она разбита на на 3 разряда: $^1/_2$ коп. при ввозѣ Балтійскимъ моремъ, 1 коп. на сухопутной границѣ и $1^1/_2$ коп. въ портахъ Чернаго и Азовскаго морей (въ 1887 г. соотвѣтственно 1, 2 и 3 коп.). Уголь, привозимый моремъ, на сѣверѣ былъ наименѣе опасенъ для донецкаго, ибо и при низкой пошлинѣ его радіусъ не могъ дойти до центральной Россіи, да онъ и нуженъ былъ мѣстнымъ заводамъ, къ которымъ подвозъ донецкаго угля былъ невозможенъ, въ виду разстоянія. Больше приходилось считаться съ конкурренціей силезскагоугля, идущаго чрезъ западную границу—для него пошлина повышалась. Наибольшій же страхъ внушалъ англійскій уголь, приходившій въ черноморскіе и азовскіе порты — онъ былъ дешевъ и шелъ, въ виду надостатка въ грузахъ, отправляемыхъ въ эти порты, балластомъ. Его то и надо было обезвредить, обложить такъ, чтобы онъ вынужденъ былъ остановиться, не доходя до центральныхъ губерній и тѣмъ самымъ оставляя этотъ рынокъ открытымъ для донецкаго топлива.

Такимъ образомъ, построеніе было довольно сложное, замысловатое. Но изобрѣтатели забыли объ одномъ — о нѣмцахъ, о томъ, что они доставляютъ Германіи большую непріятность. Германія, конечно, не могла потерпѣть, чтобы пошлина по западной сухопутной границѣ была выше, чѣмъ по морской— это вѣдь означало выгоду для Англіи и ущербъ для нея. По требованію Германіи, вся система была уничтожена: договоромъ 1893 г. Россія отказалась отъ какихъ бы то ни было пошлинъ, поощряющихъ привозъ по Балтійскому морю, Черному или Азовскому.

Правда, нѣсколько лѣтъ спустя, при выработкѣ новаго тарифа 1903 г., Россія сдѣлала снова попытку дифференцировать пошлины на тѣхъ же основаніяхъ съ значительнымъ повышеніемъ ихъ, каменный уголь при ввозѣ Балтійскимъ моремъ оплачивается въ $1^1/_2$ коп. съ пуда, по сухопутной границѣ въ 3 коп. и въ черноморско-азовскихъ портахъ въ 6 коп.; повышенныя на 20 проц. ставки при ввозѣ по западной сухопутной границѣ установлены были не только для чугуна, но и для ряда другихъ товаровъ [1]). Но Германія снова махнула рукой и карточный домикъ рухнулъ: «пошлины, взимаемыя на сухопутной границѣ, будутъ приравнены къ пошлинамъ, взимаемымъ при ввозѣ по Балтійскому морю» (русско-германскій договоръ 1904 г., заключительный протоколъ).

Такимъ образомъ дифференціація въ смыслѣ болѣе высокаго обложенія сухопутныхъ грузовъ оказалось невозможна— осталась только повышенная ставка на каменный уголь въ портахъ Чернаго и Азовскаго морей, да льготы въ обратномъ направленіи — болѣе низкія пошлины при ввозѣ сушей. Но и послѣднія имѣлись лишь на азіатской границѣ для различныхъ товаровъ персидскаго, афганскаго и турецкаго происхожденія, въ особенности же для чая; поощряется привозъ чая по желѣзнымъ дорогамъ (для байховыхъ чаевъ сушей 25 р., моремъ 31 р. 50 к., для кирпичнаго чая сушей 3 р. 75 к., моремъ 11 р. 25 к., или моремъ втрое больше) въ ущербъ судоходству, поддерживающему сношенія съ Дальнимъ Востокомъ; для желѣзныхъ дорогъ такіе тарифы конечно выгодны, въ виду высокой цѣнности чая и дальности разстоянія, но едва ли они выгодны для населенія, которое много переплачивало на этомъ [2]).

---

[1]) Для металловъ и издѣлій изъ нихъ, желѣзныхъ, стальныхъ, мѣдныхъ, жестяныхъ, проволочныхъ, изъ олова и цинка, для игольнаго и ножеваго товара, холоднаго оружія, инструментовъ, машинъ и аппаратовъ, а также для шерстяныхъ и войлочныхъ матерій, вязаныхъ и басонныхъ издѣлій, галантереи и дѣтскихъ игрушекъ.

[2]) Въ Лондонѣ, гдѣ пошлины ниже и чай доставляется морскимъ путемъ, цѣна за 1908 — 1914 г. г. колеблется по отдѣльнымъ годамъ между 12 и и 29 коп. за фунтъ, въ Петроградѣ за то же время между 1 р. 38 к. и 1 р. 55 к., т. е. у насъ въ 5 — 11 разъ выше. (Сводъ товарныхъ цѣнъ Діогр. 36, изд. Мин. Тор. и Промыш. 1916 г.).

Война, упразднившая торговый договоръ съ Германіей, тѣмъ самымъ возстановила дифференціальныя ставки по западной сухопутной границѣ; Брестскій же миръ снова выбросилъ ихъ и, не ограничившись этимъ, — какъ и въ другихъ случаяхъ — пошелъ еще дальше прежняго договора: онъ не только понизилъ пошлины по сухопутной границѣ до ставокъ при ввозѣ по Балтійскому морю, но и запретилъ «введеніе какихъ-либо пониженныхъ пошлинъ, благопріятствующихъ привозу чрезъ морскую границу». (Заключит. прот. къ ст. 5, 6, 7. 9, и 10). Вмѣстѣ съ тѣмъ—какъ указано — отпало и право Россіи устанавливать пониженные тарифы въ пользу сосѣднихъ азіатскихъ государствъ. Такъ что о дифференціаціи и помину нѣтъ болѣе.

Мало того, опасаясь, какъ бы Россія не облегчила привозъ англійскихъ или американскихъ товаровъ, идущихъ моремъ, при помощи пониженныхъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ для провоза товаровъ отъ гавани вглубь страны, Германія внесла новое постановленіе, согласно которому такіе же желѣзнодорожные тарифы должны устанавливаться и для перевозки товаровъ, доставляемыхъ сухопутно, идущими отъ границы желѣзными дорогами (Заключ. прот. къ ст. 20) Такъ что сухопутный привозъ и морской и тутъ сравнены— и эта угроза обойти наибольшее благопріятствованіе устранена.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Таможенные союзы.

Идея таможенныхъ союзовъ до войны.

Общія сочиненія о **таможенныхъ союзахъ**: **Bosc.** Unions douanières et projets d'unions douanières. 1904. **Todorovits.** Einheitliche Zollgebiete, deren Entstehung und deren Wirkungen. 1908, а также **Francke.** Zollpolitische Einigungsbestrebungen in Mitteleuropa während des letzten Jahrzehnts. 1900 (Schriften des Vereins für Socialpolitik. B. 100). **Enger-Schumacher.** Brennende Agrar-Zoll-und Handelsfragen. 1902. **Battaglia.** Ein Zoll-und Wirtschaftsbündnis zwischen Oesterreich-Ungarn und Deutschland. 1917. **Sartorius von Waltershausen.** Beiträge zur Beurteilung einer wirtschaftlichen Foederation von Mitteleuropa (Zeitschr. für Socialwissenschaft. 1902). **С. О. Загорскій.** Война послѣ мира. 1917.

Отдѣльные проекты таможенныхъ союзовъ (подробная литература въ ук. соч. Bosc'a и Battaglia): **Faucher.** L'union du Midi. 1842. Его же. L'union franco-belge. 1842. **Leroy-Beaulieu.** La création d'une union douanière occidentale. (Economiste Français. 1879). **Molinari.** L'union douanière de l'Europe Centrale (Journal des Economistes. 1879. Тамъ же. 1896). **Leusse.** L'union douanière européenne (Révue d'economie politique. 1890). **Peez.** Zur neuesten Handelspolitik Mitteleuropas und Handelspolitik der Zukunft. 1895. Его же, статьи въ Révue d'economie politique. 1891. 1892. **Brentano.** Ueber eine zukünftige Handelspolitik des Deutschen Reiches. (Schmollers Jahrbuch. 1885). **Grunzel.** Die handelspolitischen Beziehungen Deutschlands und Oesterreich-Ungarns. 1901. (Schriften des Vereins für Socialpolitik. B. 93).

Matlekowits. Die Zollpolitik der Oesterreich-ungarischen Monarchie und des Deutschen Reiches seit 1868 und deren nächste Zukunft. 1891. **Wolf.** Materialien betreffend einen Mitteleuropäischen Wirtschaftsverein. 1903. Его же. Das Deutsche Reich und der Weltmarkt. 1915. **Hauser.** Zollunion. 1900. **Anton.** Ein Zollbündnis mit den Niederlanden. 1902. **Théry.** L'union douanière européenne. (Le Monde Economique. 1897). **Schwob.** Le danger allemand. 1896.

I.

Торговые договоры съ конвенціонными тарифами и наибольшимъ благопріятствованіемъ являлись для многихъ вовсе не самоцѣлью, а лишь этапомъ на пути къ дальнѣйшему экономическому сближенію народовъ, къ болѣе крѣпкимъ и прочнымъ скрѣпленіямъ въ области международныхъ экономическихъ сношеній, къ образованію таможенныхъ ассоціацій народовъ, къ созданію обширныхъ таможенныхъ территорій.

Такова была — какъ мы видѣли (см. ч. I, стр. 208 и сл.) — въ сущности исходная точка первыхъ торговыхъ договоровъ; они разсматривались лишь какъ временное, переходное явленіе, какъ ступень къ чему-то болѣе крупному, болѣе грандіозному, какъ средство, которому дана столь отвѣтственная функція — подготовить новыя международныя организаціи, таможенные союзы. Но и послѣдующія десятилѣтія, сведя международные торговые договоры съ этой высоты, превративъ ихъ въ простыя соглашенія на извѣстный срокъ безъ надежды образованія изъ участниковъ и членовъ болѣе тѣснаго единенія — и послѣдующія десятилѣтія усиленнаго до крайнихъ предѣловъ протекціонизма не уничтожили этой мысли о болѣе тѣсномъ сближеніи народовъ на экономической почвѣ, хотя, казалось-бы, окружающая жизнь съ высокими таможенными барьерами, отдѣляющими народы другъ отъ друга, съ программой таможенной автономіи, менѣе всего подготовляла для этого почву. Но именно она то, какъ это ни странно, не давала заглохнуть мечтамъ о лучшемъ будущемъ.

Въ началѣ 90-хъ годовъ произошла цѣлая революція въ области международной торговой политики: въ теченіе трехъ лѣтъ было денонсировано ни болѣе ни менѣе, какъ сорокъ договоровъ, причемъ Франція, Испанія и Португалія отличались особымъ рвеніемъ. Послѣдняя однимъ движеніемъ сбросила съ себя 15 договоровъ, дала отказъ всѣмъ своимъ контрагентамъ. Свершилось нѣчто дотолѣ невиданное неслыханное, неизвѣстное исторіи торговой политики, какое-то землетрясеніе или солнечное затмѣніе въ международныхъ экономическихъ сношеніяхъ. Но все-же наступилъ снова день, солнце торговыхъ договоровъ снова озарило Европу, худо-ли, хорошо-ли, — минимальные тарифы сильно тормозили дѣло — но опять удалось наладить торговыя связи, возстановить прежнюю организацію товарообмѣна. Черезъ 10 — 12 лѣтъ, когда снова наступилъ критическій годъ, эта операція стала еще болѣе трудной и сложной, новыя скрѣпленія и сцѣпленія въ видѣ торговыхъ договоровъ еще слабѣе, еще менѣе надежными, чѣмъ въ предшествующее десятилѣтіе. Съ большимъ трудомъ они держались до новой остановки — денонсированія договоровъ

въ 1915 — 17 гг.; но до этого времени имъ уже не удалось дожить — цѣпь была силой оборвана, международный обмѣнъ пріостановился.

Но уже и раньше тотъ возъ, которому уподоблялись торговыя соглашенія народовъ, каждый разъ все труднѣе и труднѣе было сдвинуть съ мѣста и довести до слѣдующей остановки — до наступленія срока прекращенія договоровъ и заключенія новыхъ. Возъ скрипѣлъ и трещалъ на каждомъ поворотѣ — автономные тарифы бросали ему палки въ колеса — дорога становилась все круче и непроходимѣе, горизонтъ все болѣе покрывался тучами.

Неудивительно, что — вмѣстѣ съ охватившимъ отчаяніемъ въ возможности добраться до цѣли, съ исчезновеніемъ вѣры въ торговые договоры — разъ препятствія и затрудненія на каждомъ шагу возрастали, появлялись и попытки идти другимъ, обходнымъ, путемъ, примѣнить болѣе сильное средство, добиться болѣе крѣпкихъ связей между народами, спаивающихъ государства сильнѣе и прочнѣе и не требующихъ каждый разъ пересмотра и возобновленія, сопряженнаго съ такими затрудненіями и осложненіями. Словомъ, времена мѣнялись, но проекты таможеннаго объединенія народовъ въ ихъ разнообразной формѣ, въ различныхъ сочетаніяхъ и варіантахъ не переводились.

Виды этихъ союзовъ могутъ быть различные. Мыслимъ прежде всего полный таможенный союзъ (union douanière, association douanière, vollkommener Zollverein, Zolleinigung), гдѣ два или нѣсколько государствъ пріостанавливаютъ свою экономическую самостоятельность на опредѣленный или неопредѣленный срокъ — въ скрытомъ видѣ независимыя другъ отъ друга части продолжаютъ жить — въ хозяйственномъ отношеніи сливаются во-едино, совмѣстно регулируютъ самые интимные экономическіе вопросы. Они образуютъ единую таможенную территорію, создаютъ единый внѣшній таможенный тарифъ, учреждаютъ единую таможенную администрацію, выступаютъ какъ одно лицо при заключеніи торговыхъ договоровъ, унифицируютъ налоги на потребленіе и на основаніи опредѣленнаго ключа распредѣляютъ между собою таможенные доходы. Но

это доходы отъ внѣшнихъ таможенъ, которыми союзъ себя отдѣлилъ отъ внѣшняго міра — между участниками союза нѣтъ таможенныхъ заставъ. Этотъ источникъ дохода обмелѣлъ, онъ засыпанъ, двери открыты настежь, или вѣрнѣе, дверей нѣтъ, ибо хозяйственной границы не существуетъ.

Полный союзъ двухъ или нѣсколькихъ политическихъ единицъ можетъ быть и односторонній, неравноправный, союзъ, гдѣ одинъ участникъ въ таможенномъ отношеніи властвуетъ, другой ему подчиняется, послѣдній поглощается первымъ; это включеніе одного государства въ таможенную границу другого (Zollanschluss). Таково отношеніе между Франціей и Монако (по договору 1865 г.), между Австріей и Лихтенштейномъ (по договору 1852 г.) между Германіей и Люксембургомъ (по договорамъ 1842 и 1875 г.). Эти болѣе слабые компаньоны великихъ державъ были уничтожены въ таможенномъ отношеніи своими сильными сосѣдями—приняли ихъ таможенный тарифъ, ихъ таможенное управленіе, отказались отъ собственнаго таможеннаго законодательства, отъ самостоятельныхъ торговыхъ договоровъ, словомъ претерпѣли значительное умаленіе своего суверенитета, атрофію одной стороны ея, подпали подъ власть болѣе сильнаго,— печальная, но неустранимая судьба мелкихъ государствъ при заключеніи таможеннаго союза съ болѣе крупными, при объединеніи слабыхъ съ болѣе сильными.

Этого результата боялись и мелкія германскія государства при заключеніи таможеннаго союза съ Пруссіей въ 1834 г., но опасенія не сбылись: знаменитый Zollvereiп — такъ его именуютъ французы — оказался типомъ сліянія второго рода — равноправныхъ и полноправныхъ членовъ; ихъ независимость не пострадала, быть можетъ, потому, что ихъ было много — попыткѣ сильнаго прибрать къ рукамъ болѣе слабыхъ можно было противопоставить количественный перевѣсъ послѣднихъ [1]). Германскій таможенный союзъ — единственный въ исторіи

[1]) До 1867 г. требовалось для каждаго постановленія единогласіе всѣхъ государствъ, послѣ 1867 г. таможенный парламентъ рѣшалъ дѣла большинствомъ голосовъ.

случай полнаго союза равноправныхъ государствъ [1]) съ его общимъ тарифомъ, съ разверсткой поступленій отъ пошлинъ между членами по численности населенія, съ постепеннымъ переходомъ къ единству мѣры, вѣса и монеты и со срытіемъ мелкихъ таможенъ между участниками [2]).

Этотъ знаменитый таможенный союзъ вызвалъ восхищеніе современниковъ, и не только нѣмцевъ, для которыхъ онъ означалъ возвращеніе къ благосостоянію, неизвѣстному Германіи со времени несчастной тридцатилѣтней войны, и къ единству, при которомъ каждый нѣмецъ, въ какомъ бы изъ многочисленныхъ нѣмецкихъ княжествъ онъ ни жилъ, сознавалъ себя гражданиномъ великаго германскаго отечества. Своеобразный характеръ и экономическое могущество новаго организма произвели впечатлѣніе и на прочую Европу, на сосѣдей, поражавшихся возникшимъ въ самомъ сердцѣ разорванной на многочисленныя мелкія частицы Европы крѣпко сплоченной единицы, единой хозяйственной территоріи, съ широкимъ раздѣленіемъ труда между ея районами, съ отсутствіемъ какихъ бы то ни было преградъ, и притомъ въ той самой Германіи, которая — какъ говорилъ Friedrich List — «всегда была огромной бочкой, которую цѣдили со всѣхъ сторонъ». «Германія, будучи расположена въ центрѣ военной, промышленной и торговой Европы подаетъ много надеждъ, но ее окружаютъ и опасности повсюду. Находясь между

---

[1]) Въ другихъ случаяхъ таможенное единство тѣсно связано съ образованіемъ союзнаго государства или союза государствъ, вытекаетъ изъ политическаго единства — въ Австралійскомъ и Южно-африканскомъ союзѣ оно основано на тѣхъ же моментахъ, какъ и въ Германской имперіи, Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, Мексико, Бразиліи или Канадѣ. Все это не таможенные союзы, а единыя государства какъ въ политическомъ, такъ и въ хозяйственномъ (таможенномъ) отношеніи. Своеобразный характеръ имѣетъ заключенный между Австріей и Венгріей и возобновляемый каждые десять лѣтъ таможенный союзъ, но и здѣсь рѣчь идетъ о соглашеніи между двумя частями одного и того же государства.

[2]) Сохранились правда Uebergangsabgaben съ нѣкоторыхъ продуктовъ, перевозимыхъ изъ одного государства въ другое — съ вина, пива, спирта и табаку, вслѣдствіе различія въ косвенномъ обложеніи, но и они, по мѣрѣ унификаціи налоговъ на эти предметы, постепенно исчезали.

Сѣвернымъ моремъ и Адріатикой, она должна стать либо молотомъ, либо наковальней. Теперь она перестала быть наковальней окружающихъ ее народовъ».

Но къ восхищенію примѣшивались и опасенія — не отрѣжетъ ли новый союзъ другія страны, не охватитъ ли онъ ихъ желѣзнымъ кольцомъ, не станетъ ли онъ чрезмѣрно могущественнымъ факторомъ въ политической и экономической жизни Европы? Не превратится ли Германія дѣйствительно изъ наковальни въ молоть? Отсюда планы подражанія германскому таможенному союзу; планы соединенія съ нимъ, использованія его силы для образованія еще болѣе крупнаго организма, таможенной уніи европейскихъ народовъ, а съ другой стороны, планы противопоставленія одному союзу — германскому — другого, образуемаго южно-европейскими государствами. Когда центральная Европа — писалъ Викторъ Гюго въ 1834 г. — конституируется, общіе интересы будутъ ясны: Франція, опираясь спиной на Германію, выступитъ противъ Англіи, которая обозначаетъ духъ торговли, и сброситъ ее обратно въ океанъ; Германія, прислонившись къ Франціи, двинется противъ Россіи, которая проникнута духомъ завоеванія, и отброситъ ее въ Азію.

Это сказано было въ тотъ годъ, когда еще только объединялись сѣверный и южный союзы нѣмецкихъ государствъ въ общій Zollvereiп, а три года спустя, Léon Faucher уже предлагаетъ образованіе «Union du Midi» (association de douanes); въ центрѣ Франція, а вокругъ нея—Швейцарія, Бельгія и Испанія, своего рода «притоки великой французской рѣки». Такъ что достигается то, чего Франція не могла добиться въ теченіе полустолѣтія кровопролитныхъ войнъ — Альпы и океанъ до Кадикса, съ одной стороны, до Антверпена, съ другой стороны, становятся ея границами. Получается соединеніе силъ нѣсколькихъ націй, свобода обмѣна и широкій рынокъ; и даже въ фискальномъ отношеніи нѣтъ убытка, ибо торговые обороты растутъ, а 8 — 10 тысячъ таможенниковъ и 40 — 50 тысячъ контрабандистовъ вынуждены будутъ заняться болѣе производительнымъ трудомъ.

Введеніемъ къ этому плану долженъ былъ явиться франко-бельгійскій таможенный союзъ (union franco-belge), — для Франціи безусловная необходимость, ибо Бельгія неминуемо должна была примкнуть либо къ Франціи, либо къ германскому таможенному союзу, третьяго исхода для нея не было. А если бы она попала въ объятія Германіи, то Франція оказалась бы на сѣверной границѣ такъ же отрѣзанной, какъ это уже было на восточной по милости германскаго таможеннаго союза. Вокругъ глашатая новой таможенной уніи сгруппировалось много энтузіастовъ, и — рѣдкій случай въ исторіи этого рода проектовъ — они могли уже праздновать побѣду: бельгійскій король Леопольдъ пріѣхалъ въ Парижъ (въ 1842 г.) для подписанія договора на 10 лѣтъ, — какъ вдругъ въ послѣднюю минуту все повернулось, «горизонтъ сразу покрылся облаками. «Въ теченіе 14 столѣтій французской исторіи — писалъ Chevalier — вы не найдете второго такого примѣра, когда частныя лица, цинично преслѣдуя свои личные интересы, заставили бы правительство бросить на произволъ судьбы предпріятіе безконечной политической важности».

«Правительство, парламентъ, французская индустрія... Луи-Филиппъ французскій и Леопольдъ бельгійскій вынуждены были подчиниться этому насилію», «снести этотъ позоръ», ибо... дѣло заключалось вовсе не въ частныхъ интересахъ: осуществленіе плана означало бы полное подчиненіе Бельгіи французскимъ интересамъ, своего рода экономическую аннексію ея: кромѣ отмѣны всѣхъ таможенъ на франко-бельгійской границѣ — распространеніе на всю территорію таможеннаго союза французскаго тарифа, французскихъ налоговъ на потребленіе, французской монеты, мѣръ и вѣсовъ, французской табачной монополіи, французскаго кассаціоннаго суда и французскаго государственнаго контроля въ дѣлахъ таможеннаго управленія. Могла ли Бельгія пойти на такія драконовскія условія, могла ли свободная страна добровольно согласиться на такое униженіе, на такое нарушеніе равноправія и независимости, на такой захватъ, вызывавшій опасенія даже со стороны Англіи и другихъ иностранныхъ государствъ? Не

произнесенъ ли здѣсь — восклицаетъ Bosc — приговоръ надъ полными таможенными союзами? Послѣ провала Бельгія повернулась дѣйствительно лицомъ къ Германіи и заключила съ ней торговый договоръ, весьма пріятный для нѣмцевъ (пониженіе ставокъ на желѣзо на 50 проц.).

Былъ впрочемъ еще другой проектъ полнаго таможеннаго союза, хотя и не немедленнаго, а съ уничтоженіемъ таможенныхъ заставъ въ три пріема, проектъ начала 50-хъ годовъ, связанный съ именемъ австрійскаго министра Брука: Австрія желала войти въ германскій таможенный союзъ. Изъ южной Германіи, сочувствовавшей плану, и изъ Вѣны одновременно звали къ экономическому объединенію центральной Европы (общій таможенный тарифъ, совмѣстное заключеніе торговыхъ договоровъ, общія консульства). «Лишь союзъ, охватывающій всю Германію и Австрію, не только назоветъ безраздѣльно и цѣликомъ своимъ Эльбу, Везера, Эмсъ, Одеръ, нѣтъ, онъ обниметъ и Адріатику, какъ и Сѣверное и Балтійское море, а моральный вѣсъ союза, включающаго милліоны людей, политическій вѣсъ рынка, равнаго которому исторія не знаетъ, доставитъ вскорѣ все остальное, что ему не хватаетъ для выполненія своей задачи въ области міровой исторіи.»

Но мало было написать на знамени проектъ таможеннаго союза центральной Европы, нужна была еще благопріятная политическая атмосфера, а Пруссія не желала дѣлить свой тронъ ни кѣмъ другимъ, не соглашалась на совмѣстное съ Австріей предсѣдательствованіе въ новомъ, расширенномъ таможенномъ союзѣ. Австрія вела переговоры не только съ Пруссіей, но тайно отъ нея и съ Баваріей, Саксоніей, Вюртембергомъ, Гессеномъ, Баденомъ и Нассау — съ ними о томъ, чтобы въ крайнемъ случаѣ обойтись безъ Пруссіи и образовать самостоятельный союзъ. Но въ послѣднюю минуту, когда Пруссія поставила этимъ странамъ ультиматумъ: или она или Австрія, они — подъ дамокловымъ мечомъ Пруссіи, — отреклись отъ Австріи. Протестовали противъ намѣреній Австріи и Англія и Россія, опасаясь за политическій концертъ Европы. Австріи пришлось довольствоваться договоромъ 1853 г., хотя и съ преференціальными пошлинами и

съ оговоркой о будущихъ переговорахъ по поводу вступленія ея въ германскій таможенный союзъ. Но дальше этого дѣло никогда не пошло—«исторія рѣшила иначе». Договоръ 1853 г. хотя и былъ репетиціей, настраивалъ инструменты, но самое представленіе не состоялось — по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ. Даже на то «сближеніе Австріи съ Таможеннымъ союзомъ», о которомъ первоначально говорила Пруссія, усиленно избѣгая термина «союзъ», Бисмаркъ не пожелалъ пойти, и слѣдующій торговый договоръ 1865 г. содержалъ уже простое наибольшее благопріятствованіе, на союзъ и намека не было. Такъ и тутъ надежды не оправдались.

Несмотря на эти пораженія, поборники обширныхъ хозяйственныхъ территорій, глашатаи экономической солидарности народовъ не упали духомъ, не махнули рукой на идею экономическаго интернаціонализма. Проекты, временно нѣсколько порѣдѣвши, вскорѣ снова получаютъ подкрѣпленія, ндутъ безконечной вереницей, достигая въ нѣкоторые періоды особенной густоты — напр. 1879 г. чреватъ такими выступленіями. Стоитъ раздаться въ одномъ мѣстѣ Европы призывному голосу, какъ въ другой части на него тотчасъ же откликаются своей конструкціей, противопоставляя одной группѣ державъ другую, идущую по ея стопамъ; мечтаютъ о конечномъ соединеніи обѣихъ, какъ это было въ германскомъ таможенномъ союзѣ, хотя и на несравненно болѣе узкомъ базисѣ—объ этомъ намѣренно забываютъ — рисуются розовыя мечты о всеобщемъ единствѣ, о всеобщемъ мирѣ политическомъ и экономическомъ.

Все же въ одномъ отношеніи проповѣдники новыхъ хозяйственныхъ образованій вынуждены были понизить тонъ, умѣрить свои требованія: не полное сліяніе государствъ и народовъ, при которомъ участники дѣлятъ и радость и горе, придерживаясь принципа—всѣ за одного и каждый за всѣхъ, нѣтъ, на такую высоту уже не рѣшаются подняться, она оказывается слишкомъ утопичной. Приходится спуститься съ облаковъ, довольствоваться меньшимъ, но зато болѣе близкимъ къ реальной жизни, создать «un Zollvereiu adouci», «смягченный», неполный, незаконченный союзъ, «союзоидное»

*

образованіе, таможенное сближеніе, своего рода переходную форму отъ дѣйствительнаго таможеннаго союза къ простымъ торговымъ договорамъ.

Искажаются характерныя, столь милыя сердцу «солидаристовъ» черты настоящаго таможеннаго союза. Сохраняются таможенные барьеры въ его предѣлахъ, хотя эти внутреннія преграды и ниже внѣшнихъ, отдѣляющихъ союзъ отъ прочаго міра; вмѣсто единаго тарифа можетъ быть два или нѣсколько, по числу участниковъ; каждый заключаетъ и самостоятельно торговые договоры съ другими державами, хотя тарифы и договоры извѣстнымъ образомъ кординированы, приведены въ связь; въ таможенномъ управленіи, въ области косвеннаго обложенія и т. д. никакой унификаціи не требуется.

Вообще опасность потерять свою самостоятельность для болѣе слабаго союзника значительно уменьшается. Онъ менѣе рискуетъ, что въ соглашеніяхъ съ третьими государствами его интересы будутъ принесены въ жертву выгодамъ болѣе сильнаго; онъ имѣетъ и меньше основаній ожидать наводненія своей территоріи товарами сосѣда. Конечно, все зависитъ отъ того, въ какой комбинаціи сочетаются различные признаки неполнаго таможеннаго союза, отъ степени его неполноты, ибо онъ можетъ принимать весьма разнообразный обликъ, организація его отличается растяжимостью, приспособляемостью къ различнымъ условіямъ. Если переходъ отъ торговыхъ договоровъ къ полному союзу можно было называть salto mortale,— скачкомъ, вызваннымъ отчаяніемъ, въ виду почти неустранимыхъ затрудненій при заключеніи договоровъ, то между послѣдними и смягченнымъ союзомъ пропасть была уже не столь глубока, — быть можетъ, даже такое сближеніе имѣло въ извѣстныхъ случаяхъ больше шансовъ на успѣхъ, чѣмъ договоръ, гдѣ каждая сторона неутомимо отстаивала пядь за пядью свои хозяйственные интересы.

Высшей ступени сближеніе достигаетъ тамъ, гдѣ внѣшній тарифъ единый, гдѣ торговый договоръ съ третьими государствами заключаются союзниками не только одновременно, но и съ обоюднаго согласія, гдѣ въ особенности преферепіаль-

ныя пошлины сильно разнятся отъ общаго для всѣхъ прочихъ тарифа и гдѣ они предназначены къ постепенному вымиранію, такъ что неполный союзъ мало по малу созрѣваетъ въ полный, пріобрѣтаетъ все болѣе законченную форму слія-нія государствъ въ экономическомъ отношеніи. Параллельно этому превращенію, само собою разумѣется, растетъ опас-ность для болѣе слабаго быть побѣжденнымъ, сведеннымъ на нѣтъ болѣе могущественнымъ союзникомъ. И, напротивъ, чѣмъ слабѣе становятся нити между ними, чѣмъ самостоятельнѣе и независимѣе каждый дѣйствуетъ при выработкѣ своего внѣшняго тарифа и при заключеніи торговыхъ договоровъ съ «чужими», чѣмъ меньше въ особенности разстояніе между внѣшнимъ и преференціальнымъ тарифомъ, тѣмъ болѣе со-глашеніе падаетъ до уровня торговаго договора, тѣмъ меньше для него основаній присваивать себѣ громкое названіе союза. Отъ послѣдняго можетъ наконецъ, остаться одинъ только формаль-ный признакъ преференціальныхъ пошлинъ, которыя могутъ являться таковыми лишь номинально, по существу почти не отличаясь отъ общаго тарифа, слѣдовательно, могутъ ока-заться весьма малоцѣннымъ подаркомъ для сосѣда, въ то же время доставляя ему много непріятностей отъ другихъ странъ, ибо они все-таки покоятся на принципѣ преимущества, а не равноправія въ области международнаго обмѣна.

Спускаться по той же лѣстницѣ еще дальше — и назы-вать сѣть торговыхъ договоровъ таможеннымъ союзомъ, хотя бы въ зачаточной формѣ его,— какъ это дѣлали нѣмцы и австрійцы, въ особенности же французы, въ примѣненіи къ германско-австрійскимъ декабрьскимъ трактатамъ (1892 г.)— французы говорили о «ligue douanière de l'Europe centrale»,— значитъ стирать всякую грань между неполнымъ тамо-женнымъ союзомъ и обычными соглашеніями государствъ на почвѣ взаимныхъ уступокъ въ тарифахъ и наибольшаго благо-пріятствованія. Только желаніе видѣть въ сѣти торговыхъ договоровъ путь къ будущему таможенному союзу можетъ объяснить такое смѣшеніе понятій, объединеніе въ одной фор-мулѣ съ союзомъ того, что въ лучшемъ случаѣ можетъ слу-жить прелюдіей къ нему.

Истинные проповѣдники солидаризма и одной изъ его формъ — таможеннаго объединенія являются по необходимости и фритредерами: Широкій міровой рынокъ, дающій размахъ экономическому развитію народовъ, лучше всего достигается, рядомъ съ усовершенствованными путями сообщенія, устраненіемъ таможенныхъ преградъ, разбивающихъ міръ на мелкія части. Конечно, не всегда таможенный союзъ удовлетворяетъ этимъ требованіямъ. Bastiat даже германскій таможенный союзъ одобрялъ лишь съ большими оговорками, находя въ немъ рядомъ съ идеей свободы и элементы эгоизма, принужденія. «Лѣвую руку развязали, это хорошо, но почему не сдѣлать того же и съ правой рукой?»

Что это значитъ? Это обозначаетъ, что таможенный союзъ, обнаруживая братскія чувства по отношенію къ одному, можетъ отгородиться отъ всего остального міра и проявить къ нему сильную степень эгоизма въ видѣ высокаго тарифа. Вся суть, слѣдовательно, въ послѣднемъ. Въ полномъ союзѣ, каковъ-бы онъ ни былъ, эти рѣзкости смягчаются полной свободой обмѣна между союзниками, и поэтому одинъ элементъ фритредерства въ немъ всегда имѣется. Поэтому убѣжденнымъ фритредерамъ наиболѣе милъ именно такой союзъ, только его они и называютъ таможеннымъ союзомъ. Все дальнѣйшее уже въ значительной мѣрѣ фальсификація; вмѣсто золотого вѣка фискальныхъ тарифовъ могутъ получиться сверхъ-протекціонныя пошлины, если существующія высоко-охранительныя ставки сохраняются для участниковъ союза между собой, послѣдніе же опоясываютъ себя новыми, еще болѣе жестокими, тарифами, отрѣзывающими ихъ отъ всего прочаго міра. Но именно въ эпоху воинствующаго протекціонизма, побѣдоносно прокладывавшаго себѣ путь по всему свѣту, фритредерамъ и сторонникамъ умѣреннаго покровительства не приходилось выбирать: надо было пользоваться всѣмъ, что только попадалось подъ руку, чтобы задержать бившій фонтаномъ протекціонизмъ. Они хватались за всякія международныя соглашенія, договоры, ассоціаціи, союзы, за все, въ чемъ хоть какъ-нибудь обнаруживалось взаимное сближеніе народовъ, учрежденій и идей. Съ этой точки зрѣнія таможенные союзы,

хотя и неполные, какую-бы форму они ни принимали, если только пошлины на внѣшней границѣ не повышались, являлись желаннымъ орудіемъ, тѣмъ болѣе сильнымъ, чѣмъ шире кругъ охватываемыхъ государствъ.

Для протекціонистовъ же таможенный союзъ, включающій континентъ Западной Европы или часть его, являлся средствомъ борьбы съ великими врагами человѣчества: Британской имперіей, Америкой и Россіей, долженъ былъ окружить Европу стѣной, предупреждающей и предохраняющей ее отъ набѣговъ этихъ, способныхъ снести все и вся, конкурентовъ. Ужасы, исходящіе отъ этихъ трехъ великановъ, стремящихся къ «замкнутому торговому государству», предрекалъ еще Richelot, авторъ исторіи англійской таможенной реформы, переводчикъ и усердный поклонникъ Фридриха Листа. Но особенно много, хотя и однообразно, трубили въ этотъ меланхолическій рогъ, изрекая теорію о трехъ исполинскихъ имперіяхъ, которыя могутъ герметически закрыться, а въ то же время погубить Европу, съ 80-хъ годовъ, когда заокеанскій хлѣбъ и мясо проникли въ Старый Свѣтъ и произвели революцію цѣнъ. На каррикатурахъ появлялся «поросенокъ-тріумфаторъ» — американскій поросенокъ, въѣзжающій на тріумфальной колесницѣ, встрѣчаемый съ почетомъ и сопровождаемый тремя фигурами, которыя изображали «Францію, Германію и Австрію». Эти страны пытались бороться съ конкуренціей американскаго мяса, но, въ виду угрозъ Америки, вынуждены были сложить оружіе и допустить снова свинину — новое доказательство ихъ слабости, ихъ безсилія, неспособности старой Европы бороться съ новыми врагами, сдавливающими ее со всѣхъ сторонъ. Тамъ — великаны, огромныя территоріи, тутъ — маленькія страны, съ маленькимъ населеніемъ, «все такъ мелко въ старой Европѣ» (Peez); тамъ — единство, тутъ — «гражданская война», раздирающая Европу на части; истерзанная, больная она вынуждена будетъ вступить въ борьбу не на жизнь, а на смерть съ Англіей и Соединенными Штатами, которые станутъ твердой ногой на континентѣ, пользуясь «припадкомъ помѣшательства Европы». Положеніе послѣдней напоминаетъ состояніе того итальян-

скаго патриція XV вѣка, который попалъ въ руки разбойниковъ и былъ ими посаженъ въ темницу: каждое утро онъ замѣчалъ, какъ одно изъ оконъ тюрьмы, еще открытыхъ, закрывалось, такъ что онъ долженъ былъ неминуемо задохнуться, когда исчезнетъ послѣднее отверстіе. «Развѣ не такова судьба Европы, лишенной воздуха и свѣта, отрѣзанной справа и слѣва загражденіями, черезъ которыя не могутъ перескочить ея товары? Единственный исходъ — заключить миръ между собою и сомкнутыми рядами двинуться навстрѣчу врагу, образовать новую, тѣсно-сплоченную, сильную своимъ единствомъ, центральную Европу, — идея, за которую ухватились и фритредеры какъ за послѣднюю соломинку. Въ душѣ считая автаркію трехъ міровыхъ государствъ призракомъ, они (Molinari, Brentano) выдавали ее въ качествѣ лишняго козыря, въ пользу европейскаго «хозяйственнаго синдиката».

Во всякомъ случаѣ въ одномъ оба теченія, и фритредерское и протекціонистское, должны были встрѣтиться: и то и другое могло себѣ представить таможенный союзъ лишь общеевропейскимъ, т. е. охватывающимъ континентъ Западной Европы создающій Соединенные Штаты Европы, т.-е въ центрѣ союза великія державы — Германія, Франція и Австрія, а къ нимъ примыкающія — Италія, Швейцарія, Бельгія, Нидерланды. Такого рода центральная Европа въ широкомъ смыслѣ слова занимала умы въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій; она рисовалась и тѣмъ, кому снилась «Union douanière universelle», всемірный таможенный союзъ, т.-е. абсолютно свободная торговля на земномъ шарѣ, и тѣмъ, кто выдвигалъ противъ трехъ исполинскихъ территорій четвертаго среднеевропейскаго великана.

И съ такими проектами, соединяющими несоединимое— Францію и Германію, выступали и Molinari, и Kaufmann, и Leusse, и Bergmann даже послѣ 1870 года, послѣ франко-прусской войны. Molinari обращался къ Бисмарку со своимъ планомъ, который открывалъ доступъ въ таможенный союзъ всякому желающему присоединиться, какъ это было во всемірномъ почтовомъ союзѣ, какъ предполагалось и въ монетномъ союзѣ.

Къ несчастью, предположеніе его «появилось на 30 лѣтъ слишкомъ рано или слишкомъ поздно». (Leroy-Beaulieu). «Хотя при таможенномъ объединеніи дѣло не касается сліянія чувствъ, религій, нравовъ, рѣчь идетъ о пошлинахъ на шелкъ, хлопокъ и т. д.», — все же «идея реванша во Франціи и седанскія празднества въ Германіи едва-ли могли расчищать путь къ хозяйственному товариществу» между Германіей и Франціей. Такія фантазіи появлялись уже на свѣтъ съ печатью смерти на челѣ.

Болѣе жизнеспособными казались тѣ построенія, которыя дѣлали выборъ между Франціей и Германіей, раздѣляя центральную Европу на двѣ части, группирующіяся вокругъ того или другого солнца. Тогда на сцену появлялась «alliance latine», съ Франціей, приглашающей Бельгію, Швейцарію и Италію— появлялась даже утопія объединенія ихъ на почвѣ колоній: Франція даетъ территорію и капиталы, Италія и Испанія человѣческій матеріалъ для заселенія колоній. Съ другой стороны, выдвигается въ качествѣ чего-то неизбѣжнаго германско-австрійскій союзъ, союзъ странъ, образующихъ самую сердцевину Европы и притягивающихъ своихъ сосѣдей съ сѣвера и съ юга — Италію, Швейцарію, Бельгію, Голландію. Вопросъ состоялъ лишь въ томъ, кого послѣдніе предпочтутъ, чьи медовыя рѣчи ихъ легче обольстятъ, или же вообще, помня поговорку: съ сильнымъ не дружи, они усмотрятъ въ своей нейтральной изолированности нѣчто болѣе для себя безопасное и спокойное. Не даромъ совѣтовали подходить къ мелкимъ сосѣдямъ съ крайней осторожностью; они легко могутъ услышать въ этихъ предложеніяхъ пѣсни сиренъ, уловить въ нихъ намѣренія не только хозяйственныхъ, но и территоріальныхъ аннексій, въ особенности со стороны Германіи, «побѣдоносной Германіи», послѣ 1870 года, по отношенію къ которой надо быть насторожѣ, помнить о «нѣмецкой опасности».

Обезпечивая себѣ, якобы, только «мѣстечко на солнышкѣ», никого не оттѣсняя въ тѣнь, Германія на самомъ дѣлѣ придерживалась принципа Вильгельма: «будущность Германіи на водѣ» и «не желала допустить, чтобы части земного шара, еще пока свободныя, стали добычей государствъ, и безъ того

уже доведшихъ свое могущество до крайнихъ предѣловъ» (Sering). Мало того, она становилась «Germania triumphans» (Тріумфирующая Германія) и «Ein deutsches Weltreich» («Германская міровая имперія») — какъ гласили названія двухъ вышедшихъ въ началѣ 90-хъ годовъ брошюръ. Для этой цѣли необходимо прежде всего сближеніе съ Австріей. Таможенный союзъ «оживилъ бы тихую гавань Тріеста и далъ бы толчокъ движенію по Эльбѣ, по желѣзной дорогѣ изъ Богеміи въ Гамбургъ». (Grunzel). Но крупное государство должно вообще имѣть большія рѣки въ своемъ распоряженіи полностью — отъ истоковъ до устья. Германія же — странно сказать — располагаетъ цѣликомъ только Везеромъ; Рейнъ, Дунай и Висла, даже Эльба и Одеръ находятся частью въ чужихъ рукахъ.

Отсюда необходимость включенія въ таможенный союзъ и Голландіи, владѣющей устьемъ Рейна. Эта «связь между Рейномъ и моремъ есть мостъ между Германіей и Англіей, это — ворота, ведущія въ Западную Европу». Недаромъ еще List говорилъ: «Германія безъ Голландіи походитъ на домъ, двери котораго принадлежатъ другому владѣльцу». А коль скоро Нидерланды окажутся въ экономической власти Германіи, и Бельгія, стиснутая между двумя могущественными территоріями, не могла бы дольше медлить: и ей «пришлось бы протянуть руку сильному таможенному союзу». Наконецъ, и включеніе Швейцаріи являлось бы лишь вопросомъ времени.

Любопытно, что у этихъ слабыхъ сосѣдей Германіи—въ Швейцаріи, Италіи, въ особенности послѣ ихъ таможеннаго разрыва съ Франціей въ 1882 и 1892 г.г. (см. ч. I, стр. 254 и сл., 260 и сл.), въ Нидерландахъ, даже въ Даніи, «этихъ государственныхъ аномаліяхъ въ географическомъ и экономическомъ отношеніи»,—предложенія Германіи нерѣдко встрѣчали радушный пріемъ, хотя большинство относилось къ нимъ болѣе, чѣмъ сдержанно, опасаясь германской индустріи, которая, прервавъ таможенную плотину, снесетъ всякую національную промышленность. Не улыбалось имъ и включеніе въ архи-протекціонный германскій таможенный тарифъ, который сдавилъ бы ихъ желѣзнымъ кольцомъ, парализовалъ бы ихъ торговый обмѣнъ

другими странами; боялись они, наконецъ, и нѣмецкихъ «кирассирскихъ ботфортъ, наступающихъ прямо на мозоли другимъ государствамъ».

Болѣе всего германскіе приглашенія встрѣчали откликъ въ сердцахъ австрійскихъ пангерманистовъ и венгерцевъ; послѣдніе мечтали объ усиленномъ сбытѣ своихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ въ Германію, минуя всякія заставы, возведенныя противъ прочихъ странъ. «Соперничество обѣихъ центральныхъ монархій — заявляла Австро-Венгрія — должно прекратиться; въ ихъ рукахъ сила, ибо они лежатъ въ центрѣ Европы и линіей, проведенной отъ Бремена до Тріеста, могутъ какъ бы отрѣзать материкъ; находясь у трехъ морей, Сѣвернаго, Балтійскаго и Адріатическаго, они обладаютъ наиболѣе выгодными для торговли и промышленности подходами и вылазками. Для этого достаточно взглянуть на карту; но выводы въ области торговой политики еще не сдѣланы изъ этихъ фактовъ (Peez)».

Но и эта проповѣдь австрійскихъ экономистовъ и политическихъ дѣятелей (Matlekowits, Peez, Grunzel, Philipovich, Menger), рука объ руку съ германскими (Wolf, Calwer, Francke, Paasche, Sartorius) и агитація учрежденныхъ ими, въ цѣляхъ пропаганды, «среднеевропейскихъ хозяйственныхъ обществъ» въ Германіи, Австріи и Венгріи, хотя и приводила къ тому, что вопросъ о германско-австрійско-венгерскомъ сближеніи не сходилъ съ программы дня, — но все же не давала еще осязательныхъ результатовъ. Широкіе круги обоихъ государствъ попрежнему холодно и съ недовѣріемъ встрѣчали мечты о «концентрированіи на периферіи мірового хозяйства крупныхъ, замкнутыхъ хозяйственныхъ группъ».

Въ результатѣ исторія проектовъ таможенныхъ союзовъ является однимъ сплошнымъ некрологомъ. Были всякіе проекты, всевозможнаго калибра и качества, на всякій вкусъ и цвѣтъ. Были здѣсь и соединенные штаты Европы, была и центральная или срединная Европа, опять таки и въ болѣе узкомъ и въ болѣе широкомъ смыслѣ, были союзы Латинской Европы, союзы швейцарско-германско-французскіе или швейцарско-германскіе, германско-голландскіе; промелькнулъ даже

швейцарско-американскій, въ которомъ Швейцарія являлась бы самостоятельнымъ, въ Европѣ находящимся, штатомъ американской республики. Словомъ, выборъ былъ широкій. Но немногіе изъ нихъ прожили дольше очередной книжки журнала, въ которой проектъ былъ помѣщенъ, дольше засѣданія ученаго общества или торговой палаты, на которомъ докладъ читался. Нѣкоторымъ улыбнулось счастье стать предметомъ серьезной и внимательной критики, добиться шумныхъ дебатъ даже овацій и аплодисментовъ на международномъ конгрессѣ, быть закрѣпленнымъ для потомства и въ парламентской стенограммѣ. Если многіе сразу пошли ко дну, даже не вызвавъ круговъ на поверхности, то другіе могли льстить себя тѣмъ, что они не прошли безслѣдно, а породили новыя предложенія и предположенія, увлекли за собой другихъ, заставили работать человѣческую мысль въ томъ же благородномъ, несущемъ вселенной миръ, направленіи. Но конечный результатъ былъ все-таки одинъ и тотъ же: преждевременная смерть, въ жизнь ни одинъ изъ нихъ не воплотился.

Принципіально чуть ли не всѣ авторы объявляли себя друзьями экономическаго объединенія Европы, но когда доходило до дѣла, тѣ же самые сторонники настаивали на дальнѣйшемъ усиленіи таможенныхъ барьеровъ. «Какъ за каждымъ конгрессомъ всеобщаго мира слѣдовала война, такъ каждое предложеніе хозяйственнаго сближенія народовъ содѣйствовало лишь проявленію эгоистическихъ стремленій, ничего общаго не имѣющихъ съ интернаціональной солидарностью». (Huber).

Но неисправимые фантазеры никогда не переведутся, неудача ихъ не останавливаетъ, не ожесточаетъ, они живутъ мечтой, и никакія доказательства безплодности ихъ попытокъ, никакія разбитыя надежды имъ не помогаютъ, не останавливаютъ, не служатъ имъ урокомъ. Казалось, всѣ возможности были выяснены и разобраны, всѣ варіанты таможенныхъ объединеній прошли предъ критикой, говорить больше не о чемъ. Но нуженъ былъ только толчокъ—и все снова оживало. Соединенные Штаты выступали съ новымъ усиленнымъ тарифомъ, въ Вашингтонѣ собиралась конференція для таможен-

наго объединенія «трехъ Америкъ», — и тотчасъ же по эту сторону океана снова раздавалось предостереженіе: берегитесь Америки, бойтесь «американской опасности». Подобно трубному звуку, этотъ зовъ снова будилъ политиковъ и экономистовъ, заставлялъ встрепенуться ихъ сердца, снова перья начинали работать и громкое слово «европейскій таможенный союзъ, объединяющій всю Европу», многократно повторяемое, не сходило со столбцовъ печати. На боевой кличъ «Панъ-Америка» съ другой стороны океана эхо должно отвѣтить: «Панъ-Европа».

Итакъ, сказка начиналась съ начала. Но въ эту третью, новѣйшую эпоху идея таможеннаго союза разбавлялась еще болѣе водой. Въ самомъ дѣлѣ, въ первую голову предлагались крутыя мѣры—европейская блокада, не боялись идти напроломъ, произвести атаку на «американскаго колосса». Надо поставить ультиматумъ — отмѣна тарифа Динглея и возвращеніе къ умѣреннымъ пошлинамъ Вильсона, а впредь до выполненія этого требованія—повышенный обще-европейскій тарифъ для заокеанскихъ товаровъ, который долженъ закрыть имъ двери въ Европу. Другъ другу же европейскіе народы дѣлаютъ взаимныя уступки на почвѣ компенсаціи—наибольшему благопріятствованію дается чистая отставка—но каждая держава ведетъ самостоятельную автономную торговую политику, по своему желанію и разумѣнію. Такое сплоченіе Европы надо начать съ Тройственнаго союза, постепенно включая одну за другой новыя страны, вплоть до Россіи — при Соединенныхъ Штатахъ Америки не должно быть «разрозненныхъ штатовъ» Европы.

Таковъ былъ новый проектъ (см. напр. Sartorius von Waltershausen), столь же неисполнимый, какъ и безцѣльный,— проектъ слабый, въ виду своего чисто-агрессивнаго характера, какъ бы намѣренно провоцирующаго Америку на репрессивныя мѣры, европейскія же государства не объединяющій ничѣмъ, кромѣ этой вражды къ заокеанской республикѣ, разрывающій между ними даже ту связь, которая до сихъ поръ существовала въ видѣ уравнивающей всѣхъ и спаивающей всѣ страны системы наибольшаго благопріятствованія и умѣряющихъ

протекціонизмъ торговыхъ договоровъ. Слѣдовательно, движеніе не впередъ, а назадъ — желаніе экономической войны во что бы то ни стало, о солидарности же народовъ ни помину.

Лучше уже другое новѣйшее предложеніе, построенное на оборонѣ, а не на нападеніи (см. напр, Wolf). И оно боится Америки съ ея «несравнимымъ» рынкомъ, гдѣ въ Лосъ-Анжелосѣ носятъ ту же шляпу, что и въ Бостонѣ, и люди на пространствѣ 3000 миль одѣваются одинаково и покупаютъ одинаковые товары, въ то время, какъ европейскій фабрикантъ, въ какомъ бы направленіи онъ ни двинулся, на небольшомъ разстояніи встрѣчаетъ тотчасъ же таможенныя преграды, наталкивается на иной языкъ, на иной тарифъ. Не три сверхъ — государства опасны, а только одно. «Англіи я не боюсь ни въ какомъ отношеніи, Америки во всѣхъ отношеніяхъ. Мощь Америки — дѣло настоящаго, мощь Англіи — дѣло прошлаго и — въ отношеніи «Величайшей Британіи» — музыка будущаго». (Wolf). Но въ то же время не должно быть никакой континентальной или европейской блокады по отношенію къ Америкѣ; рожденный, благодаря Wolf'y «Mitteleuropäischer Wirtschaftsverein» въ самомъ «метрическомъ свидѣтельствѣ» своемъ опредѣляется какъ элементъ мира съ головы до ногъ — отъ появленія своего на свѣтъ до осуществленія своихъ желаній.

Не утопія аггрессивнаго союза съ обще-европейскимъ тарифомъ, а мирное сближеніе, скромное, но осуществимое; не громкія слова и красивыя фразы, которыми разукрашаютъ планы таможенныхъ союзовъ, а тихія, умѣренныя предложенія: устраненіе непріятныхъ формальностей на таможняхъ, взаимная охрана таможенныхъ границъ, установленіе однообразныхъ правилъ таможеннаго досмотра, учрежденіе третейскихъ судовъ для рѣшенія таможенныхъ споровъ, облегченіе торговыхъ и желѣзнодорожныхъ соглашеній, съ предоставленіемъ взаимныхъ уступокъ, но съ отказомъ отъ принципа безусловнаго наибольшаго благопріятствованія. Государства, въ особенности Германія, «не должны искать своего счастья ни въ монастырскомъ уединеніи въ узкихъ предѣлахъ автономнаго народнаго хозяйства, ни страстно отдаваясь

охватывающей вселенную экономической политикѣ; необходимо подчеркивать и то и другое, причемъ европейскіе народы, составляя съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія одну семью, должны объединяться на семейныхъ началахъ, подавая другъ другу руку въ хозяйственной жизни». «Объединимся, познаемъ другъ друга, тогда каждый изъ насъ сумѣетъ и лучше оцѣнить другихъ».

Таковъ послѣдній аккордъ въ исторіи движенія къ таможенному союзу до-военнаго времени, аккордъ тихій, слабый, замирающій. Высокая общечеловѣческая идея, спускаясь съ облаковъ все ниже и ниже на землю, становясь все умѣреннѣе и осторожнѣе, дошла до простыхъ соглашеній о контрабандѣ, о таможенныхъ обрядностяхъ и желѣзнодорожныхъ правилахъ, превратилась въ нѣчто тусклое, выцвѣтшее, худосочное. Каждое государство ведетъ свою автономную торговую политику, даже безъ уравнивающаго всѣхъ наибольшаго благопріятствованія, никто другого не стѣсняетъ; иначе говоря, прежній агрессивный протекціонизмъ продолжаетъ дѣйствовать въ свое удовольствіе, возводить все болѣе и болѣе высокія таможенныя укрѣпленія, не встрѣчая уже никакихъ помѣхъ на своемъ пути, разрывая всѣ связи между народами, даже тѣ, которыя создало наибольшее благопріятствованіе. Все это прекрасно, но все это и очень старо. При чемъ тутъ только таможенные союзы и таможенныя сближенія? Зачѣмъ злоупотреблять ихъ именемъ?

Историкъ мертворожденныхъ союзовъ Bosc подводитъ имъ такой балансъ. Пассивъ огромный — всѣ погибшіе планы, въ активѣ-же — Германскій таможенный союзъ, который вызвалъ столько надеждъ, и кромѣ того нѣсколько менѣе значительныхъ союзовъ, вродѣ франко-монакскаго, или точнѣе — прибавимъ отъ себя — въ активѣ ровно нуль, такъ какъ первый союзъ предшествовалъ движенію, былъ его причиной, слѣдовательно, не могъ быть слѣдствіемъ, а второму отъ настоящаго равноправнагос оюза такъ же далеко, какъ отъ неба до земли. Еще активъ: тенденція къ образованію обширныхъ таможенныхъ территорій, панбританской, панамериканской. Но «Greater Britain» находилась еще только въ проектѣ — для

взаимнаго сближенія нужно согласіе обѣихъ сторонъ, Англія-же относилась весьма холодно къ приглашеніямъ колоній, не желая ограничить свой міръ — весь міръ — одними британскими владѣніями, отмежеваться отъ всѣхъ изъ любви къ Канадѣ, Южной Африкѣ, Австраліи. Что станетъ съ міровой мастерской, съ универсальнымъ поставщикомъ, со всѣмъ богатствомъ Англіи, построеннымъ на дешевизнѣ сырья и съѣстныхъ припасовъ? Не означаетъ-ли такая «экономическая независимость» для Англіи ампутацію значительной части ея оборотовъ, не погонитъ ли она населеніе за океанъ?

Не меньшую слабость обнаруживали и панамериканскія устремленія. Даже близкіе сосѣди республики — сестры — южно-американскія государства, Бразилія, Чили, Аргентина, никакъ не могутъ столковаться, ихъ братскія чувства дальше взаимныхъ пограничныхъ уступокъ въ пошлинахъ на нѣкоторые товары не идутъ, до таможеннаго союза дѣло не доходитъ, за временнымъ сближеніемъ слѣдуетъ столь же быстрое охлажденіе. Но если пророчество о томъ, что не сегодня — завтра Южная Америка выступитъ на міровомъ рынкѣ, какъ единое цѣлое, никакъ не могло сбыться, то еще болѣе проблематичнымъ являлось наступленіе того дня, когда соединятся всѣ три Америки и получится единая цѣлая и нераздѣльная Америка, одинъ таможенный континентъ отъ Гудсонова залива до Огненной Земли, владычество надъ всѣмъ Тихимъ океаномъ. Препятствія громоздились одно на другомъ. Сѣверо-американскіе промышленники, конечно, не прочь были совершенно убрать изъ другихъ Америкъ товары Стараго Свѣта, хотя побѣдоносное шествіе янки на южно-американскомъ рынкѣ и такъ идетъ безостановочно. Но во всякомъ случаѣ аграріи вовсе не намѣрены платить за это, допустить обширную иммиграцію хлопка, шерсти, кожъ, мяса, табаку, пшеницы, маиса отъ своихъ новыхъ союзниковъ; вѣдь это значило-бы «рѣзать изъ ихъ шкуры тѣ ремни, при помощи которыхъ должна быть связана Панамерика». А съ другой стороны, Южная Америка, какъ болѣе слабый партнеръ весьма не довѣряетъ сильному коллегѣ — Соединеннымъ Штатамъ. Не кроется-ли за

планомъ таможеннаго союза другой планъ — замаскированной аннексіи? Не будутъ-ли они проглочены Соединенными Штатами, подобно птичкѣ, остолбенѣвшей отъ упорнаго гипнотизирующаго взгляда змѣи? А къ тому еще рискъ — и для тѣхъ и для другихъ—оборвать всѣ нити съ — и безъ того весьма подозрительно слушавшей ихъ разговоры — Европой, для которой закрывается Америка, вызвать съ ея стороны отпоръ. Не даромъ за панамериканскими конгрессами слѣдовали увѣренія, что ничего тайнаго, кому-либо враждебнаго, не замышляется, что не мечъ выковываютъ американцы противъ Стараго Свѣта, наслѣдниками котораго они гордо считаютъ себя; они хотятъ лишь создать американскую солидарность, которая простиралась-бы такъ же далеко, какъ тройной континентъ. А практическіе планы конгрессовъ сводились къ проектамъ вродѣ сооруженія панамериканской желѣзной дороги отъ Нью-Іорка до Буэносъ-Айреса, кодификаціи международнаго права и созданія общаго бюро американскихъ республикъ. И только.

Но въ активѣ Bosc'a, кромѣ тенденціи къ образованію такихъ обширныхъ таможенныхъ территорій, какъ панбританская и панамериканская — тенденціи весьма слабой, тогда какъ заносить на правую сторону счета слѣдовало-бы лишь дѣйствительныя поступленія, а не сомнительные кредиты,— помимо нихъ оказались еще и такія записи, какъ . . таможенныя территоріи Россіи, Соединенныхъ Штатовъ, и, наконецъ, система средне-европейскихъ торговыхъ договоровъ. Записи по истинѣ замѣчательныя. Россія (тогдашняя, до войны) и Соединенные Штаты въ качествѣ таможенныхъ союзовъ! Или: обыкновенные торговые договоры подъ фирмой таможенныхъ союзовъ! И въ заключеніе совѣтъ Bosc'a, весьма не новый — все та-же умѣренность, надо довольствоваться малымъ, брать то, до чего можно достать, что «лежитъ ниже», мириться съ «частичными таможенными союзами» распространяющимися лишь на одинъ или нѣсколько товаровъ, вродѣ... Брюссельской сахарной конвенціи (см. гл. VII). Такое соглашеніе можно создать и для нѣкоторыхъ другихъ товаровъ, установить, по взаимному соглашенію, кары на «dumping»—отъ такого рода

зачатковъ общаго тарифа, путемъ постепеннаго перехода отъ простого къ болѣе сложному, должно въ концѣ концовъ получиться извѣстное сближеніе; въ такомъ направленіи тѣ, кто до сихъ поръ были на невѣрномъ пути, должны «передумать» планы таможенныхъ союзовъ. Итакъ, отъ карательныхъ пошлинъ противъ сбыта товаровъ по пониженнымъ цѣнамъ, высшаго проявленія аггрессивной политики, прямой путь къ таможенному союзу, идеалу солидаризма! Противоположности сталкиваются! Идея таможеннаго объединенія описала полный кругъ и вернулась къ исходной точкѣ или, вѣрнѣе, выродилась въ нѣчто плоское, нелѣпое, она постепенно изсякла, засохла, вымерла.

На этомъ можно было-бы поставить точку. Но тутъ начался міровой пожаръ. Достаточно было спички, оброненной гдѣ-то въ Босніи, чтобы, попавши на столь обильно разбросанный въ Европѣ горючій матеріалъ, она вызвала огромное пламя, которое, переходя изъ одной страны въ другую, яркимъ заревомъ запылало по всей Европѣ, перебросилось и за океанъ, превративъ весь земной шаръ въ одинъ сплошной костеръ. Война воскресила старыя, одряхлѣвшія идеи къ новой жизни. Другъ противъ друга стояли двѣ коалиціи— германско-австрійско-болгарско-турецкая и русско-англійско-французско-итальянская. Коалиція на полѣ брани — и коалиція въ мирѣ, послѣ войны. Развѣ это невозможно? Надо и впослѣдствіи идти нога въ ногу противъ того-же общаго врага, врага въ экономической жизни, на міровомъ рынкѣ.

Прежде всего Германія и Австро-Венгрія, у которыхъ раньше возникало столько столкновеній и недоразумѣній въ экономической области, сидя въ общихъ окопахъ, почувствовали, что они должны быть братьями и въ мирѣ, какъ и на войнѣ — они признались другъ другу въ братскихъ чувствахъ. Раздался громкій, увѣренный призывной кличъ, подхваченный хоромъ голосовъ въ обоихъ государствахъ; онъ гласилъ: «Центральная Европа».

Но одновременно съ этимъ послышался и изъ другого лагеря лозунгъ экономическаго объединенія союзниковъ — Британіи и ея колоній, Франціи, Италіи, Россіи, а за нимъ вскорѣ послѣдовало приглашеніе на конференцію въ Парижъ, которая

должна была публично объявить всему міру о томъ, что союзъ состоялся, оповѣстить всѣхъ о новыхъ экономическихъ планахъ державъ «Согласія».

Такимъ образомъ, вокругъ идеи таможеннаго сближенія народовъ вновь поднялся шумъ, вновь разгорѣлись страсти— союзъ противъ союза, борьба не на жизнь, а на смерть. Кто побѣдитъ, чьи нервы дольше выдержатъ? Первыми отступили державы Четверного Согласія, «l'Entente», какъ они оффиціально именовались; послѣ того, какъ Россія выбыла изъ строя, единый экономическій фронтъ былъ прорванъ, «согласіе» было нарушено. Возродится-ли оно еще въ какой-либо новой укороченной формѣ, или напротивъ, дополненной Соединенными Штатами или какими-либо иными врагами Германіи— ихъ вѣдь и не перечесть — и что по этому поводу скажутъ британскія колоніи съ никогда не вымиравшимъ, а нынѣ особенно увѣренно провозглашаемымъ панбританскимъ проектомъ, какъ отнесется къ плану Панамерика, — кто можетъ на все это отвѣтить въ настоящее время, когда колесо исторіи такъ быстро вращается? Но во всякомъ случаѣ предложеній много, частью они сплетаются и взаимно перекрещиваются, частью рѣзко противорѣчатъ другъ другу.

Какъ бы то ни было, противная сторона по прежнему бьетъ въ бубны и литавры и призываетъ къ Центральной Европѣ. Но вопросъ далеко не такъ простъ, какъ можетъ показаться на первый взглядъ — упоминаютъ уже и о включеніи Польши, Румыніи, быть можетъ прибалтійскихъ провинцій, о протестахъ со стороны Австро-Венгріи и о многомъ другомъ. А рядомъ со всѣмъ этимъ Брестскій миръ выдвинулъ еще одинъ совершенно новый вопросъ — Русскій или Всероссійсскій, вопросъ о судьбѣ тѣхъ частей, на которыя раздроблена, разрѣзана, разорвана прежняя великая Россія, о членахъ прежде единаго организма. Что съ ними станетъ?

Въ то время, какъ другія государства стараются выйти изъ своей изолированности, расширить рамки своего народнаго хозяйства путемъ таможеннаго сліянія съ новыми территоріями, создать болѣе обширныя территоріальныя единицы,— Россія идетъ въ обратномъ направленіи, ея единое и цѣльное

хозяйство не раздѣляется, а раскалывается, подобно стеклянному сосуду, на части, на мелкія и мельчайшія частицы, отъ него отламывается одинъ кусокъ за другимъ, изъ него выкраиваются новыя хозяйственныя клѣточки, которыя пытаются жить самостоятельной, обособленной жизнью. Рядомъ съ прочими, столь же мудрыми экспериментами, она пытается обратить хозяйственную жизнь вспять, заставить рѣки течь къ своимъ истокамъ, солнце вращаться вокругъ земли.

Осуществились старинныя надежды Карла Маркса, того самаго Маркса, на котораго молится Россія и который не только ненавидѣлъ ее, какъ государство, но и глубоко презиралъ русскій народъ съ его попытками идти «по Марксу». Онъ лелѣялъ мечту общеевропейской войны противъ Россіи и результатъ ея онъ такъ изображалъ въ 1854 году. «Безъ Одессы, Риги и Севастополя, выбитая изъ Финляндіи, когда врагъ подъ Петербургомъ и всѣ русскія гавани и устья русскихъ рѣкъ заперты — что такое Россія? Колоссъ безъ рукъ и безъ глазъ».

Много воды утекло съ тѣхъ поръ, но, наконецъ, шесть десятилѣтій спустя, его желаніе свершилось: «русская опасность» разъ навсегда устранена, «русскій колоссъ» сраженъ Брестскимъ миромъ, который и тутъ является непосредственнымъ и прямымъ отвѣтомъ на наши вожделѣнія покончить съ Германской имперіей, разбить ее на полторы дюжины отдѣльныхъ государствъ, вернуть къ эпохѣ 30-хъ годовъ. Германія и тутъ, какъ и въ области вывозныхъ и привозныхъ пошлинъ, тарифа, наибольшаго благопріятствованія, немедленно дала рѣшительный отвѣтъ — вернула Россію къ XVII вѣку, въ ея до-петровскія границы.

Но тотъ же Брестскій миръ, въ силу котораго политическая карта Россіи внезапно подверглась такой кройкѣ, что «не знаешь чему больше изумляться — искусству заграничныхъ портныхъ или безпросвѣтному невѣжеству отечественныхъ» (М. А. Поліевктовъ въ журн. «Междун. полит.» № 5 стр. 3) — Брестскій миръ, разбившій вдребезги политическую Россію, нисколько не препятствуетъ экономической Россіи вновь слиться, снова спаять разрозненныя части единаго русскаго

хозяйства. Какъ мы видѣли выше (стр. 93) «Германія не заявитъ притязаній на преимущества, которыя Россія предоставитъ другому, связанному съ ней таможеннымъ союзомъ, государству, граничащему или непосредственно съ Россіей, или чрезъ посредство другой, состоящей съ ней въ таможенномъ союзѣ, страны», и то же повторяется въ договорѣ съ Украиной.

Иначе говоря, возможно не только экономическое, и въ частности, таможенное сближеніе частей прежней великой Россіи, «сведенной нынѣ на ступень Великороссіи», но и возстановленіе ея экономической мощи при помощи полнаго таможеннаго союза съ единой таможенной территоріей «отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды», съ общимъ таможеннымъ законодательствомъ и управленіемъ, общими для всей Россіи торговыми договорами, — безъ какихъ-либо особыхъ таможенъ на русско-украинской, русско-польской, русско-прибалтійской и иныхъ, вновь изобрѣтенныхъ, границахъ и рубежахъ.

Конечно, если сейчасъ «отдѣльныя части Россійскаго государства отпадаютъ съ такой же легкостью, съ какой развертываются отдѣльные листы разборной анатомической модели, то это еще не значитъ, что эту модель съ такою же легкостью можно будетъ сложить обратно». (М. А. Поліевктовъ, тамъ же, стр. 16) — хотя бы въ видѣ экономическаго союза, спеціально-таможеннаго союза, «соединенныхъ россійскихъ государствъ». «Самостійные» политики, смѣшивая политическій моментъ съ экономическимъ, слабую политическую связь между всевластнымъ петербургскимъ центромъ и угнетаемыми имъ окраинами съ давно амальгамировавшимся съ основнымъ міромъ въ одно неразрывное цѣлое народнымъ хозяйствомъ новыхъ областей, — говорятъ о «торопливыхъ попыткахъ связать разорванныя исторіей и жизнью нити», изображаютъ окраины, какъ эксплоатируемыя центромъ колоніи. Идею политическаго антагонизма между тѣми и другими ошибочно примѣняютъ и къ экономической сторонѣ вопроса, находя цѣлесообразнымъ веденіе частицами прежней Россіи своей собственной, самостоятельной, соотвѣтствующей потребностямъ каждой, экономической политики.

Но экономическая дѣйствительность не оставляетъ безнаказанными искусственныя попытки идти противъ теченія, создавать новыя эфемерныя хозяйственныя построенія изъ обезсиленныхъ клѣточекъ единаго и цѣльнаго хозяйственнаго организма. Передъ ними дилемма такого рода: или возвращеніе въ лоно матери—Россіи, или включеніе въ новый союзъ Центральной Европы, иначе говоря, поглощеніе болѣе сильнымъ союзникомъ—Германіей.

Польша съ ея давнишнимъ «уклономъ» въ сторону индустріализма, уже съ начала минувшаго вѣка добивавшаяся открытаго русскаго рынка и дѣйствительно своей Лодзью,— «вторымъ Манчестеромъ», успѣшно побивавшая Москву— Польша всѣми фибрами своего хозяйства тѣсно и неразрывно связана съ Россіей, отъ которой ее можно оторвать только силой. Занимая менѣе трехъ процентовъ пространства всей прежней Европейской Россіи (111 тыс. изъ 4,862 милл. квадр. верстъ) и даже по количеству населенія—хотя и густо населенная—составляя всего 9 проц. населенія Имперіи (въ Евр. Россіи), она по всѣмъ отраслямъ обрабатывающей промышленности присвоила себѣ долю, значительно превышающую эту послѣднюю цифру. По даннымъ фабричной инспекціи за 1912 г. общее количество предпріятій Царства Польскаго достигаетъ 17 проц. заведеній Европейской Россіи, а число рабочихъ—14 проц. Имперіи. Въ области же шерстяной промышленности Царство Польское обладало половиной всѣхъ предпріятій и почти двумя пятыми всѣхъ рабочихъ (37 проц.), далѣе одной третью предпріятій въ хлопчатобумажной индустріи, и одной пятой въ такихъ производствахъ, какъ обработка металловъ, изготовленіе машинъ, химическая промышленность и переработка минеральныхъ веществъ. Весь вывозъ тканей, чугуна и желѣзныхъ издѣлій, кожаныхъ предметовъ, пряжи, мебели, бумаги, машинъ, почти весь экспортъ химическихъ продуктовъ—все это идетъ въ Россію. Для польской промышленности, какъ крупной, централизованной въ обширныхъ предпріятіяхъ (металлообрабатывающей, хлопчатобумажной, шерстяной, льняной), такъ и разбросанной по многочисленнымъ мелкимъ мастерскимъ (производство кожаныхъ издѣ-

лій, бѣлья, платья, игрушекъ и т. д.) всегда существовалъ только одинъ путь — въ Россію, другого не было; однихъ хлопчатобумажныхъ и шерстяныхъ тканей Польша отправляла въ 1909—11 г.г. въ Россію на 280 милл. руб. въ годъ, что составляло болѣе половины всего ея вывоза въ Россію и другія страны (549 милл. руб.).

Какъ ни стараются въ настоящее время умалить значеніе этого рынка, ссылаясь на то, что чрезмѣрный вывозъ слишкомъ мало оставлялъ для собственнаго потребленія и что главныя артеріи вели на Украину, Кавказъ и т. д., а не въ глубь новой сокращенной Россіи, выводъ все же остается непоколебимымъ: польская промышленность жила обще-русскимъ рынкомъ и безъ него жить не можетъ. Германіи ея издѣлія не нужны; туда идетъ изъ Польши только сырье; нѣмцы вырабатываютъ тѣ же промышленныя издѣлія дешевле, имѣя на своей сторонѣ всѣ преимущества—болѣе интенсивный трудъ, болѣе высокую технику, болѣе дешевый кредитъ, лучшую организацію фабрично-заводскаго производства. Конечно, кое-чему въ этомъ отношеніи Польша можетъ поучиться у Германіи, заимствовать у нея; она вынуждена будетъ сдѣлать это во имя самосохраненія. Но урокъ все же можетъ кончиться плачевно, ибо мало производить, надо имѣть и рынокъ сбыта, а при отсутствіи его на Западѣ и при конкурренціи на равныхъ съ нѣмцами началахъ на Востокѣ, ясно, на чьей сторонѣ будетъ побѣда. Только тѣ, кто готовъ пожертвовать польской индустріей, обратить Царство Польское вспять къ земледѣльческому періоду, лишь бы не имѣть ничего общаго съ ненавистной Россіей—даже не вывозить туда своихъ товаровъ; только такіе польскіе политики—а, какъ это ни странно, и такая разновидность существуетъ—могутъ ее звать въ объятія Центральной Европы. Но исторія безпощадно караетъ такого рода уродливыя отклоненія отъ нормальнаго хода экономическаго развитія страны.

Три Прибалтійскія провинціи занимаютъ еще меньшую часть территоріи Европейской Россіи – менѣе 2 проц. (81 тыс. изъ 4,8 милл. кв. верстъ) и населеніе ихъ менѣе 2 проц., но число предпріятій обрабатывающей промышленности равно

$4^1/_2\%$, а количество рабочихъ 6 проц. всей Имперіи (Евр. Россіи). Въ такихъ же отрасляхъ, какъ химическая промышленность, остзейская индустрія насчитывала — по даннымъ фабричной инспекціи за 1912 г.—$17{,}5\%$ всего числа рабочихъ Имперіи, въ древообрабатывающей—14,5 проц., въ обработкѣ металловъ и машиностроительномъ производствѣ, какъ и въ выдѣлкѣ бумаги и бумажныхъ издѣлій—10 проц. Что можетъ имъ дать разрывъ—экономическій—съ Россіей и переходъ на сторону Германіи? Что станетъ съ крупными фабриками, вырабатывающими пряжу и ткани, съ металлургическими и механическими заводами, съ обширными предпріятіями по изготовленію бумаги, резины, химическихъ продуктовъ подъ эгидой Германіи?

При всей любви нѣмцевъ къ родственному населенію — экономическая борьба неминуема и она пощады не знаетъ.

Наконецъ остается—last not least — Украина, которая жила всегда наиболѣе тѣсной общей экономической жизнью съ Россіей, съ которой, казалось бы, легче всего было бы найти общій языкъ, если бы въ экономическую проблему не вносились вопросы политическаго централизма и сепаратизма. Только на такой почвѣ и могли взойти такіе плоды, какъ обвиненіе Сѣвера и Центра въ томъ, что они выкачивали изъ Украины съѣстные припасы и сырые матеріалы, убивая ея индустрію своими промышленными издѣліями, что органическое развитіе Украины требуетъ созданія собственной обрабатывающей промышленности. И репликой явились разговоры вродѣ того, что Россія несла жертвы ради Украины—ея посѣвы сокращались, металлургія юга вызвала хроническую болѣзнь Урала.

Точныхъ свѣдѣній о товарообмѣнѣ между Россіей и Украиной нѣтъ — отрицательная сторона отсутствія таможенъ! — и приходится пользоваться суррогатами въ видѣ желѣзнодорожной статистики перевозокъ товаровъ, отправляемыхъ изъ различныхъ губерній въ другія внутреннія губерніи, и изъ тѣхъ же мѣстностей за границу (вывозъ до портовъ, пограничныхъ пунктовъ и въ прямыхъ сообщеніяхъ за границу), какъ и въ обратномъ направленіи, хотя, конечно, далеко не всѣ товары, вывозимые изъ украинскихъ губерній въ велико-

русскія или, наоборотъ, остаются въ ихъ предѣлахъ, многіе идутъ оттуда дальше заграницу, какъ и могли быть получены изъ другихъ государствъ. Во всякомъ случаѣ, судя по этимъ даннымъ, Украина лишь половину вывоза своихъ хлѣбовъ сплавляла на западъ — другой половиной питалась Россія. Соль, картофель, мясо, свиньи, птица, далѣе каменный уголь, желѣзная и марганцевая руда, чугунъ, желѣзо и сталь, — словомъ все то, чѣмъ питается населеніе и что составляетъ пищу для промышленности — топливо и руда — шло изъ Украины и лишь небольшая часть этихъ продуктовъ поглощалась за рубежемъ; настоящій рынокъ ихъ находился внутри страны.

Но еще важнѣе сбытъ сахара, который играетъ въ хозяйственной жизни столицы Украины и многихъ ея губерній ту же роль, какъ руда и уголь въ Донецкомъ бассейнѣ или нефть въ Баку.[1]) Подобно тому, какъ въ Америкѣ царь-хлопокъ, при хорошемъ урожаѣ его все оживаетъ, такъ весь темпъ хозяйственной жизни края опредѣляется состояніемъ посѣвовъ свекловицы и сахарной биржей. Кіевъ существуетъ сахаромъ и вокругъ сахара; послѣдняя сахарная кампанія опредѣляетъ судьбу другихъ отраслей производства, она придаетъ городу веселый, оживленный и жизнерадостный видъ или, напротивъ, повергаетъ его въ унынie и печаль, даже въ трауръ. Куда же идетъ этотъ сахаръ? Вывозъ изъ Украины сахара песку составляетъ 54 милл. пуд., сахара-рафинада 34 милл. пуд. Но весь вывозъ изъ Россіи сахара заграницу не превышалъ 12 милл. пуд. песку и 4,5 милл. пуд. рафинада (С. О. Загорскій въ «Междунар. политикѣ» № 5, стр. 40.) Ясно, что остальные 71 милл. пуд. потребляла Россія — выпивала съ чаемъ, съѣдала въ видѣ варенья, превращала въ шоколадъ и конфекты. На заграницу украинскому сахару расчитывать не прходится.

---

[1]) Изъ 429 сахарныхъ заводовъ всей Европейской Россіи, включая Польшу, въ 1913 — 14 г.г. 127 приходилось на двѣ губерніи — Кіевскую и Подольскую, въ нихъ посѣяно 206 тыс. дес. свекловицы изъ общаго количества 663 тыс. въ Европейской Россіи, собрано 324 тыс. пуд. ихъ 753 тыс. а всего сахарная кампанія 1913 — 14 гг. дала въ этихъ двухъ губерніяхъ 47 милл. пуд. сахара изъ общаго количества 108 тыс. пуд. въ Европейской Россіи. (Отчетъ о дѣятел. правл. всерос. О-ва сахарозав. за 1914 г. таб. I).

Въ обмѣнъ на всѣ эти продукты — не одно только сырье, но и готовыя издѣлія.—Украина въ свою очередь получала изъ Великороссіи и готовые продукты—мануфактуру, стекло, бумагу, деревянные предметы, желѣзные и стальные товары, машины, и сырье — кожу и шкуры, шерсть, жесть и цинкъ, лѣсъ. Гдѣ же тутъ отношеніе между метрополіей и колоніей?

Для Россіи въ узкомъ, увы, очень узкомъ, смыслѣ отпаденіе Украины въ экономическомъ отношеніи означаетъ, конечно, жесточайшую ампутацію — сырья, рынка, путей сообщенія, портовъ. Означаетъ для крупнѣйшей русской отрасли промышленности—хлопчатобумажной съ ея (въ 1912 г.) свыше полумилліонной рабочей арміей (551 тыс. изъ 2,1 мил. рабочихъ обрабатывающей промышленности Европейской Россіи), гдѣ двѣ трети всѣхъ предпріятій (542 изъ 850) и 85 проц. (464 тыс. изъ 551) рабочихъ Европ. Россіи, включая Польшу и Кавказъ, приходилось на Россію въ тѣсномъ смыслѣ. [1]) Но и въ обработкѣ льна, джута и пеньки Великороссія даетъ 70 проц. всего числа предпріятій (185 изъ 258) и 75 проц. рабочихъ (75 тыс. изъ 100 тыс.), въ обработкѣ животныхъ продуктовъ (кожевенное, обувное производство) всего 42 проц. заведеній (419 изъ 803), но также 70 проц. рабочихъ (35,7 тыс. изъ 51,3 тыс,), въ производствѣ бумаги и издѣлій изъ бумажной массы — 55 проц. заведеній и двѣ трети (64 изъ 100 тыс.) рабочихъ, въ древообрабатывающей промышленности—58 проц. заведеній (1354 изъ 2858) и 61 проц. рабочихъ (77 тыс. изъ 124).

Цифры эти вопятъ и протестуютъ противъ отнятія у Великороссіи украинскаго рынка, и крикъ ихъ долженъ еще болѣе усилиться подъ вліяніемъ предстоящей экономической аннексіи Персіи и Дальняго Востока Германіей при помощи свободнаго транзита. Брестскій миръ открылъ вѣдь транзитъ во всѣхъ направленіяхъ, отнявъ у русской мануфактуры, обуви, галантерейныхъ товаровъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ

[1]) По даннымъ хлопковаго комитета, въ 1913 г. изъ 9 милл. прядильныхъ и 752 тыс. крутильныхъ веретенъ въ Имперіи съ Польшей на центральный промышленный районъ вмѣстѣ въ Петербургской губ. падало 7.4 милл. первыхъ или 82 проц. общаго числа и 533 тыс. или 71 проц. вторыхъ.

внѣшнихъ рынковъ, которыми она владѣла. Утверждаютъ, правда, что никакія таможни не опасны московской мануфактурѣ, ибо она болѣе по духу малороссу, чѣмъ иностранная, подбираетъ его любимые сорта и цвѣта, поставляетъ ему разнообразный ассортиментъ, даетъ широкій кредитъ. Но все это хорошо было при 100-проц. охранѣ; приспособляемость къ нуждамъ и привычкамъ малорусскихъ крестьянъ и продолжительные кредиты составляли тогда извѣстный придатокъ на ея сторонѣ; съ потерей же главнаго козыря они одни могутъ оказаться совершенно безсильными и положеніе можетъ круто повернуться.

Результатъ получится очень простой: освобожденіе украинской промышленности отъ русской конкурренціи и захватъ той же Украины германской промышленностью — замѣна едва ли выгодная для нея. Тогда, очевидно, не о воспитаніи украинской промышленности надо будетъ говорить, а о чемъ то совершенно иномъ; тогда придется поставить крестъ и на томъ, что есть, написать на промышленности: оставьте всякую надежду. Да иначе это и не можетъ быть — оторвавшись отъ Россіи, отъ крупной таможенной территоріи, отъ обширнаго хозяйственнаго организма, Украина должна подпасть подъ экономическій гнетъ Германіи. Самостоятельное хозяйственное существованіе въ эпоху образованія великихъ «государствъ-синдикатовъ», для такихъ, къ тому же односторонне развитыхъ территорій немыслимо. Еще менѣе возможенъ третій путь — отгородиться и отъ Россіи и отъ Германіи одновременно, если послѣднее вообще окажется мыслимымъ (Брестскій миръ!). Вѣдь это означало бы нарожденіе самаго рѣзкаго протекціонизма новой формаціи, протекціонизма низшаго типа, въ видѣ отрыванія кусковъ отъ цѣлаго и окруженья ихъ китайской стѣной, созданья искусственной атмосферы для взращенія въ данномъ районѣ новыхъ отраслей производства, было бы до крайности непроизводительной затратой труда и капитала, когда тутъ же рядомъ у сосѣда, котораго отдѣляетъ лишь вновь возведенное загражденіе, все это давно имѣется и можетъ быть получено гораздо дешевле и лучше, какъ получалось еще вчера.

Для такого рода протекціонизма нѣтъ даже того оправданія, которое могъ привести въ свою пользу усиленный обще-русскій протекціонизмъ минувшихъ десятилѣтій, смягчаемый размахомъ хозяйственной жизни и широкимъ раздѣленіемъ труда на обширной восточной равнинѣ, отъ дальняго сѣвера съ его угрюмымъ климатомъ и бѣдной растительностью, чахлымъ кустарникомъ, чередующимся съ мхомъ и низкорослой елью, минуя богатую панораму всевозможныхъ поясовъ, мѣняющихся ландшафтовъ, вплоть до обильнаго красками яркаго юга съ его виноградниками и табачными плантаціями и субтропическаго Кавказа съ хлопковыми, тутовыми и рисовыми насажденіями. Кооперація различныхъ климатовъ и почвъ, навыковъ и способностей, оживленный обмѣнъ, разливающійся во всѣ стороны, тысячи рукъ, работающихъ другъ для друга, жизнь, бьющая ключомъ, находящаяся въ постоянномъ движеніи.

И вдругъ занавѣсъ падаетъ — новая картина: та же Россія спустя нѣсколько—всего нѣсколько — лѣтъ, но уже въ сокращенномъ, укороченномъ видѣ Великороссіи. Декораціи совершенно иныя. Море исчезло, нѣтъ дуновенія свѣжаго морского вѣтра, нѣтъ морского простора, чисто-континентальная страна, отрѣзанная отъ всякихъ морскихъ путей, отъ мірового рынка, съ перерѣзанными на части артеріями— желѣзнодорожными и рѣчными линіями, этими проводниками экономическаго общенія между различными частями территоріи. А въ связи съ декораціями измѣнилось и дѣйствіе въ этой трагедіи или, вѣрнѣе, дѣйствія вовсе нѣтъ, — все замерло, заснуло, жизнь зачахла, производство завяло, заросло полынью. На кого въ самомъ дѣлѣ работать новой Россіи? Какъ получить сырье и съѣстные припасы, когда рынки закрыты? Бѣдная страна, безъ собственнаго хлѣба, но и безъ той промышленности, которая легко и быстро добываетъ хлѣбъ изъ другихъ мѣстъ. Нѣчто вродѣ современной Испаніи, растерявшей съ начала минувшаго вѣка свои многочисленныя, когда то обнимавшія цѣлый континентъ, колоніи. Но тамъ это было колоніи, слабо связанныя съ метрополіей—созрѣвъ, онѣ должны были, какъ зрѣлый плодъ, упасть съ дерева, зажить своей

жизнью. Здѣсь же куски, вырванные изъ живого тѣла, вырѣзанные изъ него.

Ближе сравненіе съ больной Турціей, постепенно выгнанной изъ Европы; изъ ея организма путемъ различныхъ сочетаній выкроены были новыя государства, образовавшія самостоятельныя, хотя и слабыя, хозяйственныя единицы. Но все же это былъ процессъ неминуемый, вызванный азіатскимъ хозяйственнымъ укладомъ Блистательной Порты, блиставшей отсутствіемъ всякой промышленности, гордившейся и земельнымъ строемъ и налогами, которые восходятъ чуть ли не ко временамъ Пророка, затыкавшей окно въ Европу такъ, чтобы никакіе лучи свѣта не могли проникнуть. Тогда какъ Россія все же постепенно пріобщалась къ западной культурѣ, старалась организовать по ея образу и подобію свое хозяйство, насадить свою индустрію. Неужели же всѣ усилія, всѣ жертвы, всѣ затраты народныхъ денегъ на русскую промышленность окажутся напрасными, страна однимъ ударомъ будетъ возвращена къ временамъ XVII ст., къ рубежу 1686 года? Вернуться къ нему это вѣдь не то, что быть въ свое время хозяйственной единицей въ такихъ предѣлахъ, это нѣчто совсѣмъ иное для нея и для другихъ частей Имперіи — «нельзя вычеркнуть изъ исторіи народовъ двухъ вѣковъ совмѣстной жизни».

Въ данную минуту сведенная въ узкіе предѣлы Россія лежитъ обезсиленная, ослабѣвшая, въ ней лишь чуть теплится искра жизни, и оторванные отъ нея члены покидаютъ ее на произволъ судьбы — что имъ ожидать отъ нея сегодня? Имъ нуженъ теперь не рынокъ, а товары для ихъ рынка. Но Россія столь же плохой покупатель-банкротъ, какъ и продавецъ, она ничего не производитъ, ничего не имѣетъ. Они идутъ къ тому, кто теперь силенъ, у кого они надѣются получить нужное, къ тому, на кого можно разсчитывать. Но за столь бурнымъ настоящимъ они забыли о прошломъ, не думаютъ и о будущемъ. А между тѣмъ вчерашній день далъ хотя бы той же Украинѣ торговые договоры съ наибольшимъ благопріятствованіемъ для ея хлѣба и сырья, съ пониженными пошлинами на тѣ же продукты для нея же, за что платила

Великороссія, жертвовала своей промышленностью. Правда, въ результатѣ, быть можетъ, эти уступки оказались для послѣдней во многомъ выгодными, ибо ставки общаго тарифа были чрезмѣрны, но далеко не во всемъ (германскій договоръ 1904 г.!) и во всякомъ случаѣ тогда они считались тяжелыми жертвами. А завтрашній день будетъ означать снова жестокую борьбу за рынки, и отъ Украины и другихъ территорій прежней Россіи будетъ зависѣть, получить ли ихъ внутри страны. Заграницей ея сахаръ всегда находилъ мало сбыта, терпѣлъ много обидъ (Брюссельская конвенція, см. гл. VII), да и хлѣбъ сильно страдалъ отъ заокеанской конкурренціи, а въ случаѣ объединенія Британіи и колоній, ему придется еще гораздо хуже — всѣ преимущества будутъ на сторонѣ колоній. Отъ ближайшихъ сосѣдей Великороссіи, повторяемъ, будетъ зависѣть, сдѣлать ли ее платежеспособнымъ покупателемъ своихъ продуктовъ и товаровъ, или же обратить ее въ бѣдняка, на карманъ котораго не приходится разсчитывать.

Хотѣлось бы вѣрить въ слова Naumann'а, что «Россія способна выдержать многое, весьма многое — объ этомъ свидѣтельствуетъ война — даже революціонныя движенія могутъ лишь временно задержать ея мощь и нарушить ходъ хозяйственной машины, но вовсе не означаютъ ея гибели—таковъ ужъ характеръ этого сверхнаціональнаго синдиката народовъ».

Хотѣлось бы надѣяться, что намъ не придется продѣлывать печальный опытъ изолированія въ то самое время, когда со всѣхъ сторонъ образуются великія и обширныя хозяйственныя единицы, и не придется ждать своего Фридриха Листа, призывающаго къ единенію силъ и къ борьбѣ сомкнутыми рядами. Разница, впрочемъ, та, что Листъ, ставя въ примѣръ другія сосѣднія страны, которыя уже успѣли пройти весь путь хозяйственнаго объединенія, звалъ и Германію взойти на высшую, послѣднюю ступень, образовать изъ многочисленныхъ хозяйственныхъ единицъ, отдѣльныхъ государствъ, новую обширную таможенную и хозяйственную территорію, тогда какъ намъ, въ свое время продѣлавшимъ весь этотъ процессъ, придется повторять его въ новыхъ, гораздо болѣе тяжелыхъ

и сложныхъ, условіяхъ, собирать землю русскую вторично, создавать новый сосудъ изъ черепковъ стараго, намѣренно въ свое время разбитаго. Весь вопросъ въ томъ, соединятся-ли они снова, по крайней мѣрѣ, въ экономическомъ отношеніи, какъ только производительный трудъ, личная иниціатива и частный капиталъ, заглохшіе и забитые во время войны и послѣ нея, снова воспрянутъ на всемъ протяженіи восточной Европы и опять будутъ оплодотворять промышленную жизнь? Найдется-ли та чудодѣйственная вода здраваго смысла и пониманія собственныхъ выгодъ, которая окропитъ члены этого хозяйственнаго тѣла, дастъ имъ возможность вновь слиться, вновь вдохнетъ въ эти мертвыя части живую жизнь? Или же имъ предварительно придется пройти тяжелыя испытанія безплодныхъ исканій и безрезультатныхъ попытокъ, годы разрушенныхъ надеждъ и жестокихъ разочарованій, быть можетъ, чужеземнаго экономическаго гнета и порабощенія?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Германско-австро-венгерскій таможенный союзъ. („Центральная Европа“).

Старые проекты — Gaertner. Der Kampf um den Zollverein zwischen Oesterreich und Preussen. 1911. **Friedjung.** Oesterreichisch-deutsche Zollunionspläne 1849 — 1853. (Oesterr. Rundschau. 1910). **Mamroth.** Die Entwickelung der oesterreichisch—deutshen Handelsbeziehungen. 1887. **Philippowich.** Ein Wirtschafts-und Zollverband zwischen Deutschland und Oesterreich — Ungarn. 1914. Болѣе поздніе попытки — см. указ. въ гл. III соч. Wolf (Materialien), Matlekowits, Bosc, Francke, Battaglia и др.

Новѣйшія предположенія (во время войны). **Naumann.** Mitteleurora. 1915. (Есть рус. пер. «Срединная Европа». Подъ ред. бар. Б. Э. Нольде 1918). **Battaglia.** Ein Zoll-und Wirtichaftsbündnis zwischen Oesterreich-Ungarn und Deutschland (Geschichte, Konstruktion, Einwendungen). 1917. Die wirtschaftliche Annäherung zwischen dem Deutschen Reiche und seinen Verbündeten. 1916 (Schriften des Vereins für Socialpolitik. B. 155). **Philippowich.** Ein Wirtschafts-und Zollverband zwischen Deutschland und Oesterreich-Ungarn. 1914. **Kautsky.** Die Vereinigten Staaten Mitteleuropas. 1916. **Wolf.** Ein deutsch-oesterreichischer Zollverband. 1915. **Szterenyi.** Wirtschaftliche Ver bindung Oestsrreich-Ungarns mit Deutschland. 1915. **Pistor.** Die Volkswirtschaft Oesterreich-Ungarns und die Verständigung mit Deutschland. 1915. **Jastrow.** Die mitteleuropäische Zollannäherung uud die Meistbegünstigung. 1915. **Diehl** Zur Frage eines Zollbündnisses zwischen Deutschland und Oesterreich-Ungarn. 1914. **Horstmann**, Handelsverträge und Meistbegünstigung. 1916. **Palyi.** Deutschland und Ungarn. 1914). **Gothein** Deutschlands Handel nach dem Kriege. 1916.

Stolper. Deutsch-oesterreichisch-ungarischer Wirtschaftsbund (Archiv für Sozialwiss. und Sozialpol. B. 43. 1916. № 1). **Roghé.** Das deutscho-esterreichisch-ungarische Wirtshaftsbündnis. (Preussische Jahrbücher. 1917. B. 167. № 3). **Keller.** Ein deutsch-oesterreichisch-ungarischer Zollverein? Seine Voraussetzungen und Aussichten. (Schmollers Iahrbuch. 1915. № 2). **Dub.** Nochmals zur Frage der Zollunion. (Тамъ же, № 3). **Schmoller.** Die Handels-und Zollannäherung Mitteleuropas (Тамъ-же. 1916. № 3). **Herkner** Die Zukunft des deutschen Aussenhandels. (Тамъ же) **Müller.** Zur Frage einer Zollunion der Zentralmächte (Zeitschr. für Socialwiss. 1915. № 5). **Hofrichter.** Der deutsch-oesterreichische Zollverein. (Neue Zeit. Jahrg. 3. 1915. № 1, 2, 31). **Schippel.** Zollvereinspläne und Friedensziele. (Sozialistische Monatshefte. 21. Jahrg. B. I. 1915. № 6). Его же. Uebertriebene Meistbegünstigungssorgen. (Тамъ же, 1916. 22 Jahrg. B. 1. № 1). Его же. Mitteleuropa und Partei. (Тамъ же, 1916. 22 Jahrg. B. II. № 10—11). Deutsch-oesterreichischungarische Wirtschaftsbeziehungen. (Nord und Süd. Jahrg. 40. 1915). **Hoschiller.** L'union de l' Europe centrale. (Revue de Paris. 1916. № 68). **В. ф. Гефдингъ.** Таможенное объединеніе центральныхъ Имперій и интересы Россіи. (Промышленность и Торговля. 1916. № 15). **Майскій.** Средняя Европа. (Русское Богатство. 1916. № 5).

I.

Мы стоимъ — говоритъ Friedrich Naumann (р. 164 и сл.)— на порогѣ новой эпохи — государства группируются вокругъ немногихъ пунктовъ. Вмѣсто отдѣльныхъ небольшихъ государствъ съ самостоятельными задачами и цѣлями образуются немногія крупныя единицы. Суверенитетъ, составлявшій прежде весьма распространенное явленіе, скопляется въ немногихъ мѣстахъ; только въ этихъ центрахъ міра дѣйствительно властвуютъ, ведутъ народы, распоряжаются ихъ судьбами. Всѣ остальные народы являются планетами, вращающимися вокругъ того или другого солнца, его спутниками: они живутъ своей жизнью, имѣютъ собственное лѣто и собственную зиму, имѣютъ свою культуру, свои заботы и свои радости, но въ исторіи человѣчества они уже не слѣдуютъ собственнымъ законамъ, а являются лишь дополненіемъ и усиленіемъ тѣхъ руководящихъ группъ, къ которымъ они принадлежатъ. Такъ Соединенные Штаты стараются постепенно прикрѣпить къ себѣ всѣ государства Сѣверной и Южной Америки, но цѣль — не поглотить ихъ, а руководить ими. Инымъ путемъ Россія собрала вокругъ себя массу народностей—отъ финновъ до тунгусовъ, Великобританія окружила себя австралійцами, индусами, египтянами и многими другими, а теперь старается ввести въ свое вращеніе даже Францію и Италію, хотя они, въ силу прошлаго величія и ссылаясь на свои заслуги, не желаютъ отказаться отъ своего положенія въ качествѣ самостоятельныхъ центровъ. А за предѣлами этихъ государствъ—спутниковъ планетъ имѣется еще много матеріи, не организованной въ государственномъ отношеніи, астероиды или кометы, именующіеся обычно нейтральными, ибо они не принадлежатъ ни къ какому солнцу. Это весьма старыя образованія, по возрасту старше побѣдоносныхъ сверхнаціональныхъ государствъ—синдикатовъ, это — среднее сословіе въ семьѣ государствъ. Но рано или поздно каждый изъ нихъ долженъ обратиться въ спутника планетъ, ибо среди объединенныхъ великихъ суверенитетовъ огромнаго вѣса немыслимо удержать въ теченіе столѣтій мелкое владычество. Какъ въ области промышлен-

ныхъ синдикатовъ, они могутъ присоединиться къ тому или иному центру, комбинаціи мѣняются, но самый принципъ не умираетъ. Новая техника пара и электричества не можетъ работать съ рудиментарными государствами, государствами въ зачаточной формѣ, возникшими еще подъ вліяніемъ прежнихъ, нынѣ устарѣлыхъ, формъ мірового обмѣна.

Есть три великихъ міровыхъ государства — каждое изъ нихъ «произведеніе искусства, рискъ, ежедневно повторяющійся опытъ»; ихъ создаютъ дѣла великихъ людей и воля широкихъ массъ, создаютъ не на основаніи опредѣленныхъ формулъ, а путемъ многообразныхъ комбинацій, одновременной работы многочисленныхъ органовъ, сдерживающихъ непокорные элементы. Такова многоплеменная, но крѣпко скроенная Россія, таково англійское владычество, гдѣ тонкія нити, хорошо прилаженныя, все-же оказываются крѣпкими — сдерживаютъ разбросанныя по всему міру частицы, такова, наконецъ, американская республика, гдѣ государство превращено въ расчетную палату разнообразныхъ интересовъ, гдѣ нѣтъ государственной мистики, гдѣ всѣ боги имѣютъ человѣческій образъ, гдѣ партіи становятся предпріятіями — вѣдь океанъ американецъ оставилъ за собой, ему нужны точныя, прозрачныя формулы.

Къ этимъ тремъ сверхгосударственнымъ образованіямъ должно присоединиться четвертое — Центральная Европа, посрединѣ между Россіей и Англіей. Для Германіи другого исхода нѣтъ — либо стать трабантомъ одного изъ крупныхъ объединеній человѣческихъ массъ, либо образовать самостоятельную единицу. Третье невозможно, такова судьба, таковъ категорическій императивъ развитія человѣчества. Германіи придется своимъ добрымъ именемъ прикрывать дурное россійское хозяйство, улучшать своей техникой и своими капиталами русскую землю, или-же ей придется стать младшимъ участникомъ англійской торговой фирмы. Единственный исходъ — стать самой центромъ новаго обширнаго организма, соорудить его изъ лежащей вокругъ нея уже сформировавшейся, неоднократно использованной массы.

Кого-же пригласить въ качествѣ участниковъ? Въ чьи двери постучать? Фантазія легко разыгрывается, рисуетъ намъ соединенные штаты Европы — но прежде всего необходимо соединеніе двухъ центральныхъ имперій, германской и австро-венгерской, а затѣмъ уже можно обращаться съ запросомъ къ прочимъ. Если первая попытка не удастся, то нечего вообще безпокоить другихъ; если-же дѣло будетъ сдѣлано, то съ остальными участниками можно уже разговаривать съ цифрами и опредѣленными цѣнностями въ рукахъ.

Какимъ-же путемъ образуется Центральная Европа или, во всякомъ случаѣ, первый актъ этой драмы, разыгрываемый пока только между Германіей и Австро-Венгріей? Центръ тяжести въ таможенной области, хотя этого одного недостаточно; нужны дополнительные параграфы, унификація въ желѣзнодорожной, податной, валютной политикѣ, въ области права и управленія. Таможники на австро-германской границѣ могутъ исчезнуть, если предварительно или одновременно или, въ крайнемъ случаѣ, вскорѣ послѣ этого исчезнутъ и прочія, по крайней мѣрѣ, наиболѣе рѣзкія, различія: таможенное сближеніе сослужитъ австрійцу и венгерцу службу «только въ томъ случаѣ, если оно будетъ нѣчто гораздо большее, чѣмъ таможенное сближеніе». (Naumann. p. 199).

Такъ говорятъ оптимисты, увѣровавшіе въ союзъ и его благодѣтельность — Naumann, Julius Wolf, Kobatsch, Philippowich, Battaglia, Pistor, Schilder. Но есть и гораздо болѣе осторожные и сдержанные авторы, по словамъ которыхъ дѣло вовсе не такъ просто, какъ кажется, нужно много, весьма много усилій; но бороться все-таки надо, смѣлость города беретъ. Такова точка зрѣнія Schmoller'a, Keller'a, въ значительной мѣрѣ Herkner'a, Stolper'a, Szterenyi, Dub'a. Наконецъ, имѣются и скептики, все отрицающіе и не признающіе спасительныхъ результатовъ союза — Gothein, Jastrow, Diehl, Horstmann, Eulenburg, Roghé. Воспользовавшись соображеніями и доводами тѣхъ и другихъ и третьихъ, доказательствами pro и contra, попытаемся разобраться въ вопросѣ.

Исходная точка слѣдующая. Каждая изъ двухъ монархій— Германія и Австро-Венгрія — нуждается въ расширеніи рынка; это дало-бы возможность поставить сельское хозяйство, промышленность, торговлю, транспортъ на болѣе прочныя, болѣе раціональныя, болѣе выгодныя основанія. Нужно раздвинуть собственныя границы, они стали въ экономическомъ отношеніи слишкомъ узкими. Тѣмъ болѣе нужно, что враги (прежде всего англичане) грозятъ эти монархіи отрѣзать отъ прочаго міра, угрожаютъ имъ экономической смертью. Какая-же страна, находящаяся за собственными предѣлами, ближе каждой изъ нихъ, чѣмъ государство вѣрнаго союзника? Слѣдовательно, устранимъ препятствія, мѣщающія взаимному обмѣну.

Мысль, весьма подкупающая, въ особенности того, кто является принципіальнымъ сторонникомъ раціональнаго раздѣленія труда между странами при помощи оживленнаго мірового обмѣна. Но что получится въ этомъ случаѣ, какой будетъ результатъ, если трезво проанализировать существующія условія? Проведемъ прежде всего параллель между Германіей и Австро-Венгріей, чтобы выяснить вопросъ, возможно-ли перебросить мостъ между ними.

На изученіе этого вопроса потрачено и до войны и во время войны много времени и труда. Но результатъ получился одинъ. Крайняя отсталость Австро-Венгріи, по сравненію съ Германіей, выводъ, къ которому приходятъ изслѣдователи безъ различія направленій, въ равной мѣрѣ и противники, и сторонники Центральной Европы [1]). Цифры слишкомъ убѣдительны, слишкомъ сильны, избѣжать ихъ дѣйствія невозможно. Мало того, приходится сознаться въ гораздо большемъ — въ томъ, что Австро-Венгрія изъ года въ годъ все болѣе и болѣе отстаетъ отъ Германіи, прочихъ

[1]) См. цифры и факты у Pistor. Die Volkswirtschaft Oesterreich-Ungarns und die Verständigung mit Deutschland. 1915. Szterenyi. Wirtschaftliche Verbindung mit Deutschland. 1915. Hertz. Die Schwierigkeiten der industriellen Produktion in Oesterreich (Zeitschrift für Volkswirtschaft, Socialpolitik und Verwaltung. 1910). Schüller. Die Handelspoltik und Handelsbilanz Oesterreich-Ungarns. (Тамъ-же. 1912). Szterenyi. Die ungarische Industriepolitik. (Тамъ-же. 1913), а также указ. выше сочиненія Battaglia, Keller, Philippovich, кромѣ того Kobatsch въ Schriften des Vereins für Socialpol. B. 155.

западно-европейскихъ странъ и Америки, что разстояніе, ихъ отдѣляющее, увеличивается, что это гонитъ населеніе въ большомъ количествѣ за предѣлы страны, за океанъ, что несмотря на такую потерю крови, на такое перенесеніе все большей и большей части австрійской территоріи въ другія мѣста, жизнь прочаго населенія остается на томъ-же неподвижномъ низкомъ уровнѣ, просторъ, оставляемый ушедшими, не достаточенъ для того, чтобы остальные могли подняться до состоянія европейскаго Запада и Америки.

Австро-Венгрія находится въ настоящее время на томъ промышленномъ уровнѣ, который Германія занимала ровно тридцать пять лѣтъ тому назадъ — въ 1878 году. Эта дистанція подтверждается слѣдующими цифрами: на душу населенія приходилось въ Австріи въ 1912 г. — въ килограммахъ — каменнаго угля 1104, чугуна 53, хлопка 4,35; въ Германіи въ 1878 г. каменнаго угля 1170, чугуна 50, хлопка 3,5, тогда какъ въ Германіи въ 1912 г. — каменнаго угля 3650, чугуна 253, хлопка 7,56. Тѣ-же выводы получаются при сравненіи урожаевъ на гектаръ въ Германіи и Австро-Венгріи прежде и теперь.

Статистика за 1910 г., сопоставляющая германскую и австрійскую промышленность по группамъ и выясняющая процентъ населенія по каждой отрасли, даетъ только текстильной и кожевенной промышленности плюсъ на сторонѣ Австріи (Германія 1,73, Австрія 2,04 въ первой и 0,25 и 0,90 во второй), тогда какъ во всѣхъ прочихъ двѣнадцати областяхъ Германія идетъ далеко впереди, нерѣдко съ крупнымъ (вдвое и болѣе) превышеніемъ надъ Австріей (горная и металлургическая промышленность въ Германіи 3,21, въ Австріи всего 1,37, строительная 2,34 и 1,05, химическая 0,82 и 0,37, бумажная 0,76 и 0,39). Даже въ обработкѣ дерева и въ производствахъ керамическомъ и бѣлья и платья—весьма развитыхъ въ Австріи—Германія стоитъ выше (Германія 1,69, Австрія 1,27 въ первой, 0,95 и 0,69 во второй, 1,80 и 1,16 въ третьей). А въ Венгріи, по статистикѣ производствъ 1906 г., 40 проц. всего производства доставляютъ мельницы, сахарные заводы, лѣсопильни и винокурни—вся крупная про-

мышленность ея является какъ бы придаткомъ къ земледѣлію и лѣсному хозяйству.

Такова промышленность. А въ области внѣшней торговли? Германія со своими $24^1/_2$ милліардами кронъ (спеціальная торговля за 1913 г.) занимаетъ на міровомъ рынкѣ второе мѣсто, шествуя непосредственно за Великобританіей (31,4 милл. кр.) и оставляя позади даже заокеанскую республику (21,2 милл. кр.). Австро-Венгрія, хотя населеніе ея немногимъ меньше, чѣмъ Германіи—даетъ въ $3^1/_2$ раза меньше: 7,2 милліардовъ, идетъ въ хвостѣ, пропуская передъ собой даже Францію, Бельгію, Россію. Внѣшняя торговля Германіи несется галопомъ: съ 1907 по 1913 г. она возросла на 81 проц.; въ Австро-Венгріи она плетется черепашьимъ шагомъ—увеличеніе всего на 49 проц. Германское населеніе — торговое, коммерческое, живущее внѣшнимъ рынкомъ: на душу населенія приходится 337 мар. оборотовъ; австрійцы стоятъ далеко отъ мірового обмѣна, торгуютъ мало и вяло—ихъ обороты всего 106 мар. на жителя. Они столь медленно двигаются, что другіе оттѣсняютъ ихъ все дальше и дальше—въ 1900 г. имъ принадлежало еще 3,6 проц. мірового обмѣна, а въ 1913 г. пришлось довольствоваться 3,2 проц. Германскій вывозъ за это время увеличился болѣе, чѣмъ вдвое (110 проц) — это типичная страна экспорта; австрійскій не добрался даже до повышенія вполтора раза (всего 40 проц.) — экспортъ для Австріи почти не существуетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что экспортируетъ Австрія? Сахаръ, лѣсъ, яйца, кожи, каменный уголь — въ 1913 г. на 646 милл; все это почти исключительно сырье. Промышленность даже въ лицѣ наиболѣе важныхъ для двуединой монархіи отраслей даетъ ничтожныя цифры — на первомъ мѣстѣ кожевенная на $50^1/_2$ милл., затѣмъ стекольная—38 милл, металлическія издѣлія — 28, керамическія—23, бумага—22, мебель—18 милл; итого 180 милл. Импортъ и экспортъ готовыхъ продуктовъ (фабрикатовъ) въ Австро-Венгріи почти совпадаетъ (экспортъ болѣе на 67 милліоновъ), въ Германіи разница огромная—болѣе, чѣмъ на четыре милліарда. Экспортъ фабрикатовъ въ Австріи равенъ

одной трети всего вывоза, въ Германіи вдвое больше—двѣ трети.

Въ австро-германскомъ торговомъ обмѣнѣ держатся крѣпко лишь австрійскій керосинъ, нѣкоторыя отрасли австрійской промышленности—стекольной, льняной и готоваго платья и, далѣе, производство солода, пива и вина, т. е. весьма немногіе виды промышленныхъ издѣлій. Только имъ обезпеченъ сбытъ, въ силу богатства лѣсовъ, обильныхъ нефтяныхъ источниковъ Галиціи, высокаго качества ячменя (солодовая, пивоваренная промышленность), т. е. благодаря естественнымъ условіямъ, количеству и качеству сырья. Льняныя же и стекольныя издѣлія — чуть ли не единственные представители австрійской промышленности въ тѣсномъ смыслѣ слова — завоевали германскій рынокъ своимъ изяществомъ и вкусомъ. Зато безконеченъ реестръ германскихъ промышленныхъ издѣлій, широкой волной вливающихся въ Дунайскую монархію: все это весьма почтенныя названія, сопровождающіяся внушительными цифрами. Массовыя произведенія машиностроительной, металлургической и текстильной индустріи, далѣе, товары изъ кожи, бумаги, каучука, благородныхъ и неблагородныхъ металловъ, соломы, дерева, камня, обработанные мѣха, вкусовыя вещества, химическіе продукты, инструменты, часы и многое, многое другое — нѣсть имъ числа.

Характерно, что даже издѣлія такихъ отраслей промышленности, которыми Австрія не безъ основанія гордится и славится и которыя на міровомъ рынкѣ встрѣчаютъ любезный пріемъ,— мебель, кожевенные товары, фарфоръ и фаянсъ, металлическіе предметы, даже эти товары, когда дѣло доходитъ до Германіи, стоятъ передъ запертыми дверьми, получаютъ на свои предложенія лаконическій отвѣтъ — не нуждаемся. Мало того, германскіе товары побиваютъ ихъ въ ихъ собственномъ домѣ — вторгаются, несмотря на всѣ таможенныя преграды, въ предѣлы Австріи и здѣсь успѣшно конкурируютъ съ ними. Во всѣхъ этихъ отрасляхъ обнаруживается, правда, съ 1913 г. превышеніе вообще вывоза надъ привозомъ, хотя оно и значительно меньше, чѣмъ было шесть лѣтъ тому назадъ, въ 1907 году; въ обмѣнѣ же съ Германіей повсюду наблюдается пассивъ на

сторонѣ Австріи — привозъ изъ Германіи больше, чѣмъ вывозъ туда. Отчасти такое положеніе получилось лишь недавно — еще 6 лѣтъ тому назадъ обмѣнъ имѣлъ активный характеръ, отчасти за эти годы произошло лишь усиленіе уже ранѣе господствовавшей конкуренціи нѣмецкихъ товаровъ.

Конечно, гнутая мебель составляетъ спеціальность Австріи, и нѣмцы покупаютъ ее, въ Австрію же не ввозятъ; но другіе виды мебели, столярныя, токарныя, рѣзныя и т. п. издѣлія проникаютъ изъ Германіи быстро растущимъ темпомъ. Стеклянная промышленность Габлонца, производство шляпъ, перчатокъ и нѣкоторыхъ видовъ галантерейныхъ и модныхъ товаровъ, бѣлья и т. д. не боятся нѣмецкихъ соперниковъ; но нѣмецкія обработанныя кожи — изъ австрійскаго сырья, и нѣмецкая обувь присвоили себѣ австрійскихъ покупателей—и догоняютъ австрійцевъ и на міровомъ рынкѣ. Нѣмецкое производство фарфора — изъ австрійской глины (каолина) и австрійскаго угля (лигнита)—обгоняетъ австрійское. Въ состояніи болѣзни находится шелковая промышленность и многія отрасли льняной. Привозъ электрическихъ принадлежностей и импортъ машинъ изъ Германіи всего за 6 лѣтъ возросъ на 75 — 100 проц.; высокій таможенный барьеръ не въ силахъ былъ преградить имъ путь. Еще меньше помогли воздвигнутыя на границѣ укрѣпленія австрійской химической промышленности; пошлины установлены высокія, они взимаются (исключеніе въ австрійскомъ тарифѣ) въ процентахъ съ цѣны — все не помогло; химическая промышленность Австріи не заслуживаетъ даже упоминанія, производство искусственныхъ красокъ, кромѣ ализариновыхъ, и вовсе прекратилось.

Таковъ печальный балансъ австрійской промышленности и торговаго обмѣна Австро-Венгріи вообще и съ ея сосѣдкой — Германіей въ частности. Что же способенъ дать ей таможенный союзъ или таможенное сближеніе? Австро-Венгрія можетъ, конечно, замѣнить въ Германіи русскій лѣсъ и русскія яйца своими продуктами, производимыми въ избыткѣ, — австрійцы надѣются, что, оправившись послѣ русскаго нашествія, галиційскія куры снова будутъ нестись. Хотя Австро-Венгрія и перестала быть житницей Европы, но все же, за

покрытіемъ потребности Австріи въ зернѣ и мукѣ, какъ и въ скотѣ и мясѣ, овощахъ, солодѣ и кожахъ, Венгрія еще располагаетъ продуктами, которые Германія до сихъ поръ получала лишь отчасти, но которыми могла бы воспользоваться въ гораздо большихъ размѣрахъ, если бы не ея высокія пошлины на хлѣбъ, не стѣсненія привоза скота и т. д. Если же — на это надѣются — сельское хозяйство Соединенной монархіи выйдетъ изъ своего состоянія апатіи, то открытіе нѣмецкой границы явится для него прямымъ благодѣяніемъ, источникомъ огромныхъ богатствъ. Отсталость и тутъ огромная: гектаръ пшеницы даетъ въ Германіи (1913 г.) 23,6 килогр., въ Австро-Венгріи — 13,4 (Австрія) и 12,8 (Венгрія), ржи — въ Германіи 19,1, въ Австро-Венгріи — 13,8 и 11,9, ячменя—въ Германіи—22,2, въ Австро-Венгріи—16, и 14,4. Въ Венгріи вѣдь насчитывается всего 52 сельскохозяйственныя школы съ 1400 учениками, а зимой нѣтъ ни одного земледѣльческаго училища. (Gotheiп. p. 88). Какъ много можно тутъ еще сдѣлать въ смыслѣ производства и экспорта!

Но все это сельское хозяйство. Можетъ-ли промышленность Австро-Венгріи расчитывать на германскій рынокъ? Германія составляетъ основу ея экспорта — 44 проц. всего австрійскаго вывоза идетъ въ Германію, но шесть лѣтъ тому назадъ туда направлялось почти $^2/_3$ всего вывоза (60 проц.), да и абсолютно вывозъ изъ Австро-Венгріи въ Германію выросъ всего на 9 проц., въ обратномъ-же направленіи вполтора раза (48 проц.). Готовые продукты не превышаютъ одной пятой среди всѣхъ экспортируемыхъ въ Германію изъ Австро-Венгріи товаровъ, но составляютъ половину германскаго экспорта, направляющагося въ Дунайскую монархію. Но — указываютъ — изъ этого еще ничего не слѣдуетъ: простора для обѣихъ достаточно, и въ промышленной области возможна политика, основанная на принципѣ «жить и давать жить другимъ». «Великія проблемы — говоритъ Schmoller — измѣняютъ людей, нѣсколько большая конкуренція выливается въ усиленную дѣятельность, въ болѣе совершенную организацію», — все «сводится къ чувству мѣры и къ на-

родной психикѣ». (Jahrbuch. 1916. II, p. 15—17). Тѣмъ болѣе что—какъ утверждаютъ (Maier. Zeitschr. für Volkswirtsch. 1913. p. 378. Keller. Jahrbuch. 1915. II, p. 302 и сл. 312 и сл. Battaglia. p. 142 и сл. 460 и сл.,—обѣ страны взаимно дополняютъ другъ друга и даже счастливо восполняютъ пробѣлы, производятъ, хотя и однородные, но не тождественные товары—каждая страна имѣетъ свой вкусъ, свое направленіе, свои спеціальности.

Къ сожалѣнію, забываютъ о томъ, что все это касается немногихъ отраслей производства, выдѣлки шляпъ и перчатокъ, платья и бѣлья, стекла и фарфора, мебели. Но—какъ мы видѣли—даже въ этихъ отрасляхъ производства вѣнскій вкусъ и болѣе высокія культурныя традиціи этой столицы, по сравненію съ «прусской выскочкой»—Keller сопоставляетъ ихъ съ Европой и Новымъ Свѣтомъ—и вѣнскій разсадникъ талантовъ—художественно-промышленная школа, которой, по словамъ Servaes'a (Stätten der Kultur. VIII. p. 66 и сл.) нѣтъ равной въ мірѣ,—даже они не помогаютъ Австріи. Всѣ изготовляемыя съ такимъ тонкимъ изяществомъ и вкусомъ, съ такой живой изобрѣтательностью и такимъ чувствомъ мѣры, красоты и естественности, безъ крикливости и оригинальничанья, вещицы и вещи, начиная отъ булавки для шляпы и пояса и вплоть до обстановки цѣлыхъ виллъ,—все это не даетъ ей побѣды въ борьбѣ съ Германіей. Даръ Божій погибъ-бы вообще, выброшенъ былъ-бы на улицу, вслѣдствіе перепроизводства талантовъ, если-бы не нашлось покупателей въ Англіи и Америкѣ, въ особенности-же въ родственной Германіи, которая присваиваетъ себѣ плоды рукъ вѣнской школы и при помощи ея же питомцевъ,—рисовальщиковъ и чертежниковъ, выковываетъ оружіе противъ австрійской промышленности.

Конечно, во многихъ случаяхъ это лишь подражаніе австрійскимъ образцамъ и знатокъ легко отличитъ подлинникъ отъ имитаціи, но много-ли такихъ знатоковъ? Фактъ тотъ, что Германія усваиваетъ себѣ наиболѣе совершенные пріемы и способы даже въ области художественной промышленности, и для рядового обывателя нѣмецкая гостиная, нѣмецкая шляпа,

нѣмецкій фарфоръ вполнѣ достаточны, удовлетворяютъ его вкусъ, его потребности въ предметахъ роскоши, а главное— они гораздо дешевле австрійскихъ. Нечего говорить, что въ простыхъ массовыхъ продуктахъ даже этихъ отраслей — а вся суть въ массовомъ производствѣ — сила на сторонѣ Германіи, а тѣмъ болѣе въ прядильно-ткацкой, кожевенной, машино-строительной индустріи, гдѣ «младенцамъ»—австрійцамъ вовсе не пристало бороться съ германскими великанами. Но эти отрасли даютъ въ свою очередь дешевый матеріалъ и орудія для выдѣлки обуви, платья и бѣлья, галантерейныхъ товаровъ.

Товарообмѣнъ между обѣими монархіями — читаемъ подающія столько надеждъ строки — представляетъ собою ежедневно мѣняющуюся, находящуюся въ постоянномъ движеніи, жизнь, и выразить его въ немногихъ общихъ формулахъ невозможно. «Просматривая таблицу за таблицей, нужно самому пережить все это. При этомъ оказывается, что хозяйственныя сношенія между обѣими странами выражаются въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ». И въ результатѣ насъ ждетъ полное разочарованіе: «положеніе обнаруживаетъ гораздо больше сходства съ отношеніями между братьями, чѣмъ между мужемъ и женой; конкуренція между братьями, которая наилучшимъ образомъ устраняется, если оба участвуютъ въ одномъ и томъ-же дѣлѣ». (Naumann. p. 210).

Итакъ, Германія и Австро-Венгрія сравниваются не съ лицами разнаго пола, взаимно дополняющими другъ друга и образующими нѣчто единое, цѣльное, гармоничное, а съ двумя однородными и однообразными организмами, отличающимися тѣми же свойствами и качествами и идущими въ томъ же направленіи. Иначе говоря, они конкуренты, причемъ конкуренція своеобразная, односторонняя: Германія — продавецъ, Австро-Венгрія — покупатель. Но Австро-Венгрія вовсе не желаетъ сохранять эту пассивную роль — она съ своей стороны хотѣла бы производить тѣ самые товары, которыми до сихъ поръ снабжала ее Германія. Вполнѣ законное желаніе, въ особенности, когда рѣчь идетъ о «воспитаніи» такихъ отраслей, для которыхъ Австрія имѣетъ естествен-

ные задатки, на которыхъ она могла бы спеціализироваться. Для такой спеціализирующейся промышленности нуженъ просторъ, — только тогда, при массовомъ производствѣ, при обширномъ однообразномъ рынкѣ, она можетъ выработать типы и стандарты, по примѣру Америки. Она не въ состояніи развиваться въ четырехъ стѣнахъ, ей не хватаетъ воздуха. И это вполнѣ правильно. Но когда Австрія идетъ еще дальше и расчитываетъ расширить свой рынокъ при помощи таможеннаго сближенія съ Германіей, то это уже опасное заблужденіе.

Австрійская индустрія должна предварительно доказать, что съ открытіемъ для нея германской границы или облегченіемъ вывоза туда, она будетъ имѣть достаточно силы для того, чтобы отнять у нѣмцевъ ихъ собственный рынокъ. Нѣмцы безъ сомнѣнія успѣшно отобьютъ атаки своихъ сосѣдей. Мало того, они еще предпримутъ контръ-атаки, и срытіе таможенныхъ укрѣпленій значительно облегчитъ имъ захватъ и такихъ позицій, на которыхъ австрійская промышленность пока еще держится. А если такъ, то вся мечта о промышленной спеціализаціи оказывается нежизненной, фантастичной (Rogḥé, p. 412). Не получится ли въ результатѣ лишь наводненіе австрійскаго рынка германскими товарами, одинаково вредное и для Австріи и для Германіи, ибо австрійскій капиталъ на четыре-пятыхъ находится въ нѣмецкихъ рукахъ, на немъ покоятся финансы Австріи, а слѣдовательно, и ея, союзника, военная мощь. Не вызоветъ ли это лишь ущерба для Германіи, сильной вражды къ ней, въ то же время нисколько не возмѣщая ей тѣхъ потерь въ рынкахъ, которыя ей можетъ нанести война? (Herkner въ Schmollers Jahrbuch. 1916. II. p. 28).

Правда, говоря о будущности «Лоскутной» монархіи, — заявляетъ Stolper (Archiv für Sozialwiss. 1917. p. 193) — нельзя исходить изъ ея прошлаго. Война совершила революцію въ австрійскомъ народномъ хозяйствѣ и наивно было бы думать, что послѣ заключенія мира оно будетъ двигаться прежней медленной, вялой, старческой поступью. Подъ сѣнью почти запретительныхъ пошлинъ, охранявшихъ внутренній рынокъ, такое прозябаніе было возможно, но «ни пошлины, ни такое

связанное съ ними мѣщанское спокойствіе и самодовольство не даютъ возможности ни добыть милліарды новыхъ налоговъ, ни бороться съ дороговизной, отъ которой жестоко страдаетъ населеніе и сохраненіе которой послѣ войны вызвало бы опаснѣйшій соціальный кризисъ; въ особенности же продолженіе прежняго мѣшаетъ развивать экспортную политику, необходимую для оплаты сырья, которое нужно будетъ привозить изъ за границы, чтобы населеніе могло питаться и одѣваться». Послѣ войны возврата къ прежнему нѣтъ и быть не можетъ. Австріи придется пережить періодъ модернизаціи хозяйства, очистки его отъ вредныхъ наростовъ, отъ всего того, что, будучи нераціональнымъ, нежизнеспособнымъ, давитъ его, какъ тяжелыя гири. Ей придется поставить все хозяйство на новый, чрезвычайно расширенный базисъ, чтобы оно могло вынести бремя войны, залѣчить нанесенныя ею раны. Внутренній рынокъ будетъ поглощать гораздо меньше, чѣмъ прежде. Единственный исходъ — открытіе широкаго германскаго рынка.

Но почему именно германскаго рынка, а не какого-либо иного? — спрашиваютъ скептики. Вѣдь и раньше сосѣди дѣлали все, что могли, для использованія національной, географической, культурной, правовой близости народовъ, дававшей имъ преимущество передъ третьими государствами. Можно-ли въ этомъ направленіи сдѣлать еще что-либо, прибавивъ къ этимъ естественнымъ преимуществамъ еще искусственныя, таможенныя, безъ того, чтобы не задавить, не поглотить, не разрушить хозяйственныхъ начинаній одного изъ участниковъ, въ особенности Австріи?

Есть вѣдь и другіе рынки, заокеанскія страны, Южная Америка, Турція, Балканскія государства [1]). Сюда, казалось-бы, по принципу наименьшаго сопротивленія, должна направить свои стопы Австро-Венгрія, пытаясь наверстать утраченное за то время, когда она не шла въ уровень съ другими странами и даже теряла тѣ немногіе рынки, которые

[1]) Въ 1911 г. въ Аргентину и Бразилію, куда стараются проникнуть всѣ европейскія страны, Австро-Венгрія вывезла всего на 30 милл. кронъ (въ обѣ вмѣстѣ), тогда какъ Германія почти на полъ-милліарда. Германскій капиталъ въ Турціи составляетъ милліардъ мар., австрійскій-же не доходитъ и до десятой части этой суммы.

ей раньше принадлежали. Въ этой отсталости обвиняютъ высокія протекціонныя пошлины, которыя убаюкивали австрійскую промышленность, разслабляли ее. «Къ чему идти далеко, отыскивать міровой рынокъ, когда все такъ близко— экспортъ въ Галицію и Венгрію обезпеченъ, чего-же больше»? Наводненіе ея германскими товарами произошло не «несмотря» на высокую охрану, а именно по милости ея, охрана вела къ удорожанію машинъ, красокъ, сырья, топлива, всего производства и потребленія — таково теперь общее мнѣніе (Hertz, Grunzel, Baernreither. Battaglia) [1]).

Если утверждаютъ, что союзъ съ Германіей былъ-бы толчкомъ къ «самоосвобожденію» отъ таможенной охраны, заставилъ-бы Австро-Венгрію волей — неволей срыть находящіяся на ея германской границѣ таможенныя укрѣпленія, то вѣдь рѣчь идетъ объ одной лишь германской границѣ, всѣ-же прочія останутся по прежнему закрытыми. Допустимъ даже, что никакой иной способъ, кромѣ принужденія, не можетъ освободить Австро-Венгрію, вывести ее изъ таможеннаго тупика, ибо простого государственнаго разума не хватаетъ. Все же и принужденіе можетъ вылиться въ различныя формы — не только въ таможенный союзъ или таможенное сближеніе, при которомъ никто иной не можетъ претендовать на равныя съ Германіей права, но и въ обыкновенный австро-германскій торговый договоръ со значительными уступками съ обѣихъ сторонъ, хотя, быть можетъ, и не достигающими тѣхъ размѣровъ, какъ въ первомъ случаѣ, но зато, благодаря оговоркѣ наибольшаго благопріятствованія, универсальными, сближающими Австро-Венгрію со всѣмъ міромъ, выводящій ее дѣйствительно изъ изолированности, отчужденности, огражденности со всѣхъ сторонъ, отъ которой она страдала до сихъ поръ. Не вступать въ единоборство на сравнительно узкомъ пространствѣ своихъ территорій должны Германіи и Австрія,— говорятъ сторонники «умѣреннаго» сближенія — напротивъ,

[1]) Вслѣдствіе этого, постройка и оборудованіе фабрики, обошедшееся въ Германіи въ 2 милл. кронъ, составляли въ Австріи, по причинѣ болѣе высокихъ цѣнъ на желѣзо, машины и т. д. 3 милл. Бродильный чанъ, напр., стоитъ въ Германіи 30 кр. со 100 килогр., въ Австріи — 55 кр., упаковка консервовъ въ Германіи 12 гелл., въ Австріи — 20 (см. Hertz, Kobatsch).

разойтись въ разныя стороны, не препятствуя другъ другу, находя достаточно мѣста для обоихъ на широкомъ просторѣ мірового рынка. Сѣть либеральныхъ торговыхъ договоровъ, тѣсно перетянутая и стянутая воедино универсальной лентой наибольшаго благопріятствованія, являлась-бы лучшей гарантіей въ этомъ направленіи.

Одновременное-же заключеніе и прекращеніе торговыхъ договоровъ Германіей и Австро-Венгріей съ третьими державами, информированіе другъ друга о цѣляхъ, преслѣдуемыхъ ими въ каждомъ договорѣ, и о ходѣ переговоровъ, должно сблизить обѣ монархіи и въ мирной экономической борьбѣ, какъ это до сихъ поръ было лишь на полѣ брани, должно предупредить тѣ сюрпризы, которые получились для Австріи въ 1891 году. Тогда послѣ первыхъ заключенныхъ съ другими государствами договоровъ, при которыхъ каждая монархія дѣйствовала, правда, самостоятельно, но они все-же шли рука объ руку, они разбрелись въ разныя стороны, потерявъ затѣмъ всякій контактъ. Германія поспѣшила вступить въ соглашеніе съ Италіей въ то время, какъ Австрія еще торговалась съ послѣдней, Германія воспользовалась «войной изъ-за свиней», происходившей между Австріей и Румыніей и добыла себѣ выгоды, а Румыніи дала возможность обложить высоко именно тѣ сорта бумажныхъ тканей и иныхъ предметовъ, которые составляютъ спеціальность Австріи. А въ 1904 году — жалуются австрійцы — «Германія совершила прямой подвохъ, утаивъ отъ Австріи уступку, сдѣланную на ячменѣ для Россіи; Австрія въ потѣ лица работала для полученія льготы, которая оказалась гораздо меньшей и въ которой она вообще не нуждалась — благодаря наибольшему благопріятствованію зрѣлый плодъ прямо упалъ къ ней съ дерева; изъ за чего-же она напрасно старалась?

Можно пойти еще дальше — добиваться сближенія таможенныхъ тарифовъ обѣихъ монархій, поскольку физіономія каждой изъ нихъ допускаетъ такую нивеллировку, можно въ извѣстныхъ предѣлахъ унифицировать таможенныя правила, обрядности и формальности, можно создать постоянную комиссію для разрѣшенія столкновеній и спорныхъ вопросовъ,

возникающихъ въ дѣлахъ таможни. Все это вполнѣ реальныя требованія, свободныя отъ фантазій,—хотя Германія и подчеркиваетъ, что сближеніе должно составлять не столько компромиссъ между обѣими странами, сколько принятіе Австріей лучшихъ, болѣе совершенныхъ нѣмецкихъ институтовъ; младшій братъ — Австро-Венгрія можетъ еще многому поучиться у старшаго и болѣе мудраго — германца.

Наконецъ, рядомъ съ таможенной областью есть рядъ другихъ, гдѣ союзники могутъ открыть другъ другу свои переполненныя взаимными чувствами сердца. Станетъ-ли кто-либо возражать противъ проекта связать каналами Дунай съ сѣверо-германскими рѣками — Одеромъ, Эльбой, Вислой, и такимъ путемъ, создавъ новыя артеріи, оживляющія взаимный обмѣнъ, дѣйствительно стать близкими по географическому положенію сосѣдями, образовать настоящую Центральную Европу, гдѣ товары отъ южныхъ морей до Сѣвернаго и Балтійскаго идутъ прямымъ рѣчнымъ путемъ, ровно, безъ остановки и перегрузки, гдѣ глубокосидящія суда — для этого необходимы углубительныя работы на Дунаѣ — прорѣзываютъ всю среднюю Европу отъ одного конца до другого, образуя единую хозяйственную территорію. Кто имъ мѣшаетъ еще тѣснѣе сплотиться въ области торгово-промышленнаго, желѣзнодорожнаго и всякаго иного законодательства, устраняя наиболѣе рѣзкія различія и облегчая торговый обмѣнъ между монархіями? Кто имъ препятствуетъ—хотя это уже будутъ, наоборотъ, жертвы со стороны болѣе сильнаго, Германіи — путемъ меліоративнаго, промышленнаго и иного кредита, открываемаго германскимъ правительствомъ на нужды Австро-Венгріи, стать участниками въ общемъ коммерческомъ дѣлѣ?

Противъ всего этого никто не возражаетъ, здѣсь нѣтъ и не можетъ быть разногласія. Если въ 1891 г., въ эпоху «декабрьскихъ» договоровъ лишь любители фантастическихъ проектовъ могли раздувать заключеніе торговыхъ договоровъ, повседневное и обычное явленіе, въ міровое событіе, готовящее единую центральную Европу съ новымъ обширнымъ кругомъ потребителей, — то въ настоящее время торговые договоры, приправленные рядомъ приведенныхъ постановленій, не только

обезпечиваютъ добрососѣдскія отношенія, но и являются исходной точкой для мирнаго объединенія части Европы, не идя въ то-же время въ разрѣзъ съ интересами другихъ странъ, слѣдовательно, означаютъ пріобрѣтеніе и съ обще-культурной точки зрѣнія, и для мірового хозяйства въ его цѣломъ. При такой постановкѣ вопроса первое мѣсто занимаютъ не—таможенныя мѣры, на сцену выступаютъ «идеальныя» пошлины — съ отличіе отъ матеріальныхъ — въ видѣ всякаго рода содѣйствія оживленію промышленности и торговыхъ оборотовъ, мѣры, о которыхъ протекціонисты говорятъ въ снисходительномъ, полупрезрительномъ тонѣ: какой ужъ тамъ, протекціонизмъ безъ протекціонныхъ тарифовъ!

II.

Для апостоловъ единой Центральной Европы, для тѣхъ, кто утверждаетъ, что новое сверхъ-національное и сверхъ-территоріальное государство должно быть и будетъ, ибо оно не можетъ не быть, — для нихъ, конечно, такіе планы частичнаго сближенія представляютъ собою малыя дѣла, ничего общаго съ поставленной ими высокой, грандіозной цѣлью не имѣющія. Ихъ манитъ къ себѣ старый германскій таможенный союзъ 30-хъ — 60-хъ годовъ, знаменитый Zollverein съ единой таможенной территоріей, единымъ тарифомъ на внѣшней границѣ, единой податной и монетной системой и безъ всякихъ таможенъ и таможниковъ внутри всей этой территоріи. Весь смыслъ для нихъ въ томъ, чтобы между Германіей и Австріей на Тирольской границѣ, въ Баварскомъ лѣсу, на хребтахъ и отрогахъ Богемскихъ, Рудныхъ и Исполинскихъ горъ не было мытниковъ, — тогда получится желанное единство. Но такой проектъ долженъ неминуемо провалиться. Число сторонниковъ такой Центральной Европы росло въ первые мѣсяцы войны, когда раздался кличъ: братья по оружію должны быть и братьями въ экономической борьбѣ. Но затѣмъ они стали одинъ за другимъ покидать знамя, которое несли, и ему остались вѣрны лишь отдѣльные неисправимые мечтатели. Мечтатели, ибо не можетъ же австрій-

ская, а тѣмъ болѣе венгерская промышленность сразу сбросить съ себя тройную таможенную броню и выдержать натискъ могущественной нѣмецкой конкурренціи, не можетъ Австро-Венгрія отдать на съѣденіе нѣмцамъ индустрію, на которую затратила столько силъ и труда. Для такой пертурбаціи едва-ли можно найти менѣе благопріятное время, чѣмъ послѣ-военный періодъ, когда Австріи нужно будетъ дать своей промышленности оправиться, передохнуть, а не производить надъ ней эксперименты, «по сравненію съ которыми убытки, нанесенные войной, покажутся пустяками». (Dub. Jahrb. p. 383). Но и для Германіи вполнѣ свободный доступъ венгерскаго хлѣба, мяса, кормовыхъ средствъ означалъ-бы выдать съ головой свое сельское хозяйство; послѣ высокаго протекціонизма оно едва-ли могло-бы выдержать столь сильную, прямо «лошадиную» дозу фритредерства, хотя-бы въ сношеніяхъ съ одной лишь Австро-Венгріей, страной все-же земледѣльческой (Diehl).

По необходимости, съ этой выси пришлось спуститься, допустить таможенниковъ на австро-германской границѣ, хотя и взимающихъ пониженныя, преференціальныя пошлины. Но если однимъ натискомъ нельзя взять таможенныя укрѣпленія, то онъ во всякомъ случаѣ долженъ быть лишь введеніемъ къ постепенному и систематическому упраздненію всякихъ таможенъ, раздѣляющихъ обѣ монархіи — пошлины должны пока лишь ослабить первый ударъ свободной конкурренціи. Одни готовы разсрочить эту операцію на двадцать (Spiethoff), тридцать и болѣе лѣтъ (Wolf на 60 лѣтъ), другіе не желаютъ ждать такъ долго — устанавливаютъ срокъ всего въ нѣсколько лѣтъ (Irresberger на 5 лѣтъ). Наиболѣе благоразумные авторы вообще отказываются отъ такого распоряженія судьбой будущихъ поколѣній, находя, что нынѣшнія опредѣленія сроковъ могутъ оказаться слишкомъ узкимъ одѣяніемъ, «курткой каторжника», что они явились бы азартной игрой, такъ какъ неизвѣстны экономическія условія будущаго (Schmoller. p. 11. Battaglia. p. 98. Dub. p. 290. Stolper. p. 206).

Важнѣе другая прибавка: единый внѣшній тарифъ или, по крайней мѣрѣ, два тарифа, но съ обоюднаго согласія

установленные, и формально самостоятельные торговые договоры съ третьими державами, но опять-таки съ утвержденія обѣихъ сторонъ. Получается, слѣдовательно, три таможенныхъ тарифа, созданныхъ единой германско-австро-венгерской волей: автономный тарифъ или два тарифа, конвенціонный,— образуемый въ силу договоровъ, и преференціальный между Германіей и Австро-Венгріей. (Schmoller. p. 13. Battaglia. p. 113 и сл. Dub III, p. 203 и сл. Pistor. Keller. p. 322. 328). «Неужели-же кто-либо питаетъ надежду на возможность сооруженія такого трехъ-этажнаго таможеннаго зданія тремя зодчими, изъ которыхъ каждый составляетъ «сложную личность?» (Roghé. p. 419). Съ какимъ трудомъ достигается соглашеніе трехъ правительствъ и пяти законодательныхъ органовъ, показалъ германско-австрійско-венгерскій торговый договоръ 1906 г., каждую минуту готовый провалиться изъ-за пошлинъ на солодъ и конвенціи, стѣсняющей австрійскій скотъ.

Вѣдь самая Австро-Венгрія въ таможенномъ отношеніи ничто иное, какъ «соглашеніе» (Ausgleich), компромиссъ, возобновляемый каждые десять лѣтъ въ видѣ внутренняго торговаго договора. Горечи неудовольствія, вслѣдствіе неосуществленныхъ надеждъ, при этомъ остается каждый разъ столько, что, казалось-бы, это должно было бы отбить всякую охоту къ подражанію на болѣе широкомъ и сложномъ поприщѣ Центральной Европы, гдѣ сталкивается еще больше интересовъ, гдѣ должно предъявляться еще больше требованій. Неужели Австріи и Венгріи мало своего государственнаго «дуализма», и имъ нуженъ еще новый международный дуализмъ? Отношенія между Австріей и Венгріей постоянно натянуты. «Это былъ всегда бракъ по расчету, они никогда не любили, часто даже не понимали другъ друга». (Schmoller въ Jahrbuch. 1917. p. 590). Каждый разъ дѣлаются попытки порвать эту связь — Grunzel, Szeterenyi и др. «вѣрятъ» въ то, что она еще когда-нибудь лопнетъ. А тутъ придется еще одновременно черезъ головы ихъ создавать новое соглашеніе съ Германіей. «Австрія и Венгрія должны сначала послѣ войны привести въ порядокъ свой собственный домъ, укрѣпить свой союзъ,

*

а затѣмъ уже думать о томъ, какія установить отношенія между монархіей, какъ экономическимъ цѣлымъ, и — гораздо большей, уже въ теченіе восьмидесяти лѣтъ объединенной — Германіей». (Dub. Jahrbuch. 1915. III, p. 288).

Урокомъ могъ-бы послужить и такой фактъ, какъ составленіе германскаго общаго тарифа 1902 года. Первоначальный проектъ, вызвавшій чрезмѣрно-радужныя надежды у протекціонистовъ, былъ затѣмъ измѣненъ въ значительной мѣрѣ и «испорченъ» въ «комиссіи болтуновъ», тянувшей съ нимъ почти годъ, и еще болѣе испорченъ въ общемъ собраніи рейхстага, гдѣ онъ проходилъ при сильнѣйшей обструкціи лѣвыхъ партій, которыя глумились надъ каррикатурными докладами, обзывали сторонниковъ тарифа «ростовщиками, сжимающими горло народу». Проектъ прошелъ лишь послѣ измѣненія наказа большинствомъ рейхстага; операція эта получила лестные эпитеты «насилія надъ парламентомъ», «парламентской революціи», «террора сильныхъ, но глупыхъ» и т. д. Въ результатѣ правые все-таки унесли домой добычу — новый тарифъ. Но что было-бы — спрашиваетъ Roghé (p. 418) — если-бы еще и Австрія и Венгрія могли сказать свое вѣское слово по поводу него? Существовали-бы вообще тогда въ природѣ таможенные тарифы?

Въ отличіе отъ чрезмѣрнаго оптимизма Philippowich'a (p. 52 сл.), даже Keller (p. 327), для котораго провалъ Центральной Европы былъ-бы «величайшимъ несчастьемъ» (p. 331), останавливается въ нерѣшительности и смущеніи передъ вопросомъ о томъ, какую физіономію долженъ имѣть тотъ общій тарифъ, который будетъ служить одновременно тремъ господамъ, столь разнящимся другъ отъ друга по своему характеру и наклонностямъ — высокоразвитой индустріи Германіи, стоящей посрединѣ Австріи и «младенческой» венгерской промышленности.

А этотъ основной, общій, для обѣихъ монархій тарифъ долженъ стать тѣмъ бронзовымъ монументомъ, вокругъ котораго группируются торговые договоры. За нимъ слѣдуетъ договорный съ уступками, по сравненію съ общимъ тарифомъ, но не спускаясь до преференціальнаго. Но каковы будутъ эти уступки? Въ этомъ вся суть. Будетъ-ли достигнуто

соглашеніе между союзниками? Допустимъ, Германія, въ интересахъ своего промышленнаго экспорта, пожелаетъ установить въ пользу Россіи тѣ-же пошлины на сельско-хозяйственные продукты, на которыя претендуетъ Венгрія, или хотя-бы немногимъ болѣе высокія. Окажется-ли Венгрія на надлежащей государственной высотѣ и заявитъ-ли она — Германія нуждается въ экспортѣ фабрикатовъ и не можетъ чрезмѣрно удорожать хлѣбъ населенію, поэтому я жертвую своей выгодой ради болѣе важныхъ интересовъ Германіи, интересы которой, въ качествѣ сильнаго союзника, и мнѣ близки. Едва-ли это такъ будетъ. Скорѣе Венгрія наложитъ свое veto, иначе говоря, союзъ будетъ исключенъ изъ списка державъ, ведущихъ активную политику внѣшней торговли.

Такой результатъ долженъ получиться по необходимости, такъ какъ пути обѣихъ странъ слишкомъ рѣзко расходятся. Германіи нуженъ экспортъ: до войны не менѣе 10 милліардовъ мар., т.-е. половина всѣхъ оборотовъ ея, приходились на океанскую торговлю; великій атлантическій путь — альфа и омега ея экономической мощи, вопросъ существованія для нея. Она не можетъ замкнуться на сокращенномъ пространствѣ хотя-бы и Центральной, но все-же континентальной Европы. Поймутъ-ли это Австро-Венгрія, облегчитъ-ли она Германіи возстановленіе ея былого могущества, не будетъ-ли ея вмѣшательство тѣмъ камнемъ, который будетъ тянуть Германію ко дну?

Ссылаются попрежнему и на великій Zollverein добраго стараго времени, вынесшій на своихъ широкихъ плечахъ не трехъ, а тридцать членовъ, самостоятельныхъ государствъ, изъ которыхъ каждый своимъ протестомъ могъ похоронить все дѣло. И какъ часто положеніе было на одинъ только волосокъ отъ этого, какъ часто весь таможенный союзъ могъ рухнуть въ пропасть, сколько фельдфебельскихъ окриковъ со стороны Пруссіи и угрозъ, что она уходитъ и покинетъ всѣхъ на произволъ судьбы, нужно было, чтобы сдерживать эту трещавшую по всѣмъ швамъ организацію. И все-таки тамъ было, сравнительно съ проектируемымъ союзомъ, легче, ибо — какъ это ни парадоксально звучитъ — легче добиться общаго постановленія, когда имѣется двадцать участниковъ, чѣмъ

тамъ, гдѣ ихъ всего двое; тамъ большинство своимъ моральнымъ давленіемъ или своими матеріальными интересами можетъ заставить остальныхъ замолчать и покориться — тутъ большинства нѣтъ и быть не можетъ.

Что-же остается послѣ всего этого? Одинъ преференціальный тарифъ. И дѣйствительно, чѣмъ болѣе первые порывы братскихъ чувствъ, уступаютъ мѣсто благоразумному расчету, тѣмъ болѣе сторонники сближенія признаютъ, что въ области торговой политики — таможенныхъ тарифовъ, торговыхъ договоровъ — надо обѣимъ имперіямъ предоставить свободу дѣйствій, при взаимной помощи, но безъ принужденія, основаннаго на союзномъ договорѣ. Но за преференціальный тарифъ въ торговомъ обмѣнѣ между Германіей и Австро-Венгріей все-же держатся крѣпко — вѣдь это послѣдній остатокъ идеи Центральной Европы въ таможенномъ отношеніи, тотъ цвѣтокъ, листья котораго отпали. Дальше идетъ уже простой торговый договоръ, если не считать, конечно, сближенія во всѣхъ другихъ областяхъ — въ сферѣ путей сообщенія, торгово-промышленнаго права и т. д.

Впрочемъ и разница между преференціальнымъ тарифомъ — Zwischenzölle — и обыкновеннымъ торговымъ трактатомъ съ наибольшимъ благопріятствованіемъ только принципіальная. Въ жизни же она можетъ принять различный обликъ, въ зависимости отъ разстоянія между преференціальнымъ тарифомъ и конвенціоннымъ; можетъ превратиться «въ печальную и вредную пародію на экономическое сближеніе» (Battaglia. p. 766); извѣстны вѣдь случаи (Канада), когда послѣдній давалъ большія преимущества, чѣмъ самъ преимущественный тарифъ (см. ч. I, стр. 283). Съ самаго начала наиболѣе горячія объясненія въ любви раздавались именно въ этомъ направленіи: если не полное упраздненіе таможенъ, то возможно болѣе низкія пошлины должны создать новый обширный рынокъ. Но «полное согласіе господствуетъ лишь до тѣхъ поръ, пока рѣчь идетъ о достиженіи собственныхъ цѣлей, пользуясь предупредительностью союзника; когда же союзникъ съ своей стороны предъявляетъ счетъ, когда онъ тоже начинаетъ говорить о любезности,

тогда появляются затрудненія, тогда въ вино увлеченія экономическимъ союзомъ тотчасъ-же вливается вода оговорки: «само собою разумѣется, съ сохраненіемъ полнаго самоопредѣленія и справедливыхъ интересовъ своей страны». (Roghé. p. 411).

Австро-венгерская промышленность должна будетъ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы льготы въ пользу германской промышленности ея не погубили. Она будетъ подчеркивать, что Германія вовсе не заинтересована въ томъ, чтобы задавить союзника. Но «въ дѣловыхъ вопросахъ, въ особенности когда рѣчь идетъ о борьбѣ за существованіе, нѣтъ мѣста идеализму и снисходительности». (Dub. p. 284). И если Германія должна сдерживаться, то что она выигрываетъ вообще отъ преференціальнаго тарифа? Въ сущности она въ этомъ тарифѣ вообще не нуждается — она и такъ является крупной силой на австро-венгерскомъ рынкѣ и болѣе того, что получаютъ въ таможенномъ отношеніи другіе, ей и не нужно (Eulenburg. p. 116). Но этого совершенно излишняго для нея подарка она не можетъ избѣгнуть, ибо должна-же Австро-Венгрія что-нибудь дать ей за тѣ преференціальныя пошлины, которыхъ Дунайская монархія сама добивается. Уступки-же въ пользу послѣдней угрожаютъ Германіи неисчислимыми непріятностями затрудненіями и убытками. Германія рискуетъ перессориться, со всѣмъ міромъ изъ-за одной Австріи, которая поглощаетъ едва десятую часть ея торговаго обмѣна. «Отъ преимуществъ въ пользу одной десятой части нашего товарообмѣна пострадаютъ прочія девять десятыхъ» (Gothein). Въ этомъ случаѣ, конечно, союзникамъ не обязательно расширять свой сбытъ на счетъ другъ друга — не австрійскіе, а русскіе, англійскіе, американскіе товары очистятъ мѣсто нѣмецкимъ въ Австріи. Да, но только въ этомъ случаѣ (о чемъ забываетъ напр, Keller, p. 328). Но зато преференціальныя пошлины въ пользу. Австро-Венгріи могутъ оказаться тѣмъ краснымъ сукномъ, которое какъ будто намѣренно раздражаетъ другія державы) вызываетъ ихъ на враждебныя дѣйствія. (См. выше, стр. 92). Германія рискуетъ снова «спугнуть ангела міра, который наконецъ, когда замолкнетъ шумъ войны, снизойдетъ на разоренныя нивы Европы» (Horstmann. p. 189).

Но травля получится и по отношенію къ нейтральнымъ, Германія создастъ себѣ только новыхъ враговъ. Торговый міръ послѣ политическаго немыслимъ, міровое хозяйство не можетъ вернуться на путь здраваго разсудка, если та или другая сторона будетъ вести такую аггрессивную политику, бряцать оружіемъ преференціальныхъ пошлинъ, тѣмъ болѣе, что послѣднія нерѣдко съ виду кажутся гораздо ужаснѣе, чѣмъ онѣ на самомъ дѣлѣ, часто даже не наносятъ ранъ третьимъ державамъ, а вызываютъ лишь съ ихъ стороны раздраженіе, обиду и озлобленіе. «А мы жаждемъ наконецъ мира — восклицаетъ Horstmann (р. 187). И прибавляетъ: потому никакихъ исключительныхъ преимущественныхъ тарифовъ для друзей, никакого произвольнаго повышенія пошлинъ для другихъ; Германія должна идти не противъ остальной Европы, а вмѣстѣ съ ней, въ качествѣ ея духовнаго вождя!

Союзъ былъ-бы купленъ для Германіи и ея экспорта слишкомъ дорогой цѣной, даже если-бы въ составъ Центральной Европы кромѣ Австро-Венгріи вошли и другіе союзники — Болгарія и Турція. Предположимъ самое блестящее — Германіи удалось-бы вытѣснить Англію, Францію и Италію изъ турецкаго рынка; все-же привозъ и вывозъ, вмѣстѣ взятые, не достигли-бы полумилліарда мар., т.-е. $^1/_{42}$ части торговыхъ оборотовъ Германіи до войны. Германію прельщаютъ богатствомъ сырыхъ продуктовъ, которые имъ сулитъ Турція: шерсть, хлопокъ, шелкъ, нефть, масляничное сѣмя, мѣдь, кофе, южные плоды, — все это она получитъ оттуда, т.-е. продукты, которые до сихъ поръ получались изъ Африки, Индіи и Америки, изъ странъ враговъ, привозились морскими путями, находящимися подъ контролемъ Англіи. А здѣсь сухопутная доставка — прямымъ путемъ съ Ближняго Востока до Берлина, изъ Багдада до Гамбурга. Это-ли не цѣль всей восточной политики Германіи, путь, который Германіи предуказали еще List и Rodbertus, который превозносилъ Ranke, говоря, что будущность Германіи въ Константинополѣ?

Правда, всѣ они-расчитывали на близкую кончину «больного человѣка», намѣреваясь дѣлить его наслѣдство и отводя львиную долю послѣдняго подъ германскія колоніи. Но суть

не въ этомъ, а въ экономической цѣнности турецкихъ владѣній. Что могутъ дать отдѣльныя области ея?

Бѣдныя растительностью, задавленныя горами степи Анатоліи съ рѣзкими климатическими измѣненіями не годятся ни для плодовыхъ деревьевъ, ни даже для озимыхъ хлѣбовъ, приходится довольствоваться разведеніемъ козъ и овецъ, которыя едва-ли освободятъ Центральную Европу отъ привозимой изъ Южной Африки и Австраліи шерсти. Еще хуже обстоитъ дѣло съ Арменіей, съ Аравіей, безводной пустыней, и съ узкими и болотистыми приморскими мѣстностями, гдѣ свирѣпствуетъ малярія — вреднѣйшими для здоровья областями земного шара. Остается западная часть Малой Азіи, Сирія и Месопотамія; но тамъ усѣлись французы и американцы, въ особенности-же англичане, которые едва-ли выпустятъ эти мѣста изъ своихъ рукъ. Да и въ Месопотаміи необходимы еще предварительныя обширныя оросительныя работы и климатъ ея едва-ли не наиболѣе жаркій въ мірѣ. Это ставитъ ребромъ вопросъ о рабочей силѣ — англичане имѣли въ виду переселить туда нѣсколько милліоновъ индусовъ, но что сдѣлаетъ Центральная Европа — трудно себѣ представить. Характерно, что даже если игнорировать всѣ эти непреодолимыя въ значительной мѣрѣ препятствія, если смотрѣть въ самые розовые очки на будущность Турціи, то Адана и Месопотамія, вмѣстѣ взятыя, могутъ дать (но когда?) 300 тыс. тоннъ хлопка, а такъ какъ Германія должна будетъ подѣлиться ими еще съ союзниками, то на ея долю придется значительно меньше половины того сырья, которое ей нужно. Если-же нѣсколько сбавимъ оптимизма, то окажется, что вообще зависимость Германіи отъ вражескаго американскаго хлопка едва-ли уменьшится.

Есть правда въ Месопотаміи источники нефти и мѣдные рудники, но за отсутствіемъ каменнаго угля и желѣзныхъ дорогъ, приходится работать на древесномъ топливѣ и перевозить верблюдами. Это легче измѣнить, если, конечно — а въ этомъ весь вопросъ — англичане согласятся вообще отдать Месопотамію, пока-же приходится дѣлить шкуру живого медвѣдя.

Такъ что хозяйственныя условія Турціи «не вполнѣ выгодны» и «не настолько выгодны, какъ часто полагаютъ» (Herkner p. 37), — мечты о томъ, что она можетъ замѣнить Австралію, Индію и Африку, дать обширные запасы хлопка и шерсти, металловъ и т. д., т.-е. снабдить Германію сырьемъ, которое составляетъ ея больное мѣсто, такъ и не поднимаются выше уровня фантазіи.

Остается вывозъ промышленныхъ издѣлій въ эту часть Центральной Европы. Но едва Германія протянула руку къ этому рынку, какъ на сцену выступаетъ тотъ-же «спутникъ жизни», Австро-Венгрія, и начинаетъ молить о томъ, чтобы Германія не трогала его собственности, «естественной сферы его распространенія», ибо у Австріи, въ отличіе отъ Германіи, нѣтъ другихъ путей для экспорта. Мы — плачутся австрійцы — выдержали наступленія русскихъ войскъ, мы понесли большія потери на войнѣ, чѣмъ Германія. За это въ мирномъ договорѣ намъ должно быть уплачено — путь на Востокъ долженъ быть отданъ намъ, нѣмцы должны сократить свой полетъ. Дѣло доходитъ до того, что Австрія требуетъ себѣ гарантіи не только путемъ распредѣленія рынковъ Востока, но и искусственными мѣрами — транзитными пошлинами, которыя придется платить Германіи, особыми стѣснительными таможенными формальностями для германскихъ товаровъ, идущихъ на Востокъ, преимуществами въ пользу Австріи при пользованіи путями сообщенія. И это должно называться сближеніемъ, облегченіемъ сношеній между обѣими монархіями! Вѣдь это полная противоположность, нѣчто совершенно несовмѣстимое не только съ братскими, но и съ товарищескими чувствами. Едва рѣчь зашла о своихъ интересахъ, какъ все это забыто, куда-то испарилось. Да и Германія, стѣсняемая при переходѣ чрезъ этотъ «мостъ на юго-востокъ», можетъ — прибавляютъ нѣмцы — отплатить Австріи тѣмъ-же въ другихъ случаяхъ.

Не одну только Турцію Австрія считаетъ своей доменой — она боится, какъ-бы Германія не обошла ее и на Балканахъ и предлагаетъ весьма остроумный и ловко выдуманный — хотя и нѣмцевъ не проведешь — планъ «раздѣленія труда»: пускай

нѣмцы вывозятъ оттуда, а австрійцы будутъ экспортировать, иначе говоря, себѣ каштаны, имъ — скорлупа. Хотя въ Румынію напр. Германія вывезла въ 1913 г. на 140 милл. мар., Австрія-же, будучи сосѣдомъ ея, всего на 114 милл. мар. все-же послѣдняя и тутъ ссылается на свои «неписанныя права», предлагаетъ разверстать между обѣими монархіями балканскихъ покупателей, не спрашивая притомъ объ ихъ желаніи. Вообще Австрія обнаруживаетъ по отношенію къ нѣмцамъ на Востокѣ много недовѣрія, глядя на успѣшную дѣятельность Германіи, проявляетъ въ «эти моменты тѣ-же чувства, какія Германія питаетъ къ Великобританіи: смѣсь изъ почтенія, зависти и дерзости» (Naumann p. 218—19).

Какъ-бы то ни было, считаясь хотя-бы съ этими невѣсомыми, неопредѣлимыми, моментами, приходится помимо и сверхъ всѣхъ прочихъ соглашеній распредѣлить между союзниками и внѣшніе рынки, которыми они уже владѣютъ или которые они намѣрены пріобрѣсти — операція весьма трудная и сложная, если вообще выполнимая, и во всякомъ случаѣ убыточная для Германіи, которая до сихъ поръ при завоеваніи мірового рынка ни съ кѣмъ не дѣлилась — новыя возжи весьма будутъ сдерживать стремительный бѣгъ ея экспорта. Но безъ этого — заявляетъ самъ Naumann—экономическое соглашеніе между Германіей и Австріей окажется не сближеніемъ, а отчужденіемъ! Такъ близко одно отъ другого.

Какой-же изъ всего этого выводъ: состоится-ли Центральная Европа на этотъ разъ или останется такой же мечтой, какой она была раньше? Намъ думается, что теперь эта идея не будетъ отвергнута, что несмотря на всѣ доводы, выдвигаемые противъ этой новой экономической и таможенной единицы съ общественно-хозяйственной точки зрѣнія, несмотря на то, что элементы, отталкивающіе обѣ монархіи другъ отъ друга, гораздо сильнѣе, чѣмъ притягивающіе, все-же проповѣдь новаго сверхъ-государства едва-ли останется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, новый неполный союзъ, неизвѣстное дотолѣ образованіе, можетъ увидѣть свѣтъ Божій.

Для Австріи и еще болѣе для Венгріи преференціальныя пошлины въ пользу Германіи, конечно, составляютъ реаль-

ную, весьма ощутительную опасность, и чѣмъ послѣдовательнѣе будетъ проведена идея преференціальнаго тарифа, тѣмъ болѣе Австро-Венгрія рискуетъ, что на ея промышленность свалится тяжелая лавина, которую до сихъ поръ задерживали таможенныя загражденія, но которая теперь свободно пройдетъ чрезъ границу и задавитъ своихъ братьевъ — конкуррентовъ. Но австрійцы и венгерцы нашли средство обойти эту опасность: для того, чтобы открывшійся кратеръ не затопилъ ихъ, они рѣшили использовать не новое средство, примѣняемое синдикатами въ видѣ международныхъ соглашеній, разграничивающихъ отдѣльныя области и государства. Посредствомъ соглашеній, частью между уже существующими синдикатами, частью между тѣми, которые еще образуются, будетъ достигнуто распредѣленіе рынковъ — каждому будетъ отдано въ распоряженіе опредѣленное государство, Германія, Австрія, Венгрія, населеніе данной территоріи будетъ превращено въ приписанныхъ къ нему подданныхъ. Такимъ образомъ, таланты синдикатовъ, успѣвшіе уже проявиться, будутъ использованы въ государственныхъ цѣляхъ, и притомъ подъ покровительствомъ государства, съ запрещеніемъ нарушать выговоренныя условія, заходить на территорію, присужденную другому.

Но если это будетъ такъ — а въ пользу такихъ синдикатовъ и синдикатскихъ соглашеній высказывается рядъ изслѣдователей (Naumann, p. 224, Battaglia p. 153, Schmoller. p. 543, Dub. p. 204, Keller. p. 312, Kobatsch, Eulenburg, Pistor и др.) — то все сведется лишь къ замѣнѣ однихъ преградъ, отдѣляющихъ Австрію и Германію другъ отъ друга, другими, государственнаго барьера частнымъ, но не менѣе прочнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ будетъ находиться подъ опекой того-же государства. Тогда, конечно, Австро-Венгрія можетъ спать спокойно — ей не грозитъ набѣгъ нѣмецкихъ товаровъ, но тогда и протекціонизмъ останется въ цѣлости. О какомъ расширеніи рынка можно говорить въ этомъ случаѣ и къ чему вообще все это новое сооруженіе, по крайней мѣрѣ въ таможенной области? Оно является не болѣе, какъ обманомъ зрѣнія.

Что же касается Германіи, то, щадя своего собрата по оружію, она въ другомъ направленіи сумѣетъ вознаградить себя. Кромѣ экономическихъ интересовъ вѣдь существуютъ еще политическіе и военные. Подобно тому, какъ на полѣ сраженія она приходила на помощь Австріи, а не Австрія ей, но зато сумѣла захватить все веденіе войны въ свои руки и превратить австрійскихъ генераловъ въ своихъ подчиненныхъ, такъ и здѣсь, уступая своему «спутнику жизни» въ одномъ, быть можетъ, даже себѣ въ ущербъ, она зато создастъ и здѣсь тотъ «экономическій генеральный штабъ», который будетъ управлять не только германскимъ, но и австро-венгерскимъ хозяйствомъ и которымъ командовать будетъ, конечно, Германія. А въ то же время этотъ «экономическій милитаризмъ», проводя новую политику образованія запасовъ продовольствія на случай будущей войны — изъ нея также исходитъ большинство авторовъ (Herkner, Levy, Loesch, Naumann) — обезпечитъ будущую «экономическую мобилизацію». Для этой цѣли земледѣльческіе продукты Австріи, Венгріи, Болгаріи, Турціи весьма пригодятся, Германія создастъ особое «центрально-европейское управленіе по снабженію на военное время», и чѣмъ крѣпче скованъ будетъ союзъ, чѣмъ прочнѣе онъ будетъ, тѣмъ легче будетъ осуществленіе этой цѣли «милитаризаціи экономической жизни».

Германіи это нужно на всякій случай, такъ какъ она находится въ жестокомъ положеніи, при которомъ половина ея товарообмѣна падаетъ на Сѣверное море и Атлантическій океанъ, слѣдовательно, въ случаѣ войны—подвержена нападенію Англіи. «Она находится въ положеніи фабриканта, имѣющаго въ своемъ распоряженіи водяную силу и водные пути, но вынужденнаго, въ виду того, что холода и обмеленіе рѣкъ могутъ пріостановить ихъ дѣйствіе, въ интересахъ непрерывной работы предпріятія, пріобрѣтать дорогія запасныя паровыя машины и строить подъѣздные пути. Эту роль играетъ для Германіи Центральная Европа, дающая ей выходъ, соединяющая Балтійское море съ Чернымъ (Эльба, Одеръ, Дунай), съ Адріатическимъ (Сава) и Эгейскимъ (Морава и Вардаръ), коль скоро будутъ построены соединительные каналы» (Herkner. p. 27).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Парижская экономическая конференція.

Brentano. Ueber den Wahnsinn der Handelsfeindseligkeit. 1916. **Schilder.** Der Wirtschaftskrieg des Vierverbandes nach dem Weltkriege. 1916. **Lohmann.** Die wirtschaftlichen Folgen des Weltkrieges. 1916. **Dix.** Der Wirtschaftskrieg 1915. **Jastrow.** Die handelspolitische Zukunft Deutschlands. 1916. **Gothein.** Deutschlands Handel nach dem Kriege. 1916. **Kranold.** Der Wirtschaftskrieg in Gegenwart und Zukunft. 1916. **März.** Die Zukunft des deutschen Aussenhandels. 1915. **Harms.** Deutschlands Anteil an Welthandel und Weltschiffahrt. 1916. **Hesse-Grossmann.** Englands Handelskrieg und die chemische Industrie. 1915—1916. **Arndt.** Deutschland und der Weltmarkt. 1916. **Prion.** Die Pariser Wirtschaftskonferenz. (Schmollers Jahrbuch. 1917). **Schelle.** Les Ententes économiques. (Journal des Economistes. 1916). **Guyot.** La guerre et les lois économiques. (Тамъ же. 1916). **Charles Gide.** La politique commerciale après la guerre. (Revue d'économie politique. 1917). **Dawson.** German Trade after the War. (Quarterly Review. Oct. 1917). Hugh **Bell** въ Economic Journal. 1916. **С. О. Загорскій.** Война послѣ мира. 1917. **Н. П. Ланговой.** Ради чего мы сражаемся? 1915. **В. Ф. Гефдингъ.** Новый торговый договоръ съ Германіей. 1918. **Б. А. Никольскій.** Парижская экономическая конференція въ освѣщеніи иностранной печати. (Особ. фин.-экон. комиссія, мат. № 2). Парижская экономическая конференція и германская торговля (Торговля и Промышл. 1916. № 23).

Рядомъ съ планомъ «Центральной Европы» великая битва народовъ родила — какъ мы видѣли — еще другой планъ экономическаго сближенія союзниковъ, «pays d'Entente», скрѣпленія ихъ болѣе крѣпкими и болѣе тѣсными нитями. Программа ихъ получила въ публикѣ рѣзкое выраженіе въ тройственной формулѣ: открытыя двери друзьямъ, закрытыя двери

врагамъ, полуоткрытыя двери нейтральнымъ. И еще другая тройная схема: рядомъ съ продольной и поперечная—по періодамъ. Періодъ войны — полное изолированіе враговъ. Періодъ переходный — періодъ возстановленія, возрожденія хозяйственной жизни, облегченіе обмѣна между союзниками и затрудненіе обмѣна съ врагами, снабженіе другъ друга своими естественными богатствами, помощь пострадавшимъ отъ вражескаго нашествія территоріямъ и предотвращеніе того, чтобы эти «оголенныя мѣстности не были наводнены нѣмецкими товарами»; наконецъ, отказъ врагамъ въ правѣ наибольшаго благопріятствованія съ предоставленіемъ другъ другу, въ случаѣ отвѣтныхъ репрессій, компенсацій въ сбытѣ. И періодъ третій — болѣе отдаленный: спеціальныя мѣры для враговъ и развитіе собственнаго производства такъ, чтобы обойтись безъ помощи ихъ товаровъ.

Таковы «заповѣди» Парижской экономической конференціи, созванной въ іюлѣ 1916 года, составляющей «историческое событіе», образующей «самый богатый, могущественный и многочисленный по своему составу экономическій блокъ, когда-либо существовавшій», начертавшей «документъ первостепенной важности, который будетъ прочитанъ и перечитанъ не только въ союзныхъ странахъ, но и въ центральныхъ имперіяхъ», —какъ утверждали превозносившіе конференцію органы англійской и французской печати.

Оба проекта, Центральной Европы и экономическаго сближенія державъ Согласія, — дѣтища одной матери — войны, черты лица которой у нихъ рѣзко выражены: въ обоихъ случаяхъ братская помощь между союзниками, совмѣстно проливавшими кровь, и кулакъ врагамъ и послѣ войны.

По возрасту, правда, проектъ германско-австрійско-венгерскій старше программы союзниковъ; онъ могъ подать поводъ къ ихъ выступленію. Если и не въ послѣдней, порожденной войной, формѣ и въ нынѣшнемъ обликѣ, то въ тѣхъ или иныхъ очертаніяхъ онъ давно существовалъ, появился на свѣтъ не со вчерашняго дня; мечтателей, фантазировавшихъ о Средней Европѣ, — какъ мы видѣли — было всегда достаточно. Но въ то же время Парижская конференція едва ли

есть отвѣтъ на «Центральную Европу»; она законный потомокъ установленной во время войны блокады Германіи, непосредственное продолженіе ея.

И въ томъ и другомъ союзѣ любовь и ненависть распредѣлены неравномѣрно — правая и лѣвая рука дѣйствуютъ не съ равной силой, первая короче и слабѣе второй. Но только германскій проектъ за братскими чувствами къ союзникамъ на полѣ брани старается скрыть подготовку къ новой бойнѣ народовъ, съ новыми гекатомбами, приносимыми молоху войны, для чего ему необходимъ единый обширный рынокъ и единый путь отъ Гамбурга до Багдада, предохраняющій Германію отъ будущей блокады. Державы же Согласія, укрѣпляя и углубляя сближеніе между собою, провозглашая лозунгъ «все для побѣды», открыто заявляютъ, что конференція—«экономическій главный штабъ союзниковъ», который долженъ обезопасить Европу отъ быстраго возрожденія германской экономической, а, слѣдовательно, и военной помощи.

Итакъ, полная переоцѣнка цѣнностей. Теперь или никогда! Настоящая война — «революція, которая начинаетъ собою новую эру въ исторіи человѣчества, быть можетъ, самая катастрофическая изъ всѣхъ революцій, когда-либо пережитыхъ Европой, революція, по сравненію съ которой великая французская революція не болѣе, чѣмъ буря въ стаканѣ воды». Нѣтъ возвращенія къ традиціямъ старины—дешевизна германскихъ товаровъ не должна прельщать союзниковъ. «Все, что мы сберегли серебромъ, мы теперь платимъ нашей кровью, и конечно, поскольку это въ нашей власти, мы не повторимъ своей ошибки» — заявляла англійская печать. Парижская конференція — новая страница въ исторіи народовъ, оставляющая неизгладимый слѣдъ, прекращающая прежнюю экономическую анархію. «Союзники, застигнутые врасплохъ войной, успѣютъ, какъ слѣдуетъ, приготовиться къ миру» — прибавляли французы. «Если бы Европа десять лѣтъ тому назадъ восприняла хотя бы десятую часть заповѣдей конференціи, Германія не могла бы на торговые барыши создать флотъ и армію, грозящіе на костяхъ и трупахъ другихъ странъ построить міровое владычество Германіи». Таковъ

былъ общій выводъ, таковъ смыслъ постановленій конференціи, таковы комментаріи къ новому, принятому державами, плану. (См. докл. Б. А. Никольскаго).

Германія подняла крикъ. Да вѣдь это бойкотъ, форменный бойкотъ! Свыше 150 милліоновъ жителей исключаются изъ мирнаго обмѣна съ другими людьми, населяющими земной шаръ. «Постановленія Конференціи составляютъ неслыханнѣйшее насиліе, какое когда-либо было измышлено человѣческимъ разумомъ. Континентальная система Наполеона, по сравненію съ этимъ, была дѣтской забавой». (Prion. p. 321, 345).

И угрожающе прибавляли: повести русло хозяйственной жизни мимо Германіи, отвести его въ новые каналы и тѣмъ самымъ дать Германіи завянуть и заглохнуть, — такой дьявольскій планъ долженъ лопнуть. «Тотъ Самсонъ, которому они намѣрены отрѣзать локоны, чтобы лишить его силы, и выколоть глаза, — онъ все же обладалъ бы достаточной силой для того, чтобы охватить своими могучими руками колонны храма народовъ и похоронить подъ развалинами его и многихъ изъ своихъ враговъ». (Jäger. Schmollers Jahrbuch. 1916. II. p. 51).

Но такъ далеко дѣло вовсе не заходило. О бойкотѣ, о разрывѣ всякихъ торговыхъ сношеній рѣчи не было. Только разгоряченные умы, объятые жаждой мести по отношенію къ жестокому и коварному врагу, окрыленные надеждой стереть съ лица земли Германію, могли предъявлять такое требованіе. «Между Франціей и Германіей ничего болѣе общаго—между ними стѣна. Вездѣ и повсюду стѣна. Никакихъ болѣе нѣмецкихъ товаровъ къ намъ не допускать — стѣна! Никакихъ нѣмецкихъ туристовъ въ Францію — стѣна! Никакихъ нѣмецкихъ служащихъ въ нашихъ отеляхъ — стѣна! Тишина въ нѣмецкихъ городахъ и селахъ — стѣна, стѣна, стѣна!» Такіе истерическіе выкрики — они раздавались и въ другихъ странахъ — могли только озлоблять нѣмцевъ. Но далеко не все то, что рисуется озлобленной фантазіи, выдерживаетъ критику предъ судомъ здраваго разсудка. «Вражда къ людямъ и вражда къ ихъ товарамъ — не одно и то же; людей можно ненавидѣть, товары же ихъ цѣнить и нуждаться въ нихъ».

Даже наиболѣе непримиримый противникъ Германіи, пламенный защитникъ крайнихъ мѣръ, австрійскій премьеръ Юзъ (Hugh), который — какъ говорили — отправляясь на конференцію, навѣрное и не думалъ искать въ словарѣ, что значитъ слово «компромиссъ», — даже онъ, заявляя, что постановленія конференціи «равносильны экономической революціи», что они «вонзятъ Германіи кинжалъ прямо въ сердце», въ то же время прибавлялъ: «я не говорю, что мы должны порвать торговыя сношенія съ Германіей, но я утверждаю, что дѣловыя сношенія, какія мы установимъ съ нею, должны быть таковы, какъ мы пожелаемъ, а не таковы, какъ намѣрена навязать намъ Германія. Правильно примѣняемыя постановленія конференціи, этой «великой хартіи» обезпечиваютъ экономическую независимость Британіи и союзникамъ и всему цивилизованному міру» (см. Б. А. Никольскій, ук. докл.). А другіе къ этому прибавляли: «нѣтъ никакихъ основаній для союзниковъ наказывать себя же, отказываясь отъ покупки у Германіи того, что имъ нужно и что они сами не въ состояніи произвести; бойкотъ ради бойкота наноситъ ущербъ лишь иниціаторамъ его, давая власть чувствамъ, а не разуму».

Бойкотъ германской торговли, — говоритъ Ch. Gide (р. 173.177),—былъ бы явной безсмыслицей. Онъ не только вызвалъ бы контръ-атаку со стороны Центральной Европы и особенно тѣсное сплоченіе ея; онъ не только подвергъ бы экскоммуникаціи всѣхъ огульно, и правыхъ, и виноватыхъ, въ томъ числѣ проживающихъ въ Австро-Венгріи славянъ, итальянцевъ, румынъ, въ Германіи — эльзасцевъ и т. д., наложивъ на всѣхъ ихъ печать Каина; онъ не только лишилъ бы союзниковъ многихъ товаровъ, которые они могутъ наиболѣе легко, удобно и дешево пріобрѣтать у нѣмцевъ. Нѣтъ, не только это. Разоривъ Германію, доведя ее до нищеты и голода, онъ упразднилъ бы обширный рынокъ для экспорта изъ союзныхъ странъ, онъ понизилъ бы заработную плату и процентъ съ капитала въ Германіи и тѣмъ самымъ еще болѣе удешевилъ бы ея продукты и усилилъ бы ея конкуренцію на нейтральныхъ рынкахъ; получилась бы своего рода вторая Японія, но только устроенная въ самомъ сердцѣ Европы.

«Цѣлью должно быть похоронить торговлю Германіи, ибо народы живутъ торговлей». Но какая выгода отъ того, что она станетъ неплатежеспособной? Представимъ себѣ кредитора, который лишилъ бы своего должника возможности продать свой урожай. Изъ какихъ средствъ онъ получилъ бы плату? Откуда должникъ взялъ бы деньги? Кто хочетъ упразднить Германію въ качествѣ поставщика, потеряетъ ее и въ качествѣ кліента — надо либо брать и то и другое, либо отказаться отъ обоихъ. Выбора нѣтъ. Если теченіе оттуда прекратится, то и встрѣчное теченіе должно остановиться. «Vendre c'est acheter, acheter c'est vendre» — говорили еще экономисты XVIII вѣка.

Но бойкотъ является утопіей и по соображеніямъ чисто географическаго свойства. Хорошо было бы, если бы союзники могли оградить себя отъ враговъ одной высокой стѣной, отдѣлиться отъ прочаго міра. Но ихъ раздѣляютъ страны и части свѣта, моря и океаны. Десятокъ и болѣе странъ, разбросанныхъ по всему земному шару — ибо не надо забывать британскихъ колоній, — какъ они могутъ образовать единый фронтъ въ экономической войнѣ? (Ch. Gide. p. 178).

Да и нѣмцы не дадутся живыми, не пойдутъ добровольно на такую проскрипцію, не подчинятся постановленію объ исключеніи ихъ изъ списка живущихъ. Они будутъ отбиваться, какъ лютые звѣри, на всякій ударъ будутъ отвѣчать ударомъ. Если державы Согласія закроютъ всѣ окна и двери въ Центральную Европу, то послѣдняя отвѣтитъ тѣмъ же, и ничто не будетъ проникать ни въ томъ, ни въ другомъ направленіи. Прекратится всякое движеніе, всякая жизнь, наступитъ тишина кладбища, — явленіе для промышленнаго, торговаго, какъ и духовнаго развитія Европы, едва ли особенно отрадное и выгодное. Въ семьѣ государствъ дѣло обстоитъ не иначе, чѣмъ въ парламентской жизни: «нельзя безнаказанно исключать большую партію изъ общей работы». Блокада получилась бы не только для Германіи, но и для союзниковъ: продукты, предназначенные для экспорта, остались бы у нихъ на рукахъ, ибо Германія являлась всегда выгоднымъ, исправнымъ и платежеспособнымъ покупателемъ.

*

«Семь милліардовъ товаровъ, французскихъ, англійскихъ, русскихъ, итальянскихъ, бельгійскихъ, широкой струей вливавшихся въ Германію и Австро-Венгрію, повернутъ обратно въ союзныя страны, отыскивая себѣ пристанища, сталкиваясь между собою, подобно стаямъ птицъ, потерявшихъ свои гнѣзда и старающихся каждая усѣсться въ гнѣздѣ другого».

И какъ провѣрить происхожденіе привозимыхъ товаровъ, выяснить, какого они рода и племени? Сербскіе и румынскіе товары вынуждены путешествовать чрезъ вражескія страны, а, слѣдовательно, будутъ брошены въ одинъ котелъ съ нѣмецкими, а послѣдніе перемѣнятъ этикетки, надписи и названія фирмъ; переодѣтые и загримированные, они свободно вступятъ на территорію державъ Согласія. Гдѣ тотъ таможенникъ, который въ состояніи раскрыть такого рода обманъ?

Нейтральные едва ли изъ сентиментальныхъ «этическихъ» соображеній пожертвуютъ тѣмъ дождемъ золота, который польется на нихъ, благодаря такого рода операціямъ обхода державъ Согласія, да и населеніе послѣднихъ будетъ въ этомъ случаѣ за одно съ ними и съ врагами. Даже среди французовъ, состоящихъ членами анти-германскихъ лигъ, весьма многіе, когда дѣло дойдетъ до покупки товаровъ, къ которымъ они привыкли, въ родѣ какого-нибудь полосканія для зубовъ или средства противъ мигрени, будутъ счастливы, найдя на нихъ этикетку, якобы швейцарской фирмы, и не станутъ добиваться ихъ метрическаго свидѣтельства (Ch. Gide. p. 178). А то, что нельзя будетъ переправить черезъ границу подъ иностранными названіями, будетъ производиться въ самой же странѣ тѣми же нѣмцами — въ Англіи, Франціи, Италіи и т. д., что едва ли выгоднѣе для нихъ. Нѣмцы поселятся въ собственномъ домѣ союзниковъ, оккупируютъ ихъ территоріи своими фабриками и заводами, ибо не думаютъ же державы Согласія лишить нѣмцевъ права жить и торговать, пріобрѣтать дома и учреждать компаніи, т. е. вернуться къ средневѣковымъ порядкамъ, возрождая гостинное и штапельное право и иные институты для иностранцевъ.

Но если самая мысль вычеркнуть Германію изъ числа участниковъ въ международномъ обмѣнѣ вовсе не скрывается за постановленіями конференціи, ибо она столь же безумна, какъ и опасна, столь фантастична, что о ней серьезно и говорить не стоило бы, то — и это обстоятельство необходимо усиленно подчеркнуть — многое изъ приведеннаго бьетъ и противъ махинацій союзниковъ, болѣе смягченнаго, болѣе умѣреннаго свойства. Парижская конференція все же не есть объявленіе войны оборонительной, направленной къ охранѣ своей территоріи. Она вовсе не «мирный конгрессъ во время войны», какъ утверждаютъ поклонники ея, говоря, «къ защитѣ — да, къ войнѣ — нѣтъ». Надо правильно читать ея постановленія. Тогда мы въ нихъ, конечно, не найдемъ интердикта, но не усмотримъ и безобидныхъ мѣръ въ защиту отъ нападенія Германіи.

О послѣднихъ можно было бы говорить, если бы дѣло сводилось къ желанію замѣнить нѣмецкій привозъ собственнымъ производствомъ. Англія желаетъ имѣть свои краски, чтобы ея обширная хлопчатобумажная промышленность, одѣвающая оба полушарія, не находилась всегда подъ дамокловымъ мечомъ прекращенія германскаго подвоза; ей нужны собственные оптическіе инструменты и приборы для мастерскихъ, лабораторій, университетовъ. Французскія дѣти не хотятъ больше качать нѣмецкихъ «Гретхенъ», французскіе художники будутъ заботиться о снабженіи ихъ изящными, развивающими вкусъ, игрушками. Больному французу, а тѣмъ болѣе раненому нѣмецкой пулей, непріятенъ нѣмецкій термометръ — будутъ изготовляться собственные, секретъ производства которыхъ — по словамъ нѣмецкихъ газетъ — они вывѣдали у плѣнныхъ нѣмцевъ [1]). Все это и многое другое въ томъ же направленіи вполнѣ понятно, въ порядкѣ вещей.

---

[1]) Въ Англіи главное вниманіе обращено во время войны на развитіе электротехнической промышленности, производства оптическихъ приборовъ и на различныя отрасли химической индустріи — красочную, по изготовленіи фармацевтическихъ препаратовъ, дубильныхъ экстрактовъ и т. д. Во Франціи сдѣлано много въ смыслѣ усиленія добычи каменнаго угля въ незанятыхъ непріятелемъ районахъ, въ производствѣ медицинскихъ препаратовъ, стеклянныхъ и керамическихъ издѣлій, дѣтскихъ игрушекъ, нотъ.

Оборонительной экономическую войну можно было бы называть, пожалуй, и въ томъ случаѣ, когда державы Согласія установили бы взаимныя льготы союзнымъ государствамъ въ смыслѣ снабженія ихъ сырьемъ, оборудованіемъ, тоннажемъ, капиталами, коль скоро, конечно, эта помощь не принимаетъ формы лишенія Германіи нужнаго ей сырья. Но если уже въ заключеніи Англіей долгосрочныхъ договоровъ на австралійскій цинкъ или алжирскую руду, въ проектированной скупкѣ союзниками русскаго лѣса, платины и т. д., въ желаніи британскихъ колоній сбывать свою шерсть, джутъ и другіе продукты такъ, чтобы Германія ихъ не получила, — если уже во всемъ этомъ слышится довольно явственно нотка вражды, шахматный ходъ въ открытой наступательной борьбѣ, то безусловнымъ призывомъ къ войнѣ, трубнымъ звукомъ является приказъ—не давать Германіи наибольшаго благопріятствованія; нарушеніе этого, признаваемаго, слѣдовательно, основнымъ закономъ положенія приравнивается даже—какъ мы видѣли — къ заключенію сепаратнаго мира, т. е. къ тягчайшему преступленію, къ измѣнѣ союзникамъ. Не только или не столько для себя взаимныя льготы и преимущества выговариваютъ союзники въ таможенной области, сколько они стараются поставить именно Германію въ исключительно «неблагопріятствующее» положеніе; не себѣ взять побольше, а ей дать поменьше, по возможности, ничего. Ожидая реванша со стороны Германіи, державы Согласія уже говорятъ о компенсаціяхъ. Они готовы, слѣдовательно, сами пострадать, нанести раны своему хозяйству, лишь бы только Германія почувствовала лишенія, лишь бы ей причинить боль. Затѣмъ уже можно будетъ свои раны кое-какъ залечить, наложить на нихъ «англійскій» или иной пластырь.

Это—для послѣ-военной эпохи. Но и для третьяго, послѣдняго періода опять-таки все сводится къ одной цѣли—добиться независимости отъ враговъ. Не автаркіи вообще, а развитія своего производства такъ, чтобы обойтись безъ помощи нѣмцевъ и австрійцевъ; но какими мѣрами и средствами—это пускай каждый самъ для себя рѣшаетъ, по своимъ нуждамъ и по своему разумѣнію.

Въ этомъ послѣднемъ наиболѣе ярко отражается вся расплывчатость, неясность и неопредѣленность постановленій Парижской конференціи. Таможенная политика союзниковъ нисколько не стѣснена, союзникамъ предоставлена полная свобода дѣйствій, запрещено лишь надѣлять враговъ наибольшимъ благопріятствованіемъ—они должны быть поставлены въ худшее положеніе, чѣмъ союзники и даже чѣмъ нейтральные. Въ сущности къ этому все и сводится; опредѣленности не могло быть, безплодно было бы заранѣе что-либо загадывать, да и интересы союзниковъ слишкомъ различны—мыслимо ли было ввести ихъ въ одну рамку? Но объявить Германіи и Австріи войну послѣ мира—это, конечно, возможно было уже теперь, въ пылу битвы, на Парижской конференціи 1916 года.

Не имѣетъ ли смыслъ такая ненависть? Не подогрѣта ли исключительно однимъ чувствомъ такая жажда мести? Не лучше ли, чѣмъ затягиваніе вражды до безконечности, «гармоническое развитіе» всѣхъ силъ въ міровомъ товарообмѣнѣ? До какихъ предѣловъ страны Согласія въ состояніи сами выдержать такое «окруженіе» Германіи, обложить себя налогомъ, покупая другъ у друга предметы, которые они могли бы пріобрѣсти по болѣе низкой цѣнѣ внѣ заколдованнаго круга? И не останется ли Германія, которую хотятъ запереть въ тѣсной клѣткѣ, чтобы она задохлась или въ безсильной злобѣ себя же растерзала, все-таки, по старой памяти, «міромъ труда», къ которому ея же нынѣшнимъ врагамъ, какъ и встарь, придется обращаться, ибо товарный голодъ заставитъ ихъ снова пойти на поклонъ къ нѣмецкимъ купцамъ, этимъ, якобы, эксплоататорамъ всего міра?

Такія сомнѣнія должны были возникать на каждомъ шагу, охладить пылъ поклонниковъ Парижской конференціи.

Германія экспортировала въ 1913 г. на 10,1 милліардовъ мар.-изъ нихъ 3,1 милл. или 30 проц. въ Соединенное Королевство, Францію и Россію, а съ прочими, воюющими противъ нея странами Европы, и съ колоніями—4,9 милліард. или почти половину; причемъ изъ 6,8 милліард. готовыхъ издѣлій, вывозимыхъ Германіей, 2,5 милл. приходится на Англію, Францію и Россію, а на всѣхъ враговъ ея въ Европѣ

съ колоніями — 3,2 милл., или почти половина (полуфабрикатовъ эти страны получаютъ всего на 1 — 2 милліарда).

Положеніе, такимъ образомъ, получалось для нея весьма печальное и серьезное. Даже если и отбросить фантастическую идею бойкота, все же оставалась возможность значительнаго сокращенія германскаго экспорта, какъ и вообще торговли ея съ врагами. «Если Германія—говоритъ Herkner (Schmollers Jahrbuch. 1916. p. 569) —не удастся возстановить свою морскую торговлю, составляющую половину всего ея товарообмѣна, то въ экономическомъ отношеніи Англія выиграла войну, даже если обороты Германіи съ Австріей и другими ея союзниками окажутся гораздо болѣе блестящими, чѣмъ въ настоящее время можно ожидать, трезво размышляя. Сколь ни важенъ для насъ восточный вопросъ, мы все же ни въ коемъ случаѣ не можемъ допустить, чтобы насъ вытѣснили изъ великаго атлантическаго товарообмѣна, ибо онъ составляетъ для насъ въ сущности вопросъ жизни. Лишь при его помощи мы можемъ надѣяться на исцѣленіе тѣхъ глубокихъ ранъ, которыя война нанесла нашему народному хозяйству».

Не только германскій экспортъ, но и импортъ находился въ опасности; не только сбытъ промышленныхъ издѣлій грозилъ затормозиться, но промышленность могла умереть съ голоду — безъ сырья. Германія въ нашей власти — провозглашалъ всему міру французскій министръ торговли Клемантель: никель и платина находятся цѣликомъ въ рукахъ союзныхъ державъ, ферромарганъ въ размѣрѣ 84 проц., пеньки они производятъ въ $4^1/_2$ раза больше, шерсти въ 11 разъ больше, шелка-сырца въ 8 разъ больше, чѣмъ центральныя имперіи. Они имѣютъ монополію джута и $^4/_5$ всего льна; хлопкомъ Германія и Австро-Венгрія вовсе не располагаютъ.

Правда, во время войны Германія сумѣла нѣсколько приспособиться къ своему изолированному отъ всего міра положенію, при которомъ для нея морская торговля, другія части свѣта и т. д. исчезли съ поверхности земного шара. Стали добывать различные побочные продукты изъ дерева и соломы— спиртъ, ацетонъ для взрывчатыхъ веществъ и искусственнаго каучука, бензолъ, метилалкоголь, аммоніакъ, различныя масла;

изъ соломы и дерева получали кормовыя средства, замѣняя ими овесъ и ячмень; за недостаткомъ мѣди и латуни, для электрическихъ проводовъ и точныхъ инструментовъ служило желѣзо и цинкъ; появились и замѣстители аллюминія и ферромангана. Вмѣсто хлопка и джута сумѣли приспособить крапиву. Кофе и чай, селитра, ленъ, — все исчезло и для всего нашлись суррогаты, все использовали вплоть до кухонныхъ отбросовъ, выброшенныхъ за негодностью вещей, и даже навоза — изъ послѣдняго пытаются извлечь обратно содержащіеся въ немъ жиры.

Но какъ ни хитры на выдумки нѣмцы — нужда заставляетъ — и при всемъ ихъ желаніи и намѣреніи сохранить на будущее время опытъ войны и свою новую индустрію суррогатовъ, все-же пробиваться вѣчно ими одними, не всегда удачными, а часто и довольно непріятными, замѣстителями истинныхъ хозяевъ—продуктовъ, получавшихся до войны, — такая перспектива и имъ не улыбается.

Германіи придется прибѣгнуть къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Она будетъ отыгрываться, какъ на сырьѣ, такъ и на промышленныхъ издѣліяхъ. Прежде всего на желѣзной рудѣ и каменномъ углѣ — въ этихъ областяхъ козыри въ ея рукахъ — на калійныхъ и другихъ соляхъ, на химическихъ продуктахъ. Если намъ откажутъ въ наибольшемъ благопріятствованіи — заявляютъ нѣмцы — мы не дадимъ Франціи, Бельгіи и Италіи угля и желѣза, Англіи — металлическихъ издѣлій. Да и обойдется-ли послѣдняя безъ нашихъ красокъ, безъ нашихъ кожъ для сапогъ, безъ нашей бумаги и инструментовъ?

Что Германія будетъ пытаться всякими правдами и кривдами внѣдрить свои товары подъ именемъ нейтральныхъ, что эта операція будетъ производиться въ не менѣе грандіозныхъ размѣрахъ и будетъ не менѣе блестяще организована, чѣмъ въ оныя времена контрабандный провозъ товаровъ, — въ этомъ можетъ сомнѣваться только тотъ, кто не знакомъ съ энергіей и желѣзной дисциплиной нѣмцевъ и съ той первенствующей ролью, которую всегда игралъ въ ихъ жизни экспортъ. А вѣдь это соображеніе имѣетъ значеніе, и весьма существен-

ное, и при смягченіи бойкота на степень простого — но далеко не безобиднаго — отказа въ наибольшемъ благопріятствованіи и примѣненія исключительнаго тарифа. И въ этомъ случаѣ дифференціація пошлинъ съ требованіемъ свидѣтельствъ происхожденія для привозимыхъ товаровъ, создавая фабрикацію фальшивыхъ паспортовъ для товаровъ, все-же отозвалась-бы столь-же больно на Германіи, какъ и отвѣтный шагъ съ ея стороны на экспортѣ участниковъ Парижской конференціи.

Если уже все это должно неминуемо повести къ банкротству «адскаго» замысла союзниковъ, ихъ «безумнаго и преступнаго плана», какъ характеризуютъ его нѣмцы,— то — предсказывали съ самаго начала — въ рукахъ послѣднихъ окажется еще одно, едва-ли не самое дальнобойное оружіе: они будутъ дѣйствовать по старинному принципу — divide et impera! Вражда и месть вообще плохіе совѣтники, а союзъ, построенный почти исключительно на общей ненависти къ третьему, рѣдко держался; это слишкомъ слабая цѣпь, она плохо сдерживаетъ, легко распадается. Въ данномъ-же случаѣ интересы участниковъ настолько различны, настолько сильно расходятся, что Германіи едва-ли трудно будетъ прорвать фронтъ, разорвать ту слабую замазку, которой на скорую руку склеенъ союзъ. «Адвокаты бойкота отвѣчаютъ: само собою разумѣется, союзники возмѣстятъ другъ другу ущербъ. Но въ коммерческой жизни ничто «само собою не разумѣется» (Dawson. Quart. Review. 1917. IV. p. 409). Коль скоро-же въ плотинѣ оказывается хоть одна трещина, вода прорывается, все должно рухнуть и поплыть по теченію. Если одинъ изъ союзниковъ нарушитъ договоръ, явно или тайно, и вступитъ въ сношенія съ Центральными имперіями, онъ на этомъ много заработаетъ, онъ займетъ мѣсто всѣхъ другихъ, они-же, безъ всякой пользы для дѣла, окажутся одураченными. Конечно, Россія не можетъ сѣсть на мѣсто Англіи или Бельгіи, но для Франціи это вполнѣ возможно, Россія-же можетъ продѣлать такую операцію съ британскими колоніями, съ ихъ хлѣбомъ, масломъ, кормовыми средствами, лѣсомъ и т. д., какъ и они съ нами. Словомъ, — указывали дальновидные

политики — если отдѣльныя звенья изъ цѣпи выпадутъ, то вся она немедленно разсыплется, какъ бисеръ, и отъ «коммерческаго наказанія» Германіи останется одно печальное — для державъ Согласія — воспоминаніе.

Отношеніе между союзными державами въ этой «карательной экспедиціи» противъ Германіи легко могло представить собою картину изъ басни о лебедѣ, щукѣ и ракѣ, ихъ совмѣстная дѣятельность уподобиться тому самому возу, который «и нынѣ тамъ». Англичане и французы, худо ли, хорошо ли, могутъ еще наложить на себя эпитимію не покупать нѣмецкихъ продуктовъ, а слѣдовательно, и не продавать нѣмцамъ. До извѣстной степени они могутъ доставить другъ другу то, что являлось предметомъ ихъ привоза изъ Германіи и вывоза въ Германію, могутъ привлечь къ этому дѣлу и колоніи. Послѣднія примутъ англійскую пряжу, ткани и платье, уходившія въ Германію, дадутъ Англіи сахаръ. Кожевенными издѣліями, перчатками, галантерейными товарами Франціи сумѣетъ снабдить англичанъ не хуже австрійцевъ. Англійскія машины и каменный уголь могутъ вытѣснить нѣмцевъ на русскомъ рынкѣ; труднѣе будетъ помѣстить Франціи свои вина, фрукты, цвѣты, шелковыя ткани, тѣмъ болѣе, что она тутъ встрѣтится съ конкурренціей Италіи, которой также придется отыскивать новыхъ покупателей для этихъ продуктовъ.

Съ другой стороны, и англичане, и французы стараются и будутъ стараться производить у себя дома многое изъ того, чѣмъ ихъ до сихъ поръ питала Германія и Австро-Венгрія. Печальная необходимость ихъ заставила. Подобно тому, какъ ощущаемая нами боль является благодѣяницей, свыше намъ данной, ибо она подаетъ сигналъ, что та или другая часть нашего организма нуждается въ ремонтѣ, иначе мы не обратили бы на это вниманія, — такъ внезапный разрывъ съ Германіей и отсутствіе цѣлой массы привозимыхъ прежде товаровъ вынудило немедленно приняться за заполненіе образовавшихся въ хозяйственной жизни пробѣловъ, за лѣченіе ея болѣзней, подготовляясь тѣмъ самымъ къ будущей войнѣ за міровой рынокъ. Но дѣло не такъ просто, какъ можетъ пока-

заться. Едва ли не самая блестящая побѣда, которую Германія одержала надъ Франціей и Бельгіей, заключается въ разрушеніи и сравненіи съ поверхностью районовъ, снабжавшихъ обѣ страны желѣзной рудой. Много воды утечетъ, прежде чѣмъ французскіе и бельгійскіе рудокопы снова будутъ извлекать изъ матери-земли то, что они добывали до всемірнаго потопа. А на желѣзѣ вѣдь зиждется современная культура, двадцатый вѣкъ не перестанетъ быть вѣкомъ желѣза. «На желѣзѣ, стали и каменномъ углѣ, а не на чаѣ, кофе и патокѣ фабрично-заводская промышленность и Великобританіи, и Германіи, и Соединенныхъ Штатовъ воздвигла свое благополучіе». (Dawson). Французы и бельгійцы должны быть довольны, если Германія соблаговолитъ снабжать ихъ нужнымъ имъ количествомъ руды.

Война открыла глаза Англіи: она поняла, что̀ означаетъ то, что электричество и химія не принадлежатъ ей болѣе, «ускользнули изъ ея толстыхъ пальцевъ», въ то время, какъ когда то не было той области человѣческой дѣятельности, въ которой англичане не были бы «велики, недостижимы, несравнимы».

Было время — читаемъ въ журналѣ «The Engineer» за 1915 г. (въ статьѣ, не подписанной, но принадлежащей, по словамъ редакціи, человѣку съ большимъ опытомъ въ области практической жизни),—было время, когда «Германія была презираемымъ и погрязшимъ въ бѣдности конгломератомъ до смѣшного мелкихъ государствъ, грязной толпой, надъ которой изощряли свое остроуміе наши сатирики. Въ Германіи цѣнилось только то, что было привезено изъ Англіи. Treitschke разсказываетъ въ своей «Deutsche Geschichte», какъ несчастный нѣмецкій профессоръ изобрѣлъ электрическій телеграфъ, и только потому, что онъ былъ нѣмцемъ, надъ его изобрѣтеніемъ смѣялись и никто ему не вѣрилъ. Долженъ былъ появиться англичанинъ, чтобы сдѣлать его пригоднымъ и примѣнимымъ на практикѣ.

«А теперь? Какъ измѣнилось все съ тѣхъ поръ! Германія занимаетъ монопольное положеніе въ цѣломъ рядѣ областей производства. Мы, которые прежде весь міръ снабжали, встрѣ-

чаемъ теперь на каждомъ шагу успѣшную конкуренцію нѣмцевъ; ихъ комивояжеры насъ побиваютъ, и если бы не началась война, вездѣ и повсюду могли бы насъ уничтожить». Было бы наивно утверждать, — продолжаетъ авторъ — что промышленность Германіи есть карточный домикъ, что ея могущество въ различныхъ областяхъ чистой и прикладной науки основано на нагломъ обманѣ; вѣдь нельзя отрицать того, что въ то самое время, какъ Германія быстро превратилась въ работающую на научныхъ основаніяхъ промышленную страну съ фабриками, «густо лежащими, какъ горохъ въ горшкѣ», тамъ, гдѣ прежде господствовало одно земледѣліе, — въ то самое время мы стали страной потребителей, страной, изготовляющей полуфабрикаты, которые являются сырьемъ для нѣмецкой индустріи. «Не будемъ себя обманывать. Промышленное развитіе Германіи не есть случайное явленіе, это не мыльный пузырь, а реальная дѣйствительность, результатъ тяжелаго труда и напряженія, способности и непоколебимой энергіи».

«Наши университеты — прямые потомки средневѣковыхъ монастырскихъ школъ, гдѣ ученики подготовлялись для монастыря, а не для жизни. Отъ нихъ до сихъ поръ вѣетъ монастырскимъ духомъ, чѣмъ-то далекимъ отъ жизни, чуждымъ ей». Въ противоположность этому, «нѣмецкія фабрики науки создаютъ людей среднихъ способностей, но умѣлыхъ и пригодныхъ для работы, создаютъ ихъ, подобно машинному производству, всѣхъ по одной и той же мѣркѣ, такъ что могутъ отдавать ихъ оптомъ, такъ же, какъ уголь покупаютъ по вѣсу».

Химію — читаемъ въ одномъ докладѣ Chemical Society — создала Англія; она произвела Блэка и Бойля, Дэви и Дальтона, Фарадея и Грехема; мало того, и современныя искусственныя краски, производимыя изъ смолы, которая улавливается при коксованіи, впервые открылъ въ 1856 году, хотя и случайно, при опытахъ съ хининомъ, англичанинъ Уильямъ Перкинъ; ему принадлежитъ честь открытія первой анилиновой краски, пурпуровой. По словамъ нѣмца Гофмана, который былъ первоначально профессоромъ химіи въ Лондонѣ, Англія на международной выставкѣ въ Парижѣ 1862 г.

обнаружила блестящее развитіе у себя химіи и химической промышленности и доказала еще болѣе, чѣмъ на предыдущей всемірной выставкѣ 1851 г., господство своей индустріи на міровомъ рынкѣ. Изъ 762 экспонатовъ по отдѣлу химіи на выставкѣ 1862 г. 200 принадлежало Англіи, Франціи же 115, а Германскому таможенному союзу вмѣстѣ съ Австріей и ганзейскими городами не болѣе 136. И въ этой самой странѣ, гдѣ было положено основаніе химической промышленности и она первоначально успѣшно развивалась, дѣло дошло до того, что лабораторіи вынуждены были пользоваться иностранными матеріалами и что прекращеніе привоза изъ вражескихъ странъ угрожало крупнѣйшимъ отраслямъ ея промышленности — текстильной и металлургической, на которыхъ покоится богатство Англіи. Какъ это могло случиться?

Случилось то, что Англія открывала новыя идеи, но использовать ихъ успѣли нѣмцы. Въ Англіи не было людей, которые согласились бы посвятить себя столь продолжительнымъ, утомительнымъ и кропотливымъ изысканіямъ, какихъ требовало изученіе «потомковъ смолы». Англія это предоставила Германіи; она сама не имѣла необходимыхъ лабораторій, которыя считались никому ненужными. А между тѣмъ, въ университетскихъ лабораторіяхъ Германіи, въ этой ученой атмосферѣ, были сдѣланы наиболѣе цѣнныя открытія — фталеины, искусственный индиго и ализаринъ, столь важные фармацевтическіе препараты, какъ антипиринъ и антифебринъ; всѣ они были тамъ открыты и оттуда уже перенесены на фабрики, благодаря той тѣсной связи, которая существуетъ въ Германіи между университетомъ и промышленностью, и отсутствуетъ въ Англіи. «Сила нашихъ конкурентовъ — сказалъ уже въ 80-хъ годахъ одинъ англійскій химикъ — въ лабораторіяхъ, а не на биржѣ, какъ у насъ».

Въ Германіи немыслимо такое положеніе, когда во главѣ предпріятія — химическаго, машиностроительнаго или иного завода или фабрики — стоитъ «биржевой маклеръ или отставной полковникъ»; такая мысль могла бы тамъ прійти въ голову только помѣшанному». Въ Англіи въ лучшемъ случаѣ фабриканты являются купцами, ничего не смыслящими въ

области естественныхъ наукъ и техники, не понимающими, напр., чрезвычайной сложности тѣхъ научныхъ основъ, на которыхъ покоится химическая индустрія, неспособными оцѣнить людей науки и предлагаемые ими новые способы и новыя средства. Неудивительно, если такіе предприниматели лишь случайно, получивъ въ руки нѣмецкіе образцы и сравнивъ ихъ съ собственными, узнавали, что въ Германіи тѣ же самыя издѣлія давнымъ-давно изготовляются гораздо лучшаго качества; если они, не придавая значенія упаковкѣ товара, отправляли грузы, которые внутри покрывались ржавчиной; если они многими открытіями нѣмцевъ вообще не могли пользоваться, такъ какъ не имѣли соотвѣтствующихъ приспособленій и не изготовляли промежуточныхъ продуктовъ—«такое улучшеніе для нихъ столь же полезно, какъ для эскимоса усовершенствованный часовой механизмъ». Когда англійскимъ заводчикамъ заявляли, что Англія производитъ лишь немногіе изъ 500 различныхъ красильныхъ веществъ, изготовляемыхъ въ Германіи, что у нея отсутствуетъ производство многихъ фармацевтическихъ препаратовъ, парфюмерныхъ веществъ и т. д., они спокойно отвѣчали: «такъ что же, мы вѣдь и такъ хорошо зарабатываемъ» (what does it matter if we are making money?).

Такъ и въ Англіи рядомъ съ тѣми, кто раздувалъ пламя вражды и ненависти къ Германіи, изливалъ священный гнѣвъ противъ нея, появилось и ширилось другое направленіе, старавшееся понять причину мирнаго завоеванія Германіей мірового рынка, объяснить, какимъ образомъ эти «невзрачные піонеры могли столько забирать и уносить съ собой», предостерегавшіе англійское общество отъ наивной вѣры въ то, что Германія могла на обманѣ построить свое экономическое могущество. «Промышленность не азартная игра, а серьезная наука. Можно обманывать всѣхъ, можно обманывать всегда, но обманывать всѣхъ и всегда,—немыслимо, такого случая не знаетъ исторія, такого примѣра не было подъ луной». Англичане слишкомъ уповаютъ на Бога—«онъ не комиссіонеръ», который можетъ всѣхъ снабдить. Пора перестать думать, что «достаточно держать въ распростертыхъ рукахъ блюдо, а плумпудингъ уже самъ будетъ валиться съ неба».

Нынѣшняя торговля — война — говоритъ William Ormandi въ докладѣ, читанномъ въ «Royal Society of Arts» — и примѣняемые въ этой войнѣ виды оружія суть: изобрѣтенія, прилежаніе, умѣніе и капиталъ. Наша ошибка состоитъ въ томъ, что мы ставимъ послѣдній на первое мѣсто. Тѣ, кто дѣлаетъ научные опыты и открытія въ химіи или въ технологіи, составляютъ какъ бы дрожжи, приводящія всю массу въ движеніе. Но нашей странѣ мы не даемъ тѣхъ условій теплоты, безъ которыхъ дрожжи не могутъ производить никакого дѣйствія. Золото само по себѣ не является столь цѣннымъ металломъ, какъ желѣзо; мы медленно, но вѣрно приходимъ къ сознанію, что капиталъ переоцѣненъ, если имъ не пользутся для блага промышленности и тѣмъ самымъ всего народа. Наши войска рискуютъ своей жизнью для защиты Англіи, но англійскій капиталистъ вовсе не имѣетъ желанія рисковать чѣмъ-нибудь. По милости своей лѣни и безразличія, своего собственнаго неумѣнія, вызваннаго неспособностью оцѣнить науку, онъ отсталъ, по сравненію со своими конкуррентами. «Если величайшая война — лучшій случай, какой когда-либо представлялся нашему отечеству — не заставитъ его приняться за дѣло, то можетъ ли какая-либо діалектика, какъ бы сильна она ни была, пробить его ограниченную самоувѣренность, а тѣмъ болѣе тройную броню его несомнѣнной — онъ въ этомъ глубоко убѣжденъ — выгоды?»

Если даже въ Англіи разсужденія относительно наступательной экономической войны послѣ мира стали смѣняться инымъ, болѣе соотвѣтствующимъ культурнымъ требованіямъ, взглядомъ, то въ Россіи съ перваго момента появленія на свѣтъ проекта Парижской конференціи имѣлись не только скептики, но и люди, прямо и открыто предсказавшіе одинъ только ущербъ для Россіи отъ участія въ такого рода кампаніи противъ Германіи. Слишкомъ яркій свѣтъ бросалъ прожекторъ — статистика внѣшней торговли, слишкомъ громко кричали цифры ея, предостерегая Россію отъ ложнаго шага.

Въ самомъ дѣлѣ, достаточно исчислить участіе Германіи въ привозѣ и вывозѣ различныхъ государствъ и составить соотвѣтствующую таблицу, чтобы сразу рѣзко бросилась въ

глаза совершенно неодинаковая степень зависимости отдѣльныхъ государствъ отъ нѣмецкаго привоза и вывоза. Возьмемъ долю Германіи въ импортѣ разныхъ странъ. На первомъ мѣстѣ, головой выше всѣхъ другихъ, и враговъ Германіи, и союзниковъ ея, и нейтральныхъ, — стоитъ Россія. 45,4 проц. всѣхъ привозимыхъ къ намъ до войны товаровъ получалось изъ Германіи; это гораздо больше того, что Германія давала нейтральнымъ государствамъ — Швейцаріи (32,2), Нидерландамъ (29,0), Скандинавіи (Швеціи — 34,2, Норвегіи 29,8, Даніи — 38,4), и даже своей союзницѣ — Австріи (40,2 проц.). Державы же Согласія стоятъ несравнимо ниже насъ, на много ступеней: Великобританія и Соединенные Штаты съ 10 проц., Франція съ 12,7 проц., Бельгія съ 14,2 проц. и даже Италія съ 16,8 проц.; съ Италіей наравнѣ находится Бразилія и Аргентина (17 проц.) и только Румынія приближается къ Россіи, хотя далеко не догоняетъ ея — нѣмецкіе товары образуютъ у нея 37.6 проц. привоза. Британскія же колоніи еще менѣе заинтересованы въ германскомъ привозѣ, чѣмъ метрополія: изъ всѣхъ импортируемыхъ ими товаровъ нѣмецкіе даютъ не болѣе 6 — 8 проц. (Южная Африка, Австралія, Индія, Египетъ), въ Канадѣ даже всего 2,3 проц.

Въ области вывоза въ Германію насъ обгоняютъ Нидерланды и Австро-Венгрія (48 и 44 проц.), они болѣе значительную часть своего экспорта направляютъ въ Германію, чѣмъ мы со своими 30 проц. Но и тутъ нейтральные (кромѣ Нидерландовъ) идутъ позади Россіи, не превышая 20—22 проц. (только Данія 25 проц.), и еще гораздо больше — что самое главное — отстаютъ отъ Россіи ея союзники: 9,6 проц. Великобританія, 12,6 проц. Франція, 13,6 проц. Италія 14,5 проц. Соединенные Штаты, и только Бельгія четвертую часть своего экспорта отдаетъ Германіи [1]). (Румынія всего 6,7 проц.). Бри-

[1]) Мы беремъ нѣмецкую статистику, ибо только въ этомъ случаѣ мы можемъ провести сравненіе по всѣмъ странамъ. Въ нашей статистикѣ цифры иныя — мы привезли изъ Германіи не 45 проц., а 30 (29,8), вывезли же туда не 30, а 47,5 проц., т. е. балансъ нашъ въ товарообмѣнѣ съ Германіей не пассивный, а активный. Это послѣдствіе неодинаковой системы обозначенія странъ происхожденія и назначенія. (См. Zuckermann. Der Warenaustausch zwischen Russland und Deutschland. 1915).

танскимъ же колоніямъ и вывозъ въ Германію безразличенъ, въ особенности Канадѣ (0,9 проц.) и Южной Африкѣ (3,2 проц.), но и для Австраліи онъ не превышаетъ 8,8 проц., для Индіи 10,4 проц. и только для Египта повышается до 12,9 проц.

Итакъ, всего одна десятая англійскаго привоза и вывоза зависитъ отъ Германіи, одна восьмая французскаго импорта и экспорта, одна седьмая итальянской вывозной торговли и одна шестая ея импорта, но почти половину русскаго привоза составляетъ Германія и почти треть нашего вывоза идетъ въ Германію. Если это изобразить діаграммой, то роль Германіи въ нашемъ товарообмѣнѣ выразится въ видѣ цѣлаго поѣзда, тогда какъ та же Германія для хозяйственной жизни англичанъ или французовъ окажется однимъ-двумя вагонами поѣзда или частью груза въ пароходѣ, изображающемъ британскій экспортъ.

Можно ли при такихъ условіяхъ говорить о равенствѣ интересовъ у всѣхъ участниковъ экономическаго союза? Не было ли присоединеніе къ Парижской конференціи Россіи съ самаго начала неестественнымъ, противнымъ разсудку, явленіемъ, и не должна ли была она все равно рано или поздно разорвать эту грозившую задушить ее цѣпь?

Изъ экспортируемыхъ Россіей продуктовъ въ 1911/13 г.г. въ Германію шло почти 90 проц. ячменя, почти двѣ трети сѣмянъ (62, 3 проц.) и ржи (61, 6 проц.), половина ферромангана (49,4 проц.), лѣса (47,0 проц.), кожъ (44,9 проц.), свыше двухъ пятыхъ масляныхъ выжимокъ (44 проц.), овса (43,9 проц.) двѣ пятыхъ масла коровьяго (40,5 проц.) и яицъ (39,8 проц.) и свыше четвертой части льна (28,1 проц.). Неужели же Россія откажется отъ столь выгоднаго покупателя? Куда она дѣнется съ этими продуктами? Гдѣ они найдутъ себѣ пристанище?

Въ свою очередь, Германія доставляла (по русской статистикѣ, въ пудахъ) почти семь восьмыхъ всѣхъ привозимыхъ въ Россію машинъ (кромѣ сельскохозяйственныхъ), электрическихъ принадлежностей и физическихъ приборовъ, три четверти химическихъ матеріаловъ и продуктовъ и кожъ и кожаныхъ издѣлій, почти двѣ трети металловъ и издѣлій изъ

нихъ и столько же удобреній (томасовыхъ шлаковъ и суперфосфатовъ). Отъ нея мы получали болѣе половины всѣхъ импортируемыхъ въ Россію стекляныхъ товаровъ, половину сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій, почти половину пряжи и тканей всякаго рода и столярныхъ и токарныхъ предметовъ, всѣ вязаные и басонные, почти всѣ галантерейные товары.

Мы писали, сидя подъ нѣмецкой электрической лампой и нѣмецкимъ абажуромъ, на нѣмецкой бумагѣ нѣмецкими чернилами и нѣмецкими перьями или на нѣмецкой пишущей машинѣ, стирая ошибки нѣмецкой резинкой и исправляя ихъ нѣмецкимъ карандашемъ. Написанное отправлялось въ типографію и набиралось нѣмецкими шрифтами или «американскимъ», сооруженнымъ въ Германіи «линотипомъ» и печаталось на нѣмецкихъ же машинахъ. Мы одѣвались въ именуемое «англійскимъ», но изготовленное въ Германіи сукно, носили окрашенное нѣмецкими красками пальто съ нѣмецкими пуговицами, нѣмецкую шляпу, нѣмецкій галстухъ съ нѣмецкой булавкой, «голландское» бѣлье изъ русскаго льна, но съ нѣмецкихъ фабрикъ и русскіе, правда, сапоги, но изъ отдѣланныхъ въ Германіи или, во всякомъ случаѣ, дубленныхъ нѣмецкими экстрактами, кожъ. На полкахъ у насъ стояли нѣмецкія книги, на стѣнахъ висѣли нѣмецкія олеографіи и гравюры, съ камина на насъ смотрѣли нѣмецкія стеклянныя и фарфоровыя бездѣлушки и фотографіи, снятыя въ Россіи, но при помощи нѣмецкой камеры, нѣмецкаго объектива и нѣмецкихъ препаратовъ, въ рамкахъ изъ выросшаго въ Россіи, но обработаннаго въ Германіи, дерева.

Все у насъ было нѣмецкое. Больной лѣчился нѣмецкими лѣкарствами; врачъ дѣлалъ ему операцію нѣмецкими инструментами; рабочій приводилъ въ движеніе нѣмецкіе двигатели и машины; помѣщикъ обрабатывалъ землю нѣмецкими удобреніями, нѣмецкими плугами и локомобилями. Мы слушали нѣмецкую пьесу, разыгрываемую по нѣмецкимъ нотамъ на нѣмецкомъ роялѣ или на нѣмецкихъ струнныхъ и духовыхъ инструментахъ, нѣмецкимъ музыкальнымъ ящикомъ или нѣмецкимъ граммофономъ. Мы путешествовали въ нѣмецкихъ

вагонахъ и автомобиляхъ, хотя въ послѣднемъ случаѣ на немощеныхъ русскихъ дорогахъ. Мы даже тушили нѣмецкими насосами и трубами свои постоянно горѣвшія деревянныя зданія съ соломенными и черепичными крышами, такъ какъ нѣмецкое желѣзо было слишкомъ дорого.

Отрѣзавъ себя отъ Германіи, откуда мы все это возьмемъ? Кто будетъ насъ одѣвать, освѣщать, снабжать духовной пищей, лекарствами, доставлять намъ двигатели, машины, удобренія?

Дѣло доходило до того, что нѣмцы поили насъ кофе и какао, кормили апельсинами и лимонами, финиками, калифорнскимъ черносливомъ, приправляли наши кушанья перцемъ, мускатнымъ орѣхомъ и другими пряностями. Впрочемъ, статистика внѣшней торговли какъ бы насмѣхается надъ нами, говоря о нѣмецкомъ происхожденіи этихъ товаровъ, не растущихъ и не могущихъ расти подъ небомъ Германіи. Въ ея словахъ слышится жестокій упрекъ намъ, берущимъ заморскіе товары изъ рукъ нѣмецкаго купца, когда мы могли бы сами прямымъ путемъ доставлять себѣ кофе и пряности изъ Бразиліи, Антильскихъ острововъ, Индіи, овощи и фрукты изъ Италіи и Франціи, какъ могли бы направлять прямо по назначенію свой ленъ, кожи, керосинъ, минуя нѣмца, снабжающаго ими французовъ, итальянцевъ и англичанъ.

Какъ бы то ни было, цифры показываютъ, что связь между сосѣдями Россіей и Германіей — даже если устранить ее въ послѣдняго рода случаяхъ — имѣетъ не случайный, а глубоковошедшій въ хозяйственную жизнь обоихъ народовъ, вытекающій изъ потребностей того и другого и изъ географическаго положенія ихъ, характеръ, что взаимная зависимость между ними слишкомъ тѣсна и слишкомъ велика, чтобы ее можно было разорвать и уничтожить, не нанося глубокой раны ихъ народному хозяйству. Великая война, разрушившая связующія нити однимъ ударомъ, лучше всего потвердила это положеніе, вызвавъ не только матеріальное, но и моральное одичанье и огрубѣнье народовъ. Конечно, порвать цѣпь, крѣпко спаивавшую страны, было легче, чѣмъ снова наладить товарообмѣнъ, но все же направить корабль внѣшней торговли по старому, хотя и временно занесенному, фарватеру гораздо проще, чѣмъ

пускаться въ новыя странствованія и плаванья, открывать новыя Америки, отыскивать новые пути для своихъ товаровъ и новые запасы нужныхъ странѣ продуктовъ, когда, при всѣхъ обѣщанныхъ компенсаціяхъ, кораблю грозятъ жестокія бури, мели и подводные камни.

Недостаточно завязать новыя связи, надо и укрѣпить ихъ, вызвать и упрочить потребность въ товарахъ; новый домъ нужно построить—а это не такъ просто — на основаніяхъ не случайнаго, а необходимаго и важнаго для обѣихъ сторонъ товарообмѣна.

Не удивительно, что нѣмцы, не желавшіе вѣрить въ осуществимость столь жестокаго для нихъ замысла, болѣе всего уповали на Россію. Экономическій союзъ долженъ распасться, разсѣяться, подобно туману, хотя бы потому, что Россія — «страна ограниченныхъ возможностей» (Eulenburg), что ей некуда направить свои продукты, если Германія ихъ не возьметъ — на Францію и Италію вообще не приходится расчитывать, да и Англія и колоніи далеко не компенсируютъ ей сосѣднюю Германію (Ballod. Schriften des Vereins für Socialpol. I. p. 274. Stolper. Ibid. p. 167. Gothein. Deutschlands Handel nach dem Kriege. p. 39). «Россія сильно колебалась, подписывая положеніе о «развитіи собственнаго производства», колебалась не потому, чтобы это ей не улыбалось, а въ сознаніи того, что она со своей промышленностью еще не скоро въ состояніи будетъ отказаться отъ иностранныхъ — нѣмецкихъ — готовыхъ продуктовъ. (Prion. p. 323). «Въ отношеніи Россіи — говоритъ Herkner (Schmollers Jahrbuch. 1916. II, p. 26) — географическое положеніе создаетъ намъ такія же преимущества, на какихъ основана экономическая власть Англіи надъ нами. Едва ли слабость Россіи нужно выяснять ей спеціальными мѣрами. Повидимому, уже внутренняя природа русско-германскаго товарообмѣна позволяетъ расчитывать на возстановленіе его послѣ войны въ значительныхъ размѣрахъ». Какая иронія судьбы, — восклицаетъ Battaglia (p. 660) — Россіи придется просить Германію, чтобы она протянула ей руку помощи, которую никто иной подать ей не можетъ, для того, чтобы она имѣла возможность — посредствомъ форсированнаго экспорта

хлѣба въ Германію — выполнить свои кредитныя обязательства по отношенію къ своимъ же союзникамъ». При такихъ условіяхъ — продолжаетъ онъ — «едва ли нужно еще ссылаться — а все же упомянуть слѣдуетъ—на тотъ козырь, что будущее хозяйственное, и въ частности промышленное, развитіе Россіи можетъ быть построено лишь на пріобрѣтеніи необходимыхъ и незамѣнимыхъ нѣмецкихъ и австро-венгерскихъ спеціальныхъ машинъ, химическихъ продуктовъ, красильныхъ веществъ, калійныхъ солей, электротехническихъ принадлежностей, отчасти и пряжи».

То, что должно было случиться, случилось. Россія вышла изъ экономическаго союза, но только какъ, — объ этомъ лучше не спрашивать, вышла не послѣ войны—чего слѣдовало ожидать—а уже во время войны и себя же снабдила новымъ изобрѣтеніемъ, Брестскимъ миромъ, по сравненію съ которымъ Парижская конференція сулила ей одни выгоды.

Экономическій союзъ въ прежнемъ своемъ видѣ тѣмъ самымъ отошелъ въ область исторіи. Лишь Германія воспользовалась его статутами и дала на него надлежащій отвѣтъ въ Брестскомъ договорѣ; проходя статью за статьей, она положила резолюцію по каждому пункту. Прежде всего она потребовала, чтобы Россія торжественно отреклась отъ какого-либо участія въ экономическомъ сближеніи державъ Согласія. «Договаривающіяся стороны согласны, что съ заключеніемъ мира оканчивается война и въ экономическомъ и финансовомъ отношеніи»,—гласитъ формула присяги, произносимой Россіей (прим. 2 къ мирному договору, п. 9). Но правительство ручается не только за себя, но и за своихъ гражданъ, за всѣхъ вмѣстѣ и за каждаго въ отдѣльности. Стороны обязуются не только «не принимать участія ни прямо, ни косвенно въ мѣропріятіяхъ, имѣющихъ цѣлью продолженіе враждебныхъ дѣйствій въ экономической или финансовой области», но «и препятствовать подобнымъ мѣропріятіямъ въ предѣлахъ своихъ государственныхъ территорій всѣми находящимися въ ихъ распоряженіи средствами.» Иначе говоря, правительство обязано стоять на стражѣ интересовъ Германіи и нѣмецкихъ бюргеровъ и если бы напр. появилась гдѣ-либо анти-герман-

ская лига, бойкотирующая нѣмецкіе товары или германскихъ купцовъ, — случай, который имѣетъ, впрочемъ, мало реальнаго значенія, въ виду продолжительнаго товарнаго голода и инертности русскихъ обывателей — то ему вмѣняется немедленно принять самыя крутыя мѣры.

Но не ограничившись однимъ этимъ обѣщаніемъ Россіи печься о нуждахъ и пользахъ Германіи и забыть всякую, продиктованную Парижской конференціей, вражду, нѣмцы, какъ мы видѣли, гарантировали себѣ отмѣну и всѣхъ отдѣльныхъ постановленій послѣдней: провели не только наибольшее благопріятствованіе, но и одностороннее благопріятствованіе, почти аннулировали наши привозныя пошлины, установили для себя свободный вывозъ сырья, открыли себѣ новые пути транзита. Тѣмъ самымъ они не только вывели Россію изъ строя, но и обезпечили себя отъ всевозможныхъ послѣдствій конференціи. Вмѣсто стѣсненій открыли себѣ широкій рынокъ на Востокѣ, такъ что самый вопросъ объ изолированіи Германіи отпалъ. Вмѣсто лищенія сырья гарантировали себѣ свободный вывозъ его. Ферроманганъ и платина, ленъ и пенька, шерсть и джутъ, — все, чѣмъ такъ угрожали ей державы Согласія, демонстрируя ея безсилье въ области сырья и хвалясь своимъ монопольнымъ положеніемъ, — все это далъ Германіи Брестскій миръ. «Отлученье отъ міра», «кровопусканіе,» «выбрасываніе за бортъ», — всѣ эти страшныя слова враговъ Германіи находятся позади, остались одними словами.

Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что вопросъ относительно направленнаго противъ нея экономическаго союза снятъ съ очереди, что о немъ можно говорить, какъ о чемъ то окончательно сошедшемъ со сцены, законченномъ и сданномъ въ архивъ. Выбывшую Россію на поляхъ сраженія замѣнила Америка, болѣе сильная своими танками и аэропланами и несомнѣнно своимъ широкимъ рынкомъ и обильнымъ сырьемъ. По цифрамъ оборотовъ германской торговли съ этими странами плюсъ равенъ минусу — Соединенные Штаты и Россія равновелики. Но во власти Америки сырье, прежде всего почти весь хлопокъ и почти вся мѣдь, лишеніе которыхъ способно еще гораздо болѣе подорвать нервъ германской промышлен-

ности, чѣмъ угрожавшее ей отсутствіе русскаго льна или джута. Возможность почти все необходимое получить у нейтральныхъ — читай: въ Америкѣ — являлась всегда тѣмъ козыремъ, который Германія выкладывала, когда ей угрожали сырьевымъ голодомъ. Теперь съ этой надеждой ей приходится распроститься и ни русскій хлѣбъ, ни русскій хлопокъ, ни русская мѣдь, кожи, шерсть и другіе товары неспособны вознаградить Германію за этотъ тяжелый ударъ; русскому сырью не мѣриться съ американскимъ исполиномъ. Лишеніе этихъ четырехъ основныхъ предметовъ сырья бьетъ Германію уже не по ногамъ, а по головѣ.

Суть въ томъ, что за Америкой въ тѣсномъ смыслѣ, за Соединенными Штатами Сѣверной Америки пошла и Панъ-Америка, Америка Центральная и Южная, и все полушаріе отъ Гудсонова залива и до мыса Горна, за исключеніемъ, въ сущности, одной лишь Мексики оказалось охваченнымъ пламенемъ войны, очутилось въ станѣ враговъ Германіи. Аргентина и Бразилія, т. е. хлѣбъ, шерсть, кожа и кофе, съ одной стороны, рынки, которые Германія давно уже объявила своими и гдѣ одерживала побѣду за побѣдой, съ другой стороны,—эти и рядъ другихъ странъ, сплочиваясь вокругъ центра—Соединенныхъ Штатовъ, исчезли съ горизонта Германіи и грозятъ окончательно исчезнуть, если Марсъ, построившій свой тронъ на людскихъ черепахъ, «катящихся, какъ песчинки по морскому берегу», не будетъ сброшенъ мирнымъ Меркуріемъ, если лишь для виду вложивъ мечъ въ ножны, онъ въ дѣйствительности попрежнему будетъ управлять народами.

Какъ бы то ни было, изъ-за грохота орудій и завѣсы удушливыхъ газовъ можетъ еще выплыть новый экономическій союзъ или сближеніе противниковъ Германіи въ той или другой формѣ и комбинаціи съ тѣми или иными цѣлями и задачами. Но во всякомъ случаѣ хотѣлось бы надѣяться, что онъ менѣе будетъ проникнуть ядомъ вражды, чѣмъ его предшественникъ, что великая идея экономическаго сближенія народовъ, которая зародилась въ благородныхъ умахъ и за которую боролось столько друзей человѣчества, мечтавшихъ о мирѣ на землѣ, — когда она, наконецъ, такъ или иначе, войдетъ въ

жизнь, не будетъ служить совершенно чуждымъ ей, противорѣчащимъ ея смыслу, цѣлямъ и задачамъ, что она поведетъ къ умиротворенію, а не къ дальнѣйшему ожесточенію, уже и безъ того ожесточенныхъ многолѣтней войной, племенъ и народовъ.

С этой главы, по распоряженію начальства, начинается печатанье по новой орфографіи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Протекціонизм и свободная торговля.

Помимо литер., ук. в введ. и гл. II ч. I, а равно классиков (Адам Смит, Рикардо, Дж. Ст. Милль), см. **фритредерское ученье: Bastable.** The Theory of International Trade, with Some of its Applications to Economic Policy. 4 ed 1903. **Edgeworth.** The Theory of International Values (Economic Journal. IV. 1894). **Walker.** Political Economy. 1887. **Sidgwick.** Principles of Political Economy (2 ed. 1887). **Goschen.** Theory of the Foreign Echanges (7 ed., 1866). **Fawcett.** The Trade and Protection (3 ed. 1879). Michel **Chevalier.** Examen du système commercial connu sous le nom du système protecteur (2 éd. 1852). **Cournot.** Principes de la théorie des richesses. 1863. **Cherbuliez.** Précis de la science économique. 1862. **Pareto.** Cours d'économie polique. T.II. 1897. **Bastiat.** Harmonies économiques. 1850. **Prince-Smith.** Gesammelte Schriften. B. II. 1878.

Взгляды **протекціонистов. Carey.** Principles of social science. 1858—59. **List.** Das nationale System der politischen Oekonomie. **Patten.** The economic basis of protection. 1890. **Bowen.** American Political Economy. **Schüller.** Freihandel und Schutzzoll. 1905. **Martin.** Die Eisenindustrie in ihrem Kampf um den Absatzmarkt. 1904. **Wernicke.** System der nationalen Schutzpolitik nach Aussen. 1896.

Спор относительно **протекціонизма в Англіи. Ashley.** The Tarift Refform Problem. 3 ed. 1911. **Hobson.** International Trade. 1904. **Chamberlain.** Imperial Union and Tariff Reform. 1904. **Hammond.** Through on Mr. Chamberlains proposed fiscal pol icy. 1 903. **Smart.** The return of protection 1904. **Drage.** The Imperial Organisation of Trade. 1911. **Cunningham.** The case against Free-Trade. 1911. **Good.** The real case for Tariff Reform. 1910. **Chiozza Money.** Through Preference to Protection. 1903. **Schwab.** Chamberlains Handelspolitik. 1905. **А. Н. Веснин.** Британская имперская федерація и английскіе торговые интересы. 1900.

Н. Н. Шапошниковъ. Протекціонизм и свобода торговли. 1915. **А. А. Исаев.** Мировое хозяйство. 1910. **И. И. Янжул.** Свободная торговля и протекціонизм. («Между Дѣлом». 1904). **М. Н. Соболев.** Таможенная политика России во второй пол. XIX ст. 1911. **И. Х. Озеров.** Экономическая Россия и ея финансовая политика. 1905. **Бенземан.** О таможенном покровительст. промышленности. 1891. **Новиков.** Протекціонизм. 1890.

Едва ли не с самого рожденья экономической науки — общепризнанным отцом ея является Адам Смит — начинается спор между фритредерством и протекціонизмом, спор то стихающий, то снова усиливающийся, но никогда не закан-

чивающийся. Эти фигуры не сходят со сцены, единоборство не прекращается, напротив, находит каждый раз новую пищу в практической жизни, въ новых тарифах, торговых договорах, проектах таможенных союзов и сближений.

Стоявшие у колыбели экономической науки физьократы, утверждавшие, что отношенья между людьми управляются удивительными законами, которые не уступают законам геометрии и очевидность которых ясна для всякого, у кого есть глаза, — физьократы, протестуя против всяких препятствий в обращеньи товаров (trafic), усматривали все же в профессии торговца расхищенье богатств и купцов сравнивали с зеркалами, отражающими предметы в разных видах, обманывая взгляд, ибо кажется, будто они умножают число предметов. Международная торговля для них являлась «необходимым злом» (Mercier de la Rivière), «меньшим из двух зол», раз внутри страны невозможно сбыть товары (Guesnay) — так что в этой области никто не пропустил физьократов, не нанес им обиды, как любят теперь утверждать.

Панегирик на свободную торговлю и филиппику против протекціонизма пишет впервые Адам Смит — «всякий благоразумный отец семейства придерживается правила не производить дома того, что изготовить обойдется ему дороже, нежели купить, а что благоразумно для частной семьи, не может быть безсмысленно для большого государства [1]). Было бы безумьем — это ясно всякому — производить вино въ Шотландии, раз его можно привозить гораздо дешевле из Франции или Португаліи. Но эту глупость совершают каждый раз, когда таможенными тарифами лишают нас возможности извлекать выгоды из естественных преимуществ, которыми обладают другие народы, по сравненью с нами. Софистика заинтересованных кущов и фабрикантов, интересы которых прямо

---

[1]) Смит допускает два отступленья—въ интересах обороны («національная оборона выше богатства») и временно въ видѣ репрессии, если этим путем можно заставить другую страну упразднить пошлины или запрещенья. Требованье же облагать пошлинами привозные товары, если производимые внутри страны подлежать акцизу (компенсация), вытекает из самой идеи фискальнаго тарифа (см. ч. I. стр. 63).

противоположны выгодам населенья, затемнила здравый смысл нации. Но Смит расчитывает, что благоразумье и общая выгода возобладают над близорукостью и частными интересами и постепенно будет построен фискальный тариф, тот самый фискальный тариф, который с этого времени постепенно вводился въ Англии и был полностью осуществлен Питтомъ и Гладстоном, — хотя на такое полное торжество свободной торговли Смит не расчитывал: надежда на это «столь же абсурдна, какъ ожидать наступленья царства Океании или Утопии».

Къ этому еще прибавил Рикардо, что «при наличности свободной торговли страна естественно затрачивает свой капитал и труд на такие отрасли промышленности, которые доставляютъ ей наибольшіе выгоды», — теория относительных преимуществ. Если, допустим, Португалия обладает преимуществом над Англией в области производства как вина, так и сукна, но в первой отрасли это преимущество больше, то для нее выгода будет заключаться в том, чтобы сосредоточить свой капитал на изготовленьи одного лишь вина, покупая сукно в Англии, ибо за свое вино она получит больше материи из Англии, нежели она изготовила бы сама, перенеся часть капитала из обработки винограда в суконную промышленность.

Уже Рикардо подчеркивал, что система свободной торговли соединяет выгоды каждого с выгодами всей нации, стимулирует промышленность, увеличивает общее количество продукта, распространяет всеобщее благосостоянье, связывает цивилизованные нации в одну всемирную общину (гл. VII).

Преемники Смита и Рикардо к этим основным мыслям фритредерскаго ученья прибавили немного, лишь привели его в стройную систему, создали «теорию международной торговли», т. е. свободной торговли (Mill, Bastable, Edgeworth, Shadwell, Sidgwick, Cherbuliez, Pantaleoni). Тогда как другие экономисты, ведя ожесточенную борьбу с протекцьонизмом в таможенных тарифах, в пылу полемики дошли до аргументов столь крайнего свойства, как утвержденье, что протекцьонизм нарушает естественные права жителей и таможня, взимающая пошлину с металлов, привозимых из Бельгии во Францию, нисколько ни отличается от вора, который похитил бы часть этого груза

во время перевозки его (Bastiat. IV. p. 178) — контрабандист, таким образом, оказывался защитником прав гражданина от насилий со стороны государства. Я не понимаю, о каком высасываньи соков в области международной торговли вы говорите? — спрашивает «космополит» «националиста». Если Англия посылает вам столько товаров, что постоянно жалуются на наводненіе ими страны, то это вздутье, а не высасыванье. А слишком большая дешевизна их не только не является выжиманьем соков, а напротив обозначает ничто иное, как то, что англичанин берет слишком мало денег за свой товар или же дает слишком много товаров за данное количество денег.

Апологеты фритридерства, эпигоны классической школы, заходя слишком далеко в своем усердии — хотя и вызванном необходимостью широкой пропаганды идей свободной торговли — не могли не вызвать с противной стороны упреков в «вымученной абстракции», «в безпочвенной идеологии», в желании изобразить свою доктрину, как «истину, всеобщему признанью которой препятствует лишь злобность и жадность небольшого числа монополистов». «Всю вражду народов, милитаризм, господство бюрократии, всякое соцьяльное зло, эти гении самой банальной изъ банальностей желали лечить путем открытых дверей и свободной торговли».

Современные противники протекцьонизма, независимо от того, именуют ли они себя фритредерами (в Соединенных Штатах они называют себя revenue-reformers, так как термин «фритредер» там весьма не популярен) — как, напр., Molinari, Yves Guyot, Bastable, Dietzel и др., конечно, не заходят столь далеко, будучи готовы идти на значительные уступки; исходя принципьяльно из системы свободной торговли, они в практической жизни, при реформах тарифа, готовы довольствоваться частичной свободой, возставая лишь против крайних увлечений протекционизма.

Благодаря этому, разстоянье между ними и направленьем протекцьонизма, говорящем о воспитательных пошлинах временного характера, значительно сокращается, разница сильно стушевывается в жизни, хотя принципьяльно, как исходная точка, она не может исчезнуть.

Теорию воспитательных пошлин впервые выдвинул американец Hamilton, в 1791 г. («Report on Manufactures»): «подобно тому, как каждый в молодости нуждается в помощи родителей, так и слабые, только что возникшие производства не могут расти без охраны, пока не станут на ноги». Правда, это сопряжено с расходами, но такие затраты не являются потерями, как потерей нельзя считать издержки на воспитанье людей—они окупятся потом с избытком.

Развилъ эту идею Friedrich List, которому сочиненье Hamilton'a не могло не быть знакомо; в своем «Nationales System der Politischen Oeconomie» с эпиграфом «Et la patrie et l'humanité», вышедшем в 1840 г., с знаменитой 26-ой главой под названьем: «Таможня как главное средство насажденья и охраны внутренней промышленности», онъ изображает пошлины как временное явленье, как костыли, которые должны помочь промышленности стать на ноги, ибо страна, которая ограничивается одним лишь сельским хозяйством, подобна тому, кто лишен одной руки. Промышленность дает государству безконечное преобладанье над чисто-аграрной страной, отсутствие промышленности калечитъ самое сельское хозяйство.

Нация, которая при помощи таможенной охраны, настолько развила свою промышленность, — говоритъ List объ Англіи,—что никакая иная нация не в состоянии с ней конкуррировать, не может поступить лучше, нежели сбросить лѣстницу своего величья, по которой она взобралась на такую высоту, провозглашая для других наций свободу торговли и в раскаянии упрекая себя въ том, что она до сих пор шла по неправильному пути и только теперь познала истину... Но всякому ясно, что, «если бы Англія в свое время предоставила все свободному ходу вещей, как этого требует «школа» (т. е. классическая, фритредерская школа), купцы Суконного двора до сих пор властвовали бы над Лондоном, бельгійцы и теперь изготовляли бы сукно для Англіи, Англія попрежнему была бы пастбищемъ для Ганзы, подобно тому, как Португалия, благодаря шахматному ходу ловкого дипломата, стала виноградником Англіи и осталась им до сих поръ».

Англія—продолжает он,—завоевала ключ к морям, она повсюду поставила своих «часовых», ея планъ — превратить всю свою территорію в одинъ безконечный промышленный, торговый и портовый центр и таким путем стать среди стран и государствъ земного шара как бы большим городом в отношении деревни. Но такое завоеванье других наций обозначало бы их гибель, повторенье того, что когда то было выполнено хладной сталью, теперь при помощи промышленности и торговли. Разница же между Англией и другими народами состоит лишь в том, что они отстали по времеии от Англии, им нужен лишь нацьональный дух, чтобы уже теперь насадить и охранять дерево, которое потомству даст обильные плоды. Нужно пойти на временныя жертвы; без таможенного тарифа насажденье промышленности невозможно—это приемъ воспитанья, вліяющий возбуждающим образом на отрасли внутренней промышленности, которыя заграницей лучше развиваются, но для которых и данная страна приспособлена.

Въ отличье от таких временных воспитательных пошлин, современный, «серьезный», т. е. усиленный протекцьонизм исходит из постоянных, охранительных в узком значеньи этого слова пошлин — Erhaltungszoll, Sicherungszoll, Rentenzoll; временными пошлинами нельзя ограничиться, ибо опасности всегда могут появиться, и от них надо застраховать себя. Помимо этого, промышленность привыкла к установившейся при пошлинах прибыли и снятье их означало бы крупную пертурбацью в хозяйственной жизни. Наконец, в пошлинах не нуждаются наилучше организованные и оборудованные предприятья, снабженные крупнымъ капиталом и широким кредитом; зато прочия без них обойтись не могут, иностранная конкурренция их может погубить.

Итак, ест протекцьонизм и протекцьонизм; оба исходят из того же основанья, но дальше пути их расходятся, образуют совершенно различныя системы. Что же представляет собой исходная точка, протекцьонизм как таковой и, с другой стороны, фритредерство, конечно, без допускаемых практической жизнью уступок, оговорок и дополнений, — и что говорят воспитательный протекцьонизм и усиленный протек-

цьонизм, когда единое теченье разбивается на два самостоятельных рукава — говорят, опят таки в противоположность чистому фритредерству? Выслушаем и того, и другого, и третьяго, и попытаемся отнестись к ним критически, отдать должное каждому из них.

Свобода торговли — заявляют фритредеры — составляет основу всей современной хозяйственной жизни, право всеобщее и нерушимое, на которое государство не должно налагать руку. Мир есть ничто иное, как обширный рынок, на котором происходит постоянное обращенье товаров; когда торговля свободна, то каждый может закупать товар на самых дешевых рынках и продавать на самых дорогих — общие выгоды максимальны. Стороны являются не соперницами, а взаимными покупательницами и поэтому между ними устанавливаются дружественные отношенья. Свободная торговля означает царство братства; влечет за собой всеобщий мир.

На это протекционисты возражают: утвержденье, что мир представляет собою обширный рынок, неудачно, слишком узко. Сравненье хромает: мир далеко не рынок, он не исчерпывается рынком. Экономические интересы, конечно, играют огромную роль, но рядом с ними стоят и другие, столь же важные стремленья — политические, национальные, ради которых, как показывает история, народы жертвуют не только экономическими выгодами, но и высшим благом — жизнью людей.

Каждый народъ — продолжают протекцьонисты, и с этим можно согласиться — должен развивать заложенные в нем качества, пробуждать покоющиеся в нем силы, конечно и свои производительные силы; и поступает он так не только ради чисто-экономических задач, но и в интересахъ других — высших благ. Поэтому ему необходима сильная, жизнеспособная промышленность — «самое производительное сочетанье трех факторов національнаго богатства — труда, знанья и капитала». Только она в состояньи пропитывать обширное населенье, только она дает заработок жителям в зимнее время, только для нее представляют интерес технические усовершенствованья и улучшенья. Nous chômons en languissant, nous languissons en chômant — восклицал еще в 1615 г. Montchrétien-

написавший первую «политическую экономию». Рядом с полем должна быть фабрика: «кто, подобно ирландцам, постепенно экспортирует свою землю (т. е. ее продукты), тому рано или поздно придется и самого себя экспортировать», — говорит Carey, намекая на обширную эмиграцию ирландскаго населенья.

Но что значит создать нацьональную промышленность? Это не значит ограничиваться производством немногих видов продуктов, в которых страна отличается превосходством перед другими государствами, как бы от природы предназначена выполнять ту или другую операцью, как часть процесса мирового производства. Земной шар не есть обширная мастерская, в которой таким путем используются производительныя силы нашей планеты и всего ея населенья.

Если же каждый народ должен самостоятельно развивать свои производительные силы, то — и тут протекцьонистская мысль совершаетъ уже скачекъ — ему нужно поставить свое производство в равные с другими странами условья, нужно наложить на привозимые товары уравнительную пошлину, подобно тому, как «на скачках слишком легким жокеям прибавляют тяжести для равенства условий». А такое средство зашиты слабых от сильных — продолжают протекционисты, опять таки допуская слишком скорый вывод — оказывает благотворное влиянье: иностранные капиталы устремляются в защищенные пошлинами отрасли промышленности, страна покрывается фабричными трубами, усиливается спрос на труд и растет заработная плата, каждая новая отрасль промышленности вызывает к жизни ряд других, создавая для них новый рынок — они взаимно оплодотворяются. Словом, идет уже гимн протекцьонизму, идиллия все осчастливливающего покровительства. Очевидно, уже раньше необходимо остановиться и дальше идти по иному пути.

Прежде всего, из того основного положения, что каждый народ может и должен развивать свои производительные силы, въ частности насаждать у себя многообразную промышленность, еще вовсе не вытекает, что единственное или хотя бы главное средство воспитанья промышленности со-

стоитъ в воспитательных пошлинах, или что вообще такого рода пошлины необходимы, как не вытекает и то, что воспитанье, хотя бы и при помощи пошлин, должно всегда и обязательно привести к созданью индустрии. Все это совершенно не доказано, все это предвзятые утвержденья.

Воспитательная система вовсе не сводится к одним лишь воспитательным пошлинам, то и другое, несмотря на созвучье слов, не совпадает. Для облегченья и ускоренья индустриализации страны необходимы различные средства помощи и поощренья, нужна сложная и строго продуманная система экономической политики. Одну из серий средств этого рода, наряду с рядом других, составляет между прочим и таможенное покровительство, преимущественно принимающее форму привозныхъ пошлин.

Сплош и рядом есть полная возможность взростить нацьональную промышленность без этих помощников, именуемых охранительными пошлинами. Это подтверждается многими фактами. И странами фритредерской торговой политики — Бельгией, Нидерландами, обладающими не меньшей индустрией, нежели страны усиленнаго протекцьонизма, и Новым Южным Уэльсом и Викторией, которые до основания Австралийской республики придерживались прямо противоположной таможенной политики, и все же достигли почти одинаковых результатов в своем промышленном развитии, и фактами роста новых районов в таких обширных государствах, как Россия (Новороссия создала свою промышленность, несмотря на конкуренцию Московского района), как Соединенные Штаты, в которых сильная промышленность восточных штатов нисколько не препятствовала росту ее в молодых западных областях. То же подтверждается, наконец, прогрессом ряда отраслей американской индустрии, обошедшихся без помощи таможенной охраны. Такова и мѣдная промышленность, добывающая в Соединенных Штатах больше половины всей этой руды, получаемой в обоих полушариях, и нефтяная промышленность, в области которой Америка стоит в первом ряду — и та и другая пользуются особенно выгодными естественными условьями; таковы главные отрасли

производства жизненных припасов, среди них бодро шагающая на собственных ногах и широко экспортирующая мукомольная промышленность и производство мяса и мясных консервов, которому пришли на помощь вагоны-холодильники для материка Америки и пароходы-холодильники для другого полушария, из второстепенных — производство масла, сыра, конденсированнаго молока, глюкозы, консервов.

В других случаях без таможенной охраны невозможно обойтись; но и тут она является не единственым средством, а лишь идущим рука об руку с рядом других. Если Америка и Германия, выйдя на арену промышленной жизни значительно позже Англии, все же добились блестящих результатов, то кое что могут на свой счет отнести и таможенныя пошлины. Но утвержденье, что американскую промышленность создал тариф Мак-Кинлея, столь же произвольно, как и заявленье, что германския пошлины 1879 г. «являются одной из основных причин улучшенья соцьяльных условий и возростанья заработной платы в Германии в теченье конца XIX ст.» (Martin). Не надо забывать напр., о роли техники в американской хлопчатобумажной промышленности, которая в еще гораздо большей степени, нежели таможня, давала ей много очков вперед, по сравненью с Англией и континентом Европы: еще в 1878 г. вычислено было, что рост производства в этой области, поскольку он вызван улучшеньем машин, составляет за 20 л. в Англии 23 проц., тогда как Массачусет дает 100 проц. (Chapman). В первой пол. 90-х г. г. на американского ткача приходилось $6^1/_2$ ткацких станков, на англичанина всего $3^1/_2$, а на германца $2^1/_2$. Появившийся в 90-х г. г. усовершенствованный ткацкий стан англичанина Нортропа (при нем один ткач может надзирать за 16—20 станками) был употреблен впервые американцами, тогда как в Англии он еще и в первые годы XX ст. был мало распространен.

И русская промышленность едва ли без таможенной поддержки могла бы встать на ноги рядом со старыми и опытными иностранными соперниками, она могла быть легко задавлена в самом занаточном состояньи. Производство чугуна у нас увеличилось с 31 милл. пуд. в 1885 г. (год введенья

*

пошлин) до 256 милл. в 1912 г., изготовленье полупродуктов металлургической промышленности — с 35 до 275 милл. пуд. и производство готового продукта — с 28 до 227 милл. пуд., т. е. все производство за четверть ст. повысилось в 8 раз. Но и тут было бы наивно предполагать, что виновником всего этого были одни таможенные пошлины. Выгодные естественные и географическия условия (руда и уголь находятся рядом) вновь открытого Донецкого бассейна, постройка рельсовых путей и в особенности казенные заказы, на которых преимущественно держалась наша металлургическая промышленность, могут притязать на гораздо большия заслуги.

Война выдвинула у нас — как и в других странах — на очередь вопрос о созданьи собственной химической промышленности, для чего, конечно, понадобятся, между прочим, и воспитательные пошлины. Но впереди их стоит по своей важности воспитанье иного рода — воспитанье людей. Обязательным условьем для химической промышленности являются обученные рабочие, так как невозможно же поручить наблюденье за химическими процессами малограмотным рабочим, не видавшим в глаза термометра или манометра и не способным обращаться с ними. Если для них необходимо большое количество средних и низшихъ профессіональных школ, то столь же нужны химические институты для производства опытов и разработки новых методов, так как только при этом условьи получатся научно-образованные химики (а не просто самоучки—практики, как было до сих пор), которые могли бы вести самостоятельно производство и руководить работами в лабораториях. Наконец, нужно тщательное и разностороннее изученье естественных богатств России, составленье полнаго инвентаря того, что нам принадлежит в глубинах земной коры, нужны торгово-промышленные музеи, которые знакомили бы с русским сырьем, давали бы возможность быстро и безошибочно орьентироваться в условьях и требованьях каждой отрасли химической промышленности, шли бы в уровень с западной техникой, сообщали бы ее результаты, всячески облегчая работу русскому химику, поощряя его, подталкивая, возбуждая его иниціятиву.

Словом, нужно многое и очень многое, так что все обстоит не так просто, как может показаться на первый взгляд непосвященному. Наивно заявлять, что «не может быть ничего столь антинациональнаго, как (таможенная) система национальной охраны труда». Но столь же легкомысленно усматривать в таможенных тарифах панацею от всевозможных зол, какой то жизненный эликсир, тот талисман, который достаточно взять в руки, чтобы страна покрылась фабриками и заводами и исчезла наша зависимость от иностраннаго привоза.

Фритредеры утверждали, что величина капитала ограничена и система покровительства может лишь вызвать искусственный отлив их из одних отраслей в другие, не столь производительные, но усиленно поощряемые. В настоящее время мы знаем, что при благоприятных условиях нарождаются новые капиталы, что капиталы отличаются большей подвижностью, нежели какое-либо живое существо, обладая способностью с чрезвычайной быстротой переноситься за десятки тысяч верст без каких-либо особых приспособлений, одним росчерком пера, приказом кредитному учрежденью. Там они не находят надлежащего простора, тут пахнет высокой прибылью, ощущается голод в капиталах, и переселенье готово, капитал в распоряженьи страны, — но опять таки все это может, но не должно быть. Недостаточно соорудить заставу и взимать пошлину — она еще не создает автоматически блестящей промышленности. Протекцьонизмъ может принести пользу, но может оказаться и безплодным — все зависит от условий. «Искусственное развитье существующихъ зародышей может дать благоприятные результаты, но стремленье искусственно ввести отрасль производства, для развития которой отсутствуют естественные условия, безполезно. Хозяйственное развитье страны можно, правда, направить по другому руслу, его можно временно отвести, но перевернуть его вверх дном невозможно, если, конечно, не жертвовать интересами населенья».

Богатство Италии — говорили фритредеры — заключается в ее синих небесах, в ее ярких солнечных лучах; виноград-

ники и оливковые рощи, культура миндаля и лимонного дерева, разведенье шелковичного червя — вот на чем должно покоится ее хозяйство. И несмотря на предсказанья, эта все-таки «Богом обиженная», ибо лишенная минералов и каменнаго угля, страна вступила на «ложный путь»—и ее желанье обладать промышленностью осуществилось. Дешевизна транспорта дала Италии каменный уголь из Ньюкестля, дополняемый гидроэлектрической силой, которою Италия изобилует, нашлись и рабочие руки из армии эмигрантов, ежегодно покидавших родную землю, чтобы искать счастья за океаном — Италия освободилась от этого полнокровья; ирония по адресу итальянцев, что они «забывая о печальномъ настоящем и живя воспоминаньями о славном прошлом», склонны преувеличивать таланты своего народа, оказалась неосновательной. И то, и другое, и третье, и наконец, пошлины привело к тому, что напр., с 1877 г. до 1904 г. привоз пряжи и тканей в Италию упал со 129 и 116 тыс. квинт. до 9 и 18 тыс., т. е. почти на $^{9}/_{10}$, тогда как привоз хлопка поднялся с 234 тыс. до $1^{1}/_{2}$ милл. квинт., т. е. в 6 — 7 раз. Италии уже не нужно было бумажной пряжи и тканей, она сама обрабатывала сырой хлопок, как для снабженья внутренняго рынка хлопчатобумажными товарами, так и для вывоза их заграницу.

Но рядом с удачами история протекцьонизма знает и много напрасно растраченных сил и средств. Въ то время, как сахарорафинадная промышленность Соединенных Штатов является «лучшим учеником» протекцьонизма, производство сахара—песку, несмотря на все подталкиванье его таможней, никак не может сдать экзамена: в первые годы XX ст. все еще $^{3}/_{4}$ произведенного в Соединенных Штатах рафинада было изготовлено из привозного сахара-сырца — полный провал. Напрасно бьется Австро-Венгрия со своей химической промышленностью; никакой таможенный барьер ей не поможет, пошлины оказываются безсильными — собственные краски все же не появляются.

Плохими пророками оказались экономисты, отрицавшие будущность русской промышленности, утверждая, что Россию

природа обрекла на сельскохозяйственное существованье и что у нее отсутствуют естественные данные для обращенья в промышленную нацию, что покровительственная система отвлекаетъ капиталы от сельского хозяйства в искусственно поощряемые промышленные предприятия. Производство чугуна, пряжи и многих других продуктов обмануло эти ожиданья. Но рядом с ними сколько возникло мертворожденных отраслей производства, сколько пошлин было выдано в кредит, сколько безплодно затрачено усилий!

Жертвы, связанные с охранительной системой, являются зернами, которые сельский хозяинъ бросает в землю, расчитывая на урожай. Но, очевидно, эти жертвы могут приноситься лишь тогда, когда есть на лицо условья «необходимые для ихъ роста, если почва плодородна и усердно вспахана, если время года благоприятствует». Но, увы, с этим считаются весьма мало. Таможенные пошлины — в этом причина растраты силъ — всегда под рукою, для ихъ установленья, как и повышенья не нужно «многочисленных вспомогательных средств, они не требуют затрат государственной казны, а, напротив, наполняют ее, люди, которые способствуют их установленью, не нуждаются в многосторонней образованности, обширной опытности и неослабной энергии, какие нужны, напр. для того, чтобы поднять производительность труда граждан посредством возвышенья их физической силы и привитья им общих и специальных знаний и технических навыков» (А. А. Исаев).

В этой легкости и упрощенности установленья и увеличенья кроется чрезвычайная опасность средств экономической политики, которые выражаются в таможенныхъ тарифах. Опасность сугубая, ибо каждая пошлина снабжена и обратной стороной, весьма опасной и вредной. Другие способы поощренья производительных сил страны, эти «идеальные пошлины», как их иногда называют, отличаются от матерьяльных не только гораздо большей сложностью их осуществленья и связанными с этим расходами, но отсутствием обратной стороны медали. Если «воспитанье людей» в формах поощренья техники, профессьонального образованья, облег-

ченья и удешевленья транспорта, кредита и т. д., не приведет к результатам—к насажденью той или другой отрасли промышленности, то можно ли говорить все-таки, что эти усилья пропали даром, можно ли отрицать их самостоятельное значенье? Иначе обстоит с таможенными пошлинами: если эксперимент с ними не удался, если вспаханное поле не дало урожая, то получился прямой и безусловный убыток для населенья. Почему же, раз, в отличье от «идеальных пошлин», матерьяльные ничего не стоят, даже наполняют сундуки фиска? Да, но они в еще гораздо большей степени наполняют карманы немногих привилегированных лиц, которым государство сочло возможным выдать патент, предоставить своего рода аренду, признаваемую полезной хотя бы и в интересах всего общества. В этой дани, уплачиваемой населеньем в пользу промышленников, и заключается та огромная жертва, которой требует всякая охранительная пошлина, длинный минус, противополагаемый приведенным плюсам, крупная цифра пассива; и если такая жертва еще оказывается бесплодной, то получается баланс с минусом, уже чистый убыток, дефицит.

В то время, как фритредеры все время смотрят только в одну сторону, на переплачивающаго за иностранные товары потребителя и не могут понять, как можно подвергать их такому «насилью» ради развитья производительных сил страны, протекцьонисты, напротив, трубя об этом блестящем развитьи промышленности, производимом, якобы, всегда и чуть ли не исключительно трудами одних таможен, склонны умалять потери населенья: «неужели же самое дешевое воспитанье является наилучшим?» Но они забывают о том, что, в отличье от фискальной пошлины, идущей в кассы государства и составляющей налог, притом налог с одних лишь привезенных товаров, охранительная пошлина создаст еще дополнительный сбор с однородных товаров, изготовляемых внутри страны, сбор, поступающий в пользу частных лиц, так как производитель в состояньи повышать стоимость товара на сумму пошлины. В этих прибавках задача всякой протекцьонной пошлины, в ней сущность взрощенья молодых

отраслей промышленности рядом с крѣпкими и сильными иностранными, но прибавка эта, дающая производителю возможность изготовлять продукт, несмотря на большия, по сравнению с иностранной промышленностью, издержки производства, — прибавка эта, чего не надо забывать, идет из кошельков населенья, заставляет его приплачивать охраняемому пошлиной производителю.

Поэтому-то разсужденья протекцьонистов, что покровительственные пошлины берутся из кармана иностранца-импортера, бьют мимо. Протекцьонная пошлина — не фискальная — и не уплачиваемая потребителем, это безсмыслица, это contradict o in adiecto. Кому она нужна, если потребитель не уплачивает туземному производителю особой премьи? Кто, выигрывает от такого псевдо-покровительства? Правда, бывают случаи, когда удается переложить часть пошлины на импортера, заставить его довольствоваться меньшим (какъ это было, напр., въ 80-х годах с германскими пошлинами на зерно, когда их частью нес русский крестьянин), но тогда потребитель доволен, производитель же разочарован. Его надежды обмануты, цѣна не поднялась до ожидаемой высоты (пошлина не выразилась в ней, промышленник ее не вырабатывал полностью). он не получил защиты в надлежащей степени. По окончаніи междоусобной войны в Соединенных Штатах протекцьонисты заявляли, что, устанавливая высокий тариф, «Америка сообщает иностранному фабриканту о том, что он может сбывать свои товары у нея, но что ему придется понижать свою прибыль и дать ей средства на уплату долгов и на выдачу пенсий раненым солдатам, — требованье безусловно справедливое, так как Англия и Франция, благодаря этому, вынуждены будут принять на себя часть расходовъ по возстанью, которое они сами же поощряли». Таким путем можно было успокаивать американское населенье, разоренное междоусобной войной, заявляя, что не оно, а зловредные иностранцы поплатятся. Но если бы иностранцы платили пошлины, то протекцьонисты, которые их создавали для себя, основательно попали бы впросак, подставили бы себя ударам иностранной конкуренціи. Неосновательность такого рода разсуждений

проф. М. Н. Соболев установил на основаніи ряда фактических данных; сопоставив движенье таможенных ставок и стоимость товаров в России, он констатирует «совпаденье удорожанья товаров с повышеньем пошлин и удешевленья съ пониженьем пошлин; это дает — заключает он — право говорить о тенденции повышенного таможенного тарифа влиять на вздорожанье товаров» (стр. 842).

Тот же автор с цифрами в руках возражает и против другого — довольно нелогично — выдвигаемого протекционистами соображенья, будто бы развивающаяся промышленность сама собою стремится к пониженью стоимости товаров и мало по малу получает возможность конкуррировать с иностранными продуктами. И это неправильно: стоимость того же товара внутри России оказывалась выше заграничной на сумму, превышающую величину пошлины и расходы транспорта [1]).

Иначе говоря, фабриканты всегда руководствуются расчетом, во что может обойтись однородный иностранный товар, оплаченный пошлиной. Отсюда для них — огромные барыши, для потребителей же — туземный товар средняго качества, стоющий не меньше хорошого иностраннаго.

Итак риск неудачи, риск напрасно принесенных потребителями жертв, риск пропавшаго даром труда всегда идетъ по пятам за таможенным покровительством; но, конечно, при воспитательных пошлинах он далеко не тот. что в связи с усиленным протекцьонизмом. С уменьшеньем числа обложенных товаров, съ пониженьем величины ставок, с сокращеніем продолжительности срока охраны эта опасность падает, пожалуй, прогрессивно падает, хотя, конечно, никогда совершенно не исчезает. А в то же время даже при воспитательных пошлинах в пассив счета приходится вписать еще

---

[1]) Так напр., въ 1892 г. разница в стоимости американскаго хлопка на московском и бременском рынках составляла 2 р. 52 коп. на пуд., пошлина же всего 1 р. 40 к.; чугун стоил у нас на 51 коп. дороже (Петербург — 1 р. 4 коп., Гамбургъ — 53 коп.), несмотря на то, что пошлина не превышала 30 коп., сода—на 1 р. 48 коп. дороже, хотя пошлина равнялась 90 коп., сало—на 1 р. 27 коп. (Лондон — 3 р. 96 к., Варшава — 5 р. 23 к.), несмотря на пошлину въ 50 коп. и т. д. (Соболевъ, стр. 837).

одну статью, притом весьма существенную, и избавиться от нея совершенно невозможно.

Мы говорим о той, присущей таможенным пошлинам особенности, в силу которой каждая пошлина родит другую, вторая — третью и т. д., ибо перерабатывающему обложенный товар промышленнику необходимо покрыть не меньше того, что он уплатил своему предшественнику. Воспитательная система протекцьонизма с этим не считается — ее основная идея состоит в ограниченьи немногими существенными отраслями промышленности, которым как бы выдаются на непродолжительный срок патенты на улучшенья, если новизна улучшений доказана и они признаны пригодными для употребленья. Но при таких условьях рядом с немногими избранными оказывается много обиженных, получается антагонизм не только между различными отраслями производства, но и между процессами одной и той же отрасли, интересы потомковъ нарушены.

Къ чему же обижать их — спрашиваютъ протекцьонисты — когда можно каждому дать по его достоинствам и заслугам? С какой стати идти наперекор характеру пошлин, против их природы?

Они так и поступают — как видно из тарифов, начиная с 80-х годов. Принцип тот, что охраняются всевозможные отрасли промышленности, причем каждая пошлина высшаго разряда должна состоять из пошлинъ предыдущаго разряда (напр. пошлина ткани из пошлины на пряжу) и из охранительной пошлины, т. е. из собственно прибавки в пользу данной отрасли. Так приходится проходить разряд за разрядом, от сырья до готового продукта, а за разрядом, к которому относятся машины, инструменты и орудия, очевидно, должно начинаться новое обширное племя пошлин — вся семья, состоящая из потомков пошлин на орудия производства, иначе говоря, на всевозможные производимые страной товары, без исключенья, от мала до велика, на сельскохозяйственные продукты, как и на всякаго рода предметы горной и обрабатывающей промышленности.

Если принцип этот не выполнен полностью, если что-либо пропущено, какия-либо серии товаров остались без охраны или безъ надлежащей охраны, то получается та картина, которую изобразил Yves Guyot в своем представленьи Международному Статистическому Институту в 1906 г.: оказалось, что во Франции всего 3 проц. населения заинтересовано в пошлинах на продукты промышленности и 8 проц. населенья в аграрныхъ пошлинах, а в общем всего 5 проц. населенья извлекают выгоду на счет всей остальной массы народа. Читатели должны изумиться незначительностью той цифры населенья, в пользу которой работает весь сложный аппарат протекцьонизма, в особенности в виду того, что Франция принадлежит к странам, которые провозгласили принцип «солидарности интересов», систему всеобщаго покровительства. Но суть в том, что Guyot не включает в эту цифру отрасли, которые хотя и защищены пошлиной, но от этой охраны извлекают мало выгоды, напротив, даже терпят убыток от своих покровителей. Самый сплошной, огульный, повальный тариф фактически, в жизни образует бреши и весьма крупные; силы протекцьонизма ограничены: его могущество кончается у той черты, за которой начинается производство работающих для экспорта и не опасающихся «наводненья» иностранными продуктами внутренняго рынка. В таком положеньи напр., находится французская промышленность по производству платья, обуви, шляп, кружев, articles de Paris, всякаго рода галантерейных и модных товаров. Пошлины им ни к чему, ибо иностранная конкуренция внутри страны им не страшна, а для вывоза они лишь составляют препятствие. Мировой рынок французскому промышленнику не подчинен, он не желает считаться с обложением матерьялов внутри страны — данью можно облагать только своих, но не чужих. За матерьялы уплочено дорого, а вывозить нужно дешево; как тут покрыть хотя бы уплоченную самим пошлину?

У нас система огульного тарифа проведена в еще большей степени — обложено даже сырье (в отличье от других стран), обложено все, начиная от родоначальника, и вплоть до самого

младшего потомка — до одежды, обуви, машин, фармацевтических препаратов и т. д. Казалось бы, по ученью протекціонистов, все обстоит благополучно, интересы всякого приняты во вниманье. Но они забывают об одном — о сельскохозяйственной промышленности: выгодность сбыта зерна на иностранных рынках никакими пошлинами не поднимешь. А крестьянин платит не только лично за потребляемые продукты, но и за употребляемые для хозяйства орудья, за содержащийся в них высоко обложенный чугун, каменный уголь и многое другое. Не даром фритредеры говорят, что в то время, как свободная торговля дает возможность получать за пуд зерна, напр., два аршина матерьи, теперь приходится за эти же два аршина отдавать больше пуда, так что крестьянин несет убыток по милости покровительства, оказываемого фабриканту: «право собственности его нарушено, он не может извлечь из него надлежащих выгод». «Мыслимо ли русскому крестьянину догнать иностранцев, когда искусственная дороговизна самых «орудий догона» вынуждаетъ его все еще пахать землю допотопной сохою, боронить суковатым деревом (смыковкой), собирать зерно руками, перемалывать при помощи, если не домашней ступы или кадушки, то мельницы, в которой не находим ни одного металлического гвоздя, наконец, даже тщательно миновать шоссированную дорогу, на которой на неподкованной лошади и в самых первобытных розвальнях ему нельзя отправляться домой, не рискуя и собой и лошадью» (И. Х. Озеровъ).

Приведенные данные являются приговором, вынесенным принципу всеобщаго покровительства. Если бы он мог доставить выгоду всевозможным отраслям производства в равной степени, никого не пропуская, мог бы окружить всю страну сплошным кольцом таможенныхъ пошлин, без какой-либо бреши, то никто ничего не выиграл и не потерял бы, пошлины взаимно уничтожились бы. Но тогда к чему вся система, раз относительное положенье различных отраслей хозяйства оказывается таким же, каким оно было раньше, раз никто другому ничего не уплачивает, а лишь каждый платит дороже? Это то же самое, как повышенье стоимости денег — у каждаго в карма-

нах оказывается вдвое большее количество рублей (не рубль, а два, из которых второй составляет пошлину), но (в виду той же пошлины) он может купить за два рубля лишь столько же, сколько раньше покупал за рубль. Если же способ выравненья благ, присущий протекцьонизму, этим свойством не обладает, если заходя все глубже и глубже в чащу протекцьонизма, все-же никогда не добираешься до конца, —то всеобщность его мифъ, и удар наносится самым здоровым и сильнымъ отраслям народного труда, отраслям, которые больше всего приноровлены к естественным условьям страны, способностям и навыкам жителей, отраслям, которые сами в пошлинах не нуждаются, а другим вынуждены платить поборы.

Но помимо всего этого, самая идея сплошного тарифа, охраняющего вся и все, переворачивает вверх дном сущность протекцьонизма. Смысл его заключается в том, что он приходит на помощь слабым, что он является костылем для того, кто сам не может стоять на обоих ногах. Но возможно ли такое состоянье, когда пришлось бы оказывать помощь всякому, выдавать пособья каждому; это значило бы признать все производство страны, состоящим из одних инвалидов, допустить, что она была бы изгнана иноземной конкуренцией отовсюду, не сохранила бы ни одной отрасли промышленности, потеряла бы свое населенье и была бы доведена до крайней степени нищеты, если бы не спасительный таможенный барьер, ограждающий ее от всего прочаго мира. Система «солидарности» и есть «ни что иное, как раздача пособий всякому, кто способен отстаивать свои интересы». А таких оказывается много — получается «коммерческий протекцьонизм», при котором интересы нацьональной промышленности и выгоды предпринимателей сплетаются и переплетаются так, что трудно различить, когда кончаются одни и когда начинаются другие. В парламентах они говорят pro domo sua, являются судьями над собой. Не даром утверждают, что во многих случаях тарифы получились бы иные, если бы заинтересованные в них лица воздержались от голосованья [1]), и даже

[1]) Сами промышленники держатся иных взглядов. «Большинство людей стыдятся, скажу прямо, они слишком трусливы, чтобы выступить тогда,

требуют, чтобы нуждающиеся в таможенных пошлинах не допускались в парламенты, как получающие милостыню, подобно тому, как лица, живущие благотворительностью, лишены избирательных прав [1]).

Итак, строго-охранительный тариф представляет собой в виду его огульности, построенье по самому существу своему абсурдное, а для народного хозяйства безусловно вредное, ибо на одного жизнеспособного приходится десять мертворожденных, на которых напрасно растрачиваются народные силы. Мало того, если отрицательные явления протекцьонизма смягчаются при невысоких ставках и с такими тарифами можно мириться, то эти же свойства становятся опасными и порождают еще новые пороки, коль скоро, согласно требованьям «истинного» протекцьонизма, ставки превращаются в «обогатительные», почти запретительные.

Фритредеры всегда указывали на тот антагонизм, который существует между развитьем техники и системой охранительной политики.

Есть два вида протекцьонизма, — говорятъ они. Один — естественный, вызываемый разстояньем, издержками транспорта, которыми устанавливается рынок сбыта; рынки, находящиеся за чертой, не испытывают конкурренции. Мы стараемся всячески расширить район сбыта, совершенствуя сред-

---

когда нужно защищать общественные интересы, случайно, однако же, совпадающие с их частными выгодами», — заявлял крупный промышленник Штумм, член германскаго рейхстага, и прибавлял: «это язва всей нашей общественной жизни». Может ли — говорили другие — со знаньем вопроса говорить о пошлинах на скот тот депутат, который самъ не занимается скотоводством?

[1]) «Стоит только вспомнить—говорит Seligman, повидимому, главным образом, по поводу Америки—сцены, происходящія внутри и около залы, в которой сидят комиссии, вырабатывающие новые тарифы, чтобы понять, что едва-ли можно найти столь могущественное орудье политической демагогии. Фракция орудует против фракции, одна партия замышляет козни против другой, предприниматели строят западни своим противникам и заключается ряд далеко не священных союзов, лишь бы только добиться желаемого». Даже не столь пессимистически смотря на вещи, нельзя отрицать того, что люди заинтересованные в развитьи той или другой отрасли производства, не могут допустить, чтобы прогресс всей страны был возможен при наличности застоя в их личном благополучьи или «чтобы хозяйственная жизнь их отечества была в состояньи угнетенья, когда они радостно потирают руки в ожиданьи крупных барышей. Эти люди составляютъ огромный хор». (А. А. Исаев, 166).

ства транспорта. Но когда этим путем естественный протекцьонизм уничтожен, тогда выступает на сцену искусственный, таможенный протекцьонизм, который мы создаем своими же руками. Паровой двигатель создал мировой рынок, но пошлины его уничтожают, вызывают такие же результаты, как если бы господствовали прежние первобытные условья перевозки товаров. «Пошлина в 20 проц.,—картинно изображают фритредеры, — равносильна плохим дорогам, пошлина в 50 проц.—широкому и глубокому водоему при отсутствии переправы, пошлина в 70 проц.—это обширное болото по обоим сторонам его, пошлина в 100 проц. — это шайка грабителей, отнимающих у торговца почти весь товар и еще заставляющих его благодарить Бога за то, что он вырвался из ее рукъ жив и невредим». Они приводятъ и такой фактъ, какъ обращенье промышленников южной Германии, по открытьи сен-готтардского туннеля, с просьбой об увеличеньи пошлинъ на итальянские товары для компенсированья удешевленья их, вызванного туннелем (Sumner).

Однако, и фритредеры не могут не признавать, что невысокия пошлины в общем не аннулируют расширенья мирового рынка, являются лишь слабым противником завоеваньям паровых путей сообщенья. Поэтому в настоящее время пошлина в 30—40 проц. едва ли составляет больший тормаз, нежели ставки в 10 — 20 проц. полстолѣтья тому назад. Напротив, высоко-охранительные и запретительные тарифы, хотя и не остановили развитья мирового товарообращенья, как это было в прежние времена—пути сообщенія не позволяли им дойти до этого, сдерживали,—все же достигали своего, всячески препятствуя, поскольку это было в их силах, сближенью народов в экономической области.

Но такого рода тарифы непримиримы и с высокой промышленной техникой.

Заинтересованные группы производителей всегда склонны преувеличивать слабость своей отрасли промышленности и степень ее нуждаемости в помощи, они всегда жалуются на убыток, наносимый им пониженьем пошлин, и «с каждым новым убытком наживают новые милльоны». «Для того, чтобы

страна сохранила свое положенье крупной промышленной державы, необходимо ее заставить постоянно обновлять свою технику, подобно тому, как «животныя обновляют свою чешую». А для этого нужно давленье снаружи, дух конкурренции— «конкурренция подобна щукам, которых пускают в пруд, чтобы держать карпов на чеку, не давать им опускаться в тину». Такая тина и засасывает производство за высоким барьером охранительных и запретительных пошлин, получается та атмосфера дремоты (пошлины являются «подушкой, на которой промышленность отдыхает»,—по словам Кавура), при которой — как показывает опыт и Франции 50-х годов, и Америки 60—70 г.г. и России еще позже, промышленники покупают всякий машинный хлам, справедливо полагая, что лучшего имъ не нужно. По даннымъ за 1887 г., изъ 22 тыс. управляющих русскими фабриками всего 7 проц. получили техническое образованье, да и то из них не меньше двух третей были иностранцы. К тому же времени относится описанье И. И. Янжула (стр. 385—386), находившего фабрики, основанные въ 40-х и 50-х годах и с того времени не возобновлявшие машин. В одном и том же бумагопрядильном предприятьи,—говорит он—работали в одно время, только в разных зданьях, мюль-машины в 400, 700 и 900 веретен, произведенные за період 40 лѣт. Так как расход на заработную плату, при столь различных по своим производительнымъ силам, машинах почти одинаков, то, очевидно отсюда, что данное явленье обязано своим происхожденьем лишь слишком высокому уровню прибыли, получаемому по милости полной защиты от иностранной конкурренции, и что даже при самых несовершенных, в техническом отношеньи, машинах выручка достаточно велика, чтобы окупить предприятье.

Различные предприятья находятся в неодинаковых условиях; что в одном лишь покрываетъ издержки производства, в другом дает значительный избыток. Но нужно ли сохранять технически отсталые, сплошь и рядом нежизнеспособные, заводы и фабрики, не должны ли они, раз они не в состояньи идти за прогрессом времени, очистить путь именно для этого прогресса?

Если в Германіи и Соединенных Штатах высокіе тарифы не в силах были парализовать завоеванья техники, то лишь потому, что научная мысль в Германіи била ключом и лаборатория являлась необходимой принадлежностью фабрики, лишь потому, что для американца безостановочное новаторство в области усовершенствований и открытий являлось такой же нацьональной гордостью, как 20-тиэтажные дома, быстро несущаяся жизнь и милльардные состоянья— состоянья, объединяемые въ тресты, которые закрывают предприятья, не стоящіе на высшей ступени техническаго развитья, снимая с очереди самый вопрос о сохраненьи отсталых фабрик и заводов. Въ других же странах эти высокие барьеры легко усыпляют энергию и сознанье своих обязанностей у предпринимателей.

По различным вычисленьям, уплоченные пошлины составляли в 1906 — 10 г. г. в Германии и Франции 8 проц. стоимости привоза, в Италии 10 проц., в Соединенных Штатах 22 проц. (по тарифу 1913 г. значительно меньше), у нас же 30 проц. [1]). Впрочем, не надо упускать из виду, что в Германии и Франции около 60 проц. таможенных доходов дают пошлины на жизненные припасы, состоящие главным образом из покровительственных ставок на зерно и скот, у нас же эта группа товаров доставляет вдвое меньше—30 проц. поступлений и отличается фискальным характером, не облагая самых важных пищевых продуктов. Обложенье же сырых полуобработанных продуктов в 1896 — 1900 г. г. достигало у нас 28 проц. (для фабрикатов 25 проц.), оно затѣм понизилось до 22 проц., тогда как в Германии и Франции отношенье таможенныхъ пошлин к стоимости привозимаго сырья и фабрикатов равняется 3 проц.

---

[1]) С 1851 г., когда они составляли в России 26 проц., они постепенно понижаются, доходя до своего наименьшего уровня — до 12 проц. в 1871 — 75 г. г., но скоро снова выростают, сначала медленно, до 16 проц. в 1876— 80 г. г. и 19 проц. в 1881 — 85 г. г., а позже (периодъ высоко-протекцьонных и наконец, запретительных ставок) сразу до 29 проц. в 1886—90 г.г., 32 проц. в 1891—95 г. г., 34 проц. в 1896—1900 г. г. и 33 проц. в 1901—05 г. г., слегка понижаясь — до 30 проц. в 1906 — 10 г. г.

В этих цифрах выражается крупное различье между нашим и западно-европейским протекцьонизмом как в отношеньи величин ставок вообще, так и в том, что в России обложено большое количество сырых и полуобработанных продуктов, которые заграницей допускаются безпошлинно; поскольку же и там с них взимается пошлина, она значительно ниже, по сравненью с нашей. [1]).

Результат — по вычисленьям Н. Н. Саввина и М. Н. Соболева—получается такой, что русский потребитель ежегодно уплачивает (до войны) 378 милл. пошлин на обработанные продукты — из них 140 милл. в пользу казны на привозные товары и 238 милл. промышленникам на внутренние произведенья. С прибавкой 253 милл., переплачиваемых на русских сырых продуктах, общая сумма переплат достигала 631 милл. в год., за всю вторую половину XIX ст. оброк, взятый с русского народа, равнялся 14 — 15 миллярд. руб.

Слишком высокие пошлины отодвигают до безконечности и наступленье того периода, когда воспитанье заканчивается и воспитанник признается самостоятельным. В этом состоит задача всякой охранительной системы: «прямая логика протекцьонизма заключается в самоупраздненьи; с созданьем сильной нацьональной промышленности должна наступить кончина протекцьонизма». «Опека и уплата за ученье до старости доказывала бы либо неспособность воспитанника, либо непригодность метода обученья» (Roscher).

---

[1]) К числу матерьялов, облагаемых у нас, но свободно привозимых как в Германии, так и во Франции и в Австрии, относятся напр.: каучук и гутаперча, кожи и шкуры сырые, пробковое дерево, деготь и смола, металлические и минеральные руды, хлопок, джут, шелк, шерсть сырая, жженая кость, китовый ус, черепаха, янтарь, бура сырая и др. В других случаях пошлины на сырые и полуобработанные продукты у нас значительно выше: напр. чугун с пуда в Германии 7,6 коп., во Франции 9,2 коп., в Австрии 10 коп., в России 45 коп., желѣзо в кусках и болванках 7,6 к.; 27,6 — 30,7 к.; 23 к.; у нас — 75 к., листовое — 22,8 к.; 43 к.; 61 — 81 к.; у нас — 97,5 к.; сталь в болванках — 7,6 к.; 31 к.; 10 к.; у нас — 75 к.; сода 11,4 к.; 11,7 к.; 12,3 к.; у нас — 82, 5 коп.; бумажная масса в Германии и Австрии безпошлинно, во Франции 3—7 коп., в России 30 коп., шерсть крашеная также в Германии и Австрии безпошлинно, во Франции 1 р. 54 к., в России 4 р. 50 к., сало в Германии и Австрии 15 к., во Франции безпошлинно, в России 75 коп. (Соболев, стр. 832).

*

Однако, процесс воспитанья слишком сладок, слишком приятен для ученика, и он всячески старается его протянуть возможно дольше. До сих пор весьма немногие пошлины, по выполненьи своей «обязанности», были снова понижены или совершенно упразднены. «Такіе случаи составляют столь же исключительное явленье, как добровольное отреченье монарха от престола или добровольная передача предприятья служащим .. Напротив, при пересмотрах тарифа раздается хор охраненных пошлиной заинтересованных лиц, заявляющих, что ставки слишком низки, слишком мало защищают от иностранной конкурренции.» (Kobatsch. p. 216).

Впрочем факты начала XX ст. отчасти уже не гармонируют с этим: реформа таможеннаго тарифа Соединенных Штатов в 1913 г. указывает на то, что переход от сильной охраны к невысокому тарифу вовсе не является безплодной фантазьей. Как мы упоминали выше (ч. I, стр. 123 и сл.), этот могучий оплот протекцьонизма сдал свои позиции, признал, что пошлины не должны превышать того минимума, который безусловно необходим для существованья промышленности, что государство ни под каким видом не может гарантировать промышленности высокой прибыли. Но помимо того, чот американская промышленность в весьма важных областях индустрии усвоила принцип воспитательных пошлин, с металлургической промышленности были вообще сняты пошлины, корабль был спущен с эллинга в широкое плаванье свободнаго мирового рынка. «Таких блестящих результатов, какие произвела американская система протекцьонизма — говорят сторонники ее — никогда не достигала фритредерская политика, усиленный протекцьонизм был как бы создан спецьяльно для американцев, скроен на их рост».

Это событье заслуживает быть сохраненным для потомства в анналах торговой политики, ибо повсюду пошлины на чугун являлись краеугольным камнем протекцьонизма, удорожанье же его отражалось на условьях всей нашей, построенной на употребленьи чугуна и его производных, хозяйственной культуры. Повидимому, и в других странах, в особенности в Германии и Австрии, протекцьонизму в области металлур-

тической промышленности пора было бы сойти со сцены. И тут и там эта отрасль промышленности является уже «крупной, сильной, разумно организованной», не нуждающейся больше в опекунах. И у нас на очереди стоял тот же вопрос — из за дороговизны чугуна крестьяне не могли пользоваться улучшенными орудьями для осушки зерна, не говоря уже о всей прочей домашней и хозяйственной утвари (см. выше стр. 221). Но такия событья, как сильное паденье производительности труда отодвинули, конечно, в настоящее время этот проект на долгий срок.

Напротив, Германия, надо думать, произведет в этом направленьи пересмотр своего тарифа, в котором числится вообще много отраслей промышленности, давно уже из слабых превратившихся в могущественных и сильныхв, внушающих один лишь страх своим конкуррентам. Как странѣ, идущей в спискахъ промышленных державъ непосредственно за Америкой, и ей пора сбросить с себя бремя протекцьонизма; очередь за ней. «На той ступени, которой в настоящее время достигла Германия, истинным покровительством нацьональному труду является свободная конкурренция» (Brentano). «Протекцьонизм в Германии, потеряв характер воспитательной системы, превратился в систему задержки прогресса, идущую наперекор как экономическо—техническому идеалу, так и идеалу возможнаго улучшенья условий жизни большинства нацьональных производителей-рабочих» (Dietzel).

Это обстоятельство протекцьонисты, конечно, отрицают, хотя и они признают, что для большинства крупныхъ отраслей германской промышленности, металлургической, хлопчатобумажной, шерстяной и т. д. уже одна мысль о потребности в воспитательных пошлинах является обидной. Вопрос идет об Erhaltungszölle, о Sicherungszölle, о пошлинах, охраняющих, обезпечивающих, гарантирующих промышленность, о пошлинах, сохраняющих ее, а благодаря этому, и усиленный спрос на труд, и повышенный заработок рабочим. Они не в состояньи примириться с мыслью, что срок протекцьонизма может истекать; протекцьонизм для них безсмертен, он может погибнуть только одновременно с современным государством, с крупной

промышленностью, с европейской культурой. Это и есть тот огульный, постоянный, высокий протекцьонизм, та система солидарности интересов, которая вызывает справедливое возмущенье не только фритредеров, но и сторонников воспитательных пошлин; это и есть та наибольшая опасность, с которой сопряжена всякая охранительная система, ибо временныя ставки для нуждающихся в помощи отраслей производства легко могутъ выродиться в постоянное огражденье огромного количества не нуждающихся ни в каких пошлинах промыслов.

Но, очевидно, кому-то такой огульный, безконечно продолжающийся протекцьонизмъ нужен, кто-то строит на нем свое благополучье, не может без него обойтись. Кто же это? Говорятъ, что это—рабочій классъ, что срытье таможенных застав угрожает его заработку, что страна с высокой заработной платой, с развитым фабричным законодательством, с дорого стоющим страхованьем рабочих (та же плата, но принимающая иную форму) не может иначе защищаться от конкурренции дешевого иностранного труда. Но если это утверждает Америка, то каким образом то же могла заявлять до сих пор Россия? Если таким путем Германия могла охранять себя от русской промышленности с низкой платой и длинным рабочим днем, то неужели ей могла быть в то же самое время опасна американская индустрия с хорошо оплачиваемой, пользующейся непродолжительным рабочим днем, промышленной армией? Какъ примирить и то и другое? И если вообще окружать себя броней отъ продуктовъ дешевого труда, то континенту Европы нечего было строить таможни против наступленья Англии и Америки, а надо было тому и другому полушарию остерегаться желтой опасности, китайских товаров, какъ и персидских, турецких и иных восточных.

Если же, напротив, до сих пор всегда врага ждали с запада, опасались высокой культуры и высокой техники, то и заработная плата была страшна не низкая, а, напротив, высокая: Германия боялась—какъ это ни странно—дорогого американского, а не дешевого русского труда. В чем тут

причина? Попросту в том, что дешевый трудъ вовсе не равнозначущ дешевому производству и дешевым товарам, и работающий восемь часов, хорошо вознаграждаемый рабочий сплошь и рядом доставляет гораздо больше, нежели его тянущий лямку 10—12 часов нищий коллега. Так что по общему правилу высокая плата не исключаетъ дешевизны производства и не нуждается в таможенных загражденьях.

Иную картину представляет, конечно, высокая заработная плата, соединенная с дороговизной производства, ибо с низкой производительностью труда. Такая комбинация — современная Россия! — безусловно не может обойтись без таможенных защитников и притом безконечно высоких; потеряв эти подпорки, она немедленно же должна рухнуть. Но такоес очетанье вообще противоестественно (см. ч. I, стр. 133) и неминуемо рано или поздно обречено на гибель. Либо та, либо другая сторона должна уступить: или производительность труда будет поднята на высоту платы и на культурный уровень сокращенного рабочего дня, или же, если характер труда не сдвинется с мертвой точки, придется опуститься заработку или подчиниться рабочему дню... Иного исхода не может быть. Временно такое порочное состоянье может существовать и временно надо будет охранять промышленность, чтобы облегчить ей переходъ, но только временно — она должна будет выбрать тот или другой путь, бросить жребий, подчиниться требованьям логики!

Но, повторяем, кому же тогда все-таки необходим повальный, не знающий срока, тариф, окружающий сплошным кольцомъ страну? Он нуженъ синдикатам и трестам, пышно распускающимся под покровом такого тарифа, образующим монополии подъ этим стекляным колпаком, нужен им для превращенья самой защиты в нападенье. для созданья новой эры въ области протекцьонъзма — аггрессивного протекционизма. Такой аггрессивный протекционизм столь же далек от воспитательного, как и от чистого фритредерства; одно уже упоминанье о временных пошлинах бросает его в дрожь, ибо открывает пред ним зияющую пропасть, которая должна его поглотить.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Протекціонизм и вывозныя премьи.

Помимо общих соч. **Lexis.** Die französischen Ausfuhrprämien. 1870. и **Lavison.** La protection par les primes. 1900 и литер. ук. в гл. 1 ч. I, спецьяльно о **премьях на сахар: Aulnis de Bourouill.** Les primes à l'exportation du sucre. 1899. Его же. La convention de Bruxelles. 1903. Его-же. Die Zuckerfrage in den Parlamenten Europas. (Jahrb. für Nationaloekonomie. B. XXV. 1903). **Yves Guyot.** La question des sucres. 1900. **Zolla.** La question des sucres et la Conférence de Bruxelles. 1902. **Truchy.** La nouvelle législation des sucres. 1903. Его-же. Les conventions sucrières de1907—1908. **Paris.** Le régime des sucres. 1905. **Roederer.** De l'influence des reglementations sur la production et la consommation du sucre. 1910. **Perris.** The Results of the Sugar Convention. 1905. **Wolf.** Die Zuckersteuer. 1882. **Hager.** Die Ueberwälzung der Zuckersteuer und die Prämie der Rübenzuckerindustrie. 1893. **Görz.** Einige Worte zur Beleuchtung der Londoner Convention über Abschaffung der Zuckerprämien. 1888. **Katzenstein.** Die deutsche Zuckerindustrie und Zuckerbesteuerung. 1877. **Lippmann.** Die Entwicklung der Deutschen Zuckerindustrie von 1850 — 1900. 1900. **Schippel.** Zuckerindustrie und Zuckerprämien bis zur Brüsseler Konvention. 1903. **Meyer.** Ueber die Lage der Zuckerindustrie zur Zeit des Abschlusses der Brüsseler Konvention. 1902. **Bruckner.** Zuckerausfuhrprämien and Brüsseler Vertrag. (Jahrb. für Nationaloekon. B. XXIII. 1902). **Kaufmann.** Welt-Zuckerindustrie. 1904. **Paasche.** Die Zuckerproduktion der Welt. Ihre wirtschaftliche Bedeutung und staatliche Belastung. 1905. **Herzfeld.** Ueber die Wirkungen der Brüsseler Zuckerkonvention. 1906. **Birschel.** Die Bedeutung der Brüsseler Zuckerkonvention für Deutschland. 1909. **М. Цѣхановскій.** Сахарная промышленность в экономической и финансовой жизни России. **М. И. Фридман.** Современные косвенные налоги на предметы потребленья. Ч. I. 1908. **Х. Лебедь-Юрчик.** Сахарная промышленность в России. 1909. **И. И. Левин.** Свеклосахарная промышленность в России. 1910. **И. Х. Озеров.** Экономическая Россия и ея политика. 1905.

Относительно системы «**dumping**». **Liefmann.** Schutzzoll und Kartelle. 1903. Его-же. Kartelle und Trusts. 1910. **Morgenroth.** Die Exportpolitik der Kartelle. 1907. **Tschiersky.** Kartellprämien. 1906. **Diepenhorst.** Die handelspolitische Bedeutung der Ausfuhrunterstützungen der Kartelle. 1908. **Dönges.** Dio handelpolitische Bedeutung der Ausfuhrprämien. 1902. **Glowacki.** Die Ausfuhrunterstützungspolitik der Kartelle. 1908. **Hirsch.** Die rechtliche Behandlung der Kartelle. 1903. Kontradiktorische Verhandlungen über deutsche Kartelle. 1903 — 1906. **Baumgarten-Meszleny.** Kartelle und Trusts. 1906. **Kestner.** Der Organisationzwang. 1912. **Levy.** Monopole, Kartelle und Trusts 1909. **Oeser.** Wie stellen wir uns zu den Kartellen und Syndicaten? 1902. **Schoenlank.** Die Kartelle (Archiv für soz. Gesetzgebung. B. III). **Pudor.** Preisregulierung. (Annalen des deut. Reichs. 1916). **Dietzel.** Socialpolitik und Handelspolitik. 1902. **Ripley.** Trusts, Pools and Corporations.

1905. **Jenks.** The Trust Problem. 1909. **Ely.** Monopolies and Trusts. 1909. **Macrosty.** The Trustmovement in the British Industry. 1907. **Hugh Bell.** A qui le «dumping» fait il tort? (Journal des Economistes». 1916). **Prévost.** Les ententes entre producteurs en France. 1904. **Babled.** Les syndicats entre producteurs et detenteurs de marchandises. 1892. **Raffalovich.** Trusts, cartelles et syndicats. 1903. **Martin-Saint-Leon.** Cartells et Trusts. 1903. **Poupart.** La révisions des tarifs douaniers et les coalitions de producteurs. (Revue Politique et Parlamentaire. 1909). Entente internationale dans la metallurgie. (Revue d'économie politique. 1909).

I. М. Гольдштейн. Синдикаты и тресты. Изд. 2-ое. 1912. Его-же Законодательство иностранных государств о синдикатах и трестах. 1910. Его-же. Война, германские синдикаты, русский экспорт и наши торговые договоры. 1915. **С. О. Загорский.** Война послѣ мира. 1917.

I.

От обороны до наступленья — один шаг; от охранительного протекцьонизма — прямой переход к наступательному. За протекцьонными пошлинами, защищающими нацьональный рынок, неминуемо должны идти агрессивныя вывозныя премьи, захватывающие иностранные рынки. Рынки эти защищены покровительственными пошлинами и задача вывозных премий— ихъ нейтрализовать, обезвредить, смести эти баррикады и открыть двери в мировой рынок. Расчет очень простой. С вывозимого нами товара иностранцы взимают, напр., 6 фр. с килограмма и этим затрудняют наш экспорт; мы даем нашему экспортеру эти 6 фр. — и для него препятствий больше не существует. Он свободно идет вперед, никакие таможенные преграды его задержать не могут. Но, конечно, путь ему открыт лишь пока их прежний уровень сохраняется. К ужасу своему, мы вдруг видим, что импортирующая страна повышает свои ставки на ту же самую величину, какой равняется выдаваемая нами вывозная премья, стало быть, воздвигает новое препятствие, которое снова нам придется брать, усиливая свой разрушающий огонь,—повышая вывозную премью до уровня новыхъ пошлин. Тогда она может произвести вторичное увеличенье, и так без конца — какой то безконечный винт или погоня Ахиллеса за черепахой.

Словом, вывозныя премьи являются порожденьем таможенных пошлин и в свою очередь дают жизнь новымъ пошлинам или увеличивают старые. Они усиливают протекцьонизм, превращают охранительный протекцьонизм в агрессивный, создают новую, самую опасную, форму протекцьонизма.

Вывозныя премьи (bounties, primes de sortie, Ausfuhrzuschüsse, Ausfuhrbonifikationen) существовали уже давно, они не созданы современным протекцьонизмом. Но наша эпоха придала им новый смысл, использовала их полностью, как орудье борьбы за рынки и в то же время особенно сильно ощутила тот яд, который кроется в них.

Вывозные премьи в эпоху меркантилизма входили в тот инвентарь, который считался необходимым для подчиненья других народов своему экономическому могуществу. Они стояли рядом с запрещеньями привоза иностранных товаров, с одной стороны, со всевозможными льготами и привиллегиями (безпроцентные ссуды, безплатные зданья для предприятий, изъятье от налогов и т. д.), с другой стороны, которые государство широко раздавало промышленникам.

Много шуму произвели в свое время вывозные премьи, установленные на английское зерно въ 1689 г. — французы превозносили ихъ как источник богатства Англии и причину блестящего развитья ее сельского хозяйства. Они являлись переходом от затруднявших экспорт зерна из Англии вывозных пошлин к затрудняющим импорт его привозным пошлинам (см. мои Лекц. по истор. экономич. быта, изд. 5-ое, стр. 379, 490)—между обоими стоят поощряющие вывоз премьи, исходный пункт в развитьи аграрного протекцьонизма Англии. Английские писатели—Адам Смит, Мальтус, Рикардо—еще значительно позже, когда эти премьи давным давно исчезли или потеряли всякое значенье, усердно обсуждали вопрос о том, принесли ли они пользу или вред сельскому хозяйству Англіи.

Периодом распространенья вывозных премий какъ универсального средства, пригодного чуть ли не для всякой отрасли производства, являлась эпоха 20-х—40-х годов XIX ст. во Франции. Экспортируемыя бумажная и шерстяная пряжа

и ткани, мыло, сахар, кислоты, мебель и многое другое пользовались премьей, большей частью скрытой (косвенной): формально возвращалась с вывозимых товаров лишь уплаченная за привозное сырье пошлина. Но только формально: бухгалтерья промышленникам ясно говорила, что пошлина и возвращаемые суммы вовсе не совпадают, а остается приличное сальдо в их пользу, правительство же чувствовало, какъ премьи опустошают казенный сундук. Да никто этого и не скрывал — премьи нужны, в коалиции с запрещеньями привоза они должны создать французскую промышленность.

Они не создали ее, зато вызвали репрессьи. Бельгия, Германский таможенный союз, пускали в ход повышенье тарифов, введенье новых ставок на товары, которые экспортировала Франция и охрана которых им самим вовсе не нужна была. Когда же эра 60-х годов явилась могилой для запрещений и высоких привозных пишлин, она похоронила и вывозные премьи, и французская промышленность от этого только выиграла. Потребление напр. шерстяных товаров во Франции и экспорт их одновременно и сразу достигли совершенно недостижимой при прежних порядках величины.

Наконец, третий и самый любопытный эпизод в истории вывозных премий, выдаваемых государством, составляет их проникновенье и рост в сахарной промышленности всей Европы, судьбы которой в теченье обширного периода в сильной степени обусловливались экспортными премьями — премьи налагали на него свой отпечаток, держали его в своих руках.

Когда Ахард открыл способ добыванья сахара из свекловицы — конец XVIII ст. — а Континентальная система Наполеона—первые годы XIX ст. — закрыла доступ в Европу тростниковому сахару, в странах континента стала быстро развиваться новая отрасль промышленности — свеклосахарная, которую всячески поощряли, охраняли высокими таможенными тарифами, в интересах не только самого благородного промысла, как его называли, но и связанной с ним, особо выгодной для сельского хозяйства, культуры свекловицы. Когда же прогресс новой промышленности позволил рядом с пошлиной на привозной сахар установить и акциз на сахар внутреннего

производства, как на предмет роскоши, еще мало доступный широким кругам населенья, — а это совершилось в 1837 г. во Франции, в 40-х г. г. в других государствах (в Росси в 1848 г.), то этот новый шаг должен был необходимо сопровождаться возвратом акциза вывозимому сахару. Назначеньем акциза являлось обложенье лишь внутреннего потребленья — дальше стремленья его не шли и не могли идти. Иностранцы ему не подвластны, на их кошельки никто не претендует; всякая такая попытка равносильна была бы лишь самоубийству, означала бы смертный приговор вывозу сахара, а стало быть и вообще росту сахарной промышленности.

Но как установить величину акциза, подлежащего возврату, каким масштабом руководствоваться, какой использовать аппарат или прибор? Обязательным условьем является одна и та же исходная точка для исчисленья уплаченной и возвращаемой суммы, иначе под видом возврата пошлин легко может появиться вывозная премья, избыток отдаваемаго, по сравненью с полученным; уплачено за X пуд. сахара, а из казны выдается $x+y$ пуд.

Что же мы видим? Акциз возвращается по количеству вывезеннаго сахара, тогда как обложенье построено по матерьялу (свекловица) или по роду и производительности снарядов или в зависимости от густоты сахаросодержащаго сока. Конечно, все это приводится к одному знаменателю, к количеству пудов выработанного сахара, но к количеству, лишь предполагаемому — работа аппарата в теченье единицы времени, напр., признается равносильной такому то количеству чистого сахара, исходя из средних нормальных условий производства. Но в жизни обнаруживаются колебанья в ту и в другую сторону. Крупным предпріятіям, пользующимся свекловицей лучших сортов, употребляющим усовершенствованные аппараты, не трудно отойти далеко в сторону от нормальной цифры, разрушить расчеты казны. Во Франции напр., закон 1884 г. исходил из того, что 100 квинт. свекловицы дают 6 квинт. готового продукта, а крупные заводы добились того, что получалось 10 квинт., т. е. на 66 проц. больше.

Работа сахарной промышленности в этом направленьи, работа, задачей которой являлось возможно больше обогнать предполагаемый выход сахара, шла стремительным, прямо лихорадочным темпом. На помощь была призвана техника— она заработала быстро, настойчиво, неутомимо; всякое усовершенствованье производства сулило прямо и непосредственно миллионные барыши — путем обхода податного закона. На этом уклоненьи, хотя и легальном, строилось благополучье сахарной индустрии, благополучье в двояком направленьи: и акциз уплачивался меньший, нежели расчитывала казна, исходя из нормальных выходов чистого сахара, и с вывозимого сахара получалось обратно то, что вовсе не было внесено. Для достиженья такого результата старались, естественно, исчерпать все, что только мыслимо было. Лаборатории по изученью различных сортов свекловицы, опытные станции для испытанья новых способов обработки свекловичных полей, учрежденья, производившие эксперименты по наилучшему использованью сырья в различных процессах производства — все пускалось в ход сахарозаводчиками, чтобы только то же количество матерьяла давало возможно больше сахара. Результаты были блестящие. Сельские хозяева, будучи вынуждены выполнять в точности указанья относительно свекловичной культуры, достигли волей-неволей высокого совершенства; в то же время производство сахара обогатилось новыми способами, системами и инструментами. Прессы, напр., при которых в отбросах свекловицы оставалось 0,7—1,2 проц. неиспользованнаго сахара, весьма скоро выброшены были за борт, в виду такой неэкономности своей, и появились диффузоры, которые довольствовались несравненно меньшими остатками — не превышавшими 0,2 — 0,4 проц. Продолжительность самой сахарной кампаньи сокращалась, благодаря усовершенствованным приборам, а это устраняло предполагаемые (законом, при исчисленьи нормы сахара) потери сахара при храненьи свекловицы.

Отсюда в Бельгии напр., при установленных нормальных выходах сахара в 1900 гр. с гектолитра сиропа и градуса густоты (обложенье сахаросодержащего сока) полу-

чалось 2090 гр., т. е. на 10 проц. больше, иначе говоря, бельгийские сахарные заводы платили акциз не в 45 фр. с квинтала, как установлено было законом, а всего в 41 фр., тогда как получали обратно 45 фр. — скрытая вывозная премья в 4 фр. Да еще уплата налога разсрочивалась на пол-года, возврат же акциза производился уже через 3 м., так что и суммы, которые не составляли премьи, а являлись возвратомъ акциза (41 фр.), выдавались обратно до поступленья их в казну.

Еще больше разстоянье между уплачиваемым и получаемым обратно было у нас. Уже с самого начала выход сахара из свекловицы в 3 проц. (обложенье по матерьялу) был установлен неправильно; но и тогда, когда эта норма была повышена, сахарозаводчики платили не 80 коп. акциза с пуда, как гласил закон, а всего 20 — 25 коп., а иногда и того меньше—до 13 коп. Работоспособность аппаратов усилилась, число дней работы сократилось против предполагаемаго. А возвращался акциз исправно в 80 коп. с вывозимого пуда, иначе говоря, заводчики «вырабатывали» вывозную премью в три или даже в пять раз большую, по сравненью с уплачиваемым акцизом.

Конечно, головокружительный рост техники сахарного производства, ни на минуту непрекращающиеся опыты, наблюденья и вычисленья, с чрезвычайной быстротой двигавшие производство способы и снаряды, аппараты и приборы, каждый раз уступавшие другим — новым усовершенствованьям — все это составляло явленье отрадное, заслуживавшее всяческого поощренья, в интересах народного хозяйства и населенья. Но в то же время эти столь совершенные в техническом отношеньи методы и приспособленья являлись отмычками к казенной кладовой — похищали из нее крупные суммы; одни суммы — акциз — не допоступали, другие — премьи — извлекались оттуда.

У нас в 1877 г. возвращено было больше 3 милл. руб., т. е. почти половина поступлений акциза. Германия хотя из предосторожности и не возвращала акциза полностью,

все же получила от акциза и таможенных пошлин на сахар в 1887 г. из 120 милл. всего 15 милл. — вывозные премьи уменьшили доход в восемь раз; остальные семь восьмых попали обратно в карманы сахарозаводчиков, «ушли на изготовленье милльонеров». А в Австрии в 1875 — 76 г. г. дошло до того, что возвращенная сумма превысила даже поступленья от акциза, так что казна не только ничего не выручала с акциза, но еще вынуждена была уплачивать премьи сахарозаводчикам, выкладывать деньги из своего кармана (в 1876 г. выдано 400 тыс. гульд.). Один из самых крупных источников государственных доходов грозил совершенно изсякнуть. Странного в этом впрочем ничего не найдем, если вспомним, что, напр., в Австрии адресная книга сахарных заводов являлась и указателем самых древних и самых блестящих дворянских родов и даже членов императорской фамильи. (М. И. Фридман, стр. 320).

Так самопроизвольно зародились и робко и стыдливо появились вывозныя премьи на сахар. Государство обратило па них вниманье лишь тогда, когда они уже сбросили с себя скорлупу окружавшего ихъ возврата пошлин и стали расти все больше и больше, когда они стали совершившимся фактом, с которым нельзя было не считаться. Государство насторожилось—пыталось остановить их рост, догнать их, повышая при взиманьи акциза нормальный выход сахара. Но оно не в силах было остановить вызванных им же духов— необходимого для этого талисмана не оказывалось. Каждый раз, когда оно совершало один шаг, техника совершала два, почему разстоянье между ними не только не уменьшалось, а, напротив, еще увеличивалось. Во Франции в 1890 г. норма выхода сахара была повышена до $7^3/_4$ проц., тогда как получалось уже 10,7 проц., т. е. на 40 проц. больше. У нас нормы работоспособности снарядов были подняты трижды — въ 1864, 1872 и 1879 г.г., но каждый раз они оказывались запоздалыми. Словом, погоня государства оказывалась неудачной: «тяжелая государственная машина естественно всегда и надолго отставала». Вывозная премья с метрич. центнера составляла в 80-х г.г. в Германьи $3^1/_4$ мар., в Австрии —

больше 4 кр., в Бельгии — свыше 10 фр. Скрытыя премьи (indirekte, mittelbare) стали явным фактом.

Страдал фиск, но еще больше страдали потребители. Казалось бы, блестящее развитье сахарной промышленности и быстрый ростъ техники производства могли только удешевить сахар, расширить его потребленье, дать его неимущим массам. Но надежда на это не оправдывалась. Ростъ производства сопровождался усиленным экспортом—вывозныя премьи всячески подгоняли экспорт, заставляли вывозить сахар, удорожая его внутри страны на всю сумму вывозной премьи.

Эта дороговизна находилась в связи и с повышаемыми каждый раз таможенными пошлинами, которые двигались рука об руку с вывозными премьями, — от премий других стран приходилось обороняться повышеньем таможенных барьеров. Так что борьба шла в двух направленьях. Вывозные премьи были мечем, которымъ открывали путь в другие страны, разрубая их пошлины, а собственные пошлины — щитом, которым защищались от нападенья чужих вывозных премий. Поэтому то в странах производства сахара, в странах высоко развитой сахарной промышленности — Франции, Бельгии, Австрии, Германьи, Нидерландах, России, сахар был крайне дорог и потребленье его росло черепашьим шагом — правительство заботилось о том, чтобы населенье платило за сахар возможно больше. Напротив, страны—потребительницы, при отсутствии собственной сахарной промышленности, пили сладкій кофе и чай,—роскошь, недоступная для масс населенья в государствах с блестящим развитьем сахарной индустрии. В этих странах, счастливо обходившихся без сахарного производства, охранительных пошлин, удорожавших сахар, не было. Мало того, импортер, продавая там сахар, мог вычесть полученную дома вывозную премью, как он при сильной конкурренции премированного сахара и поступал, удешевляя цѣну его в этих государствах вплоть до уровня издержек производства.

Особенно благоденствовали англичане. Сахарного песку они вообще не производили (только рафинировали его), но пользовались самым дешевым в мирѣ сахаром (ибо не было ника-

кихъ пошлин) и всякое повышенье вывозных премий в других странахъ разсматривали как подносимый им подарок, так как это вызывало удешевленье его. «Континент обладает сахарной промышленностью — Англия обладает сахаром».

И несмотря на это, Англия уже в 80-хъ г.г. дважды пыталась прекратить выдачу вывозных премий, созывая международные конференции: колонии оказывали на нее давленье, их тростниковый сахар не мог бороться в Англии с дешевым европейским «премированным» сахаром. Но предложенья Англии—искоренить зло, убрать вывозныя премьи, не привели ни к чему. Это были пожеланья чисто-платонического характера, хотя в руках Англии было сильное оружье—угроза установить пошлины на сахар, получивший премью, и этим закрыть для него свой рынок, тот бассейн, в который стекались до сих пор со всей Европы излишки сахара. Однако, она медлила, заявляя — на требованья колоний — что взиманье всякого рода таможенных пошлин континентом представляет собою еще гораздо большую несправедливость, по сравненью с выдачей вывозных премий, так как пошлины нанося ущерб английскому производителю, и все же она не устанавливает против этого никаких репрессий.

Требованье Англии привело лишь к тому, что часть государств, выдававших премьи, перешла к обложенью сахара по готовому продукту. На этом настаивали и сахарозаводчики, не вырабатывавшие нормы и поэтому переплачивавшие на внутреннем обложеньи и не извлекавшие выгоды от вывозных премий. Реформа состоялась в Австрии в 1888 г., в Германии в 1891 г., еще раньше—в 1881 г.—в России. Казалось бы теперь, выйдя из полумрака обложенья по сырью, можно было бы справиться и с вывозными премьями—установленье акциза по готовому продукту их сразу убивало (возвращаемая сумма равнялась акцизу); или, если они пока только понижались—сохраняясь уже как открытая прибавка, то все же это являлось первымъ предостереженьем, сигналом для сахарной промышленности, указывавшим ей на необходимость мало по малу приноровиться к новым условьям, научиться обходиться без премий. Об этом заявляли в парламентах при

введеньи новой системы обложенья, Германия даже установила план постепенного упраздненья их—в 1897 г. они должны вовсе исчезнуть с лица земли — разсчитывая, что и другия страны поступят так же. Но когда она «стала спускаться, то, вопреки ее ожиданью, за ней никто не пошел», почему она повернула обратно, и достаточно ей было заявить об этом, как государства, которые раньше не желали ни на шаг двинуться вперед в области пониженья премий, теперь немедленно, не ожидая осуществленья ея угрозы, подняли в свою очередь премьи. Выяснилось, что упраздненье их не под силу одному государству, что лиш подав друг другу руки, они в состояньи общими усильями сбросить с себя это тяжелое бремя. Каждая страна заявляла, что она выдает премьи лишь по милости другихъ. Сахарозаводчики поднимали крик и плач: их хотят лишить той помощи, которою пользуются конкурренты.

Как бы то ни было, премьи теперь выдавались уже открыто: фигового листа, обложенья по матерьялу, прежде прикрывавшего премью, уже не было. Германия выдавала такой «Ausfuhrzuschuss», Франция, сохранившая старую систему обложения, присоединила к скрытой премьи еще выдаваемую открыто в дополненье къ возвращаемым пошлинам. Теперь все было ясно, скрывать ничего нельзя было. Никто не мог ни отрицать выдачи премий, ни плакаться на свое безсилье бороться с ней, по милости с быстротой молнии несущейся вперед техники, ни оправдываться блестящим развитьем индустрии при обложеньи по сырью или снарядам, ни, наконец, извинять свое поведенье незначительностью числа получающих премью предприятий—теперь уже не одни самые крупные заводы «вырабатывали» ее, она доставалась всякому.

Премья была на лицо, она уже не пряталась, стыдясь своего происхожденья, как это было прежде, она открыто выдвигалась вперед, громко заявляя о своем существованьи. Заслуг у нее было весьма много. Шесть самых крупных стран экспорта могли поблагодарить ее за то, что в теченье лишь небольшого периода 1894/95 — 1900/01 г. г. их вывоз возрос в полтора раза — с 2,16 до 3,22 милл. тонн. Ей

Франция была обязана своим экспортом, доходившим в 1900/01 г.г. до двух третей выработаннаго ею сахара; почти столько же, по милости премьи, вывезли Германия и Австрия.

Мало того, новыя страны — Италия, Испания, Румыния завели у себя столь выгодную сахарную промышленность, превратились из покупателей в экспортеров сахара, так что прочия страны одновременно и лишились прежних рынков и получили новых конкуррентов.

Повсюду народились сахарные синдикаты, росли и множились под покровом усиленных пошлин, удорожая внутреннее потребленье до той границы, которую составляла пошлина, и разницу выбрасывая на всю сахарную промышленность, поливая ее золотым дождем, как в Германии и Австрии, или же выдавая в дополненье к казенной премьи и свою ленту экспортерам—синдикатскую премью.

Своеобразная комбинацья обоих элементов — государственного и частного, получилась в России; у нас казенные премьи были упразднены, но с 1895 года было введено правительственное урегулированье сахарной промышленности, благодаря которому, при помощи государственной власти, возникали вывозные премьи, но премьи, не проходившие чрез ее руки. Правительство могло держать себя так, как будто оно ничего не знает—из своего кармана оно ни копейки не выдавало. Но каким же образом в 1896 г. напр., сахар мог экспортироваться по 1 руб. 50 коп. за пуд, когда производство его обходилось въ среднем в 1 руб. 90 коп.? Как можно было при таких условиях вывезти свыше 11 милл. пуд., неся больше 4 милл. руб. убытка ежегодно? Кому была охота идти на это? Иначе говоря, в чем тут заключалась загадка? Суть в том, что ограничивая количество сахара, выпускаемого на внутренний рынок (сахарная нормировка), правительство гарантировало самим заводчикам дороговизну его в России, давало им возможность как бы «образовывать в своих карманах особый фонд» (И. Х. Озеров). А если так, то им нечего было безпокоиться — из этого фонда они легко могли покрывать всякий убыток, выдавать вывозныя премии. Внутри страны они прибавляли не меньше 1 руб. на пуд к издержкамъ про-

изводства, зарабатывая на 30 милл. пуд. внутренняго потребленья столь почтенную сумму, что из нея ничего не стоило отдать 4 милл., всего 13 — 14 проц. полученной добавочной прибыли. Так, казна, якобы ничего не зная, не принимая никакого участья, все-таки косвенно являлась виновницей премий; русский мужик пил чай «в приглядку», так как сахар был слишком дорог, но зато иоркширские свиньи питались дешевым русским сахаром.

Итак, оргия премий, явных и скрытых, казенных и частных, и не думала прекращаться, — такое благословенное для сахарозаводчиков время продолжалось, пока Англия, наконец, не вынула оружья, которым она одна располагала, и не пригрозила пустить его в ход. Правда, и теперь она все еще колебалась: слишком много удовольствия доставляли ей премьи— англичанин потреблял в среднем в 2—3 раза больше сахара, даже по сравненью с германцем, слишком хорошо жилось новой, взрощенной под дождем дешевого матерьяла, промышленности, прозводившей мармелад, конфекты, бисквиты, сиропы— с 1891 по 1900 г. число рабочих в кондитерских предприятьях удвоилось (с 53 до 105 тыс.). Но настаивали, давили на Англию и торопили ее колонии. Канада, Австралия, Ост-Индия уже обзавелись дифференцьяльными пошлинами на сахар, вывозимый с премьей, опоясали себя дополнительными, защищающими от него, ставками (countervailing duties). Но и этим они довольствоваться не могли: броня была слишком слаба, недостаточно охраняла их собственный тростниковый сахар, ибо ни премий, ни синдикатов у них не было, сократить же его производство немыслимо было (сахарный тростник дает жатву в теченье ряда лѣт). Чемберлен, провозгласивший новое евангелье — образованье общеимперскаго таможенного союза, ухватился за мысль, брошенную колониями, и усиленно поддерживаемую теперь и рафинерами в самой Англии (к началу XX ст. привоз рафинада крайне усилился). Он созвал в 1902 г. европейские страны на Брюссельскую конференцию. Континент пошел на требованье Англии упразднить вывозныя премьи — Европа уже задыхалась в братоубийственном сраженьи посредством вывозных премий. Рынок

настолько переполнился сахаром, который некуда было сбыть, что возникали проекты образованья международного синдиката для скупки сахара и уничтоженья половины его, погрузив его в воду. «И польются в море сладкие потоки, и станет все море сладким-пресладким».

Таким образом, Англия нашла выход из создавшегося жестокого положенья—выход самый простой и естественный: не бросать сахар в море или выбрасывать его скоту—получился бы «сахарный скот» — и не проводить какие-либо иные сложные и головоломные замыслы относительно того, как освободиться от сахара, а попросту отказаться от выдачи каких бы то ни было льгот экспортерам или производителям. Пошлины на привозной сахар, согласно конвенции, взимаются не свыше внутреннего акциза плюс 6 фр. со 100 килогр. (surtaxe) — это средство борьбы с синдикатами; колоньяльный и европейский сахар облагаются равной пошлиной; наконец— санкция — участники конференции обязуются либо вовсе запретить привоз сахара из стран, продолжающих выдавать премьи, либо брать с них дополнительную ставку величиной не ниже премьи. Надзор за выполненьем конвенцьи был поручен постоянной международной комиссии — брюссельскому ареопагу, как ее называли иронически противники соглашенья.

Конвенция насчитывала и друзей и врагов. Одни благословляли тот день и час, когда погибли премьи, эти «дары данайцев», называли Брюссельскую конвенцью выраженьем солидарности народов, находили, что едва-ли какое-либо международное соглашенье может сравниться с ней в отношеньи своего экономическаго значенья. Но уничтоженье премьи и пониженье пошлин грозило гибелью синдикатам (хотя эти опасенья неоправдались), и поэтому другие заявляли, что конвенцья есть предательство по отношенью... к крестьянам, так как дешевый тростниковый сахар убьет европейскій и погибнет культура свекловицы. Каждая страна—Австрия, Франция, Германия—изображала себя жертвой дипломатических подвохов других стран, называла себя обманутой по неспособности своих дипломатов. Все же участники выполнили принятыя на себя обязательства, исчезла искусственная, столь насы-

щенная парами аггрессивнаго протекцьонизма, атмосфера вывозных премий.

Только Россия стояла поодаль, не приняла участья, отказываясь понизить свои привозныя пошлины и упразднить систему нормировки (лишь частичныя поправки в ней были произведены). А от этого пострадал русский сахар: он первый попал под установленное конвенцьей наказанье, он повсюду подлежал дифференцьяльным пошлинам (droit special) в 8 фр. 14 сант. за 100 килогр. (считая вывозную премью в России в 50 коп. за пуд). Россия присоединилась к конвенцьи лишь при возобновленьи ея в 1907 году, но на особых условьях. Она сохраняла свое законодательство, но обязалась не увеличивать выгод производителей сахара и не вывозить его с возвратом акциза в теченье 1908—1913 г.г. больше, нежели на 1 милл. тонн. (около 60 милл. пуд.)—этот сахар уже не облагался дополнительной пошлиной — так что экспорт русскаго сахара был ограничен (однако наш вывоз в Финляндию, Персию, Китай Афганистан был свободен).

Въ 1912 г. конвенция была еще раз возобновлена — в ней приняло участье 10 государств, участвовала и Россия [1]). Из состава ее вышла, напротив, вдохновительница и инициаторша ее—Англия. Она уже в 1907 г. отказалась взимать пошлины на премированный сахар (зато участники конвенции могли требовать, чтобы сахар, рафинированный в Англии, снабжался свидетельством, что он не происходит из стран, выдающих премии), а теперь и формально отвергла собственное дѣтище — конвенцию. Добившись у континента отказа от вывозных премий, она лишь пострадала, так как сахар сильно вздорожал в Англии и потребленье с 1900 по 1910 г. упало с 83,6 до 77,0 пуд. на душу населенья, а привоз иностранного варенья и консервированных фруктов увеличился за 1897—1912 г. г. с 350 до 1340 тыс. ф. ст., тогда как многие ан-

[1]) Италия не присоединилась к конвенции и так как было установлено, что она выдает премьи, то ее сахар обложен в странах, участвующих в конвенции, дополнительной пошлиной. В силу этого, и у нас с 25 февраля 1913 г. взималась такая надбавка с итальянскаго сахара (29—38 коп. за пуд сырца, 52—61 коп. за пуд рафинада).

глійские фирмы вынуждены были закрыться. Напротив, для других государств Англия оказалась истинным другом, побудив их к самоосвобожденью от премий: с 1900 по 1910 г. потребленье сахара на душу населенья возросло во Франции с 13,1 до 17 килогр., в Австрии с 7,9 до 11 и в Германии с 13,3 до 19,5.

России в 1912 г. было предоставлено вывозить ежегодно (попрежнему) по 200 тыс. тонн; помимо этого, в виду того, что мировой рынок обнаруживал крайний недостаток сахара и сильное вздорожанье его в 1911/12 г., ей дано было право на дополнительный вывоз 250 тыс. тонн на весь период 1913 — 17 г.г.,—увеличенье весьма незначительное, если вспомним, что за предыдущий период (1908—12гг.) производство сахара в европейских государствах поднялось на 20 проц. Россия требовала большего, Англия к ней присоединилась, но Германия протестовала, лишь с трудом ее удалось склонить даже на такую уступку. Ею Германия купила участье России в конвенции, иначе говоря, освободилась от опасности наводненья мирового рынка русским сахаром, а в то же время обезопасила себя от сахара из колоний, давая английским рафинадным заводам достаточное количество русского сахара. При отсутствии его, Англия вынуждена была бы приспособить заводы к тростниковому сахару и они были бы потеряны, как потребители свекловичного сахара, стало быть, и Германия лишилась бы их заказов. Так что, снисходя к просьбам России и давая ей, якобы, особую льготу, Германия отлично устраивала свои же интересы.

Как бы то ни было, период лихорадочного состоянья, когда сахарная промышленность являла картину бушующей, кипящей стихии с высоко вздымающимися волнами, кончился; буря стихла, волненье улеглось, наступила эпоха мирного, спокойного развитья.

II.

Наша сахарная нормировка составляет переходную ступень от правительственных вывозных премий къ частным. Рядом с премьями такого типа существуют, однако, и премьи

чисто-частнаго характера, которые не только полностью идут из карманов предпринимателей, но и создаются без какой бы то ни было помощи государства, если не считать таковой установленье протекцьонных пошлин.

Премия частного характера может выдаваться организацией предпринимателей экспортирующим фабрикантам за каждый вывезенный заграницу товар, будучи покрываема отчисленьями от продаж, производимых внутри страны. Но самая выдача может и не происходить — премья образуется в карманах предпринимателей, благодаря удорожанью товара у себя дома, как это совершалось в дни нашей сахарной нормировки, — из этого фонда они непосредственно покрывают убытки по удешевленному сбыту за границу. Основой, таким образом, является эта удешевленная продажа, не покрывающая издержек производства (Schleuderexport), продажа для расширенья экспорта и искусственнаго удорожанья товара внутри страны. Такой аггрессивный протекцьонизм получил техническое названье «dumping», что обозначает сбрасыванье, устраненье с пути. В широком значеньи «dumping» обнимает всякий убыточный экспорт за границу, включая и поощряемый правительством, но обычно с этим названьем связано представленье о продажах, производимых синдикатами и трестами.

Еще Адам Смит в XVIII ст. знал «предпринимателей, соз. давших соглашенья для уплаты премий из собственного кошелька за вывоз части их производства за границу». (Кн. IV. гл. 5). Этим путем английская промышленность боролась с возникновеньем иностранной конкурренции. Лорд Брум в 1815 г. открыто признавал, что Англия готова, вывозя товары, идти на убытки, лишь бы этим путем уничтожить зачатки иностранной промышленности, вырвать с корнем ростки индустрии в странах континента [1]).

---

[1]) На это жаловался и Friedrich List в 1827 г. — англійские промышленники продажей внутри страны покрывают издержки производства (напр. тканей), а все дополнительное количество, предназначенное для экспорта, могут сбывать с убытком, разоряя этим иностранных производителей.

Но это время продолжалось не долго; Англия скоро перестала нуждаться в такого рода приемах, да и упраздненье протекцьонных пошлин почти лишило ее этой возможности. Правда, и теперь Англия иногда вызывает неудовольствье сбытом своих товаров за границей дешевле, нежели они производятся туземной промышленностью, напр. ньюкестльский уголь доставляет много неприятностей французским сѣверным копям. Но это еще не есть dumping — иностранцы получают товар не дешевле, по сравненью с собственными жителями, а напротив, даже дороже. Свободная торговля заботится об интересах английского населенья, приказывает английским промышленникам строго придерживаться уровня цѣн мирового рынка. А если так, то можно ли удешевлять товары для заказов заграницу? Как покрывать убытки в этих случаях? Конечно, если принять терминологию Hugh Bell'я, что dumping состоит в снабженьи иностранных жителей товарами, которые должны были бы, в интересах других жителей той же страны, изготовляться внутри государства — тогда «dumped» окажется, в сущности всякий иностранный товар, конкурирующий с туземным, и тогда борьба с «dumping» равнозначуща закрытью внутреннего рынка для привозных товаров, и всякая покровительственная таможенная пошлина есть пошлина, вызванная dumping'ом; ясно, что сочинять для иностранной конкуренции новый термин не приходится, и что под «dumping» обычно понимается явленье совершенно иного порядка.

Правда, дальше тот же автор вносит ограниченья, находя, что «dumping» происходит в трех случаях. Когда сбыт заграницу обусловлен перепроизводством, или когда обнаруживается временный избыток, или, наконец, когда проводится политика уничтоженья однородного производства в других странах; третий случай — как он признает — является самым существенным, только онъ вызывает нареканья, только он осуществляется при помощи систематического удешевленного сбыта товаров заграницу.

В сущности только этот третий случай и есть dumping— дешевые продажи заграницу для искусственного поддержанья высокой стоимости товара внутри страны практикуют в особен-

ности германские синдикаты и американские тресты, исходящие из того принципа, что экспортируя «необходимо нападать и что только нападая можно одержать верх». Если первоначально в Германии такая политика являлась сравнительно не частым явленьем, то постепенно такия продажи получили массовый характер и заводчики, которые еще недавно порицали такую тактику синдиката и объясняли ее временным застоем промышленности, стали сами же разсматривать ее, как необходимое и нормальное средство, без которого синдикаты жить не могут, средство, систематически используемое особенно для устраненья конкурренции на т. наз. спорных рынках, т. е. недостаточно обезпеченных для германской промышленности.

Экспорт — жалуются промышленники — обходится им дороже, по сравненью с продажей у себя дома, присоединяются расходы транспорта, таможенные пошлины и т. д., но этими расходами они мотивируют. . . не вздорожанье товара, сбываемого за границей, а напротив, удешевленье его! Получается какая то логика вверх ногами: так как экспорт связан с большими издержками, то вывозимые товары продаются дешевле. Мало того, товар отдается своему ближнему значительно дороже, нежели самому отдаленному: житель другой страны, другого полушарья пользуется выгодой, которой лишен соотечественник, гражданин не только того же государства, но, быть может того же города, житель того же квартала или улицы, даже член той же семьи, того же домохозяйства. «Что может сравниться с такого рода политикой по нелогичности, нехозяйственности, неморальности?»

Liefmann утверждает, что суть не в том, что дешево сбываются товары заграницу, а в том, что дороги товары, остающиеся дома: дороговизна--вот тот червь, который гложет современное хозяйство. Выбрасыванье же дешевых товаров заграницу необходимо, ибо немыслимо продавать дороже конкурентов, да и вообще это еще не такое несчастье, по сравненью с перепроизводством и кризисами внутри страны, с закрытьем фабрики и заводов, с безработицей и голодом. Но дороговизна внутри страны и дешевизна заграницей — это сросшиеся

между собой сьямские близнецы. Дороговизну синдикаты и тресты могут создавать лишь потому, что дешевый экспорт заграницу идет форсированным маршем, убирая с внутреннего рынка весь излишек. В свою очередь, только грабя и обирая собственных граждан, синдикаты в состояньи доставлять подарки иностранцам. Казалось бы, задача синдикатов — в этом они усматривают огромную заслугу свою перед отечеством и народным хозяйством, о ней постоянно кричат — устранить прежнюю анархию в области производства и завести строгий порядок. А тут получается как раз наоборот: производится слишком много, оказывается излишний балласт, который давит на нацьональный рынок, который надо во что бы то ни стало выбросить за борт, пустить à tout prix. Неужели же они не в состояньи выполнить принятую на себя обязанность, или же они умышленно гонят производство во всю, а потом ищут спасенья на иностранных рынках?

Уже давно жалуются на махинации американских трестов, от которых страдает потребитель Соединенных Штатов: пишущую машину они заграницу продают на 25 проц. дешевле, чем у себя дома, велосипед — в Индию за 125 франков, американцам — за 200. Свинец, гвозди, цемент и т. д., производимые американскими трестами, стоят, по общему правилу, в Англии на 20 — 25 проц. дешевле, по сравненью с внутренним рынком. Еще дальше в этом отношеньи идут германские картели. По самым низким подсчетам, в Германии (loco завод) они берут на 25 — 30 проц., иногда на 35 — 40 проц. больше, нежели в случаях экспорта (fob порт). Так, тонна рельс в Германии (в 1904 г.) стоила 135 шилл. иностранным же заказчикам — 93,5 шилл., проволока (1900 г.) дома 170 и 180 мар., заграницей 115 мар. Металлические балки германцы продавали в Швейцарии от 100 — 125 мар. за тонну, в Англии, странахъ Южной и Центральной Америки за 103—110 мар., в Италии даже за 75 мар., тогда как германскому потребителю они обходились в 130 мар. В 1900 г. американский проволочный трест брал за проволоку для производства гвоздей у себя дома $4^1/_2$ долл., заграницей же — всего 2,11 долл., т. е. меньше половины. Выступая против

него, германский проволочный синдикат настолько удешевил проволоку на иностранных рынках, что понес 860.000 мар. убытка, но зато стоимость ее в Германии так поднялась, что дала ему внутри страны около 1,2 милл. мар. прибыли, что далеко превысило понесенный заграницей ущерб.

Для покрытия убытков по дешевым продажам заграницу синдикаты создают как бы взаимное страхованье, взимая со сбыта внутри страны тот или другой процент, колеблющийся в зависимости от ожидаемых расходов на выдачу премьи. Рейнско-вестфальский угольный синдикат так форсировал экспорт — превышенье экспорта над импортом возросло за 1907 — 1913 г. г. с 14 до 33 милл. марок — что вынужден был систематически взвинчивать этот сбор, подняв его за 1901 — 11 г. г. с 3 до 12 проц. Германское центральное бюро, включающее ряд металлургических и каменноугольных синдикатов, выдавало в 1905 г. премью в $1^1/_2$ мар. с тонны вывозимого угля, 5 мар. за тонну чугуна, 15 за полуфабрикаты и 20 мар. за тонну сортового металла, получилось (1909 — 10 г.) около 6 милл. уплаченных премий.

Из этого видно, что синдикаты выдают премьи и заводчикам, производящим переработку премированных товаров; ибо премьи на вывоз чугуна, облегчая экспорт его, затрудняют экспорт полупродукта, изготовляемого при помощи дорогого чугуна; если и за вывозимый полупродукт выдаются премьи, то должна страдать катанная проволока и т. д. Одна премья стало быть родит другую, создается ряд связанных между собой премий, подобно тому, как каждая покровительственная пошлина является родоначальником ряда новых пошлин.

И все-таки, даже такая сложная операцья не избавляет предприятья, обрабатывающие дешево вывозимое сырье, от весьма печального положенья; они не могут конкуррировать с иностранцами, так как синдикат не в состояньи покрывать им всю разницу в 30 и больше проц. между внутренней и экспортной стоимостью обрабатываемых ими матерьялов.

Результат тот, что иностранная промышленность благоденствует; иностранные заводы снабжаются дешевым углем,

иностранные верфи — дешевой сталью, иностранные гвоздильные предприятья — дешевой проволокой. Сколько они зарабатывают на этом, видно из того, что лежащие недалеко от швейцарской границы германские заводы находили для себя выгодным покупать германский же уголь в Швейцарии, а фабрикаты, вывозимые американским стальным трестом в Европу, доставлялись обратно в Соединенные Штаты, и несмотря на уплату пошлин и на транспортные расходы туда и обратно, все же обходились американским покупателям дешевле, нежели при закупках на ближайших американских заводах. Бельгийские гвоздильные заводы обязаны своим ростом главным образом дешевым германским сырым матерьялам. Этой же дешевизной объясняется развитье многих отраслей нидерландской металлургической и машиностроительной промышленности, которая, благодаря этому, стала сама не только производить большую часть проволочных товаров, необходимых для внутреннего потребленья, но даже вывозить их в Германию, в дюссельдорфский район, который недавно еще занимался экспортом в Голландию. Отчасти по этим же причинам рейнская судостроительная промышленность переселилась в Нидерланды — там можно дешевле получить матерьялы у германскаго металлургического треста, нежели купить их у него же в самой Германии. Англичане одно время лишились своих рынков для фабрикатов из оцинкованного металла в Голландии, Италии, Малой Азии — вынуждены были уступить их германцам; но скоро английским промышленникам пришли на помощь другие германцы — изготовляющие сырье. Уступая им матерьял на 40 проц. дешевле того, что платят германские заводы, эти истинные друзья и покровители английской индустрии дали ей возможность настолько удешевить товар, что германцы быстро были изгнаны из нейтральных рынков и англичане возстановлены в своих правах.

Конечно, такое «торжество справедливости» нравится Германии далеко не всегда, какъ и вообще вызывает сильные возраженья именно в отношеньи справедливости и лойяльности операций, обкрадывающих собственного потребителя и

губящих собственную промышленность. Не есть ли это явленье глубоко-нездоровое и абсурдное, когда населенье вынуждено вынимать из своего кармана не только ту прибыль, которая с него причитается, но и ту, которая должна взиматься с иностранцев, а подчас еще, облегчая им условья существованья, и покрывать падающую на них часть издержек производства? Можно ли мириться с таким кровопусканьем собственных жителей, опустошеньем их кошельков, съ таким «расточеньем нацьональных богатств» ради иностранцев, можно ли допускать столь своеобразное проявленье идей «космополитизма», «братства народов»? [1]). И, что особенно характерно, так поступают страны, насквозь пропитанные протекцьонизмом, страны, которые высоко нагромоздили таможенные барьеры для защиты «нацьональнаго труда» от иноземных товаров. Вывозные же премьи означают охрану не нацьонального, а иностраннаго труда, получается покровительственная система, но только навыворот, система, воспитывающая и вскармливающая за счет собственного производства новые отрасли промышленности заграницей при помощи снабженья их дешевым матерьялом.

Неудивительно, что не только говорят о дани, уплачиваемой по милости синдикатов и трестов заграницу, об обложеньи населенья в интересах иностранной промышленности, но и приравнивают такого рода операции, губящие нацьональное производство, к поступкам дезертиров, переходящихъ на сторону неприятеля, требуют распространенья на такого рода случаи статей уголовного уложенья, запрещающих поставку оружья врагам, клеймят политику синдикатов предательством отечества, продажей интересов страны.

Но как бороться с этим злом? Единственное рацьональное средство, уничтожающее самую причину порока, а не только борющееся с вторичными проявленьями его—сокращенье, а по

---

[1]) Американский жестяной трест дошел даже до того, что стал производить 3-проц. вычет из заработной платы своих рабочих, образуя из него спецьяльный фонд для покрытья уступок, дѣлаемых им экспортерам — так трест «ловко» выманил у рабочих деньги на выдачу премьи по выбрасываемым за границу товарам.

возможности полное упраздненье таможенных пошлин, взимаемых с таких товаров, которые дешево выбрасываются заграницу. Правда, на такого рода предложенья возражают, что не всякая пошлина рождает синдикат и не всякий синдикатъ производит вывозную премью, так что родство таможенного тарифа съ премьями весьма отдаленное. Быть может, преувеличено утвержденье американского сахарного короля Гавемайра, что «протекцьонизм—мать трестов», но все же нельзя отрицать и того, что лишь в связи с высокими тарифами небольшие ассоциации превращаются в гигантские «комбинации», в искусственные монополи, в опасные разсадники плутократьи. «Почему в Соединенных Штатах лишь со времени тарифа Динглея промышленные предприятья всевозможных видов с такой угрожающей быстротой образуют массы сказочной величины? Почему только теперь обнаруживается это всеобщее поползновенье убить законное соперничество?» (Dietzel). Всякое повышенье пошлин усиливает желанье предпринимателей «прекратить безконечные споры» и объединиться, ускоряет их шаги, их «скачки и прыжки».

Но высокий тариф вообще приводит к тому, что пороки синдикатов значительно обгоняют их достоинства; высокий тариф поощряет «ростовщические операции» и одно из проявлений их — эксплоатацью потребителя и разоренье нацьональной промышленности путем взвинчиванья стоимости товаров внутри страны и удешевленного экспорта. Если в различных случаях столь жестокое отношенье к собственному населенью возможно и при отсутствии протекцьонизма, в силу напр., естественных условий, гарантирующих производителям монополью внутри государства, то тогда, когда корнем зла является пошлина — а это для большинства случаев нетрудно установить — этот источник должен быть закрыт, засыпан, дерево, носящее такие плоды, как вывозные премьи, должно быть подрублено у самого основанья. И едва ли можно серьезно считаться с возраженьем «соцьяльнаго» характера, что сохраненье пошлины необходимо в интересах небольших заводов — как утверждали американские тресты — ибо они не экспортируют. Они все равно многомилльярдными трестами

стираются с лица земли, «раздавливаются как червяки»; всякое образованье синдиката сопровождается присылкой многочисленным мелким фирмам «шелкового шнурка», и предприятья, отказывающиеся покончить самоубийством, погибают насильственной смертью.

Предложения открыть границы в случаях проявленья политики выбрасыванья заграницу товаров, вносились в различных государствах. Но сила синдикатов и трестов так велика, идея о благотворном влияньи протекцьонизма настолько всосалась в умы населенья, что проекты обычно остаются проектами. Только колонии — Канада и Новая Зеландия вступили в открытую борьбу с организацьями предпринимателей. Канадский тариф 1897 и 1907 г. г. предоставляет правительству, в случаях сильного вздорожанья товаров по милости внутренних ассоцьаций, понижать ставки. В силу этого закона, была уменьшена в 1901 г. пошлина на бумагу с 25 до 15 проц. ее стоимости. Ново-Зеландский закон 1907 г. охраняет потребителя от дороговизны зерна, муки и картофеля. Три года спустя, там же было установлено общее средство против монополий, предоставляющее лицам, страдающим от них, право жаловаться в суд; если выяснится наличность монополи, то вопрос переносится в высший суд, который может закрыть сообщество; при таких условиях губернатору принадлежит право понизить пошлины.

Наконец, тариф Ундервуда в Соединенных Штатах (1913 г.) сильно подорвав устои протекцьонизма, в значительной степени законопатил и ту дыру, через которую проходят премьи — борьба с трестами и была написана на знамени нового тарифа.

Но «бросовый экспорт» вызывает возмущенье и протесты не только у себя дома, но и заграницей, куда разгружаются дешевые товары. Казалось бы, чего же лучше иностранным покупателям, они могут благословлять небо, которое им посылает дешевые товары, заставляет населенье у себя дома платить по счетам, которые в сущности могли бы быть предъявлены им. Но рядом с иностранцами, благодарящими за подарок, есть и другая группа, которая смотритъ на эти

приемы иначе. Подобно тому, как в странах производства обнаруживаются два враждебных друг другу лагеря — производители товара, вывозимого с премьей, и потребители его (непосредственно потребляющие или перерабатывающие), интересы которых противоположны — так и в странах удешевленного сбыта друг против друга стоят производители и потребители. Но только порядок обратный — там ликуют уже не производители, а потребители, пользующиеся дешевым товаром или перерабатывающие его, производители же его (как дома потребители) плачут, жалуются на то, что иностранная дешевка их убивает. Английские судостроительные заводы весьма довольны премьей, существующей в Германии на вывозимую сталь; они просят давать им побольше такой дешевой и прекрасного качества стали. Но английские сталелитейные заводы настроены весьма мрачно и не могут не быть сторонниками введенья пошлин на привозную сталь — они не в состояньи держаться при столь дешевых привозных товарах. Бельгийские гвоздильные заводы расширяют свой сбыт, пользуясь дешевой германской проволокой, для бельгийских проволочных заводов это медленная смерть. Еще больший плач поднимают синдикаты, производящие такие дешево выбрасываемые товары в странах высокого протекцьонизма: бомбардируя при помощи dumping'а таможенный тариф, страна, экспортирующая «премированные» товары, этим лишает производящие их заграницей синдикаты всякого покровительства, а без него синдикаты напоминают рыбу, выброшенную на сушу — они долго прожить не могут. Государство становится на их сторону — оно не желает допустить подобных приемов, аннулирующих созданную им защиту промышленности, оно не согласится на то, чтобы его производство стало жертвой такой безцеремонности, чтобы при помощи таких отмычек иностранные синдикаты открывали запертые для них двери другого государства.

Но как быть? Единственное средство борьбы с dumping — еще выше поднять таможенные преграды, установить надбавки к пошлинам, сообразно выдаваемой премьи, настолько усилить свои загражденья, чтобы они оказались непроницаемыми для

тяжелой артиллерьи противника. Руководствуясь принципом «клин клином вышибай», государства и вносят такое постановленье в свой тариф, вводят т. наз. anti-dumping clause (Antiexportprämienclausel). Такой акт был издан Канадой в 1904 г. и вошел в тарифный закон 1907 г. Вводятся дополнительные пошлины — dumping-duty — в случаях удешевленной продажи товаров, по сравненью со сбытом их внутри производящей страны; пошлина не должна превышать 15 проц. стоимости товара. В Соединенных Штатах, по закону 1913 г., установлено общее правило (отд. IV. E), касающееся всякого рода товаров, экспортируемых с премьей. Постановленье уже канадского, ибо предусматривает лишь премьи, казенные и частные, но не удешевленный вывоз на счет удорожанья товара внутри страны. Но шире канадского оно в другом направленьи: дополнительной пошлиной, равной премьи, облагаются не только сами премированные товары, но и изготовленные из них продукты, — хотя постановить это легче, нежели установить такое происхожденье товара.

И французский тарифный закон 1910 г. (ст. 8) упоминает о дополнительных пошлинах, взимаемых с товаров, получающих премьи, явные или тайные. Надбавки вводятся сообразно выдаваемой премьи и вносятся на утвержденье законодательных палат.

Но такого рода средства — в противоположность упомянутому пониженью и упраздненью пошлины — не доходят до первопричины, не подрубают того сука, на котором сидят премьи, а являются всего лишь паллятивом, временным и искусственным приспособленьем для борьбы с врагом. Не устраняя самый яд, который разрушает организм, они дают только противоядье, хотя и направленное против яда, но как таковое, пожалуй, столь же вредное, как самый яд. Они напоминают — как говорят американцы — пожары в прерьях, которые стараются остановить, зажигая прерью с противоположной стороны.

Спертый воздух протекцьонизма от таких уравнительных пошлин только усиливается, протекцьонизм получает новую помощь — дополнительные пошлины, которые к тому же легко

превращаются в постоянный тариф, даже когда вызвавшая их к жизни причина отпала. Вообще получается своеобразная картина, когда два государства не только отгораживаются высокими заставами друг от друга, но взаимно наводняют одно другое дешевыми вывозимыми с премьей товарами и взаимно поднимают из за этого свой и без того ярко-охранительный тариф—защищая свои собственные синдикаты и тресты от опасного для них дешевого привоза и нанося ущерб иностранным трестам и синдикатам конкурренцьей своих дешевых товаров.

Но если этот путь нельзя рекомендовать, а нужно идти в первом направленьи, то трудности его, необходимость плыть против теченья, бороться с протекцьонизмом, заставляли снова довольствоваться меньшим — звать на новую Брюссельскую конференцью для нового соглашенья, если не для борьбы с системой dumping вообще, то хотя бы для устраненья ее в самой важной, вызывающей больше всего нареканий, отрасли — в металлургической промышленности. Проектов было много: Luzzati в Италии, Yves Guyot во Франции, Gothein в Германи, граф Витте у нас в один голос заявляли, что без международного постановленья снова не обойтись, и среди синдикатов уже появилась сильная тревога.

Но попытки не привели ни к чему, когда же началось великое всемирное побоище, оно не только сняло самый вопрос с очереди, но в то же время среди держав «Согласья» вызвало мысль о дополнительных штрафных пошлинах, направленных против Германии по окончании войны, ибо — по словам французского министра торговли, Клемантеля, сказанным на Парижской экономической конференции 1916 г. — dumping является излюбленным оружьем Германии для достиженья торгового владычества над миром. «Задача германской промышленности состоит не в простом расширеньи рынка, это подготовляемый захват; мирная работа скрывает военные операцьи».

Однако, не одна только Германия пускала в ход dumping— из самого названья видно, что не она выдумала эту систему, она лишь пользовалась ею «с той методичностью, которая

характеризует Германию», хотя нельзя согласиться и с утвержденьем, что «опасности, которыми угрожает dumping, созданы исключительно фантазьей разгоряченных умов, которым всегда мерещутся призраки, когда германцы обнаруживают свою активность или даже когда от них этого еще только ожидают». Американская опасность в сильной степени выражалась для Европы именно в dumping, но пользовались им и другие страны, когда они считали это оружье выгодным для себя и неотразимым — так что всякіе кары в этом направленьи могут повернуться против них же самих. В свою очередь, Германия, повидимому, готова идти на уступки в области политики экспорта, «для того, чтобы милльонам людей, которые даже не слыхали о том, что такое dumping, не пришлось страдать от средств, пускаемых в ход против этой системы» (Prion. Die Pariser Wirtschaftskonferenz. p. 303).

Но и таких уступок недостаточно, и они не приведут ни к чему. Нужна, повторяем, систематическая, твердая и энергичная политика, которая смотрит в корень, которая объявляет войну не на жизнь, а на смерть не законным потомкам усиленнаго, не знающаго границ, протекцьонизма, а ему самому: когда рухнет эта столь вредная и опасная форма экономической борьбы, она похоронит под собой и dumping и antidumping, и много других порожденных ею таможенных институтов. Ее надо искоренить и уничтожить — во имя будущего мира и спокойной культурной работы народов. В этом единственный исход, в этом задача, которую должны взять на себя народы по окончаньи мировой войны и которую общими усильями они в состояньи выполнить, осуществить, провести полностью, до конца.

ЗАКЛЮЧЕНЬЕ.

Полугода не прошло со времени окончанья книги, а сколько событий свершилось, сколько переворотов произошло! Прекратилось великое взаимоистребленье народов, рухнули троны Вильгельма и Карла, повергнута в прах гордая Германия, разсыпалась, как бисер, на мелкие и мельчайщие частицы оправдавшая свое названье Лоскутная монархия, приказал долго жить пресловутый, единственный в истории по своей жестокости, Брестский мир. И все это появилось внезапно, сразу, в один прием, с чрезвычайной быстротой, как громом поразило ошеломленные народы.

Жизнь получила новый смысл и характер, ей придется отыскивать новое русло. Должны будут перестроиться и международные сношенья, предстоит возвести новое зданье торговой политики. Куда нас поведет поток событий — об этом рано гадать. Но одно можно сказать уже в данную минуту: путы, которыми нас связала с головы до пят Германия Брест-Литовским договором, разорваны. Мы возложили их на себя, но иноземцы ихъ сняли с нас, освободили Россию от той могильной плиты, которая должна была раздавить ее, уничтожить в ней всякую — прежде всего экономическую — жизнь, отнять у нее надежду объединиться снова и идти вперед к лучшему будущему. К счастью, оказалось еще не поздно: Брестский мир еще не мог проявить себя. Это был меч, занесенный над нами, но выбитый из рук врага до того, как он опустился на разбитую, уничтоженную, обезсиленную Россию. Он обратился против того, кто готовился нанести нам смертельный удар, поразил его в самое сердце, сверг с трона, превратил в изгнанника.

Окончанье различных глав части первой и второй — о привозных и вывозных пошлинах, относительно транзита и таможенного тарифа, о наибольшем благоприятствованьи, трак-

туя о Брестских приказаньях, относится теперь к истории торговой политики, говорит о недавних, но уже прошедших событьях, о коварных замыслах, погибших еще до своего рожденья *). Но самые проблемы привозных, вывозных и транзитных пошлин, масштаба обложенья, системы и характера тарифа, как и проблемы протекцьонизма в различных его видах, вывозных премий и т. д., — они являются актуальными, представляют, быть может, сегодня еще больший интерес, нежели вчера, когда Брестский мир еще закрывал нам выход, заставляя бросить всякую мысль о созданьи своей экономической жизни по своему желанью и пониманью. Теперь пред нами свободный путь, мы сами будем строить свою торговую политику, считаясь со своими нацьональными, русскими интересами, с задачами всей — надо полагать скоро — единой, объединенной России, но сообразуясь и с выгодами и пожеланьями своих контрагентов, других стран—торговля операция двусторонняя, она живуча только тогда, когда выгодна для обоих участников. А это обозначает, что торговые договоры, т. е. принцип взаимного соглашенья народов, и система наибольшего благоприятствованья, т. е. принцип равенства — в его чистом, не искаженном состояньи — снова выступят на первый план и громко заявят о своем существованьи. Быть может, им удастся приблизить народы и к таможенному объединенью, к всемирному сближенью, облегчая торговые обороты, усиливая экономические связи. С паденьем «Центральной Европы» открывается путь к европейско-американскому всеобщему союзу, идущему за провозглашаемой лигой мира.

Итак, переворот не лишил основные вопросы международной торговой политики их роли и значенья, а лишь усугубил их. Да иначе и не могло быть, ибо формы и способы экономической борьбы могут разнообразиться, совершенствоваться, но борьба за существованье наций, как и индивидов, может исчезнуть лишь одновременно с ними самими.

---

*) Ч. I, стр. 128—30, 135—36, 149—50, 169—71, 181, 202, 284—89, ч. II, стр. 92—97, 106, 132, 138, 198—99.

И центром тяжести всей экономической политики будет попрежнему — не может не быть — та самая экспортная политика, которая насчитывает столь многие и долгие годы своего существованья и в которой заложен один из основных мотивов и двигателей хозяйственного прогресса. Расчитывать на то, что мировой пожар перевернул вверх дном самую сущность соперничества народов, что экспортная политика отошла в область преданий и ее преемницей стала не временно только, а прочно и постоянно импортная политика, борьба за сырье, полуфабрикаты, пожалуй, и за готовые продукты,—думать и мыслить в таком направленьи, это значит разсуждать наивно и близоруко, больше того — это опасно, грозит неисчислимыми потерями для страны и населенья. Если уничтожен основной стимул международной торговой политики—захват рынков, стремленье завоевывать их своими товарами, то экономическая борьба, правда, еще не прекратилась, она лишь движется в ином направленьи, ибо остается борьба за сырье, за продукты, т. е. борьба, быть может столь же тяжелая, как и борьба за рынки. Так что убаюкивать себя мечтами о прекращеньи всякого антагонизма народов было бы и тогда преждевременно. Но зато такое ожиданье привело бы к опасной, чреватой пагубными результатами, мысли о том, что никому не придется впредь заботиться о собственной промышленности, охраняя ее от иностранной конкуренцьи, ибо этой конкуренцьи не будет.

Конкуренция будет; отсутствие ее было бы равносильно остановившемуся прогрессу, прекращенью всего, основанного на растущих потребностях и усовершенствованных способах их удовлетворенья. культурного развитья народов. Четыре года суррогатов, четыре года отказа в самом насущном в культурном отношеньи, вплоть до возвращенья вспять к давно пройденным эпохам в области питанья и одежды, чистоты и гигьены физической и жилищной, четыре года многому научили, они много заставили народы пережить, передумать и перестрадать, но они же заставят с неослабной энергией приняться за восстановленье утраченного и уничтоженного, реставрировать разрушенное и снова идти вперед, строить

дальше, не покладая рук, стараясь наверстать сторицей пропущенное время.

Много богатств уничтожено, разрушено, разбито, много — что еще гораздо хуже — живых сил, создающих эти богатства, погибло безвозвратно, унесено мировым побоищем в лучшие, самые производительные годы. Но умственная жизнь, никогда не перестающая биться мысль, добытый многими годами опыт и навык и накопленные запасы знанья, — они не умерли, даже не затронуты волной, продолжают жить и существовать, как если бы ничего не случилось, как будто бы они находились на каких то необитаемых пространствах, куда не может достигнуть шум и грохот битвы. А раз этот животворящий источник не занесен, не засыпан, раз его прозрачная чистота не пострадала, раз он способен попрежнему оплодотворять труд населенья, — то ничто не утрачено, не потеряно, то ураган войны, натворивший столько несчастий и ужасов, будет в самом скором времени забыт, перестанет существовать для потомков, снесенное и сметенное им будет востановлено и возрождено, на старых пепелищах воспрянет и возродится новая жизнь, она забьет ключем, освободившись от прежних препон и преград, которые пали под натиском грозы, бури, расчистившей и разрядившей атмосферу.

Пусть сломаны машины и аппараты, поглощены огненной стихией, но модель жива, она существует, и страхи напрасны: она может быт размножена снова, размножена до безконечности, может быть улучшена, усовершенствована, может создать новую эпоху в истории техники.

Техническая мысль и техническое знанье не остановилось, оно лишь отклонилось в сторону в эти четыре года. Не созиданье богатств, а разрушенье их занимало технику; удушающие газы и воспламеняющиеся жидкости, танки и подводные лодки, — над этими орудьями смерти работали люди. Но коль скоро они перекуют мечи в плуги, и мысль их немедленно вернется к своим пенатам, к мирному творчеству, к использованью найденного для смертоносных орудий в мирной жизни, к ее улучшенью и облегченью. Впрочем,

самая война и в этом направленьи не оказалась безучастной: безтоварье заставило под лозунгом строжайшей экономии сырья отыскивать все новые и новые способы использованья матерьялов, выдумывать новые системы, новые формы и приспособленья. Остается идти дальше по тому же пути, углубляя и расширяя наши знанья, нашу власть над природой.

А если так, то можно ли называть фантазьей утвержденье, что недолго то время, когда моря и океаны снова наполнятся пестрыми торговыми флагами, что на вновь сомкнутых рельсах снова заснуют вдоль и поперек континента вагоны, наполненные грузами — продуктами ожившего труда, отыскивающего рынков, добывающего покупателей за собственными границами.

Иначе говоря, борьба за рынки возродится с новой силой и каждому народу — этого не надо забывать — придется думать о своих производительных силах, об обезпеченьи и наилучшем развитьи их. Торговая политика должна помочь им в этом, предупреждать ошибки и отклоненья от правильнаго пути. Эта задача станет перед Россией в самом ближайшем будущем, ее нельзя отбрасывать от себя, надо, напротив, подготовляться к ней уже сегодня. Свергнут не только кошмарный брестский мир, но и давивший нас германский договор 1914 года, пала вся система старой германской милитаристской торговой политики. Нарождаются новые способы и новые приемы в области международного экономического общенья народов, которые должны предупредить новые тяжелые и кровопролитные столкновенья из-за матерьяльных интересов народов, должны обезпечить мирную экономическую борьбу наций, гарантируя преобладанье не тому, за спиной которого стоит наибольшая грубая сила, а тому, кто основательно и интенсивно, осмысленно и серьезно работает.

Годовой труд — так начинает великий шотландец Смит — основатель нашей науки — свое безсмертное творенье — «годовой труд составляет главное средство, ежедневно доставляющее народу предметы, как необходимые для насущных потреб-

ностей, так и служащие для удобств его жизни, предметы, которые или производятся непосредственно его трудом или получаются у других народов за произведенья его труда». Если это так, то вся суть теперь именно в том, какое количество годового труда в состояньи будет давать Россия, какую долю она будет вкладывать в общую сумму мирового труда. Это установит ее участье на жизненном пиру народов, — будет ли ей отведен обильный стол, или ей придется попрежнему довольствоваться крохами, пробавляться как-нибудь, жить впроголодь. Будущность России теперь в ее же руках, ни в чьих иных; она зависит от того, способна ли будет Россия создать обстановку и атмосферу, необходимую для интенсивного, настойчивого, плодотворного труда, для труда, соединяющего работу мозга и нервов с работой мышц и рук.

Указатель к обоим частям книги.

(I и II означают часть первую и вторую).

Автономный тариф двойственный см. минимальный
— единый I. 205—08. 222—23. 229. 268—69. II. 151.
— — Великобритания I. 207—08. 210. 220.
— — Германия I. 206. 221—23. 284. II. 94.
— — Россия I. 229. 263. II. 81.
— — Соединенные Штаты I. 268.
— — Франция I. 206.
Аграрный протекцьонизм I. 58—59. 65. 78. 83. 85—88. 90—91. 93—94. 103. 114—18. 138—39. 228. 270. 272.
— Австро-Венгрия I. 90—91. 117. 232. 272.
— Великобритания I. 62.
— Германия I. 83. 85—86. 232. 262—64. 269—72. II. 162. 164.
— Италия I. 92—94. 260.
— Франция I. 86—90. 232. 252—260.
Агрессивный протекционизм I. 119. 125. II. 232—60.
Anti-dumping II. 258—60.
Боевыя пошлины I. 121. 215—16. 240—41. 245—47. II. 124—26. 175. 182. 257.
— Австро-Венгрия I. 246.
— Великобритания и колонии I. 247. II. 245—47.
— Германия I. 246. 264.
— Италия I. 246.
— Россия I. 246. 264. II. 259.
— Соединенные Штаты II. 258.

Боевыя пошлины
— Швейцария I. 246. 256—57.
— Франция I. 246. II. 258,
см. минимальный тариф, таможенныя войны.
Бойкот Германии II. 176—87. 198—99.
Брестский мир
— вывозныя пошлины I. 168—70. II. 198—99.
— дифференцьяльные пошлины II. 106.
— наибольшее благоприятствованье I. 287. II. 92—97. 106. 198—99.
— Парижская конференция II. 198—99.
— привозные пошлины I. 129—30. 135—36. 286—88.
— система тарифа I. 284—90.
— таможенное объединение России II. 94. 132—33.
— транзит I. 181. II. 138.
— упразднение договора I. 290. II. 261—62.
Брюссельская сахарная конвенция II. 129. 142. 242. 244—47.
Внутренние таможни. I. 23—33.
Возврат акциза II. 237—47.
— в России II. 239—40. 243—44.
Возврат пошлин I. 45. II. 234—35.
Воспитательные пошлины I. 155—56.
Война 1914—1918 г. г. и торговая политика I. 15—18. 45—46. 59. 127—28. 136—37. 139—51. 166—72. 199—201. II. 148. 156—57. 162. 173—201. 261—66.
Всероссийский таможенный союз II. 95. 131—43.
Вывозные пошлины I. 152—72.
— Бельгия I. 161. 163.
— Великобритания I. 35. 152. 154—56. 158—9. 168.
— Германия I. 160—61. 163.
— Италия I. 161—63.
— Испания I. 163—64.

Вывозные пошлины
— Норвегия I. 163.
— Португалия I. 165.
— Россия I. 36—37. 154—55. 161—64. 167—72.
— Соединенные Штаты I. 166.
— Франция I. 152. 159—60. 163.
— Швейцария I. 161. 164.
— Швеция I. 161. 163.
— экзотические страны I. 164—66.
Вывозные премьи II. 234—61.
— государственные II. 235—48.
— синдикатские II. 244. 246. 248—60.
Вывоз сырья II. 168—72. I. 170—72. 182.
Германский таможенный союз (Zollverein) I. 160. 177. 197. 199. 208—09. 212. II. 81. 161. 165.
Германско-австрийско-венгерский таможенный союз (Центральная Европа) I. 208—09. 274—76. II. 36—37. 84—96. 114—15. 121—23. 126—27. 130.134—35. 145—73. 176—77. 262.
Градационные пошлины I. 199.
Двойственный тариф I. 215—44.
— в России I. 230 и сл., см. минимальный тариф, наибольшее благопр., общий тариф.
Декабрьские договоры I. 224—29. II. 67. 117. 160.
Дифференцьяльные пошлины I. 36—38. 204. 245—48. 255. 260. 264. II. 9—19. 36. 68—70. 72. 75—77. 84—92. 98—106. 163—68. 244—48. 257—60.
— Австро-Венгрия II. 101.
— Великобритания и колонии I. 247. II. 15. 98—100. 245. 258.
— Германия II. 8. 77. 93—96. 100.
— Россия II. 15—19. 37. 102—06. 247—48.
— Соединенные Штаты I. 168. II. 7. 75. 101. 258.
— Франция II. 15. 78. 100—01. 258.

Дифференцьяльные пошлины см. также **бсевые пошлины, принцип компенсации.**

Договорный тариф

— единый I. 207—73.

— двойственный см. **двойственный тариф, торговые договоры.**

Договорные ставки I. 205—06. II. 28.

Договоры наибольшего благоприятствованья I. 217—19. 222—23. 229—30. 253 см. **наибольшее благопр., торговые договоры.**

— тарифные I. 205—06. 209—19. 224—35. 238—40. 259. 262. 268—69. 273—74. II. 28—41. 49—50. 52. 57.

— тарифные договоры в России I. 218 сл. II. 57.

Долгосрочные торговые договоры I. 201. 207—44. II. 28—41. 57—58. см. **договоры тарифные, торговые договоры.**

Dumping II. 248—60.

Единый тариф см. **автономный тариф, общий тариф.**

— в России I. 229. 262—63.

Западно-европейские торговые договоры (система) I. 210—15.

Запретительно-разр. система I. 139—51. 167—72.

— в России I. 148—50. 163. 171—72.

см. **запрещенья вывоза, привоза.**

Запрещенья вывоза I. 44—45. 140—42. 152—54. 161—2. 166—72.

— Австро-Венгрия I. 162.

— Великобритания I. 152. 158.

— Германия I. 153. 162.

— Россия I. 154—55. 161—62. 166. 169—72.

— Румыния I. 162.

Запрещенья привоза I. 44—5. 49. 52—59. 64—65. 140—51. II. 75—76.

— Австро-Венгрия I. 55—56. 59. 76. 90—91. II. 75.

Запрещенья привоза
— Великобритания I. 52—53. 56. 61. 142.
— Германия I. 53. 55. 59. II. 75.
— Россия I. 57—58. 71—72. 149—50.
— Соединенные Штаты I. 58.
— Франция I. 56—8. 64—65.
Запрещенья транзита I. 44 и сл. 173—76. 178—81.
— Нидерланды I. 174.
— Россия I. 179—81.
— Франция I. 174.
Золотые пошлины I. 97. 286—87.
Clause de la nation la plus favorisée см. наибольшее благоприятствованье.
Кобденский договор I. 57. 65. 185. 190. 210. II. 29. 32—34.
Колонии британския I. 136—39. 272—74. II. 73. 127—28. 186.
Компенсационные пошлины I. 63.
Компенсация (система) см. принцип компенсации или эквивалента.
— в области экспорта II. 82. 175. 182. 186.
Конвенционный тариф I. 215—21. 238—44. 284—90.
— Австро-Венгрия I. 208—09. 224—26. II. 163.
— Великобритания I. 260.
— Германия I. 135—36. 208—09. 224—29. 232—35. 269. 284—85. II. 4. 163.
— Италия I. 209. 232. 234. 236. 260.
— Россия I. 284 сл.
— Франция I. 190. 214. 221—22. 252—53. 260.
см. двойственный тариф, договорный тариф, договорные ставки, наиб. благопр., общий тариф, торговые договоры, таможенные тарифы.
Конкурренция свободная I. 15—16. 144—51.
Континентальная блокада I. 56—57.
Контрабанда I. 56—57. 62—63. 71—73. 174.
— в России I. 71 сл.

Краткосрочные торговые договоры I. 241—44. 257—58. см. минимальный тариф.
Купеческая торговля I. 4—7. 9. 13.
Латинский таможенный союз II. 121.
Льняная конвенция I. 209. II. 36.
Максимальный тариф см. минимальный тариф, таможенные войны.
Минимальный тариф I. 238—76.
— Австро-Венгрия I. 272.
— Германия I. 269—72.
— Греция I. 268.
— Испания I. 252. 276.
— Россия I. 262. 276. 281—84.
— Соединенные Штаты I. 208 и сл.
— Франция I. 252—62. 276.
Морская граница II. 72. 101—06.
Наибольшее благоприятствованье (принцип) I. 214. 221—22. 230. 254. 263. II. 2—97. 158—59.
— в России I. 86—88. 229—32. 263. II. 12—13. 15—19. 37—39. 46—51. 81—82. 92—97.
— нарушенье его II. 68—71. 89—90.
— обход его II. 71—80. 86. 88. 91—97.
— поправки к нему II. 63—67.
— и таможенные союзы II. 84—96. 126—28. 166—68.
Общеевропейская договорная система I. 229.
Общеевропейский таможенный союз II. 112. 120. 124—26.
Общий тариф I. 115—17. 120 сл. 215 сл. 230—35. 245. 284—89. II. 48—49.
— Австро-Венгрия I. 116—117. 232. 272. 274. II. 164.
— Германия I. 115—16. 233—35. 284—5.
— Италия I. 209. 236. 260.
— Россия I. 106—09. 120 сл. 230—32. 235. 284—89.
— Франция I. 221.
— Швейцария I. 115.

Огульный тариф I. 50—52. 80—83. 107. II. 220—21.
— в России I. 97—100. 104. 220—21.
Панамерика II. 119. 125—29. 200.
Парижская экономическая конференция II. 97. 174—201. 259.
Подарки 21—22.
Пониженье пошлин I. 69. 72. 108. 123 сл. 207 сл. 234 и сл. 250 сл. II. 56. 227—30. 256. 259.
Пошлины таможенные
— аграрные см. аграрный протекцьонизм.
— величина II. 223—27.
— масштаб I. 182—202.
— минимальные, см. минимальный тариф.
— названье I. 20.
— как налог I. 33—37.
— поступленья I. 44. II. 227.
— поштучные I. 198.
— преференцьяльные см. преференцьяльный тариф.
— протекцьонные см. протекцьонизм, аграрный протекцьонцзм,
— специфические I. 188—202.
— — Австро-Венгрия 19. 1.
— — Бельгия I. 191—92. 197.
— — Германия I. 190—91. 197.
— — Нидерланды I. 191—92.
— — Россия I. 191—92.
— — Франция 183. 187. 190. 197.
— транзитные, см. транзитные пошлины.
— фискальные, см. фритредерство.
Преференцьяльный тариф I, 272—6. II. 68—70. 75—77. 84—92. 163—68.
— в британских колоньях I. 272—74. II. 73—75. 166.
Привозные пошлины, см. аграрный протекцьонизм, протекцьонизм, фритредерство.

Принцип компенсацьи или эквивалента см. II. 5—9. 21—31.
Принцип наибольшего благоприятствованья, см. наибольшее благоприятствованье
Производительность труда I. 130—35. 151. II. 231. 264—66.
Промышленность
— Австро-Венгрия II. 147—56. 167. 170—172.
— Великобритания и колонии I. 134—39. II. 188—92. 210—11. 253. 256.
— Германия I. 68. II. 149. 178. 188—91. 229. 251—53. 255—257.
— Испания I. 96 Италия II. 213—14.
— Россия I. 100—10. 122. 130—35. 149. II. 134—42. 197. 210—12. 214—15. 225—27. 263. 265—66.
— Соединенные Штаты I. 123—26. II. 210—11. 214. 228. 252. 255.
— Франция I. 88—89. 118—19. II. 220.
— Швейцария I. 95
Протекцьонизм I. 39—44. 50. 76. 126. II. 35—36. 119—20. 202—232. 234—36. 244. 246. 250—60.
— Австро-Венгрия I. 56. 76. 90—91. 116—17. 232. 272. II. 152. 156—58. 214. 226.
— Великобритания I. 61—66. 136—39. .152.
— Германия I. 81—86. 115—16. II. 226. 229—30. 251—53.
— Италия I. 91—94. II. 214.
— Испания I. 95—96.
— Россия I. 43—44. 57—58. 74. 78. 97—110. 120—122. 127—30. 150—51. II. 102—104. 139—40. 211—12. 214—15. 221. 225—27. 244. 246—47.
— Соединенные Штаты I. 77. 110—14. 123—26. II. 210. 214. 228. 251. 255—58.
— Франция I. 76. 86—90. 93. 117—19. 152. 252. II. 220. 226. 234—35.
— Швейцария I. 94—95. 115.

Рублевая пошлина I. 31. 183.

Сахарная конвенцья, см. Брюссельская конвенцья.

Сахарная нормировка в России II. 243. 246—47.

Сахарные премьи II. 235—47.

Связанные ставки I. 215. 287, см. договоры тарифные, конвенцьонные тарифы, таможенные тарифы.

Сельское хозяйство
— Австро-Венгрия I. 90. 117. 272. II. 149—50. 152—53.
— Германия I. 66—67. 85—86. 270. II. 149. 153. 162.
— Италия I. 93—94. 261.
— Франция I. 90—92. 256.

Синдикаты II. 172. 232—34. 243. 245. 249—60, см. аграрный протекцьонизм.

Скользящая шкала I. 200—01.

Соединенные Штаты Европы I. 224. II. 120. 125.

Спецьялизацья тарифов I. 39—40. II. 77—79.

Среднеевропейские договоры I. 224—29.

Средний тариф I. 273—76. II. 162—67.

Судоходство II. 10. 52. 59. 98—106.

Surtaxe d'entrepôt II. 59. 72. 99—100.
— de pavillon II. 52. 72. 99—100.
— d'origine II. 100.

Тамга I. 20. 22. 36. 183.
— Австро-Венгрия I. 26—27.
— Великобритания I. 24.

Таможенное объединение государств I.
— Германия I. 27—30. См. Германский тамож. союз.
— Италия I. 30
— Россия I. 31—33. См. Всероссийский таможенный союз.
— Франция I. 24—26.
См. таможенные союзы.

*

Таможенные союзы II. 80—92. 107—74.
— Британский см. Колонии британские, преференцьяльный тариф.
— Всероссийский см. Всероссийский таможенный союз.
— Германско-австро-венгерский, см. Герм.-австро-венг. тамож. союз.
— Панамериканский, см. Панамерика.

Таможенные тарифы
— общий характер I. 37—46, см. автономный, двойной, единый, конвенцьонный, минимальный, средний, договоры тарифные, наибольшее благоприятствованье.
— Австро-Венгрия тариф. 1878 г. I. 90. 1882 г. I. 91.
— — 1906 г. I. 116—17. 191. 272.
— Бельгия I. 71. 122. 212.
— Великобритания I. 55. 61—64.
— Германия
— — тариф. 1818 г. I. 39. 84. 160. 176. 206.
— — 1865 г. I. 67.
— — 1870 г. I. 67.
— — 1879 г. I. 39. 81—86. 222—23.
— — 1902 г. I. 40. 115—16. 191. 233—35. 267—71. 284—85. II. 164.
— Дания I. 122.
— Испания
— тариф 1878 г. I. 96. 115. 250.
— 1892 г. I. 250.
— — 1896 г. I. 115. 250. 278.
— — 1906 г. I. 115—250
— Италия
— тариф 1878 г. I. 92. 197.
— — 1887 г. I. 92. 260—61.
— Нидерланды I. 71. 122. 163.
— Норвегия I. 40—43.

Таможенные тарифы
— Нидерланды I. 71. 122. 163.
— Норвегия I. 40—43.
— Перу I. 40.
— Россия
— — тариф 1724 г. I. 37. 185. 191.
— — 1821 г. I. 58.
— — 1842 г. I. 39.
— — 1851 г. I. 39. 58. 72.
— — 1857 г. I. 72. 161. 192. II. 103.
— — 1868 г. I. 39. 41. 58. 73. II. 103.
— — 1891 г. I. 41. 106—10. 230. 263. II. 103—04.
— — 1903 г. I. 120—22. 129. 135. 231. 235. 284—86. II. 105.
— Румыния I. 40.
— Соединенные Штаты
— — тариф 1890 г. 111—12. 193.
— — 1894 г. I. 113. 193.
— — 1897 г. 113. 193. 268.
— — 1909 г. I. 78. 123.
— — 1913 г. I. 123. 193. 268. II. 256. 258.
— Франция
— — тариф 1882 г. I. 87. 252—260.
— — 1892 г. I. 41. 88—90. 252—55.
— — 1910 г. I. 40. 117—19. II. 258.
Таможенные войны I. 245—50. 251—81. II. 59.
— Германии с Испанией I. 251. II. 59.
— России с Германией I. 263—68.
— Франции с Испанией I. 251. 259.
— Франции с Италией I. 252. 259—62. II. 58.
— Франции с Швейцарией I. 254—59.
См. боевые пошлины, дифференц. пошлины, минимальный тариф.
Торговая политика I. 7—18.

Торговля I. 2—7.
Торговля внутренняя I. 6. 11—18.
— Россия II. 134—38.
Торговля международная I. 6. 11—18.
— Австро-Венгрия II. 150—58. 167—70.
— Великобритания II. 187.
— Германия I. 223. 227. 258. 261. 265. 270. II. 46. 150—53. 167—70. 179. 183—85. 193—98. 252—54.
— Италия I. 261. II. 214.
— Россия I. 265—67. 255—56. II. 106. 192—8. 247.
— Соединенные Штаты II. 4. 252—54.
— Франция I. 256—62.
— Швейцария I. 255.
Торговые договоры I. 203—37. 250—76 II. 2—97. 107—09. 116—17. 160—61.
— до половины XIX ст. . 205—06. II. 9- 21.
— Австро-Венгрия . 2 .. 234—236. II. 158—59.
— Бельгия I. 209. 211—12. 215. 225.
— Великобритания I. 207—10. 261. II. 29. 32—34.
— Германия I. 67. 160. 206. 208. 211—13. 222—29. 232—36. 267—68. 271. 278. 287. II. 4. 46—53. 104—05. 158. 260. 265.
— Испания I. 222. II. 58—59.
— Италия I. 94. 205. 219. 222. 225—28. 232. 234. 236. 262. сл. 276 сл.
— Россия I. 206. 218. 228—32. 235. 251. 263—65. 271—72. 276. 281—83. 289—90. II. 37—39. 51. 53. 104.
— — в XVIII ст. I. 205—06. II. 13—19.
— — с Австро-Венгрией 1906 г. I. 232—33.
— — с Великобританией 1734 г. II. 17—18.
— — с Германией 1893 г. I. 230. 265. 267—68. II. 53. 104. 1904 г. I. 122. 129. 135. 230. 232. 271—72. II. 46—48. 105. 261.

Торговые договоры
— — с Францией 1893 г. I. 259. II. 2. 1905 г. I. 32—33.
— Соединенные Штаты I. 268. II. 7. 22.
— Франция I. 57.65. 185. 190. 209—10. 221. 259. 273—74. II. 2. 15. 49—50.
Транзитные пошлины I. 173—81. II. 170.
Тройной тариф I. 274—76. II. 83. 164—67.
Франко-бельгийский таможенный союз I. 209. II. 36. 113—14.
Фискальные пошлины, см. фритредерство.
Фритредерство I. 55—75. 79—80, 135. II. 33. 118—19.
— Австро-Венгрия I. 70. 163.
— Великобритания I. 55. 61—64. 122. II. 33.
— Германия I. 55—56. 66—69. 75. 81.
— Нидерланды I. 71. 122. 163.
— Россия I. 57—58. 71—74.
— Франция I. 56—57. 64—67.
Центральная Европа, см. германско-австр. таможенный союз.
Zollanschluss I, 26—29. II. 85. 110.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

СТРАН.

Предисловіе III

Глава первая. Торговые договоры и право наибольшего благопріятствованья. А. Принцип наибольшего благопріятствованья и принцип компенсацьи. . . . . . 1—

Литература . . . . . 1—41

I. Сущность европейской и американской систем. Гарантия от убытков в первом и во втором случаях. Принцип умолчанья и принципъ эквивалента. Дифференцьяция пошлин . . . . . 2—9

II. Исходная точка — исключительные привилегии. Зачатки идеи наибольшего благопріятствованья. Термин. Первоначальные ограниченья. В какой области пользуются новым принципом? Отношенье различных трактатов XVII и XVIII ст. к таможенным пошлинам. Характер наибольшего благопріятствованья в наших договорах. Договор с Англией 1734 г. Договоры первой половины XIX ст. . . . . 9—21

III. Появленье американской системы эквивалента или компенсацьи. Причины ее быстрого распространенья в европейских договорах. Формы ее. Различные толкованья. Новая эра и торжество идеи наибольшего благопріятствованья. Посте-

СТРАН.

пенный переход Европы. Политика Кавура. Фритредерство и протекцьонизм — отношенье их к наибольшему благоприятствованью. Наибольшее благоприятствованье в России. Отношенье к нему в других частях земного шара . . . . . 21—41

Глава вторая. Торговые договоры и право наибольшего благоприятствованья. Б. Современное положенье вопроса . . . . . 42—97

I. Борьба с принципом наибольшего благоприятствованья. Возраженья против него и критика их. Даровые уступки. Актив и пассив для различных государств. Односторонние выгоды Германии в договорах с Россией. Общий и спецьяльный эквивалент. Отношенье принципа наибольшего благоприятствованья к тарифным договорам. Индивидуальные и универсальные уступки. Принцип наибольшего благоприятствованья и устойчивость въ международных сношеньях. Поправки в наибольшем благоприятствованьи и ихъ критика. Предложенье Borgius'a. Предложенье Horstmann'a и Fontana-Russo. Предложенье одновременного заключенья договоров . . . . . 42—67

II. Нарушенья принципа наибольшего благоприятствованья. Открытые нарушенья. Нарушенья по объему и по содержанью. Анализ их. Обход наибольшего благоприятствованья. Различные способы обхода и критика указаний. Преференцьяльные тарифы. Спецьялизацья тарифов. Франкфуртский миръ. Война и отрицательное отношенье к наибольшему благоприятствованью. Отношенье России. Парижская конференцья. Отно-

СТРАН

шенье Германьи. Таможенные союзы и наибольшее благоприятствованье. «Центральная Европа» и взаимные преимущества. Брестский миръ и нарушенье наибольшего благоприятствованья Германией. Результаты для России . . . . . 67—97

Прибавленье къ гл. II. Дифференцьяльные пошлины . . . . . 98—106

Surtaxe de pavillon и surtaxe d'entrepôt. Ихъ появленье и уничтоженье. Остатки. Дифференцьяцья морскихъ и сухопутныхъ ставокъ. Политика России в различные эпохи. Брестский миръ.

Глава третья. Таможенные союзы.

Идея таможенных союзов. Всероссийский таможенный союз . . . . . 107—143

Литература 107

I. Торговые договоры и таможенные союзы. Сущность полного союза. Германский Zollverein 1834 г. Попытки подражанья ему. Проекты франко-бельгийский и австрийский. Проекты неполного союза. Характер такого союза. Общеевропейский союз. Проекты частичных союзов в Германии. Аггрессивные и мирные союзы. Простые соглашенья по различным пунктам под именем союзов. Итоги движенья в пользу таможенных союзов. Актив и пассив. Всемирная война . . . . . 107—131

II. Распаденье Великой России на множество частей. Экономическая будущность ихъ при изолированности. Положенье Польши, Прибалтийских про-

СТРАН.

винций, Украины. Обороты их с Великороссией. Положенье Великороссии, оторванной от прочих частей. Всероссийский таможенный союз и экономическое воссоединенье России . . . . . 131—143

Глава четвертая. Германско-австро-венгерский таможенный союз („Центральная Европа“) . 144—173

Литература 144

I. Необходимость и возможность образованья «Центральной Европы». Различное отношенье к проекту. Положенье сельского хозяйства и промышленности Австро - Венгрии. Конкурренцья Германии. Характер австро-венгерского экспорта и торговые сношенья между Австро-Венгрией и Германией. Будущіе задачи Австро-Венгрии и союз с Германией. Различные формы возможного сближенья. . . . . 145—161

II. Полный и неполный союз между Австро-Венгрией и Германией. Однообразный тариф и торговые договоры. Трехтарифная система. Преференцьяльный тариф и его результаты. Будущность германского экспорта. Болгария и Турция. Значенье их для Германии. Столкновенье между союзниками из-за Балканских рынков. Заключенье . . . . . 161—173

Глава пятая. Парижская экономическая конференцья . . . . . 174—201

Литература 174

Задачи Парижской конференцьи. Бойкот Германии и его утопичность. Отношенье к мысли

СТРАН.

относительно бойкота в различныхъ странах. Смягченные формы борьбы с Германией. Планы для периода по окончании войны и для послѣдующего периода. Опасность и неосуществимость их. Оборонительная и наступательная экономическая война. Различье интересов у держав Согласия. Новые взгляды и новые стремленья в Англии. Подражанье Германии, а не борьба с ней. Интересы России; ее экономическая связь с Германией. Америка и Германия.

Глава шестая. Протекцьонизм и свободная торговля . . . . . 202—231

Литература 202

Ученье фритредеров. Воспитательные пошлины. Усиленный протекцьонизм. Основные доводы этих трех направлений. Развитье производительных силъ страны и роль таможни. Возможность обойтись без нее. Соединенье таможенной охраны с другими средствами. Русская промышленность. Италья и ее индустрия. Опасности таможенной охраны. Кто платитъ пошлины? Различье между воспитательным и усиленным протекцьонизмом. Связь между пошлинами. Система огульного тарифа и его критика. Влиянье высокого тарифа на технину. Величина пошлин в России и заграницей. Временный характер охраны. Соединенные Штаты. Германия. Конкурренцья дешевого труда. Кому нуженъ бесконечный протекцьонизм?

Глава седьмая. Протекцьонизм и вывозные премьи . . . . . 232—260

стран.

Литература 233

I. Государственные вывозные премьи вообще и вывозные премьи на сахар в особенности. Формы сахарного акциза и скрытые премьи. Техника и финансы. Протекцьонизм и премьи. Выгодное положенье Англии. Переход к обложенью готового продукта и явные премьи. Сахарная нормировка в России и характер премьи. Брюссельская конвенция, ее возобновленье, ее результаты . . . . . 234—247

II. Dumping. Его сущность. Роль синдикатовъ и трестов. Синдикатские премьи. Отношенье к dumping внутри страны. Жалобы на дешевый экспорт. «Протекцьонизм наоборот». Связь dumping с протекцьонизмом. Попытки пониженья пошлин. Протесты против dumping заграницей. Anti-dumping-clause. Международные соглатенья. Рацьональная борьба с dumping . . . . 247—26.

Заключенье. Окончанье войны, упраздненье Брестского мира и задачи торговой политики . . . 261—266

Указатель к ч. I и II. . . . . I—XIII

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО КООПЕРАТИВНЫХЪ СОЮЗОВЪ.

„КООПЕРАЦІЯ“.

Книжный магазинъ—Литейный пр., 53-а, (Литейный Пассажъ).

Правленіе—Литейный пр., 49.

Задачи и цѣли издательства.

1. Распространеніе возможно больше въ населеніи идеи кооперативнаго объединенія.
2. Созданіе кооперативной литературы по всѣмъ общимъ и спеціальнымъ вопросамъ теоріи, истории и практики кооперативнаго движенія.
3. Внесеніе въ литературно-издательскія задачи единства плана и взаимной согласованности авторскихъ силъ.
4. Наблюденіе надъ планомернымъ и систематическимъ развитием кооперативнаго книжнаго рынка.
5. Огражденіе авторскихъ интересовъ отъ эксплоатаціи частнаго предпринимателя, а равнымъ образомъ и отъ спекулятивныхъ пріемовъ послѣдняго въ области авторскаго права, нарушающихъ общественныя литературныя традиціи.

Отдѣлы.

I. Отдѣлъ издательскій и книгопродавческій.

1. Печатаніе книгъ, брошюръ и всякаго рода литературнаго матеріала.
2. Производство счетоводныхъ книгъ и бланокъ для кооперативовъ всѣхъ видовъ, а также и снабженіе ими.
3. Обслуживаніе учрежденій срочными типографскими работами, печатями и штемпелями.

II. Библіографическій отдѣлъ (справочный).

1. Библіографическая дѣятельность: а) изученіе рынка и книжныхъ богатствъ; б) распространеніе библіографическихъ свѣдѣній; в) переписка съ читателями и кооператорами по всѣмъ вопросамъ книжнаго дѣла.
2. Составленіе примѣрныхъ списковъ книгъ по разнымъ вопросамъ и для разныхъ читателей.
3. Составленіе образцовыхъ каталоговъ.
4. Составленіе библіотекъ разныхъ типовъ и на разныя суммы.

Библіографическій отдѣлъ ведется подъ руководствомъ М. М. Брендстедъ при ближайшемъ сотрудничествѣ А. В. Мезіеръ.

III. Отдѣлъ организаціонный.

1. Организація новыхъ книжныхъ складовъ, библіотекъ и читаленъ на мѣстахъ, изученіе существующихъ и переписка по этимъ вопросамъ.

2. Стремленіе къ возможно большей согласованности, систематичности и взаимной информаціи издательскихъ плановъ различныхъ кооперативныхъ учрежденій.

IV. Сельско-хозяйственный отдѣлъ.

1. Устная и письменная консультація по вопросамъ агрономической оографіи.

2. Подборъ библіотекъ по вопросам сельскаго хозяйства.

3. Письменная инструкторская помощь по вопросамъ организаціи и практики сельско-хозяйственной кооперації.

Сельско-хозяйственный Отделъ ведется подъ руководствомъ агронома Г. . Панкевича, при ближайшем сотрудничествѣ А. П. Гернъ.

V. Ежемѣсячный Журналъ «Вѣстникъ Кооперації».

Временно выходит 6 разъ въ годъ, посвященъ вопросамъ теоріи и практики кооперативнаго дѣла въ Россіи и заграницей.

«Вѣстникъ Кооперації», вступающій въ десятый годъ изданія, основанъ Петроградскимъ Отдѣленіемъ Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ, и нынѣ, оставаясь органомъ Отдѣленія Комитета, издается Издательскимъ Товариществомъ Кооперативныхъ Союзовъ «Кооперація» подъ общей редакціей проф. М. И. Туганъ-Барановскаго и при редакціонномъ участіи: М. И. Туганъ-Барановскаго (теорія кооперації), В. Ф. Пекарскаго (общіе вопросы кооперації), К. А. Пажитнова (кооперативное движеніе за границей), М. Л. Хейсина (русская городская кооперація), Б. Р. Фроммета (русская сельская кооперація) и А. В. Мезіеръ (библіографическій отдѣлъ).

Въ виду чрезвычайнаго вздорожанія бумаги и типографской работы, цѣна на «Вѣстникъ Кооперації» установлена въ размѣрѣ 30 руб. въ годъ.

Подписную плату на «Вѣстникъ Кооперації» слѣдуетъ направлять Петроградъ, Литейный пр., 49, кв. 8, Издательскому Т-ву Кооперативныхъ Союзовъ «Кооперація» «Вѣстникъ Кооперації».

Собственныя изданія.

Условія выписки книгъ. Всѣ книги высылаются по поступленіи не менѣе $^1/_3$ стоимости заказа. Для оптовыхъ покупателей—скидка 30%. Пайщикамъ Издательства книги высылаются въ твердый счетъ (въ кредитъ). Кромѣ того для пайщиковъ Издательства установлена оптовая цѣна на счетоводныя книги и бланки на 20% ниже розничныхъ умѣренно-рыночныхъ цѣнъ.

Пайщиками могутъ быть только кооперативные союзы и объединенія.

II. Организация и практика кооперации.

17. Башкиров, К. А. *Как укрепить потребительские кооперативы. 1917 г. 30 стр. 30 коп. (расп).*
*18. Его-же. *Об обязанностях членов Правления. 1 руб. 60 коп.*
19. Брендстед, Лев. Лектор Кооп. Инстит.— Задачи город. кооперации. 1 р.
*20. Его-же. *Общество потребителей (Организация и ведение его). Вып. I. 1918 г. 150 стр. 3 руб. 15 к.*
*21. Его-же. *Общество потребителей Вып. II. 1918 г.* ц. 6 р. 50 к.
*22. Его-же. Краткия указания по счетоводству в потребительских обществах, 1918 г.
23. Пажитнов, К. А. К организации общекооперативного центра. 75 коп.
*24. Шмелев, П. Ф. Счетоводство районных союзов потребительских обществ. 6 руб. 75 коп.
25. Хейсин, М. Л. В защиту потребительской кооперации. (По поводу декрета 12 апреля), 1 руб.

III. Труды Кооперативного Института.

*26. Зак, Л. С. Теория кредитной кооперации (печатается).
*27. Кулишер, І. М. проф. Основные вопросы современной международной торговой политики, ч. I. 1918 г. 15 руб.
*28. Его-же. Основные вопросы современной международной торговой политики, часть II. ц.
*29. Островский В. В. Кооперация и городское самоуправление (печатается).
*30. Пажитнов, К. А. Дир. Петр .Кооп. Инст.—История кооперативной мысли 2-е изд. 1919 г. ц. 9 руб.
*31. Хейсин, М. Л. Исторический очерк кооперации в России. 1918 г. ц. 8 р. 50 к.
*32. Магазинер, Я. М.—Курс по теории международного права (печатается).

234018/82

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО КООПЕРАТИВНЫХ СОЮЗОВ

„КООПЕРАЦИЯ".

Книжный магазин—Литейный пр., 53 а (Литейный Пассаж).

Правленье — Литейный пр., 49, кв. 8.

Сочиненья проф. І. М. Кулишера.

Лекции по истории экономического быта Западной Европы. (История хозяйственного развитья народов с древн. времен до конца XIX ст.). Изд. 5-ое. 1918. Стр. 512 большого формата. Ц. 9 руб.

Политическая экономия. Популярный курс. Изд. 3-е, дополненное очерком истории экономических учений. Пбг. 1918. Стр. 360. Ц. 6 р. 50 к.

Очерки по истории таможенной политики. Пбг. 1903. (распродано).

Аграрныя пошлины и их влиянье на народное хозяйство. Пбг. 1904 (распродано).

Русское и иностранное законодательство о кооперативных товариществах. 1906. Стр. 346.

Эволюция прибыли с капитала. Т. I. Стр. XXXIII и 668. Пбг. 1906 (распродано). Т. II. Девятнадцатый вѣк (характер прибыли, ученья о прибыли). Стр. XIII и 439. Пбг. 1908. Ц. 2 р. 50 к.

Очерки из истории форм промышленности в Зап. Евр. с XIII до XVIII ст. Пбг. 1907. Стр. 290 (распродано).

Промышленность и рабочий класс на Зап. в XVI—XVIII ст. Пбг. 1911. Стр. 176. Изд. т-ва Брокгауз-Ефрон (распродано).

Коммунальное обложенье в Германии в его историческом развитии. Опыт изученья основных течений в развитии городских финансов. Пбг. 1914. Стр. VIII и 465. Ц. 3 р.

Обложенье в иностранных государствах. Вып. I. (Пруссия, Бавария, Саксония, Вюртемберг). Вып. II. (Баден, Гессен, Франция, Австрия). Пбг. 1911 — 1913.

Германский экспорт и борьба с ним. Пбг. 1915. (распродано).

Спорные вопросы организации торговой статистики. М. 1916.

Будущее нашей торговли. Пбг. 1917. Изд. Росс. Эксп. Палаты.

Основные вопросы международной торговой политики. Часть первая. Пбг. 1918. Стр. XIII и 290. Ц. 15 р.

Цена 20 руб.